

**АБЫЛАЙ ХАН АТЫНДАҒЫ ҚАЗАҚ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАР ЖӘНЕ
ӘЛЕМ ТІЛДЕРІ УНИВЕРСИТЕТІ
КАЗАХСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И МИРОВЫХ
ЯЗЫКОВ ИМЕНИ АБЫЛАЙ ХАНА
KAZAKH ABYLAI KHAN UNIVERSITY OF INTERNATIONAL RELATIONS AND
WORLD LANGUAGES**

**Абылай хан атындағы ҚазХҚжәнеӘТУ
ХАБАРШЫСЫ
ФИЛОЛОГИЯ ҒЫЛЫМДАРЫ СЕРИЯСЫ**

1-2 (28-29) 2013

**СЕРИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
ИЗВЕСТИЯ
КазУМОиМЯ имени Абылай хана**

Алматы, 2013

ISSN 2307-650X

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Кунанбаева С.С.

доктор филологических наук, профессор, академик МАН ВШ

Ответственный редактор

Кульгильдинова Т.А.

доктор педагогических наук, профессор

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Акишина Т.

профессор University of Southern Los Angeles

Рысалды К.Т.

доктор филологических наук, профессор

Бердичевский А.Л.

доктор педаг. наук, Эйзенштадт, Австрия University Science. Eisenstadt

Солдатенкова Т.

профессор Katolieke University Leuen

Исабеков С.И.

доктор филологических наук, профессор

Синячкин В.П.

профессор РУДН Москва

РЕЦЕНЗЕНТЫ

Шевякова Т.В.

доктор филологических наук

Гиздатов Г.Г.

доктор филологических наук

Редактор Акпаева Г.А.

Дизайн и верстка Кынырбеков Б.С.

Казахский университет

международных отношений и мировых

языков имени Абылай хана

факультет перевода и филологии

+7 (727) 233-29-29

РНН 600700016904

www.ablaikhan.kz

Подписано в печать 15.05.2013 г.

Формат 70X90 1/16

Бумага офсетная. Печать RISO.

Объем 23,6 п.л. Усл.-печ. 24,0.

Заказ № 316. Тираж 500 экз.

Издательско-полиграфический центр

Казахского университета международных

отношений и мировых языков

имени Абылай хана

г. Алматы, ул. Муратбаева, 200

© **Научный журнал «Хабаршы-**

Известия» КазУМОиМЯ имени Абылай хана

Акционерное общество «Казахский университет

международных отношений и мировых языков

имени Абылай хана» зарегистрирован в

Международном центре по регистрации

серийных изданий ISSN (ЮНЕСКО, г. Париж,

Франция) и ей присвоен международный номер

ISSN 2307-650X

международный стандарт ИСО 3297-98 «Инфор-

мация и документация, международный стан-

дартный номер серийного издания (ISSN) межго-

сударственный стандарт ГОСТ 7.56-2002 «Меж-

дународная стандартная нумерация серийных

изданий»

Предисловие

Уважаемые авторы статей и читатели!

Наш научный журнал Известия серии Филология посвящается 70-летию юбилею КазУМОиМЯ имени Абылай хана.

Стремясь к совершенству во всех аспектах высшего образования, редколлегия нашего научного журнала реагирует на изменения, которые связаны с реформированием высшего образования. Это требует постоянного внимания к качеству научных работ, выдержки из которых помещаются в нашем сборнике. Более того, отстаивая высокую ценность разнообразия наших интересов в филологической науке, наш журнал будет в полной мере признавать значение различных научных направлений, начиная от обучения и научных исследований до проблем социолингвистики и литературоведения. Редколлегия журнала заявляет о своей полной приверженности целям Европейского пространства высшего образования. Пространство, где высшее образование является общественным, ответственные высшие учебные заведения должны реагировать на широкие потребности общества путем разнообразия их миссий. В этом смысле актуальными являются вопросы осуществления интегрированных связей между дисциплинами, что невозможно без учёта современных мировых тенденций в сфере образования, без изучения и обобщения мирового опыта. Наш университет сейчас переживает достаточно интересный и вместе с тем трудный этап нашего развития: мы ставим новые цели, новые высоты, и они направлены на прогресс, на преодоление преград в описании лингвоструктурной, лингвокультурной, лингвоэкологической позиций межкультурной коммуникации. Поэтому мы приветствуем авторов, тематика статей которых отражает роль и место современной лингвистики как платформы для развития иноязычного образования. В этом научном сборнике публикуются статьи ученых из Австрии, Германии, Украины, КазНУ имени Аль-фараби, КарГУ имени Е.А. Букетова, Кокшетауский государственный университет имени Ш. Уалиханова

Главный редактор журнала
Кунанбаева С.С.

Ректор
Казахского университета
международных отношений
и мировых языков им. Абылай хана

УДК 81.001.2

Кунанбаева С. С.
доктор филологических наук профессор
КазУМОиМЯ им. Абылай хана

ТЕОРИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ КАК РЕАЛИЗАЦИОННАЯ КОНЦЕПТУАЛЬНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ ПЛАТФОРМА СОВРЕМЕННОЙ ПАРАДИГМЫ ИНОЯЗЫЧНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Abstract

The theory of intercultural communication as the realizable conceptual and practical platform of the modern pattern of foreign language education Kunanbayeva S.S.

*The article is an explanation of an essence of the theory of "intercultural communication" with linguistic structural, linguistic cultural, linguistic environmental standpoints as well as 4 types of **intercultural communication** conditions: intercultural borrowing, intercultural coexistence, intercultural activity and **intergenerational communication**. The main thesis of the article is the author's consideration of the theory of intercultural communication as a platform of the modern pattern of foreign language education.*

Keywords: *ethno linguistic cultural consciousness, bilingual communicants, intercultural communication.*

Абстракт

*В статье дается исчерпывающее пояснение сущности теории «межкультурной коммуникации» с лингвоструктурной, лингвокультурной, лингвоэкологической позиций; рассматриваются 4 вида условия ММК: **межкультурного заимствования, межкультурного сосуществования, межкультурной деятельности, межпоколенной коммуникации**. Самым главным тезисом статьи является то, что автор рассматривает теорию межкультурной коммуникации как платформу современной парадигмы иноязычного образования.*

Ключевые слова: *этнолингвокультурное сознание, билингвальные коммуниканты, межкультурное общение*

Проблемы изучения этнокультурной специфики языкового сознания и сопоставительные исследования его национально-культурных особенностей становится одним из главных направлений психолингвистики. В этой области определяются концептуальные положения психолингвистического подхода к изучению межкультурного общения, основой которой избирается предложенные Е.Ф.Тарасовым положения теории межкультурного общения как новой онтологии теории сознания [1].

Согласно этой теории межкультурное общение 1) самостоятельная составляющая теории речевого общения; 2) изучается в единстве с языковым сознанием; 3) коммуникативный акт в межкультурном общении понимается как отображение ментального образования в процессе знаковой активности сотрудничающих личностей (коммуникативно-деятельностный подход); 4) объектом исследования является отражение качественной стороны и знаковых свойств культурных предметов носителями соответствующих национальных культур.

Соответственно, психолингвистические сравнительные исследования языковых сознаний через призму их национально-культурной специфики оформляются в настоящее время в отечественной науке в самостоятельное психолингвистическое направление [2].

Предложенная Ю.Сорокиным гипотеза двух типов сознания – ориенталистской и европейской, которые рассматриваются как две инерциональные системы, а взаимопереходы между ними требуют соответствующих преобразований рефлексивных координат, получила дальнейшее развитие во вводимом И.В. Приваловой понятии **«этнолингвокультурного сознания» как проявления рефлексивной деятельности билингвальных коммуникантов при межкультурном общении**, когда образы языкового сознания родного языка сосуществуют с присвоенными инокультурными образами сознания, постоянно включаясь в сопоставительно-информационную интроспективную рефлексия при восприятии и производстве речевых сообщений при межкультурном общении [3]. Исследователь в сложной пространственной структуре этнолингвокультурного сознания выделяет лингвистическое, когнитивное и культурное пространства, конструируемые операциональными единицами. **Единицами когнитивного пространства** являются ментальные образования, осуществляющие категоризацию действительности (концепты, фрейм-структуры, когнитивные прототипы и т.д.). **Операциональными единицами культурного пространства** определяются культураны, ритуалы, культурные стереотипы, символы, эталоны и др. К **лингвистическим единицам** относят языковые универсалии, языковые маркеры национально-культурного сознания, семантические примитивы и др. Вводя понятие «языковых маркеров национально-культурного сознания» и их взаимосвязанного проявления в продуктах речевой деятельности языковой личности в процесс межкультурного общения, И.В. Привалова выделяет три вида отражения этой связи – лингвоструктурное, лингвокультурное, лингвоэкологическое.

Представленный анализ исторического пути становления «межкультурной коммуникации» свидетельствует о том, что за этот период «межкультурное общение» сложилась как научная отрасль со своей методологической базой с собственным интегративным объектом исследования «язык-сознание-культура», определилось, благодаря ей, и новое психолингвистическое направление межкультурной коммуникации, вносятся варианты концепций психолингвистического подхода к изучению межкультурного общения (М. Коул, У. Ли, Сорокин Ю.С., Тарасов Е.Ф., Привалова Н.В.).

Наряду с психолингвистической интерпретацией сущности теории «межкультурной коммуникации», разрабатываются и другие научно отраслевые платформы как основания для этой новой научной отрасли. Следовательно, возможность дидактического моделирования «межкультурной коммуникации» для целей иноязычного образования, выбор её в качестве объекта формирования, без рационального препарирования его сущностной основы, значительно затруднит процесс организации использования МК в качестве объектно-предметной основы для иноязычного образования.

Излишняя обобщенность и многомерность самого понятия **«межкультурная коммуникация (МК)»**, границы толкования которого колеблются от **1) социально-философского понимания взаимодействия культур** (Г.В. Гуденаф, А. Уоллес – когнитивный подход в лингвистической антологии; К.Гирц – семиотическая антропология; Е.В. Веснер – культурный релятивизм); **2) комплексной интерпретации взаимодействия языка и культуры в выполнении трех основных функций: социальной функции общения, семиотической функции репрезентации предметов, явлений, отношений; когнитивной функции формирования мысли** (Р.А. Будатов, Г.В. Елизарова)[4]. **3) до узואально-поведенческих речевых стереотипов**, не могут не отражаться на определении современных целей в подготовке специалистов, призванных обеспечивать такой уровень международного

взаимодействия. Эти первопричины обусловили выдвижение на передний план необходимости изучения возможных закономерностей формирования «вторичной языковой личности», а, следовательно, вопросов «ресоциализации» личности, степень возможности вторичной социализации личности вне среды обитания и социокультурного фонда.

Работами, связанными с процессом «межкультурной коммуникации (МК)», установлено, что в процессах межкультурного общения необходимо принимать во внимание две группы характеристик:

- **во-первых**, что МК осложняется рядом факторов, которые необходимо учитывать в организации учебных процессов, а, именно: **1) коммуникативные факторы** (ситуация, стиль и жанр языка, форма коммуникации, наличие невербальных средств и форм поведения); **2) психологические факторы** (качество восприятия, реакция, атрибуция, стереотипизация, эмпатия; такие типы психологических реакций на инокультуру как **отвержение, приспособление, аккультурация** – М. Байрам); **3) культурные факторы**, (базовые представления, нормы, ценности, опыт); **во-вторых**, условия, ситуации и виды контактов обуславливают **типы межкультурной коммуникации**, основные модели которых необходимо представлять для целей формирования межкультурно-коммуникативных умений (П.Н. Донец):

1) условия **межкультурного заимствования** (культура заимствует определенные явления из другой культуры);

2) условия **межкультурного сосуществования** (носитель культуры живет в условиях другой культуры);

3) условия **межкультурной деятельности** (сотрудничество носителей обеих культур в условиях совместной трудовой или интеллектуальной деятельности);

4) условия **межпоколенной коммуникации** (носитель культуры взаимодействует и познает культуру через исторические источники и др.).

В последние десятилетия XX в. проблемы обеспечения мирового уровня общения приобретают и в образовании приоритетную значимость. В 70-ые годы, особенно в зарубежной научной традиции, проблемы **межкультурной коммуникации**, преимущественно в социокультурологических отраслях, приобретают особую актуальность. К этому периоду относятся попытки 1) описать и исследовать взаимоотношение культуры, языка (языковая структура как формальный конструкт) и речи как динамического явления (D. Katz, C. Berger, R.W. Brislin) [5] 2) специфику межличностных или межкультурных отношений (C. Berger, H. Gardner, M. Parks) [6]; психологические основы кросс-культурной коммуникации (К.Н. Pribram, Quinn N., Holland D.) [7]. 4) в академическое образование вводятся спецкурсы по межкультурной и кросс-культурной коммуникации.

Наиболее принятым в отечественной науке определением МК считается ее трактовка как «адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам» (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров) [8].

Существуют два подхода в понимании сущности «межкультурной коммуникации»: 1) исследователи, рассматривающие термины «общение» и «коммуникация» как **равнозначные понятия** (А.А. Леонтьев, Б.Ф. Ломов, И.А. Зимняя, С.Г. Тер-Минасова и др.). Равнозначность обуславливается единством их функционального назначения обеспечивать связь при обязательности **общего кода** для участников, при помощи которого осуществляется прямая и обратная связь, т.е. в структуре коммуникации обязательно наличествуют: источник сообщения, само сообщение, прием сообщения, канал передачи и **общая система значений** для кодирования и декодирования сообщений, т.е. общая система речи и коммуникации;

2) исследователи, считающие, что только **в общении**, и особенно, в межкультурном общении, происходит **создание нового общего значения**, а не **передача** значения как при коммуникации (Г.В. Елизарова, Е.И. Пассов, М.С. Каган) [9], а, следовательно, в этом принципиальное отличие «общения» от «коммуникации», так что эти понятия нельзя считать равнозначными.

Соответственно, если ввести, согласно второму предложению, термин **«межкультурное общение (МКО)»**, то оно **определяется как процесс совместной выработки единого для всех участников нового значения всех производимых и воспринимаемых действий и мотивов.**

Преимущества, как полагает Г.В. Елизарова, отделение термина «общение» от «коммуникации» в том, что

- такое общение способно «рождать общности» участников;
- это общность специфична как общность «медиаторов культур»;
- ее характеризует уникальная способность медиаторов воспринимать действительность через двойную или тройную призму нескольких культур одновременно;
- это общение имеет контактный и межличностный характер, но с коммуникантами, принадлежащими к другой культуре;
- и самое главное, благодаря его межкультурной сущности, этот тип общения является **культурно-обусловленным**, так как его принципы, модели и стили различны в различных культурах.

С приведенными доводами во «втором» подходе к определению термина «межкультурное общение», **сложно согласиться** по следующим причинам:

1) Насколько значима и принципиальна разница между терминами «коммуникация» и «общение», если все компоненты обоих понятий совпадают (адресат, адресант, сообщение, канал связи, код, взаимодействие и др.), а, по мнению Г.В. Елизаровой, в «коммуникации» обязательно единство «общего кода» и «общего значения», тогда как в «общении» даже при общности кода, **«система значений»** для носителя языка и иностранца будет значительно различаться.

2) Можно до некоторой степени с данными серьезными доводами согласиться, так как пока сформируется «вторичная языковая личность», описанная ситуация постоянного столкновения различий в культурном компоненте при общении, будет устойчиво сопровождать процесс общения.

3) Но в учебных условиях формирования «межкультурного общения», не отрицая необходимости будущему «субъекту межкультурной коммуникации» не только воспринимать, но и отражать в ходе общения в своей речи культурно-обусловленные понятия и особенности другой культуры, **необходимо принять**, что правомерно сохранить термин «межкультурная коммуникация» потому что, **во-первых**, в учебных условиях необходимо идентифицировать отражение общих значений в разных языках и сформировать **осознанно** и последовательно **новые когнитивно-лингвокультурологические комплексы**, включаемые только по мере усвоения в **общий когнитивный механизм личности.**

Во-вторых, если «новые значения» в ходе обучения еще не сформированы как «единые и общие», то при коммуникации будут идти процессы взаимного приспособления, а потому в иноязычном образовании большую значимость имеют производные от лексемы «коммуникация». Целый ряд утвердившихся в педагогике межкультурно-коммуникативных категорий и понятий методики иноязычного образования является ключевым в современной **межкультурно-коммуникативной теории иноязычного образования**, а именно: **межкультурно-коммуникативная** (концепция, парадигма, компетенция, концепт, подход, принцип, система, субъект межкультурной коммуникации др.).

В третьих, достижение обучающимися уровня «субъекта межкультурной коммуникации» или «медиатора культур», та теоретически-базирующаяся смена **объекта овладения «единое общее значение»** на объект – **единое общее, но новое значение»** постепенно нивелируется в процессе обучения, хотя «вторичную языковую личность» **в искусственных учебных условиях – навряд ли полагаем, возможно** сформировать, хотя некоторые исследователи, считают это конечной целью. Этим они объясняют необходимость введения термина «межкультурное общение», где конечным результатом определяется формирование «вторичной языковой личности». Исследователи такой междисциплинарной области знания, вызвавшей своим появлением на научно-исследовательской арене небывалый всплеск исследований в «стыковых» областях знаний и появления целого ряда новых областей знаний (дискурсивный анализ, коммунистивистика, лингвокультурология, межкультурная прагматика, лингвострановедение и др.), отмечают своего рода стагнацию в качественной результативности и в преобразовательном совершенствовании **межкультурной коммуникации как области знания**, что проявляется даже в его понятийном аппарате. При этом, как отмечает О.А. Леонтович, в исследованиях не предпринимаются попытки обоснованного уточнения определения самого понятия «межкультурная коммуникация», его предметно-содержательной сущности и представления в полном объеме его функционального регистра [10].

И это на фоне бурного развития этой науки и все более расширяющегося поля для этой области уже гуманитарного междисциплинарного **знания**, каким становится «межкультурная коммуникация».

Хотя четких определений «межкультурной коммуникации» как научной теоретико-прикладной области нет, возможно, в силу ее многослойности и зависимости от целого ряда смежных наук, сегодня можно отметить наличие единственной разработки классификации МК, это – стратификационная типология существующих **подходов в изучении коммуникации и культуры (У. Харт) [10]:**

- 1) **традиционный подход** – социальная наука, исследующая МК;
- 2) **интерпретативный подход** – этнографические основы изучения с качественным методом анализа;
- 3) **критический подход** – исследующий в совокупности влияние на развитие МК сопутствующих компонентов (история, роль контекста, хронология становления, отношение коммуникантов);
- 4) **диалектический подход** – рассматривающей под диалектическим углом зрения интегрированное развитие взаимозависимых аспектов знания (диалектика культуры и индивида, диалектика личности и контекста и др.) – W.Gudikunst, Nishida W. Gudikunst, Nishida. Theoretical perspectives for studying intercultural communication. Handbook of international intercultural communication. Newbury Park, Sage, 1989.

Как отмечают исследователи этой области знания, в большинстве попыток представить исчерпывающее понятие и определение «межкультурной коммуникации» результатом этих работ является по-прежнему представление различных вариантов дефиниций, в которых неизменно только одно – определение МК через дискретное соположение «культуры» и «коммуникации» с преимущественной ролью либо той или другой. Но до сих пор нет работ, интегрирующих два компонента МК, обеспечивающих их функционирование и идентификацию как «межкультурную коммуникацию».

Отказавшись от определения МК, данного Г.В. Елизаровой на том основании, что оно не отражает и не способствует достижению целевых инообразовательных задач, а также с учетом современного дефиционного кризиса МК, необходимо остановиться на самом общем определении, интегрирующем все составляющие МК, хотя бы по одному вектору

(принадлежность к разным культурам и языкам) «МК – в этом случае, определяется как процесс общения вербального и невербального между коммуникантами, являющимися носителями разных культур и языков» (или иначе: совокупность специфических процессов взаимодействия людей, принадлежащих к разным культурам и языкам) – Н.И. Халеева.

Мы придерживаемся этого наиболее общепринятого в настоящее время определения «межкультурной коммуникации».

Теория межкультурной коммуникации как реализационная концептуально-практическая платформа современной парадигмы иноязычного образования, базируемая на когнитивно-лингвокультурологической методологии, выступает как методологически адекватная теория, обеспечивающая формирование «субъекта межкультурной коммуникации», способного обеспечивать межкультурную коммуникацию в вариативных профессионально-жизненных ситуациях.

Список использованной литературы

1. Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания. Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996.
2. Сорокин Ю.С. Этническая конфликтология (теоретические и экспериментальные фрагменты). Самара, 1994.
3. Привалова И.В. Разнообразие подходов в развитии теоретических основ межкультурного общения. Вестник МГУ.Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация.-2004.-№3;
4. См. анализ работ по межкультурной коммуникации: П.Н.Донец. Теория межкультурной коммуникации: специфика культурных смыслов и языковых форм. Автореф.дисс.филол.наук. 2004г. Г.В. Елизарова Культура и обучение иностранным языкам. С-П. «КАРО», 2005;
5. D.Katz. The functional approach to the study of attitudes // Public Opinion Quater by – Summer. 1960-Vol.24. №2-p. 164-204. C.Berger. Beyond initial interaction // Giles H. Clair R. St (eds) Language and social psychology. – Oxford England, Blackwell, 1979-261 p. W. Brislin – Cross-cultural encounters. Face-to-face interaction. – New York: Oxford: Pergamon – Press, 1981 – 373 p.
6. C. Berger, R. Gardner, M. Parks, M. Schuman and etc. Interpersonal epistemology and interpersonal communication // Miller, G. (eds). Explorations in interpersonal communication. – Beverly Hills, CA; Sage Publications, 1976.
7. Pribram K. H. Languages of the brain. Experimental paradoxes and principles in neuropsychology. – Englewood Cliffs N.J.: Prentice Hall.1971 – 432 p. Quinn N. Hollad D. Culture and Cognition // Culture models in language and thought. – Cambridge University Press, 1987.
- 8.Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. – М. «Русский язык», 1983. – 320 с.
9. Г.В. Елизарова, Там же. С. 115-120; Е.И. Пассов Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению. – М.: Просвещение, 1991 – с.9; М.С. Каган. Мир общения: Проблемы межсубъективных отношений – М., 1988. – 149.
10. О.А. Леонтович. Теория межкультурной коммуникации в России: состояние и перспективы // Теория коммуникации и прикладная коммуникация. Вестник Российской коммуникативной ассоциации. Вып. №1, 2002.

УДК 12.53.36

Кульгильдинова Т.А.
д.п.н. профессор КазУМОиМЯ им. Абылай хана

ОБУЧЕНИЕ АРГУМЕНТАТИВНОМУ ДИСКУРСУ СТУДЕНТОВ НА УРОКАХ ЯЗЫКА

This article is devoted to the problem of teaching students speaking in a variety of situations in the Russian language classroom. The authors propose of exercises related to the definition of types arguments. According to the proposed by the authors typology it revealed the orienting basis of teaching to monologues, namely the argument that is associated with presenting facts, statistics and skills to make definitions. Combined with traditional methods, the approximate basis of teaching promotes enhanced monologue and empower students to master the language for the specific purpose (LSP).

В статье рассматривается проблема обучения студентов аргументативному дискурсу на занятиях по русскому языку в различных ситуациях. Авторами предлагается типология упражнений, связанная с определением типов аргументов. В соответствии с предложенной авторами типологией раскрывается понятие аргументативного дискурса, в структуру которого связана с преподнесением фактов, статистических данных и умений давать определения (дефиниции). Сочетаясь с традиционными методами, ориентировочная основа действий обучения аргументативному дискурсу содействует активизации и расширению возможностей обучаемых по овладению языком специальности. Необходимым звеном познавательного процесса является вопросно-ответная форма развития знаний. Постановка вопросов и поиск информации всегда выступает направляющим началом аргументативного дискурса, знание элементов которого можно использовать при анализе аргументативных дискурсов разных типов в их реальном существовании. Актуальность этой темы обусловлена практическим интересом образовательной системы к проблемам внедрения дискуссионных методов в учебный процесс.

Ключевые слова: речевая деятельность, ориентировочная основа деятельности, монолог, обучение языку, аргументация, типы упражнений.

Вступление. Аргументативный дискурс характеризуется направленностью на понимание научных основ предмета обсуждения, ориентацией на коммуникацию (не только высказать, но и выслушать, и отреагировать), соблюдением правил и регламента дискуссии, этичностью по отношению к собеседнику. Для аргументативного дискурса характерно употребление множественной аргументации, выражающейся в логичности, последовательности, прогностичности и толерантности. *Достижение учебного результата, решение проблем обучения напрямую связано с параметрами анализа использования аргументов: использование единого набора понятий для каждой идеи; Опора на объективные примеры, исключаются выводы, основанные только на случаях из личного опыта. Чтобы достичь ожидаемых результатов, студентам необходимо знать структуру аргументации, что напрямую связывается с владением педагогическими технологиями.* Структура аргументации, как показывает анализ существующих программ, является их неотъемлемым компонентом, поэтому мы на занятиях по русскому языку руководствуемся этой структурой: употребление единичной, множественной и комплексной аргументации. В таких случаях соответственно обоснование одного тезиса осуществляется с помощью одного и нескольких аргументов. *Методологические, концептуальные положения обучения аргументативному дискурсу направлены на то, чтобы у студентов была сформирована потребность к овладению знаниями, чтобы внутренние резервы находили свой выход не по принуждению, а по желанию [1]. По определению Е.И. Холодкова «ситуацию речевой деятельности можно представить как демонстрацию*

кинофильма, где отдельный кадр киноленты отражает ситуацию речевой действия». В обучении иноязычному общению «необходимо идти от ситуации речевого действия к ситуации речевой деятельности». [см. 2; 3]. Поскольку речь идёт о ситуации общения, коммуникативные задания формируются так, чтобы обеспечить не только действия, но и взаимодействие, то есть нужно моделировать условия общения для каждого участника речевого взаимодействия. Первым признаком, определяющим тему, является ее заголовок, который способствует конкретизации любой ситуации. Ему принадлежит существенная роль в содержательной структуре, то есть он передает в сжатой форме тему или идею текста, речевой ситуации и др.

Коммуникативная ситуация влияет на выбор тематики и может быть однотемной (например, в социально-бытовой сфере и политемной (например – интерьер квартиры, обсуждение цен на квартиры и др.). Предлагаются задания, решение которых зависит от фреймовой установки: Пригласите дизайнера для обсуждения вопроса о приобретении размещении мебели в новую квартиру. Вы празднуете новоселье и показываете свою новую квартиру гостям. Попросите совета у них, нужно ли менять интерьер? Опишите свою новую квартиру в письме своему другу. *Запросите информацию у риэлторов, какие квартиры пользуются спросом.* Вы приобрели участок для постройки дома. Представьте план Вашего будущего дома.

Технологии. В обучении аргументативному дискурсу в методике придерживаются некоторых положений: способы аргументации и поля аргументации. Способы аргументации: обоснование и критика, где исходной единицей является текст-образец, состоит из трех этапов. Верещагина И.Н.[2] к первому этапу обучения аргументативному дискурсу относит максимальное «присвоение» содержательного плана текста, его языкового материала и композиции, то есть всего того, что может быть использовано затем в текстах, которые будут строить сами обучаемые, создавая свои монологи. Ко второму этапу исследователь относит разнообразные пересказы исходного текста. На третий этап обучения монологической речи предлагается изменение ситуативных условий. Таким образом, исходный текст полностью перерабатывается, тексты-монологи, представляющие собой реакцию на новую ситуацию, мотивированы, личностно-окрашены. Поля аргументации предполагают развертывание высказывания от элементарной единицы – предложения к законченному монологу. Работа над понятием и составом аргумента и проблемой их согласования состоит из трех этапов: задания, стимулирующие короткие высказывания, обеспечивающие осознание новой информации, заключающейся в системе понятий, категорий, определений, составляющих межкультурного взаимодействия; конкретизация и уточнение сказанного и этап самостоятельного развернутого высказывания с включением в речь элементов аргументации, оценки, причинно-следственных отношений. Включение в речь элементов *аргументации рассматривается, прежде всего, как речевая деятельность, в качестве основных своих функций которой можно назвать объяснение, подтверждение, резюмирование, исправление, возражение.* Обучение *аргументации* предполагает активную познавательную деятельность учащихся, направленную на овладение речевой деятельностью, которая выступает в качестве объекта усвоения [4](Зимняя И. А., 1991). *Поэтому создание ориентировочной основы деятельности студентов при обучении аргументации основывается на коммуникативной составляющей, где на первый план выступают намерения участвующих в ней сторон, их отношения, возможности понимания друг друга.* На таких занятиях акцентируется связь языка с деятельностью человека, что реализует назревшую необходимость изучать язык и речь с точки зрения их участия в познавательной деятельности человека. *При таком подходе четко прослеживается выделение ценностного аспекта аргументации, где упор делается на ее специфически человеческий характер.* В процессе аргументирования говорящий

реализует себя как языковая личность, демонстрируя свою языковую, коммуникативную и лингвистическую компетенцию, активизирует его коммуникативные отношения с автором, служит благоприятной почвой для языковой игры. *Несомненный интерес с точки зрения задач обучения монологической речи представляет дифференциация типов аргументов, предложенная в работе Г.И.Рузавина [4]. Автор выделяет логические, психологические, эмоциональные и оценочные аргументы.*

Результаты. Практическое значение обучающего аргументативного комплекса упражнений в том, что он позволяет объединить *теорию аргументов по Г.И. Рузавину спроецировать на типологию упражнений, совпадающую по названию с соответствующим типом аргумента [4]. К числу логических аргументов относятся: факты – событие или результат; реальное, а не вымышленное; конкретное и единичное, фиксирующие эмпирическое знание.* Факты могут служить самым надежным аргументом доказательства, если они правильно подобраны и объективно отражают картину бытия. Поэтому мы выделяем логико-фактуальные упражнения, в которых отрабатывается *навык работы с фактическим материалом. Фактуальная информация отрабатывается и по готовому тексту, задания содержат вопросы на уточнение и расширение информации.*

Статистически аргументированное упражнение: для подтверждения ваших тезисов используются статистические данные, в которых излагаются общие вопросы сбора, измерения и анализа массовых статистических (количественных или качественных) сведений. А статистически аргументированное упражнение как *надежный тип рационального аргумента, помогает конкретизировать сообщение, сделать его более точным.* Системообразующим фактором в обучении аргументативному дискурсу является учет степени владения личностью числом типовых уровней и социально-функциональных языковых регистров. Такой подход подразумевает переработку присвоенной информации, формулировку собственных выводов, заключений, оценок и пр.;

Определение как тип аргументированного упражнения направлен на формирование умений отображать существенные признаки, свойств и характеристик предмета речи с целью формирования отличий от других объектов. Студент выполняет логическую операцию, связанную с прояснением используемого термина через значение уже известного, уточнения этого смысла и значения. Задача студента при выполнении упражнений на определение: обобщить информацию, дать представление о предмете как части более широкой категории. Задание формулируется с учетом требований аргументированного упражнения: Сгенерируйте как можно большее число вариантов решения проблемы посредством мозговой атаки. Сформулируйте проблему в виде вопроса. Он должен быть предельно точным, конкретным, начинаться со слова «как», и в нем должны отсутствовать отрицания (частица «не»).

- Проанализируйте действия, предпринятые для решения проблемы.

Студент вовлекается в процесс соразмышления, сопереживания, тем самым формируется личностно ориентированное общение.

Следующий тип упражнения – монолог с использованием логических аргументов (путём указания на выражение предмета мысли по направленности речевого действия), характеризуется как инициативный вид речевой деятельности, поскольку речевой акт направлен на удовлетворение потребностей человека.

Логико-прогнозирующий тип упражнений строится на том, что высказывание рассматривается как продукт и результат речевой деятельности, поэтому на уроках обучения языкам мы обучаем студентов умению прогнозирования некоторого будущего состояния, будущей конструкции на основе имеющихся данных; аналитическим умениям проследивать события в обратном порядке, от ожидаемого исхода к истоку, замыслу. Примеры

упражнений на использование логических аргументов: Из истории человечества известны факты уничтожения библиотек и книг во время войн. Так была уничтожена знаменитая библиотека в древнем городе Александрии, сожжена библиотека в Отраре, сжигались книги неугодных авторов в фашистской Германии. Почему уничтожение книги – преступление против цивилизации и возврат к варварству?

Психологические аргументы по своему назначению делятся на побуждающие и объясняющие. Побуждающий аргумент устремлен в будущее и имеет целью показать адресату выгоду, пользу совершения действия, принятия предлагаемого тезиса. Поэтому побуждающе-аргументационное упражнение требует от студента навыков детализации понятий, т.е. выделять метапонятия за счёт обращения к убеждающим аргументам. Объясняющий аргумент относится к прошлому и объясняет мотивы поступков, указывает, почему было произведено то или иное действие, принято то или иное решение. Приведем образец упражнения на обучение формулировать побуждающие аргументы: Заполните таблицу

Предмет разговора	Вопрос	Ответ
Тема	Какова тема текста?	Тема текста – «Государственная библиотека»
Основная мысль	Сформулируйте основную мысль.	В тексте речь идет (о чем?)...
Уточнение информации	Уточните, пожалуйста, вашу мысль.	По-моему... Мне кажется, что... С одной стороны..., а с другой стороны, Я считаю, что Я имею в виду, что...
Запрос информации	А что вы об этом знаете?	Я знаю, что ...(небольшой рассказ по теме)

К типу упражнений на формирование умений конструировать эмоциональные аргументы относятся:

иллюстративный тип упражнений, то есть аргументы, подкрепляющие тезис, представляют собой систему обучения письменной речи, которая направлена на поэтапное формирование умений писать тексты разных типов речи и жанров. Ответьте своему собеседнику, выступающему в роли шефа, выполнили ли вы... (дана исходная ситуация).

- Обсудите со своим партнером все возможные варианты поставки товаров... (дана ситуация).

- Скажите, что вы хотите обсудить сегодня с вашим деловым партнером (дана исходная мотивация).

- Сообщите своим партнерам, на каких условиях вы поставляете товар (дана исходная мотивация).

1. Образец упражнения на иллюстративный тип аргумента. Заполните трехчастный дневник.

Цитата	Комментарии	Вопросы к учителю

В первой графе дневника запишите те моменты из текста, которые произвели на вас наибольшее впечатление, вызвали какие-то воспоминания, ассоциации с эпизодами из

собственной жизни, озадачили вас, вызвали протест или, наоборот, восторг, удивление, такие цитаты, на которых вы "споткнулись".

Во второй графе вы должны дать комментарий: что заставило записать именно эту цитату. В третьей графе запишите вопросы к учителю. Здесь важно учитывать семантику вопросов. Вопрос не содержит ни утверждения, ни отрицания, выраженная в нем информация должна опираться на определенное исходное, базисное знание, выступающее его предпосылкой. Качество базисного знания существенно влияет на логический статус вопроса, определяя корректность/ некорректность его постановки.

Правильно поставленным, или корректным, считается вопрос, предпосылка которого представляет собою истинное непротиворечивое знание. По познавательной функции вопросы подразделяются на два основных вида: уточняющие, направленные на выявление истинности выраженного в нем суждения, и 2) восполняющие, направленные на выяснение новых свойства исследуемых явлений.

Образно-аргументативный тип упражнений, который принимает форму сравнения или метафоры. Это наиболее распространенный тип упражнений в рекламном бизнесе. На занятиях предлагаем для анализа тексты рекламы духов Must и Pant-here:

«Весь Cartier в одних духах. Магия флакона-драгоценности. Осуществление высшей эмоции: Parfum Must De Cartier. Янтарные цветущие раковины, где сливаются мистерия и реальность. Духи, влюбленные в дорогие ткани и блеск, предназначенные для женщин, которых ночь возвышает.

Эти духи в флаконе, созданном известным ювелиром, — высшее украшение чувств. Cartier. Искусство быть единственной». Классическая теория аргументации анализирует прежде всего рациональные доказательства. Студентам следует знать, что эмоциональные аргументы важны в рекламе, так как они способны по-своему доказать соответствующий тезис с помощью изобразительных аргументов.

- Проанализируйте следующие рассуждения и выясните, являются ли они убедительными? Аргументируйте свой ответ.

1) Скажите, почему вы этих людей называете манкуртами?

- А как называть людей, которые забывают свои корни, пренебрежительно отзываются о своей Родине. Историческая память, уважение к памяти предков — для них пустые слова.

Чтобы рассуждать о правомерности аргумента, надо знать значение слова, избегать неделовых выражений и формулировок, затрудняющих восприятие сказанного. Требования к аргументативному дискурсу студентов: речь должна быть образной, а доводы — наглядными; если приводится негативная информация, обязательно нужно указать источник, из которого взяты сведения и аргументы.

Важно научить студента в обучении *аргументативному дискурсу пользоваться методом сравнения*. Сравнение — это подход, для которого важны не только информированность студента, но и умения решать проблемы, возникающие: в познании и объяснении явлений действительности. Это еще один способ сделать утверждение более «зримым» и весомым. В Казахстане были писатели — отец и сын: Бауржан и Бахытжан Момышулы. Основное наследство, которое досталось Бахытжану от отца, — это перо. Литературные премудрости Бауке объяснял сыну с помощью сравнений, что определяло суть аргумента: «Если ты строишь рассказ, — говорил он Бахытжану, — это стычка с немногочисленным противником. А если повесть, то — уже настоящий бой. На передний план выдвигаются разведчики, потом располагаются огневые точки, а ближе к тылу — тяжелая артиллерия. Роман тоже строится по законам военного искусства, его можно сравнить со сражением. Его нельзя выиграть без тыла, который обеспечивает фронт продовольствием, боеприпасами и медикаментами. А ты, между прочим, до обидного пренебрежительно относишься к своему тылу».

Справедливо отмечает С.С. Кунанбаева, что компетентность выступает как сложный синтез когнитивного, предметно-практического и личностного опыта, ее нельзя сформировать, дав обучающемуся учебное задание или включив его «в деятельность», он должен пройти через последовательность ситуаций, близких к реальности, требующих от него все более компетентных действий, оценок, рефлексии [5].

Значительное расширение спектра связей между различными формами представления информации помогает обучающемуся занять активную позицию в интерпретации текста, в восстановлении его структурной организации и интеграции с собственными интересами. Мы в практической деятельности убедились в том, что учащимся только тогда удастся логически грамотно сформулировать аргумент, когда достигается уровень объективной позиции в собственных рассуждениях.

Выводы

Принимая во внимание все вышеуказанное, можно сделать следующие выводы: занятия по русскому языку, на которых создается ориентировочная основа деятельности *студентов при обучении аргументативному дискурсу*, обеспечивают реализацию прагматической целеустановки на формулирование главного тезиса информационного массива. Аргументация, выбор стратегии и тактики речевого поведения связаны с такими характеристиками, как связь с личностью, связь с мышлением, связь с коммуникативной функцией мышления, мотивированность, целенаправленность, социальная природа и т.д. Обучая студентов *аргументативному дискурсу* как виду речевой деятельности, необходимо обучать языковой системе как средству оформления мысли. Процесс речи как способ формирования и формулирования мысли представляют собой единство закономерно расположенных и находящихся во взаимной связи частей, а мысль характеризует предмет речевой деятельности. Предложенная типология упражнений служит не только эффективным средством погружения в контекст разнокачественной информации, но и средством ее всестороннего анализа. становится эквивалентом пошагового исполнения алгоритмических действий, задействованных в технологии обучения.

Литература

1. Обухова Л.Ф. Социокогнитивный подход к исследованию интеллектуального развития ребенка // Психологическая наука и образование. PSYEDU.ru. 2010. №5.
- 2.Рогова Г.В., Верещагина И.Н., Языкова Н.В. Методика обучения английскому языку. 1-4 классы М., просвещение, 2008. – 224 с.
- 3.И.А.Зимняя. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования.»высшее образование сегодня».-2003.-№5.
4. Рузавин Г. И. Логические основы аргументации. Учебник для вузов. — М.: 2003.
- 5, Кунанбаева С.С. Теория и практика современного иноязычного образования. Алматы, 2010

УДК 81.3

Ә. С. Әлметова
профессор, педагогика ғылымдарының докторы
Абылай хан атындағы Қаз ХҚжәнеӘТУ

ЭТНИКАЛЫҚ ДІЛ ЖӘНЕ ҰЛТТЫҚ ТІЛ

Abstract

Deep thinking and feeling together with behavioral norms are all make up mentality. Ethical mentality is stable. Each ethos's identity includes not only its physical appearance but also it embraces language, culture and mentality. That is why mentality question is discussed a lot not only theoretically; practically it also helps to solve complex issues. Mentality of each nation forms on understanding and interpretation of everyday life experiences and it reflects in its language.

В статье рассматривается вопрос о этнической ментальности и о национальном языке.

Діл сөзіне философиялық сөздікте мынадай айқындама беріліпті: «Менталитет (лат.) - образ мышления, общая духовная настроенность человека, группы» [1]. «Менталитет» сөзі атау септігі түрінде ағылшын философиясында ХҮІІ ғасырдан бастап қолданыла бастады. Сын есім тұлғасындағы «ментальный» сөзі алғаш рет ХІҮ ғасырда орта ғасырдағы схоластика тілінде пайда болғанға ұқсайды.

«Менталитет» сөзі немістің «менталитета» сөзінің орыстанған нұсқасы екен. Шетел тілінен енген сөздерге арналған сөздіктерде «менталитет» сөзі адам миының ойлау деңгейі, әлемді қабылдау тәсілі немесе адамның әлемді интеллектуальды қабылдау деңгейі деп көрсетілген екен [1]. Жалпы алғанда «менталитет» сөзінің тәпсірленуіне келгенде зерттеушілер пікірі бір жерден шығады деуге болады. Олардың пікірі діл де мәдениет сияқты ажыратып айқындама ұсыну өте қиын категориялар қатарына жатады дегенге саяды. Қысқасы, діл ұғымына өзге халық мәдениеті мен тарихындағы түсініксіз, беймәлім кейде, тіпті, ақылға сыйымсыз сияқты болып көрінетін құбылыстар кіреді. Діл адамдардың тереңдеп ойлауынан, мінез-құлық нормаларынан, сезім аясынан туындайтын тәрізді. Діл адамның белгілі бір іс-әрекетінде өзіндік ерекшелігімен көрініп, сол әрекетке адамның іштей дайындалуы арқылы соған бейімделуін көрсетеді. Діл - адам үшін оның мүмкіндігі жететін өзіндік ерекшелігі бар сала. Ол - адамның танымдық өрісі мен мінез-құлқына негізделген автоматты формалар аясы. Ділді белгілі бір топтың бірін-бірі түсінуі деп те қарастырады. Оны адамның елестетулері мен ойларының жиынтығы деп те түсіну бар.

Әр түрлі ұлт өкілдерінің өздеріне тән стереотиптеріне негізделген күлкілі оқиғалар, анекдоттар өте көп. Мысалы, академик М.А. Гаспаров өзінің жазбаларында екі ұлттың өкілінің сұхбаттасуы кезіндегі тілдік қателіктеріне бір-бірінің қалай қарайтындығы туралы былай деп жазыпты: «Сұхбаттасу үстінде қате сөйлесеңіз сіздің сұхбаттас-серіктесіңіз француз болса, ол сізбен әрі қарай сөйлеспейді, ағылшын байқамаған қалып көрсетеді, неміс әрбір сөзіңізді түзетеді, ал итальяндық сіздің қателіктеріңізді бірден және ұнатып қабылдайды» [2].

Діл тарихы - бұл әлеуметтік тарихтың көптүрлілігі. Оған адамның мінез - құлқын талдау, адамның құндылыққа көзқарасы, бірнәрсені бағалауы, тұрмыстағы, адамгершілік нормаларындағы, әдет- ғұрыптағы ерекшеліктер кіреді. Діл тарихында ділдің қамтитын мәселелеріне мыналар кіреді деп көрсетілген: а) ұжымдық психологиялық қалыптасқан түсініктерге қызығу; ә) айтылмаған, сезілмеген жайларға назар аудару; б) ойлаудағы орныққан формаларға назар аударып отыру.

Діл тарихын зерттеушілер өздеріне дейінгі жазылған тарихтан сол дәуір тарихшыларының айта алмай кеткен жайларын немесе айтқысы келмеген жайларын тауып

көрсетуге тырысатын көрінеді. Басқаша айтқанда, айтылған сөзден оның астарындағы мазмұнды іздейді. Бұл – өте күрделі де жауапты міндет. Әлдеқашан өтіп кеткен адамдардың іс әрекетінен олардың ділдік көзқарастарын табу және одан шындық өмірдің бейнесін жасау оңай емес. Тарихшылар өткен ғасырларда адамдар қалдырған ескерткіштер қазіргі кездегі көптеген күмәнді сұрақтарға жауап бере алатынын біледі. Мұндай ескерткіштерде жазылған ескі мәтіндер сол дәуірдегі адамдардың рухани әлемін тануда табылмайтын қайнар көз ролін атқара алады. П.С. Гуревич мынадай қорытынды жасаған көрінеді: «Историк волей-неволей вынужден быть вместе с теми историком ментальностей и картин мира, заложенных в сознании людей, составляющих это общество» [3].

Ділдің ғылыми теориялық аспектісінен басқа да назар аударарлықтай саласы бар. Ол саяси - прагматикалық. Әсіресе қазіргі тәуелсіз Қазақстан жағдайында мұндай сұрақтың тууы өте орынды да. «Біз қандай елміз?», «Қайда бара жатырмыз?», «Қандай қоғам құрып жатырмыз?» деген өзінді өзін танып білуге байланысты сұрақтар өте көп. Сондықтан да болар соңғы кезде «Қазақ», «Қазақ қандай ел?», «Қазақтың әдет ғұрпы», «Ұлттық ойындар» т.б. кітаптардың шығып жатуы. Мұндай сұрақтарға жауапты этникалық ділден іздеудің бой көрсетуі де жайдан-жай болмаса керек. Өкінішке қарай, бұл туралы біздің қазақ қоғамында соңғы онжылдықтарда ғана айтыла бастады және осымен байланысты «діл» деген сөздің өзі де соңғы кездері ғана пайда болды. Көптеген ертеректе шыққан сөздіктерде бұл сөзге түсініктеме де жоқ. Мұның бәрі кездейсоқтық емес. Этникалық діл мәселесі Қазақстанда саяси, әлеуметтік, мәдени, экономикалық міндеттерді шешуде ешқашан есепке алынған да емес. Және ол аталған мәселелерді шешуде күтпеген жерден аяқ астынан және бәріне өзінің қатысты екенін сездіре пайда болатыны қазіргі заманғы ғылыми зерттеулерде айтылып жүр. Адамның ішкі әлемін жүйеге түсіруші күш ретінде және адам факторын біріктіруші күш ретіндегі ділсіз қазіргі басқару ғылымы мен менеджмент те өмір сүре алмайтынын өмір дәлелдеп отыр. Себебі бұл ғылымдардың астарында адам қатынасы жатыр. Қазаққа тән ділді оқып үйрену отанымыздың тарихының мағынасын түсінуге, қазақтың мемлекеттігінің бастау көзін ұғуға, еліміздің отан сүйгіштік және рухани әлемін бажайлауға көмектеседі. Қазіргі кездегі ірі бизнесмендердің елімізге келгенде әуелі қазақ тілін үйренуге тырысуы, сол арқылы қазақ мәдениетімен танысатын себебі олардың қазақ халқының ділін түсінуге ден қоюында болса керек. Себебі ол өз бизнесін Қазақстанда жергілікті халық қазақтармен жүргізеді, солармен тіл табысып жұмысын жүргізбесе, ісі табысты болмайтынын біледі.

Этникалық діл тұрақты. Бірақ оны қоғамдағы кейбір келеңсіз жайлар өзгеріске ұшыратуы да мүмкін. Ондайда сол ділдің түп тамырына, бастапқы шығар көзіне үңілу арқылы өзіндік ерекшелігін айқындап алатын тұстар да кездеседі. Әрбір халықтың өзіндік ерекшелігіне мән беру қоғамдағы тарихи төңкеріс кезінде қатты байқалатынын тарихшылар растайды. Біздің қазіргі өмірімізде де этникалық діл мәселесінің ерекше көтерілуі бұрынғы одақтың тарап, оның құрамындағы елдердің әрқайсысының өз алдына ел болып шығуында жатса керек. Өйткені әрбір этностың өзінше ел ретіндегі бейнесі тек түрінде емес оның тілі мен мәдениетінде, ділінде екені белгілі. Сондықтан болар діл мәселесі теориялық тұрғыдан ғана қозғалып қоймай, практикалық тұрғыдан да үлкен мәселелерге арқау болып жатыр. Мұның дәлелі ретінде әр жерде өтіп жатқан халықаралық деңгейдегі ғылыми практикалық конференцияларды айтуға болады. Сөзімізге дәлел ретінде 1995 жылы Мәскеуде өткен «Этническое и языковое самосознание» атты және Белорусияның Гомель қаласында өткен халықаралық «Менталитет славян и интеграционные процессы» атты халықаралық деңгейдегі конференцияларды атауды жөн көрдік.

Көптеген тіл үйренушілер де, сол этностың өз адамдары да ділді оқып үйренудің қиындығын айтады. Бұл қиындық ділдің адам санасы мен мінез-құлқының терең қатпарларында жатқандығында болса керек. Және олардың көпшілігі ескі, көне мәтіндерде

жиірек ұшырасатындығынан да болуы мүмкін. Ескі мәтіндерді оқып отырған кезде қиындық көбее түседі, өйткені мәтін адам санасының нақ өзі емес. Ал көпке белгілі бір жай мәтін мен сананың арасында әрқашанда бір саңылау болады. Мәтінде қаншалықты сол этностың ділдік элементтері көрініс береді дегенмен, мәтін тірі адам санасындағы көп қатпарлы тереңдікті дәл көрсете алмайды. Мәтін - әрқашанда тазаланған, тәртіпке түсірілген, өзгертілген таным. Сол себептен де тарихшылар тасқа басылған дүниелер адам ділінің көрінісі ғана емес, одан сәл жоғары тұрады дейді [4].

Ділді оқып меңгерудің қиындығы оның ашық еместігінде, ол ойдан шығарылған ұғым сияқты көрінетіндігінде немесе оның абстракциялылығында. Бір таңқаларлығы кез келен халықтың ділін сол халықтың өз өкілдері емес, өзге халық өкілдері зерттеуге құштарлық танытып жатады. Бұған дәлел ретінде 1995 жылы Польшада шыққан «Русский менталитет» деген сөздікті айтуға болады. Олар өз сөздіктерінде: «Орыстар орыс пен кеңес дәуірі кезіндегі бұрынғы СССР- дің құрамындағы өзге халықтарға тән діл түрлерін ажырата алмайтындары байқалады», - деп жазады [5].

Лингвомәдениеттанудың шығу көздерін қарастыра келіп, әлемнің тілдерге бөлінуі әр халықта әртүрлі екенін байқауға болады. Басқаша айтқанда, әр халықтың тілінен сол халықтың мінез-құлқы мен өмір сүру образының әлеуметтік тарихи жай- күйі байқалады. Ұлттық мінез-құлық дегеніміз - белгілі бір ұлттың психологиялық ерекшелігінің жиынтық сипаты. Ұлттық сипат мінез- құлықтан, ақыл есінен, салт-дәстүрінен, ойлау ерекшелігінен, талғамынан көрінеді. Ұлттық сипаттың басты көрсеткіші - адам темпераменті. Әрбір халықта болатын ұлттық сипат түрлерін кез келген адам сол халық туралы оқығаны, көргені бойынша қалыптастырады. Белгілі бір ұлтқа ғана тән дейтін ондай ұлттық сипат түрлерінің біразын былайша көрсетуге болады:

қазақтар	орыстар	ағылшындар
Дархан ,жомарт	Орыс қысы	Шекспир
Кең дала	Орман	Оксфорд
Домбыра	Романс, балет	Кембридж
Күрең шай	Ақ қайың, аю,	Футбол
Казы қарта,жал жая	Арак, икра	Тұман
Қымыз, шұбат	А.Пушкин	Шай ішу
Табақ-табақ ет	Ф.Шаляпин	Әзілқойлық
Абай өлеңдері	Л.Толстой	Ерекше сыпайылық
М.Әуезов шығармалары	Ашықтық	Күлімсіреу
Құрманғазы	Борщ	Бегбен
Күләш	пельмен	Бейкер стрит

Бұған қарап әр халықтың өзіне тән ұлттық сипатын айқындауда қалыптасқан стереотиптер бар екені байқалады. Стереотип дегеніміз - схемаға түскен немесе тұрақтанған образ. Мұндайларға эмоциональдық бояуға қаныққан сонысымен де ел жүрегінен орын алған әлеуметтік нысандар да жатады. Белгілі бір құбылысқа адамның өзіндік көзқарасын білдіреді. Кейде бұл ұғым адамның белгілі бір құбылысқа үйреншікті әдетін де көрсетеді. Стереотиптер адамдардың ұлттық ділінен туындайды. Ұлттық стереотиптердің қайнар көздері болып әр халық өмірінен туындаған анекдоттарды айтуға болады. Олардың біркелкі мазмұнға құрылғанына қарамастан, әр халықтың оған көзқарасы да, жасайтын реакциясы да сол өзінің туған мәдениетіне сәйкес болып келеді. Мысалы, орыс анекдоттарында немістер өте тәртіпті, тазалықты жақсы көреді, кез келген нәрсені дұрыс ұйымдастыра білетін болып келсе, ағылшындар аз сөзді, ұстамды, өзінің жеке басының тыныштығын көбірек ойлайтын,

виски ішуді ұнататын болып әжуаланады. Американдықтар бай, жомарт, өздеріне сенімді, қымбат машиналардың иелері болып келеді. Ал орыстардың өздері күй талғамайтын, ашық жарқын, көңілді, араққа құмар, төбелесқұмар болып бейнеленеді.

Ұлттық мінез-құлықты ажыратудың, білудің түп негізі ұлттық ділде жатады. Ұлттық әлем бейнесі адамның наным сенімі мен ішкі жан дүниесінің, арман ойы мен қиялының тұтас алғандағы жиынтығы және белгілі бір қоғамның мәдени салт-дәстүрінің тұтастығын біріктіреді. Әлемді қабылдау адам санасы қатпарларында қалыптасады. Осыған сәйкес діл табиғи түрде дариды да, сол ұлтқа ортақ әлеуметтік негізді құрамдардан тұрады. Және олар адамның әлем туралы түсінігін кеңейтеді.

Орыс ғалымы Д.С.Лихачев орыстар туралы: «Во всем доходить до крайности, до пределов возможного – несчастье русских. В России не было счастливого настоящего, а только заменяющая его мечта в счастливое будущее. Стремление русских во всем достигнуть последнего имеет и положительную сторону – способность колоссального развития духовной области», - деп жазыпты [6].

Шынында да, біздің қазақ халқының мінезіндегі дарқандық, еркіндік оның жерінің кеңдігі арқылы берілгендей, мейірімділік, ақжарқындық, сабырлылық жерінің байлығынан дарығандай, жерінің тоғыз жолдың торабында тұруы халықтың бауырмашыл, қонақжай, біреуге көмек қолын созуға дайын тұратын елгезек болуына, ашық аспан, кең дала ашықтық пен туралықты, ой еркіндігін сыйлаған ба деген ойға қаласын.

Кез келген халықтың мінез-құлқының, әдет-салтының қалыптасуы мен дамуы олардың өмір сүрген ортасына, жер жағдайына да байланысты. Қазақстан Еуропа мен Азияның ортасында жатқандықтан мінез-құлқында, өмірді танып білуінде, әдеп, иба ерекшеліктерінде осы халықтардың ықпалы жоқ емес. Қалай болған күнде де әр халықтың өмірдің кез келген саласында басқаларға ұқсамайтын өзіндік ерекшелігі бар.

Ұлттық мінез-құлық ерекшеліктері әрбір ұлттың тілінен де байқалады. Тілдегі ділдің көрінісі екі түрлі: біріншісі лексикалық деңгейден байқалады. Ондағы діл тіліміздегі кейбір сөздердің, тірек мағыналар мен ұғымдардың берілуі арқылы көрінсе, екіншісінде грамматика саласынан ондағы тілдік категориялар мен құрылымдардан байқалады. Мысалы, барлық халық бірімен бірі кездескен кезде сәлемдесіп, айырылысар сәтте қоштасады. Бірақ әр халықтың қоштасуы мен амандасуын бейнелейтін сөздері де, одан шығатын мән-мағынасы да әртүрлі. Сол сөздер мен мағыналар арқылы олар өздерін жеке тұлғалар, өзіндік ерекшелігі бар халық ретінде көрсетеді. Мысалы ағылшындар кездесіп амандасқанда «Hi! Hello! How do you do?» - «как поживаете?» - десе, орыстар денсаулық тілеп, құрмет тұта отырып, архаизм формасында: «Здравствуйте!» яғни, «денсаулығыңыз болсын, соның арқасында жасай беріңіз!» деген мағынаны меңзеп амандасады. Қазақтар «амансыз ба? есенсіз бе?, сәлеметсіз бе?» деп денсаушылығын сұрай амандасады. Ал ертеректе «мал-жан аман ба?» деп бүкіл тыныс-тіршілігі малға телулі болғандықтан малды сұраудан бастап амандасу дәстүрі болған. Ер-азаматтар арасында «Ассалаумағалейкум!» деген амандасу түрі бар. Ол «Сізге алланың нұры жаусын!» деген мағынаны беретін көрінеді. Ал жауап ретіндегі «Әлейкумассалам!» «Сізге де алланың нұры жаусын!» деген мағынаны береді екен. Демек, адамдар біріне-бірі алладан нұр жауғанын тілей амандасады екен. Бұл қазақ халқының аллаға деген наным-сеніміне қоса, адамға да одан жақсылық болса екен деген ниетінен туындаса керек. Ал қоштасар сәтте француздар, испандықтар, ағылшындар өз сұхбаттасын құдайға тапсырады. Немістер, орыстар және қазақтар «lebewohl, до свидания, кездескенше, көріскенше!» деп қайта кездесуге деген сенім мен соны тағы қалайтынын ескертіп, аңғартып қоштасады. Жапондықтар тағдырға мойынұсынып, философиялық тұрғыда: «егер құдай осыны жазса, егер осылай болуға тиіс деп ұйғарса»... деген сияқты сөздермен қоштасады. Сондай-ақ қазақ халқында «аман бол!», «сау бол!» деп сұхбаттасының амандығын, саулығын тілейтін де

қоштасу түрі бар. Ал егер қоштасу ұзаққа созылатын болса, не адам өмірден өтерін сезсе, мұндайда қазақтар – «Қош бол!, бақұл бол!, Жасаған қиянатым болса кеше гөр!» десе, өмірден өтіп бара жатқан адам: «Сендер де менің біліп білмей жасаған күнәләрімді кешіріңдер! Қош болыңдар!» деп араздасады. Орыстар «өзін кешіруді өтінеді!, немістер – «Жақсы кетуді тілейді, өзін кешіруді» тілейді, ағылшындар – «farewell, яғни жақсы кетуді» тілейді. Міне, осыдан-ақ адамдардың бір-біріне қарым-қатынасындағы, әлемді, өмірді сезініп-түсінуіндегі айырмашылықты көруге болады.

Бұдан кейінгі қазақ сөйлеу әдебіне тән ерекшелік – оның қарапайымдылығы. Қазақ халқында өзінің жеке басы туралы, немесе істеген ісі туралы «Мен осындаймын, мен осыны жасадым және өте керемет етіп жасадым» деп айту дарақылыққа, ақымақтыққа бағаланады. Ал кейбір халықтар үшін бұлай сөйлеу адамның өзін-өзі дұрыс бағалауы, интеллигентті түрдегі тілдесу әдебі болып есептеледі. Мысалы, орыс жазушысы Сергей Довлатов Америкада мынадай өзін таң қалдырған жағдайға тап болған. Оның шығармасын бір американдық аудармашы қыз аударған көрінеді. Аудармашы шығарманы жазушының қолына беріп тұрып: «Мне кажется, перевод хороший», - десе керек. Мұны естіген жазушы таң қалып, әуелі: «Я думал, что ослышался. Нет, именно так и сказала, «перевод хороший». То есть небрежно похвалила свою работу», - дейді [7]. Артынан сұрап білсе, мұндай жағдай Америкада қалыпты, әдеттегі, айтылуға тиіс дүние екен. Олар қарапайым сөйлеуді әдептілік белгісі деп санамайды. Керек десеңіз, олардың жұмысқа алу үшін толтыратын сауалнамаларында: «Сіз өзіңіздің кәсіби шеберлігіңізді қалай бағалайсыз?» деген бөлім бар көрінеді. Мұндай дүние қазақ халқы үшін жат. Бұлай сөйлеудің әдепсіздік көрінісі екендігін растайтын халық ауыз әдебиетінде ондаған мақал-мәтелдер, шешендік сөз үлгілері, аңыз әңгімелер бар. Мысалы: «Өзін-өзі мақтаған өліммен тең», «Өзім білем деген өрге баспас», «Білімсіздің білгені: «өзім толық білем дер», «өз ақылыммен жүрем дер», «Жақсымын деп мақтанба халық айтпай, батырмын деп мақтанба, барып қайтпай» дейді [8].

Грамматика категорияларға бөлінеді. Еуропа тілдеріндегі (ағылшын, неміс, француз) артикль категориясы осы тілдерде сөйлейтін ұлт өкілдерінің жеке затқа немесе жеке тұлғаға деген ерекше қызығушылығынан, оған айрықша мән беріп, көңіл бөлуінен болса керек. Шынында да, ағылшын тілінде сөйлейтіндер (бұлармен бірге басқа да артикль категориясы бар тілдер) әлемді «көп ішінен біреу» немесе «соның дәл өзі», «мен білетін адам туралы», «біз кім туралы сөйлесіп едік, соның дәл өзі» деген өлшемдермен нақтылайды. Осылайша артикль категориясы жеке адамның батыс идеологиясы мен мәдениетіндегі өсіп жетілуі мен жеке қажеттіліктерін қанағаттандыруға бағытталған орнын анықтайды, сызып көрсетеді деуге болады. Бір ғана мысал келтіріп көрейік: ағылшын тілінде «мен» есімдігі барлық уақытта, барлық жерде бас әріппен жазылады. Ал қазақ тілінде «мен» есімдігі сөйлемнің басында келмесе, басқа орындарда кіші әріппен жазылады. Аталған есімдікті бас әріппен жазу қазақ халқы үшін дөрекілікті, ыңғайсыздықты білдіріп, қазақ халқының діліне де, мінез-құлқына да жат көрінер еді. Қазақ тілінде «Сіз» есімдігі барлық орындарда жекеше түрде, тек бір ғана адамға арналып, бас әріппен жазылады. Сөйтіп, осы арқылы басқа адамға, өзіне емес, басқа, өзі ерекше сыйлап құрметтейтін, өзі жақсы көретін адамға қарым-қатынасындағы құрмет пен әдеп көрсетіледі. «Сен» емес, «Сіз» және бас әріппен – бұл деген екі есе сый-құрметтің белгісі деп ұғынылады. Сөйлеу әдебі ұлттық ерекшеліктермен айқындалады. Әрбір халық өзінің сөйлеу әдебінің жүйесін қалыптастырған. Мысалы, қазақ халқында екінші жақтың жекеше түріндегі анайы «сен» мен сыпайы «сіз» есімдігінің қарым-қатынас жасауда өз ерекшелігі бар. Осы екі есімдіктің сұхбаттасу барысында қайсысын таңдау - серіктестердің әлеуметтік жағдайына, қарым-қатынастың түріне (ресми, ресми емес), сұхбаттасушылардың туыстық қатынасына, таныстықтарының деңгейіне т.б. әртүрлі себептерге байланысты. Қазақ халқының әдеп ережелері бойынша «сіз» есімдігі мынадай

жағдайларда пайдаланылады. 1) бейтаныс адаммен тілдескенде; 2) ресми жағдайлардағы тілдесулерде; 3) сұхбаттасы сыпайы сөйлесуді қажет ететін адам болғанда; 4) жасы үлкен немесе қызмет баспалдағы бойынша жоғары адаммен сөйлескенде. Ал «сен» есімдігі: 1) өте жақсы достық, жолдастық қатынастағы кісімен сөйлескенде; 2) қарым-қатынастың ресми емес түрінде; 3) өзіне жақын, туыс, дос адаммен сөйлескенде; 4) жасы кіші немесе жасы да, қызметі де төмен адаммен сұхбаттасқанда. Ал ресми жағдайда егер әңгімеге бірнеше адам қатысатын болса, ішінде бұрыннан жақсы таныс «сен» деп сөйлесіп жүрген кісі тұрса да, «сіз» деп сөйлеу әдебі бар. Бұл сөздің көпке ортақ болғандығынан, таныс адамды жеке бөліп тілдеспейтін болғандықтан немесе сөздің ресмилігінен туындайтын әдеп болса керек. Кейде ресми сұхбаттасу кезінде кейбір қызмет баспалдағы бойынша жоғары тұрғандардың өзінен қызметі төмендерге «сен» деп сөйлейтіндері де кездеседі. Бұл арқылы ол өзінің тыңдаушысын тым өзімсінетінін немесе оған еркінситінін, оның еркін билеп-төстейтінін, я оны қамқорлығына алып жүргенін сездіруі мүмкін. Ал бұл тыңдаушы жақты ыңғайсыз жағдайға қалдырып, оның намысына тиюмен бірдей болуы да ықтимал. Бұдан шығатын қорытынды, сұхбаттасушы жақтардың тілдесу барысында сөйлеу әдебін дұрыс таңдай, іріктей білуі серіктестер арасында өзара жайлы, ыңғайлы ахуал туғызып, қандай қарым-қатынастың (ресми, күнделікті) болмасын нәтижелі болуын қамтамасыз етеді.

Қазақ синтаксисінде қай жақтан айтылып тұрғаны белгісіз мүшелер кездеседі. Бұл – қазақ халқының бәрін билеуші бір күш бар деп сенетін, адам логикасынан тыс оған бағынбайтын бір күш бар деп білетін нанымның, өзіне белгісіз беймәлім дүние алдындағы қорқынышының белгісі, оның қазақ грамматикасындағы көрінісі. Әдетте жағы белгісіз айтылыстардың тілде өте бай және әртүрлі құрылымдар түрінде жиі ұшырасуы орыс тілінде де (светает, мне хорошо, штормило) кездеседі. Бұл әлемді адамға бағынбайтын оқиғалар жиынтығы деп қарауды ұсынудан туған. Осы арқылы аталған тілдер белгісіз күш иесінің рөлін бірінші орынға шығарып, бұл жердегі адамның белсенді рөлін жасырып қалады. Бұдан шығатын қорытынды, қазақ тілінің мұндай синтаксистік құрылымға бейімділігі ұлттық діліміздегі ұжымдық мәдениеттің көрінісі болса керек. Өзін белсенді әрекет етуші етіп көрсетуге деген ықыласының солғындығынан болса керек. Бұл адам бойынан болып жатқан іс-әрекеттегі оның жауапкершілігін алып тастайды. Мұндай ерекшелік орыс тілінде де байқалады. Бұл территория жағынан қазақ жеріне жақын болғандықтан және көп жылғы аралас-құралас өмірдің әсерінен орыс халқында да ұжымдық мәдениеттің іздері байқалатынын аңғартады. Сондықтан болар орыс мәдениетінде ұжымдық мәдениеттің де, жеке мәдениеттің де үлгілері бар сияқты. Аталған жайлардың бәрінде қазақ, орыс тілдерінде қай жақтан екені белгісіз форма сақталса, ал ағылшын тілінде үнемі бірінші жақтан айтылады:

Темекі тартар ма еді, покурить бы – I feel like smoking; Ас ішсе болар еді, ест охота – I think; Суытты, холодает – I am hungry; ұйқы жоқ, не спится – I don't feel like sleeping; Батыс және қазақ, орыс ғалымдарының ғылыми стильдеріндегі бірден көзге түсетін басты айырмашылық батыстағылар жіктеу есімдіктерін өте белсенді түрде қолданады, басқаша айтқанда, «бірінші жақтан» жазады, ашық түрде өз пікірін айтады, өзінің жеке өмірлерінен мысалдар келтіріп сөйлейді, ал қазақ, орыс ғалымдары өз еңбектерінде ырықсыз етісті көбірек қолданады, өз атынан жазып отырса да «біз» есімдігін жиі пайдаланады, қатал, жан-жағы жоңылған, басқа стильдерден ада ғылыми стильді пайдаланады. Қазақ тілінде (күн жылынды, шөп орылды, сөз сөйленді, ас ішіліп-желінді т.б.) деп ырықсыз етіс формасын қолдану, сондай-ақ, «мен» орнына «біз» есімдігін қолдану жиі ұшырасады.

Ұлттық діл айрықша ойлау жүйесін ұсына отырып, ұжымдық сананың тереңдігімен сипатталады. Әлемнің ұлттық-тілдік бейнесінде әрбір ұлттың өз ұғым-түсінігі, тірек ететін сүйеніш – тұжырымдамалары, үлгілері, сол ұлтқа тән басқа да қасиеттері оның ұлттық ділі арқылы жүзеге асады. Шындығында әр халық өзінше ауырады, өледі, туады, некеге тұрады;

өзінше емделеді, еңбек етеді, дем алады, шаруасына иелік етеді; өзінше қайғырады, мұңаяды, жылайды, өкінеді; өзінше сөйлейді, шешендік өнерін көрсетеді... т.б. Қазақ халқының келін келгенде, жаңа үйге кіргенде т.б. жаңалыққа қол жеткізгенде шашу шашатыны, содан соң дәл осы жағдайға байланысты көрімдік сұрайтыны, шүйінші сұрайтыны т.б. мінез-қалпы - тек қазақ халқына ғана тән ұлттық ерекшеліктер. Бұл туралы И.А. Ильин: «Чтобы духовно брататься – надо не стыдиться своего национального бытия, а нести его с горделивым духовным достоинством», - дейді [9]. Тарихи жағдайлардың салдарынан ұлттық үлгілер мен басымдылықтар өзгеруі де ықтимал, бәрібір олар өзінің дәстүрлік қалпы мен тілдегі маңызын сақтайды.

Әрбір халық әлемге өзінің көзімен қарайды, ол сонысымен де басқалардан ерекшеленеді. Сондықтан да басқа дін, басқа діл, басқа салт-дәстүр, басқа мәдениет т.б. пайда болып, өмір сүреді. Мұнымен бірге өзінің ұлттық мәдениеті арқылы адам басқа ұлттық мәдениетке шығармашылықпен қарауға үйренеді. Өзге ұлт мәдениетіндегі көптеген нанымдар оның өмірлік тәжірибесін байытады, өзге тілді үйренуші филологтың жалпы білім деңгейін кеңейтіп және өзара түсіністік пен сыйластық шеңберіндегі барлық ұлтқа тең қарауға деген мейірімділік сезімін қалыптастырады. Қорыта келе, кез келген халықтың ділі сол халықтың өмірден көрген білгенін өзінше пайымдауы, өзінше түйіндеуі нәтижесінде қалыптасады. Діл - әрбір ұлттың өзіндік ерекшелігімен астасып жататын мағыналар мен ойлардың көптүрлілігінің жиынтығы.

Пайдаланған әдебиеттер

1. Словарь иностранных слов. Ростов н/Д, 2001.
 2. Гаспаров М.А. Новое литературное обозрение. 1997.
 3. Гуревич П.С. Культурология. Учебное пособие. Москва: Знание, 1996.
 4. Гурьевич А.Я. От истории ментальностей к историческому синтезу // Споры о главном: Сб.ст.М., 1993.
 5. Воркачев С.Г. Безразличие как этносемантическая характеристика личности: опыт сопоставительной паремиологии // ВЯ. 1997.
 6. Лихачев Д.С. Заметки о русском // Новый мир. 1980.
 7. Маркина Н.А., Прохоров Ю.Е. Мы похожи, но мы разные...(учебное пособие по русской культуре и русскому менталитету).- Москва: Русский язык, 2004.
 8. Қазақтың мақал-мәтелі.- Алматы: Жазушы, 1980.
 9. Ильин И.А. Путь к очевидности.- Москва: Республика, 1993.
- УДК 81.513

Ахметжанова З.К.
профессор, доктор филологических наук
Университет им.Сулеймана Демиреля

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА: НАЦИОНАЛЬНАЯ КОНЦЕПТОЛОГИЯ

Abstract

The man is a part of a society, so many qualities of a person are to serve for the good of the person, and for the good of society as well. The society places certain demands on the individual. Whereby Kazakh people in the linguistic culture are rarely referred to be neutral, more often they are evaluated by the degree of consistency or inconsistency cosial requirements. As a result, most of phraseological units and proverbs based on the concept “Adam” have either positive or negative assessment, that is, the concept “Adam” interfaced with the concepts “good – evil”.

Современная действительность, интенсифицировавшая процессы интеграции и сопутствовавшие им процессы глобализации, поставила нас перед дилеммой либо поглощения маломощных и малочисленных этносов более развитыми в экономическом отношении, политически сильными многочисленными суперэтнотами, либо экономической интеграции с другими этносами при сохранении своей национальной самобытности.

Положение осложняется особым соотношением этноса и государства. Существующие в современном мире государства, за небольшим исключением, полиэтничны. Полиэтничность государств, различия между этносами в их положении и статусе в рамках государственного образования и в мировом сообществе, неодинаковость потенциальных возможностей их участия в развитии человечества - все это является причиной возникновения многих проблем, сложных конфликтных ситуаций, трагедий как в жизни этнических сообществ и самих государств, так и в индивидуальной жизни миллионов людей.

В нашем исследовании мы, вслед за М.Б. Ешичем, используем следующее определение этноса: «Этнос – это компактная либо дисперсная, исторически сложившаяся и меняющаяся группа (множество) людей, живущих в определенных (также исторически меняющихся) сообществах, группа людей, обладающих сознанием своей исторически существующей общности, хранящих и использующих в своей актуальной жизнедеятельности определенный, общий для них естественный язык, те или иные комплексы культуры, а также традиции поведения и образа жизни, сформированные в их сообществах в прошлом»^[1]. Исследователь подчеркивает, что понятие «этнос» - это не некий произвольный конструкт человеческого ума. Это понятие представляет собой определенный набор существенной информации о совокупности реалий, относящихся к жизни конкретных сообществ людей. Эти реалии доступны эмпирическому наблюдению. Среди реалий, определяющих сущность понятия «этнос», для нас особо важными представляются **язык этноса** – общий для членов этноса (в том числе литературные диалекты, говоры); **система этнической культуры** в первобытных моноэтнических коллективах и **этнические культурные комплексы**, обслуживающие любой конкретный этнос в те исторические периоды, когда этнос включен в полиэтнические сообщества; **традиции поведения и образа жизни**, сформированные в рамках данного этноса и передаваемых из поколения в поколение (с 14 – 22)^[2].

Следующим базовым понятием исследования является **концепт**, который понимается нами как базовая единица культуры. Ю.С. Степанов определяет концепт как сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, «не творец культурных ценностей» - сам входит в культуру^[3]. В основе концепта лежит понятие, но понятие особой значимости, вне которого немисливо существование этноса, в концептах отражены ценностные доминанты, которые в совокупности формируют определенный тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке. В казахской лингвокультуре особое место занимают концепты *адам, ел, жүрек, ағайын, намыс, қанағат, көңіл, ұрпақ* и др. Так, для русской лингвокультуры значимы концепты: *воля, душа, любовь, жизнь, покой, путь* и др. Единого понимания концепта не существует, однако, суммируя мнения исследователей, можно выделить следующие признаки концепта:

- комплексность бытования (концепт формируется и существует на стыке языка, сознания и культуры);
- ментальная природа (концепт – единица сознания, в котором осуществляется взаимодействие языка и культуры);
- неотъемлемый компонент концепта – ценностность, т.е. значимость;
- условность, размытость (нет четких очертаний);
- изменчивость, связанная с изменением актуальности в ходе жизни языкового коллектива;

- трехкомпонентность: выделяются ценностный, образно-ассоциативный и понятийный компоненты;

- полиапеллируемость: существует много способов апелляции к лингвокультурному концепту.

Упорядоченную совокупность взаимосвязанных концептов этноса, являющуюся информационной базой мышления, мы вслед за Д.С. Лихачевым, называем концептосферой. Мы исходим из того, что основные черты менталитета народа отражаются в концептосфере, следовательно, исследование ряда концептов казахской лингвокультуры даст возможность выявить специфику казахского менталитета.

Традиционно в качестве признаков нации указывают на язык, территорию, государственность – исследователи в настоящее время важнейшей чертой считают менталитет, сложившийся в ходе становления нации и отражающий уровень её духовного, нравственного и интеллектуального состояния: характер конкретной нации (как и характер конкретного человека) во многом определяет как его далекое, так и его близкое будущее, его путь и темпы развития. Кроме того, зная характер нации, всегда можно достоверно предположить и предопределить её действия в тех или иных (экономических, политических, социальных и иных) ситуациях и обстоятельствах. Мы полностью согласны с утверждением исследователей, что именно менталитет (мировосприятие и умонастроение) является главным условием успеха государства. Подчеркнём, не численность населения, не ресурсы страны, а именно менталитет определяет место страны в мировом рейтинге. А для этого сначала надо выяснить, каков менталитет населения Казахстана и прежде всего – менталитет государствообразующей нации. В связи с этим в лаборатории «Язык. Культура. Коммуникация» университета имени Сулеймана Демиреля в настоящее время реализуется научно – исследовательский проект «Ұлттық лингвоконцептология» («Национальная лингвоконцептология»), где на базе большого корпуса языкового материала (словарный материал, фольклорные тексты, материал ассоциативных экспериментов, материал опроса элитарных языковых личностей, информантов разных социально-демографических групп) проводится детальный анализ 40 – а концептов казахского языка и культуры. Среди них представлены общечеловеческие концепты (универсальные), концепты, характерные для группы родственных языков и культур, и эндемические, т.е. национально – самобытные концепты. Анализируются типы связей между концептами. Всё это предстаёт как основа национального менталитета.

Менталитет, мировоззрение и миропонимание этноса во многом определяются тем, какой из основных вопросов существенен для него: **Что? Кто? Почему? Зачем? Как?** В этом аспекте основными вопросами для казахов являются: **Кто?, Кто ты?, Каковы твои отношения, связи с обществом, миром?, Каково твое место в обществе?**. Основная часть языковых единиц казахского языка (а именно в языке аккумулируются и находят свое выражение ценности этноса) антропоцентрична. Так, из трёхтомного этнолингвистического словаря «Қазақтар ана тілі әлемінде», первый том целиком посвящен человеку «Адам».

Проведенное нами исследование 20-ти концептов из 40-а (**адам, жүрек, туыстық, ағайын, намыс, ақыл, қанағат, толеранттық, дастархан, қонақжайлық, домбыра, тіл, сөз, көңіл, ұрпақ, бесік, бала, ұл, қыз, қайрат**) даёт возможность указать на несколько моментов, специфически характеризующих казахскую национальную концептосферу.

Казахская концептосфера акцентирует внимание на Человеке и на социальных связях человека, т.е. она **антропоцентрична и социализирована**, поэтому мы можем сказать, что доминантными для казаха являются вопросы: **Кто ты?, Каково твое место в этом обществе, в этом мире?, Как ты связан с другими людьми, с обществом?**

Казахская лингвокультура, в которой *адам* выступает гиперконцептом, в понятийной части концепта акцентирует внимание на факторах, которые формируют человека: воспитание, труд и знания. При этом в рамках народной педагогики воспитание осуществляется, с одной стороны, в рамках семьи, где, начиная с определённого возраста, идёт своего рода раздельное воспитание, так, отец занимается в основном воспитанием сыновей, а мать – воспитанием дочерей (*әке көрген оқ жанар, ана көрген тон пішер*), с другой стороны, обязательно общинное воспитание, когда весь социум – родственники, соседи, земляки – принимает участие в воспитании (*қызға қырық үйден тыйым, ұлға отыз үйден тыйым*), становится соучастником всех этапов социализации человека (см. обряды инициации, начиная с младенческого возраста до самой смерти). Результатом подобного воспитания является формирование двойной ответственности: ответственность социума за человека, члена этого сообщества, и ответственность человека перед своим социумом. А самое главное у человека формируется осознание того, что он в этом мире является представителем некоторого сообщества, перед которым у него есть обязанности.

Человек – часть социума, поэтому многие качества человека должны служить во благо не только самого человека, но и во благо всего социума. Социум предъявляет определенные требования к человеку, в силу чего человек в казахской лингвокультуре редко именуется нейтрально, чаще всего он оценивается по степени соответствия/несоответствия нормативным требованиям социума. В результате в большинстве фразеологизмов и поговорок, основанных на концепте *адам*, присутствует либо положительная, либо отрицательная оценка, т.е. концепт *адам* сопрягается с концептами *жамандық* - *жақсылық*.

В казахской лингвокультуре широко распространено понятие **толық адам**, т.е. полноценный человек, началом которому послужили религиозные каноны, а далее это понятие было поддержано и развито многими просветителями, философами казахской степи. (Абай, Мағжан) Понятие полноценного человека включает три компонента: *ақыл* (рациональное) + *жүрек* (эмоциональное) + *қайрат* (отвага, внутренняя сила, помогающая человеку преодолевать трудности). Человек, в котором есть гармония разумно-рационального и эмоционально-чувственного, подкрепленная отвагой, внутренней силой, - таков этнико-культурный идеал человека в казахской лингвокультуре. Триединство указанных компонентов является обязательным условием полноценного человека. Этот идеал полноценного человека актуален и в настоящее время. Так, в газете «Қазақ әдебиеті» за 08.02.2013г. статья, посвященная Рымбале Омарбековой, так и называется «Ақыл, қайрат, жүректі бірдей ұстап...».

В казахской лингвокультуре укоренено представление о том, что человеком руководствует *ақыл* (ум, способность мыслить), причем актуализируется следующее:

- ум контролирует чувства, это позволяет человеку избежать искушений. Здесь уместна цитата из стихотворения Шал - ақына: «Иман - қой, ақыл - қойшы, нәпсі - бөрі. Бөріге қой алдырмас ердің ері. Таяқты қатты ұстап қойшы тұрса, Жоламас ешбір бәле, шайтан пері».

- ум в сочетании со знаниями являются основой успеха;

- человек, обладающий умом, имеет право давать советы другим людям, учить их принимать правильные решения, правильно воспринимать, адекватно реагировать. См. фразеологизмы : *ақыл айту*, *ақыл беру*.

Соотношение понятийной, образной и ценностной составляющих в разных концептах различно концепты характеризуются разной степенью оформленности – различности понятийной составляющей, узостью – широтой образно – ассоциативной составляющей и т.д. В этом аспекте концепт *адам* характеризуется высокой степенью оформленности понятийной составляющей, узостью образно-ассоциативной составляющей.

Концепт *жүрек* характеризуется широтой образно-ассоциативной составляющей. Концепт *жүрек* и *қайрат*, их значимость в составе гиперконцепта *адам* в связке с концептом *ақыл* определяется тем, что познание человеком объективной реальности возможно лишь на основе рационально-разумного и эмоционально-чувственного анализа, решение же о тех или иных действиях, проистекающих из результата указанного анализа, человеку помогает принять *қайрат*, т.е. внутренняя отвага, решимость и готовность к преодолению трудностей.

Итак, *адам* является суперконцептом, непосредственно связанным со всеми концептами казахской концептосферы, обладает высокой номинативной плотностью и параметричностью. Параметричность концепта *адам* в определенной степени связана со второй особенностью казахской концептосферы: социализованностью, когда внимание акцентируется на социальных связях человека.

Одним из наиболее ярких проявлений специфики менталитета казахов выступают концепты *туыстық* и *ағайын*, в которых сконцентрированы философские, экономические, поведенческие, ритуальные мотивы и нормы человеческого общения в сфере родственных отношений. В системе родственных связей каждый человек занимает конкретное место с подобающими правами и обязательствами, в целом эта система помогает человеку выжить, придает чувство защищенности. Благодаря четко определенным и отлаженным связям в сфере родственных отношений человек до конца жизни чувствует себя востребованным, нужным, поддерживая полноценное межличностное общение с близкими людьми разных поколений, поэтому сохраняется интерес к жизни, психическое и физическое здоровье. Механизм родственных связей обеспечивает казахам этнобиологическую и этнокультурную целостность. Социальный характер концептосферы казахской лингвокультуры проявляется и в том, что существовал и до настоящего времени функционирует четко отработанный этикет поведения, особенно это касается норм поведения в сфере родственных отношений, норм взаимодействия между старшими и младшими родственниками, между дальними и близкими родственниками, между мужем и женой, между родителями и детьми, между представителями разных поколений.

Третья особенность казахской концептосферы состоит в особой значимости концептов *бесік*, *ұрпақ*, *бала*, *ұл*, *қыз*, объединенных в большой блок *ұрпақ*. И в традиционной, и в современной культуре казахов смысл жизни напрямую связан с потомством, которое казахами воспринимается как остающийся после них след в жизни. Понятийная, образно-ассоциативные составляющие этих концептов достаточно конкретны. Особо примечательным является активное использование концептонимов во всех жанрах художественных текстов, в пословицах, фразеологизмах, в обрядах, выступающих мегазнаками данных концептов. Из всех составляющих наибольшей широтой и глубиной выделяется понятийная составляющая, в которой особое внимание уделено проблеме воспитания *ұрпақ*.

Важную асть языковой картины мира составляют так называемые ядерные концепты, обозначающие высшие ценности этноса, либо ориентиры, определяющие поведение людей – концепты *намыс*, *қанағат*. Эту четвертую особенность казахской концептосферы можно обозначить как **регулируемость жизни человека этическими концептами**, типа *намыс*, *қанағат*. Интерес представляет то, что эти концепты являются «переживаемыми», т.е. в сознании человека они формируются по мере накопления жизненного опыта и багажа знаний. Например, концепт *қанағат* в своей понятийной части формируется примерно к середине жизни человека, когда человек способен удовлетворить элементарные жизненные потребности и у него возникает желание и возможность остановиться и задуматься над духовными потребностями. *Намыс*, *қанағат* являются регулятивными концептами.

Пятую особенность казахской концептосферы можно определить как **открытость для контактов**, определенную **толерантность** по отношению к незнакомым, чужим,

представителям иной веры, иного этноса. Эта особенность лежит в основе понятийной составляющей таких концептов, как *қонақжайлық*, *дастархан*, *свой/чужой*, *ағайын*. Концепты *қонақжайлық*, *дастархан* занимают более низкую ступень в национальной концептосфере в сравнении с *адам*, *намыс* и *қанағат*, однако они отражают отношение казахов к внешнему миру, но понятийная составляющая переросла этот образ и поднялась до уровня национального символа. Концепты *қонақжайлық*, *дастархан* интересны тем, что сохранили свою понятийную часть неизменной.

Шестую особенность казахской национальной концептосферы мы хотели бы сформулировать как гармонию рационально-разумного и эмоционально-чувственного начал. Эта особенность выявилась в ходе анализа концептов, характеризующихся эмоциональным ореолом: *жүрек*, *домбыра*, *тіл/сөз*, *көңіл*. Казахи издавна ценили не только ум, но и эмоциональность, нежную душу, красоту. Так, домбра выполняла особую функцию – формирование эмоциональной стороны жизни, функцию воспитания человека в эмоциональном плане, причем кюи, будучи эмоциональными отдушинами, демонстрировали человеку пример того, как должна переживаться та или иная эмоция. И если до сего времени казахи сохранили паритет, гармонию рационального и эмоционального, что бросается в глаза иностранцам, то в этом немалая заслуга домбры, кюев, народной музыки и поэзии.

В этой связи следует отметить концепт *көңіл*, отличающийся от *жүрек*, *домбыра* сложностью, многоаспектностью понятийной части: это и рационально-интеллектуальное, это и эмоционально-чувственное, это и решимость выполнять то или иное конкретное действие, это и предрасположенность, эмоциональный настрой, отношение к кому/чему – либо и т.д. На русский язык казахское *көңіл* примерно передается в зависимости от контекста как *внутренний мир человека*, как *настроение*, как *душа*. Однако от этих не вполне адекватных русских эквивалентов казахское *көңіл* заметно отличается направленностью на внешний мир, на коммуниканта. Точнее говоря, во многих случаях *көңіл* выступает как существенный параметр коммуникации, а именно: в менталитете казахов при общении максимально учитывается *көңіл* другого человека: *көңілінен шығу*, *көңілін қалдырмау*. Даже в тех случаях, когда один коммуникант не согласен с мнением другого, либо должен отказаться от его предложения, это выражается эвфемистично, в мягкой падающей форме: *мүмкін, солай шығар*; *ойланатын нәрсе екен*; *бұл жағын еске алу керек сияқты* и т.д. Отношения между говорящим и слушающим имеют особую ценность для тюркского мировоззрения.

Итак, проведенное в рамках лаборатории исследование концептосферы казахской лингвокультуры позволяет сделать следующие выводы:

1. выделены особенности концептосферы, на основе которых можно определить специфику казахского менталитета: **антропоцентричность; социализованность; отчетливая центрированность макроконцепта ұрпақ; регулируемость жизни индивида этическими концептами; открытость для контакта; гармония рационально-разумного и эмоционально-чувственного начал; особая значимость общения и максимальный учет отношений между коммуникантами;**

2. концептосфера казахского языка представлена следующими типами концептов:

- параметрические концепты (*адам*, *ұрпақ*, *туыстық*)
- регулятивные концепты (*намыс*, *қанағат*, *толеранттық*, *ағайын*, *қайрат*, *ақыл*)
- эмотивные концепты (*жүрек*, *домбыра*)
- смешанного характера концепты (*қонақжайлық*, *көңіл*)

По объему выделены макроконцепты (*адам*, *ұрпақ*) объединяющие несколько концептов.

Использованная литература

1. Ешич М.Б. Этничность и этнос (Термины, понятия, реалии; некоторые теоретические проблемы межэтнических отношений в полиэтнических государствах и современном

мире)// Встречи этнических культур в зеркале языка: (в сопоставительном лингвокультурном аспекте) М.: Наука, 2002 – с. 13

2. Там же, с. 14-22

3. Степанов Ю.С. Семиотика – М. Знание, 1971 – с. 40

УДК 81.3

Ж. Абдрахманова
доцент, ф.ғ.к. Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ
e-mail: zhaz_abd@mail.ru

АВТОРДЫҢ ПРАГМАТИКАЛЫҚ МАҚСАТЫ НЕГІЗІНДЕ ТУЫНДАҒАН ТОСЫН ТІРКЕСТЕР

Abstract

Author's pragmatics aim based on collocation

Literature authors phraseological personality with aim of idea, image, situational versatile opens more methods occasional phraseological.

Using these methods the main aim is context, main idea, meanings are clarify understanding. This analysis identifies the differences between their own and the occasional of usual phraseology. Because the word idiom combines izomorphism and occasional words and collocations with shared units.

Occasional idioms can not form the text and feature occasional phraseological combinations perform in context.

Occasional idioms do not contradict the language system and their use of art are traditional events in the linguistic norm.

Idioms are important means of enriching the language, while the occasional phraseological more complete Kazakh language and make up your vocabulary.

Key words: pragmatics, occasionalism, phraseological, object, subject, literary text, pragmatics, semantics.

Аңдатпа: Көркем шығарма авторлары фразеологиялық тұлғаларды әлдебір идеялық мақсатпен, образды, ситуацияны жан-жақты ашуда көбірек қолданылатын тәсілдерді окказионал фразеологизмдер деп атайды.

Бұл тәсілдерді қолданудағы негізгі мақсат - контекстегі басты ойды анағұрлым ажарлы, көрікті етіп сипаттау; мағынасын жан-жақты толық ашу; іс-әрекеттің өту процесін нақтылау; субъектіге мінездеме беру. Осыларды талдау нәтижесінде узурал фразеологизмдер мен окказионал фразеологизмдердің өзіндік айырмашылықтары бар екендігі байқалады. Өйткені фразеологизм мен сөз жанамалық (изоморфизм) қатысында болады, окказионал сөз бен окказионал фразеологизмдер бір өлшеммен, ортақ белгілерімен ажыратылады.

Окказионал фразеологизмдер мәтіннен тыс қалыптаса алмайтындықтан, окказионал фразеологиялық тіркестері функциясын контекст арқылы анықтайды.

Окказионал фразеологизмдер тіл жүйесіне қайшы келмейді, оларды көркем түрде қолдану тілдік нормадағы дәстүрлі құбылыс болып саналады.

Фразеологиялық тұлғалар тіл байлығын арттырар бірден-бір маңызды құралы болса, ал окказионал фразеологизмдер қазіргі қазақ тілін барынша толықтырып, сөздік қорды байытуға мол мүмкіндік береді.

Түйінді сөздер: прагматика, окказионализм, фразеологизм, объекті, субъекті, көркем мәтін, прагматика, семантика.

Методы, используемые авторами художественной литературы и описывающие фразеологические единицы с определенной целью, образно и разносторонне называются окказиональными фразеологизмами.

Главная цель использования таких методов – это описание основной идеи в контексте более эмотивно; дать особую стилистическую окраску; полностью раскрыть значения; конкретизировать действия; дать характеристику субъекту. В результате такого анализа выявляются собственные различия между узуальными и окказиональными фразеологизмами. Потому что, фразеологизм и слово сочетаются изоморфически, а окказиональное слово и фразеологизмы отличаются общими единицами.

Окказиональные фразеологизмы не могут формироваться за текстом и функцию окказионального фразеологического сочетания выполняют в контексте.

Окказиональные фразеологизмы не противоречат языковой системе и их художественное использование являются традиционными явлениями в языковой норме.

Фразеологизмы являются важными средствами обогащения языка, в то время как окказиональные фразеологизмы все больше дополняют казахский язык и восполняют словарный запас.

Ключевые слова: *прагматика, окказионализм, фразеологизм, объект, субъект, художественный текст, прагматика, семантика.*

Фразеология ғылым ретінде пайда болғаннан бері сөйлеуде фразеологиялық тұлғаның түрлі жағдайда өзектіленуі, әсіресе көркем мәтіндерге қатысты бөлімдері жемісті дамуын тапты.

Соңғы кезде көптеген ғалымдар, оның ішінде В.Н. Телия, лингвистиканың бір саласы ретіндегі фразеологизмдердің одан ары қарайғы дамуында жиі кездесетін фразеологиялық белгілердің прагматикалық қызметі, олардың сөйлеу актісінде оның ойындағысын айтуы мен мәтін түзуші әлеуеттік мәселелеріне ерекше назар аудару қажет. Онда олардың тіл және сөйлеудегі рөлі мен қызметін анықтайтын ерекшеліктері, сондай-ақ, фразеологизмдер мағынасындағы объективті және субъективті фактор арақатынасын, олардың коммуникативтік процеске қабілеттілігін қамтамасыз ететін, когнитивті процестерге араласа келе, ойдағыны айту барысында номинативті міндеттерді орындау мүмкіндігін және де коммуниканттардың мәртебесін көрсетудегі сөйлеудің әлеуметтік шарттарын сипаттайтын ерекшеліктері де анықталуы тиіс.

Осылайша, окказионалды фразеологиялық тұлғалардың прагматикалық әлеуетін зерттеу қазіргі кезде өзекті болып отыр, себебі фразеологиялық тұлғаның (әрі қарай – ФТ) окказионалды өзектілігінің сөйлеуде, көркем мәтіндерде болуы автордың прагматикалық мақсатымен негізделеді, демек, ФТ окказионалды өзектіленуі узуалды ФТ-ға қарағанда үлкен прагматикалық әлеуетке ие.

В.М. Мокиенко атап өткендей, зерттеушілер ФТ-ны сөйлеу актісінде қолданғанда үлкен өзгеріске түсіріліп айтылатындығын байқап, осы өзгерістердің стилистикалық әсерін анықтады. Мысалы: Әкесі жалайыр ханның соңына көп еріп кәпір жұрттардың **басына талайқылыш ойнатқаны** бар (1:33). Әрине, осы мысалдан сөйлеу барысында айтылып тұрған ой өте әсерлі болып жететініне көз жеткізу қиын емес.

Осындай зерттеулер фразеологиялық варианттылық, синонимия, жеке-авторлық өзгерістер мен ФТ окказионалды өзектіленуі мәселелеріне көңіл аударуды қажет етеді.

Фразеологизм үшін норма ұғымының өзін екі жоспарда қарастыру керек: тіл жоспарында және сөз жоспарында, яғни соңғы жағдайда сол немесе басқа авторлық мақсатта фразеологизмді жеке авторлық өзгертуге рұқсат етіледі. ФТ жеке-авторлық өзгеру, фразеологизмдердің контексті жасалуы және ФТ окказионалды өзектілігі ФТ формаларының бірі болып табылады. ФТ окказионалды өзектілігі – сөздік құбылыс және олардың дәстүрлі

формасы мен семантикасы окказионалды өзгеріске ұшырау барысында айқын көрінеді және лингвистикалық, экстралингвистикалық факторлар тәрізді назар аудартады.

Белгілі орыс ғалымы В.Лопатин: «Не следует, что окказионализмы - это какие-то неполноценные или ущербные слова. Нет, это слова настоящие, и даже более нужные в определенном контексте, более насыщенные по смыслу и эмоциональной нагрузки, чем обычные, общеупотребительные слова», - деп, теориялық тұжырым жасайды (2;65).

Барынша прагматикалық әсерге қол жеткізу үшін, автор шығарма жанрына сай әңгімелеудің белгілі бір тәсілін таңдап алады. Және бұл оқырманның және тыңдаушының ойын жаулап алып, белгілі бір мақсатқа жету үшін, фразеологизмдерді, олардың әр түрлі варианттарын қолдану, белгілі ФТ негізінде жаңа тіркестер жасау немесе ФТ перифериялық мазмұнын окказионалды өзектілеу арқылы жүзеге асырылады. Белгілі фразеологиялық тұлғаларды өзгерте отырып, оның құрамын өзгерту арқылы автор фразеологизмдер мағынасына тың мазмұн береді. ФТ прагматикасы экспрессивтілікпен, эмотивтікпен, бағалағыштықпен сипатталатындықтан, біздің ойымызша, бұл олардың «тілдің экспрессивтілік дайындамасын» қажет ететін ирониялық және сықақ мазмұнды мәтіндерде жиі қолданылатындығымен түсіндіріледі. Зерттеушілердің көпшілігі «экспрессивті-стилистикалық бояу» мен «мәдени-ұлттық специфика» көзін фразеологизмнің ішкі формасынан көреді.

Профессор Р. Сыздық тіл мәдениеті, тілдік норма жайында айта келіп: «Тіл мәдениеті, норма дегендерге қатысы бар терминдердің бірі - узус, екіншісі - окказионалдық бірліктер», - деп көрсетеді. Зерттеушінің пікірінше, узус - қолданылып кеткен тілдік бірліктер, ал окказионал бірліктер - әдеттегі нормадағы мағынадан бөлек, тек сол контексте келтірілген мағынада жұмсалған сөздер. Яғни узус пен окказионализмдер - оппозитивтік (қарама-қарсы) дүниелер» деген пікір айтады (3;8-9). Осыдан келіп авторлық жеке қолданыстардың нәтижесінде окказионал фразеологизмдер пайда болатынын пайымдаймыз. Мысалы: Аты шулы Сартай Омаровтың Амангелді ауданын ашса алақаныныда, жұмса жұдырығында ұстап, **мұрнынан ақсары бас құрт ыршып тұрған кезі** еді ол! (4;24). Аузын тығындасаң, **мұрнымен әзілдейтін** Жұмахан Есенді құшақтап сыңсып отыр: «Қара қыпшақ Қобыланды да нең бар еді, құлыным-ау!» (4;33). Келтірілген мысалдардағы **мұрнынанқұрт ыриу** (өзін басқадан артық санау, паңдану, уақытша нәрсеге тәкаппарлану), **мұрнымен әзілдейтін** (аузын басса, басқа жері сөйлейтін, әзілқұмар адам) тіркестерін байланыстырушы соматикалық атаулар болып табылады. Бұл жеке автор енгізген жаңа қолданыстар тыңдаушысына әсер етпей қоймайды, өйткені олар пайда болған жаңа сөздер микромәтіндердің ішіне сыйып, айтылар ойы мен мазмұнының ерекшелігімен көзге түседі.

Сонымен, окказионалды сөздер дегеніміз - тосындылығымен, экспрессивтілігімен, бір стильдік тармақта, бір мезгілде пайда болатын, өміршең емес, әдеби тілге ену қабілеті шектеулі сөздер. Мысалы: Тесікке –тығын, жыртыққа – жамау қыларлық, атқа тоқым, адамға – лыпа боларлық шамасы қалмай, **қамсауы кеткендер** Садуақастың маңына үйірілетін (5;476). Ержете **аузына жел бітін**, қазір бүкіл Дулаттың атақты ақыны болғанға ұқсайды (6;264). Осы мысалдардағы **қамсауы кеткендер** (жағдайы жоқ, кедейшіліктің), **аузына жел бітін** (өнер дару, таланты болу) сияқты тұрақты тіркестерді автор ұтымды пайдалана білген. Уақыт өте келе бұл окказионал фразеологизмдер тұрақты тіркестердің аясын кеңейтіп, фразеологиялық бірліктердің қатарына қосылуы да мүмкін.

Жалпы, ФТ-ның окказионалды өзектілігін біз фразеологизмдердің мынандай өзгерістерінен анықтаймыз: тұлға мағынасында семантикалық өзгерістерге әкеледі, оған қандай да бір мағыналық реңк береді, өзгерген ФТ прагматикалық әлеуетін жоғарылатады. Мағынаның эмотивті немесе мағынаның эмоционалды-бағалау компонентіне қатысы бар, осы тілдік ұжымда эмоционалды-бағалаудың шындыққа қатынасын білдіретін өзгерістер жиі

кездесетін болып шықты. Бұл өзгерістер баға белгісінің ауысуымен байланысты денотативті мазмұнның өзгерісіне себепші болады.

Тау көрмедім Көкшенің биігіндей,

Бауырында ойнап ем киігіндей.

Кіндік кесіп, кір жуған қайран жеріңдің,

Болмайды екен еш қайғы күйігіндей.

(6; 114).

Мысалдағы **кіндік кесіп, кір жуған** тіркесі «кіндік кесіп, қан тамған» узуал фразеологизмнің негізінде соңғы компонентін **кір жуған** окказионалды тіркесімен алмастырудың нәтижесінде ФТ-ның прагматикалық әлеуетін көтеріп отыр.

Окказионал фразеологизмдердің белгілеріне: экспрессивті қасиетінің жоғарылығы, тек сөйлеу кезінде және белгілі бір кезеңде жеке индивидтің бір қолдануынан пайда болатындығы жатады.

Қабағымен қар жаудырып, тілімен мұз тондыратын бейбақ, бетпақ жаулықтастарына мүлде ұқсамайтын ол - Бәтиқа (7;260).

Қабағынан қар жауып, кірпігінен қырау тамған батырлар қайда? (8; 110).

Ақарлы-шақарлы, бір шаңырақ иесі, қолы алтын десе де болғандай үй де салады, пеш те қалайды, **ағаштан түйін түйіп, темірден ою ояды** дейтіндей (8;303).

Осы мысалдардағы **қабағымен қар жаудырып, тілімен мұз тондыру** (бетпақ, нашар мінезді), **қабағынан қар жауып, кірпігінен қырау тамып** (сұсты, айбарлы) тіркестерінің алдыңғы компоненттері ұқсас, күнделікті қолданылып жүрген қалпы (узуаль) фразеологизмдер, бұлардың соңғы компоненттерін жазушылар өз стильдеріне лайық, семантикалық мағыналары бір-бірінен алшақ окказионал фразеологизмдер жасаған, ал **ағаштан түйін түйіп, темірден ою ою** тіркесі - жеке қолданыстағы автордың енгізген шығармашылық жаңалығы. Кез келген окказионал фразеологизмдердің функциясы контексте ғана көрінеді, олар контекстен тыс қалыптаса алмайды.

Ақын-жазушылар өз ойларын нақышына келтіре жеткізу үшін тілдегі барлық мүмкіндіктерді: фразеологиялық бірліктерді, мақал-мәтелдерді, қанатты сөздерді барынша пайдаланады және оларды мақсатына қарай өзгертіп, мағынасын жаңғыртып, түрлендіріп қолданады.

Окказионал сөздер эстетикалық қызмет құралының бірі ретінде қаралса, экспрессия тудырудың тағы бір тәсілі фразеологиялық окказионализмдер болып табылады (9; 102).

Көркем әдебиетте және сөйлеу тілінде фразеологиялық қолданыстың екі түрі кездеседі:

1) қалыпты қолданыстағы фразеологизмдер;

2) окказионалды фразеологизмдер.

Узуалды фразеологизмдер деп тіркес тиянақтылығы, мағына тұтастығы, қолдану тұрақтылығы барларды айтамыз.

Тіркес тиянақтылығы дегеніміз – белгілі бір фразеологизм құрамындағы сөздердің бір-бірімен жымдаса байланысуы, олардың орын тәртібі нақты болады, тіркесудің бұл түрі барлық жағдайда да өз қалпын сақтайды. Ал мағына тұтастығы белгілі бір фразеологизмнің құрамындағы сөздердің бастапқы мағынасынан жартылай немесе түгел айрылып, шағын тіркес бір мағынаны беруін білдіреді. Қолдану тұрақтылығы дегеніміз – белгілі бір фразеологияның әрдайым айна-қатесіз қайталана қолданылуы (9;102).

Осы үш белгіні түгелдей ескере отырып, фразеологизмдердің ерекшеліктерін, қалпын нақты айқындауға негіз бар. Әйтсе де, олардың біреуін ескермеген жағдайда, фразеологизмдердің мағынасын толық аша алмауымыз да ықтимал.

Пайдаланылған әдебиеттер тізімі:

1. Оразбек Сәрсенбаев «Гүлжаһан». Таңдамалы I т. А. «Жазушы» 1992.

2. В.Лопатин. Окказиональные слова//Рождение слова.Москва 1993.
3. Р.Сыздық Тілдік норма және оның қалыптануы Астана «Елорда» 2001.
4. Ж.Сабыржанұлы Өкпелесең, өзің біл А. 2001.
5. Ж.Ахмади Жүрек қартайса, ажал аңду салады. А. 2000.
6. С.Мұқанов Балуан Шолақ А. 2002.
7. Ш.Құмарова Жердің тұзы. Повестер мег әңгімелер. А.1995.
8. Қ.Жұмаділов Екі томдық таңдамалы шығармалар. А.1991.
9. Г. Мұратова Қазақ көркем әдебиетіндегі окказионал сөздер. Фил.ғыл.ат.канд.дис. А. 1991.

УДК 12.53: 36.2

Ахатова Б.А.
д.ф.н., профессор, КазУМОиМЯ им. Абылай хана

ИМИДЖ СТРАНЫ: МЕЖЛИЧНОСТНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Abstract

The Article focuses on a very important topic of an image of the state. It is described as interpersonal communication refers to the country's image. The article deals with study of the nature of perceiving each other: between Kazakhstani and Chinese people at the present stage. According to the aim of research the objectives are: to determine autostereotypes and heterostereotypes of Kazakhstani and the Chinese people, i.e., images of themselves and of each other, revealing the frequency of contacts, an analysis of factors affecting these images, defining the common and the different in these images.

Ключевые слова: *имидж, коммуникация, автостереотип, гетеростереотип, Казахстан, Китай.*

Имидж страны – это общее представление (состоящее из набора убеждений и ощущений), которое складывается у людей от страны в целом. В современном мире представления людей о мире и происходящих процессах в основном стали формироваться средствами массовой коммуникации, в связи с этим имидж любого объекта стал играть гораздо более важную роль, чем прежде.

К числу важных для странового имиджа относятся как внешние, так и внутренние целевые аудитории: международные организации, правительства и элиты зарубежных государств, иностранные инвесторы, потенциальные и реальные туристы, а также в целом население не только зарубежных стран, но и самого государства, имиджем которого он является. В результате имидж государства представляет собой конгломерат его относительно устойчивых образов в сознаниях целевых аудиторий.

Принципиально важно, что внешний имидж государства складывается в результате наложения, по крайней мере, четырех процессов: 1) собственной внешней информационной политики; 2) информационной политики других государств, в том числе соперников и союзников; 3) негосударственных информационных потоков; 4) собственной активности целевых аудиторий. Поскольку любое государство включено в систему глобальной и/или региональной конкуренции его внешний имидж всегда есть продукт противостояния информационных политик [1].

В работе с внутренней аудиторией важно учитывать, что социально активные группы населения чрезвычайно чувствительны к восприятию образа их страны за рубежом, поскольку

ку они являются частью страны, ответственны за ее судьбу и, следовательно, интересуются внешней и внутренней политикой, которую проводят президент и правительство.

В современном информационном обществе особенно актуален феномен взаимного восприятия образа государств-соседей, связанных длительной историей политических, экономических, культурных отношений и социального взаимодействия. Хотя это восприятие во многом субъективно, оно отражает состояние общественного сознания населения этих государств. Механизм социального восприятия, оценки и понимания символического образа государства включает восприятие событий в социально-исторической ретроспективе и технологии знаково-символического воздействия современной коммуникации, средства массовой информации. Надо учитывать также каналы неформальной коммуникации, аккумулирующие опыт межкультурных контактов. Все это влияет на трансформацию стереотипов восприятия «имиджа страны» в общественном мнении [2].

Анализ имиджа Казахстана и Китая – стран-соседей, связанных политическими, экономическими и культурными отношениями, обусловлен необходимостью более пристального изучения общественного мнения жителей этих стран. Актуальность темы, ее недостаточная изученность продиктовали выбор цели и задач исследования.

На межгосударственном уровне отношения между Казахстаном и Китаем развиваются в динамичном и продуктивном ключе. Обе страны являются членами Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Как известно, данная организация, созданная совместно Китаем, Россией Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном и Узбекистаном, играет важную роль в углублении взаимного доверия и дружбы, укреплении региональной безопасности и стабильности, содействии процветанию экономики региона.

Функционирует Комитет по сотрудничеству между Китаем и Казахстаном. В августе 2009 года в Казахстане был создан первый казахстанско-китайский экспертный совет, целью которого является обсуждение любых тем, касающихся двусторонних отношений. За последние годы образовательные и культурные казахстанско-китайские контакты заметно усилились. Обучение казахстанских студентов в Китае и китайских студентов в Казахстане также является доказательством, результатом и следствием этих добрососедских отношений.

Профессорами Б.А. Ахатовой, Казахский университет международных отношений и мировых языков им. Абылай хана, и Ван Янчжэном, Чжецзянский университет, Китай, было проведено исследование о характере восприятия друг друга народами Казахстана и Китая на современном этапе общественного взаимодействия. В соответствии с целью исследования ставились задачи: определение автостереотипов и гетеростереотипов казахстанцев и китайцев, т.е. образов себя и друг друга, выявление частоты контактов, анализ факторов, влияющих на эти образы, определение общего и различного в этих образах.

На этапе определения инструментария для китайских респондентов применялся метод обратного перевода, который позволяет адекватно осуществлять межкультурные исследования.

Анкеты были составлены на казахском, русском, английском и китайском языках. Опрос проводится в Казахстане (студенты Казахского университета международных отношений и мировых языков им. Абылай хана и Казахского национального университета им. аль-Фараби) и Китае (студенты Пекинского университета иностранных языков, Шанхайского университета иностранных языков и Чжэцзянского университета). Опрос проводится в городах Алматы (Казахстан), Пекин, Ханчжоу, Шанхай, Урумчи (Китай).

Респондентами выступили студенты, изучающие китайский язык/ обучающиеся в Китае, изучающие русский язык/обучающиеся в Казахстане, разных специальностей. Применялась квотная выборка с контрольными признаками – пол, возраст, национальность.

Остановимся на некоторых результатах исследования.

Стереотипы межэтнического восприятия китайцев и казахстанцев.

Вызывает интерес вопрос о стереотипах положительных и отрицательных качеств, которые, по мнению опрошенных, присущи китайцам и казахстанцам. (автостереотипы и гетеростереотипы).

Рассмотрим автостереотипы казахстанцев и китайцев.

Самым частотным положительным качеством у казахстанцев является *ответственный (ответственность)* - 17%, у китайцев – *скромные* -13%.

В пятерку часто называемых положительных качеств у китайцев входят: *скромные, общительные, жизнерадостные, самоуверенные, общительные*; казахстанцев – *ответственные, добрые, целеустремленные, коммуникабельные, трудолюбивые*.

В качестве отрицательного качества у казахстанцев и китайцев называется *лень* (самый частотный ответ).

Казахстанцы отмечают у себя как отрицательные такие качества, как *лень, вспыльчивость, пессимистичность, непунктуальность, курят*.

Китайцы – *лень, нерешительность, неуверенность, небрежность, нетерпеливость, невнимательность*.

Гетеростереотипы казахстанцев и китайцев.

К сожалению, самым частотным ответом китайцев был – *сейчас не знаю, затрудняюсь с ответом* – 43% опрошенных, что свидетельствует о недостаточной известности Казахстана и его образа информационном пространстве Китая. Китайцы отмечают *смелость, храбрость* – 13%, *гостеприимство* (5%) казахстанцев.

Примечательно, что *доброта, коммуникабельность, открытость, трудолюбие, искренность*, совпадают с положительными качествами автостереотипами казахстанцев.

Казахстанцы называют положительными качествами китайцев – *трудолюбие* – 49%, *целеустремленность* -8%, *дружелюбие* – 6%,. Интересно, что *доброта, трудолюбие, оптимизм, веселость* совпадают с автостереотипами китайцев.

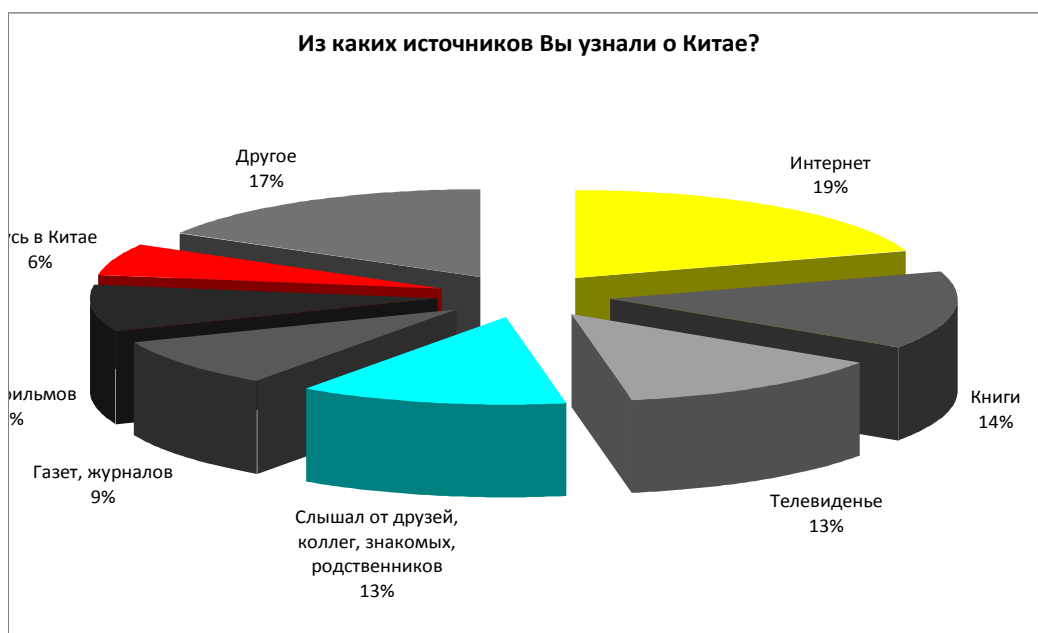
Отрицательные гетеростереотипы, выделенные казахстанцами у китайцев - *жадность, сейчас не знаю, хитрость, злопамятность, жестокость*,

Китайцы в качестве отрицательных гетеростереотипов казахстанцев отметили *лень, грубость, высокомерие, небрежность, легкомысленность*.

На вопрос: *Знаете ли вы что-нибудь о Казахстане/Китае?* 97% казахстанцев ответили *утвердительно* , 3% - *нет*. 67% китайцев ответили – *нет, не знаем*, 39% - *да*. Нам было интересно узнать каналы коммуникации и получения информации.

Основными источниками информации для китайцев и казахстанцев является Интернет, затем – книги. Далее следуют для китайцев - родственники, для казахстанцев – другое¹. Затем телевидение и другие каналы коммуникации.

¹ И это не случайно, т.к. в качестве респондентов выступали студенты – мобильная и активная часть общества. К тому же, большинство опрошенных обучается в Китае.

В целом, казахстанцы и китайцы хорошо относятся к друг другу (...% респондентов) у казахстанцев – самая частотная реакция – хорошее (отношение), у китайцев – обыкновенное (отношение), затем следует ответ у казахстанцев - очень хорошее отношение, у китайцев – хорошее.

Как часто казахстанцы и китайцы контактируют? Ведь контакт является важным элементом межкультурного взаимодействия, он представляет возможность для продолжения коммуникации и создания более точного образа казахстанцев и китайцев (образа друг друга). Конечно, надо принимать во внимание возможность формирования субъективного образа в зависимости от успешности контакта.

На вопрос: *Контактировали ли вы с казахстанцами/китайцами?*, большинство казахстанцев ответило утвердительно. Это не удивительно, т.к. респонденты выступили студенты-китаисты, обучающиеся в Казахстане и казахстанские студенты, обучающиеся в университетах Китая.

Только третья часть китайских респондентов контактировала когда-либо с казахстанцами. Это объясняется еще и тем, что большинство опрошенных было Пекине, Шанхае и

Ханчжоу - востоке Китая, и не большое их количество в приграничных районах с Казахстаном, где контакты с казахстанцами носят регулярный характер.

Респонденты в основном положительно оценили контакты.

Чувствительным вопросом, определяющим направленность этнических стереотипов является вопрос о вступлении в брак с представителем другого этноса. Ответ на него дает возможность увидеть степень открытости / закрытости народа к культурному влиянию извне [1].

Респонденты демонстрируют существенные различия в отношении к межнациональному браку (% казахстанцев относится плохо к браку с китайцами, % китайцев – безразлично к браку с казахстанцами. Хорошо относится к межнациональному браку -- % казахстанцев, % китайцев. Результаты свидетельствуют о том, что среди китайцев межэтнические браки достаточно популярны [1].

Данные исследования позволяют предположить о наличии у казахстанцев синофобии, которая проявляется в негативных стереотипах к китайцам.

Сходные положительные стереотипы позволяют говорить о схожести оценки и совпадении некоторых мировоззренческих позиций.

Боязнь миграции в Казахстан граждан Китая вызывает озабоченность казахстанского общества, особенно среднего и старшего поколений, помнящих советско-китайские военные конфликты (остров Дамасский и Джаланашколь). В связи с этим надо разделять понятия

Китай как государство и Китай как народ. Необходима большая представленность Казахстана в китайском коммуникативном пространстве. Народы обеих стран должны больше знать о Китае и Казахстане как государствах, с одной стороны, и народах Китая и Казахстана, с другой, т.е. знать о политике, культуре, науке, традициях и привычках, как и чем живут люди, какие они.

Надо обратить внимание на то, что формирование имиджа, представляя собой комплексное информационно-коммуникативное воздействие, содержит работу со СМИ, организацию PR- и рекламных кампаний, а также создание эмоционально-насыщенных мероприятий, воздействующих как на внешнюю, так и внутреннюю целевые аудитории. Связи с общественностью в данном процессе направлены на формирование положительного отношения к стране, т.е. имидж должен:

- планироваться, чтобы производить определенное впечатление;
- пользоваться доверием у целевой аудитории, чтобы быть эффективным;
- соответствовать обществу государства, т.е. моментально характеризовать государство, высвечивая один или несколько особенных для страны признаков;
- легко восприниматься и запоминаться целевой аудиторией, т.е. не быть сложным;
- быть креативным, немного неопределенным, оставлять простор для домысливания.

Создание имиджа страны – это комплексный, системный, долгосрочный процесс, для которого необходимо проведение целенаправленной и продуманной информационной деятельности, в которой важная роль отводится межличностной коммуникации.

Литература:

1. www.statebrand.ru/upload/files/doc_1222464362.doc
2. Лго Юаньюань. Имидж Китая в общественном сознании современной России / Лю Юаньюань // Вестник РГГУ. 2009, № 2. Серия «Социология». — С.220-233.
3. <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0333/tema05.php>

УДК 81.001.2

Ахметова Н.А.
КНУ им. Ж.Баласагына, Кыргызстан

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ВСТРЕЧА СРЕДНЕЙ И ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Abstract

The problem of cross-cultural adaptation is quite relevant in the modern linguadidactic science. The paper shows the presence of substantial "conflict" between the ethnocultural, ethnographic and value orientations of representatives of the Kyrgyz and the Chinese ethnic groups. The author by his personal example of staying in China points out these significant differences relying on K. Oberg's theory of cross-cultural adaptation and E.T. Holl's theory of sociocultural interaction. The author considers intercultural exchange based on the temporality parameter: the life rhythm of culture, time perspective, the division of time. These cross-cultural discrepancies are reflected in Paremiological units.

Key words: cross-cultural adaptation, non-verbal communication, monochronal and polychronic culture high contextual and low contextual cultures, proverbs.

Длительное пребывание за границей ставит одну из главных проблем – проблему адаптации к новым межличностным отношениям, к другой иноязычной культуре.

В этой связи предполагается, что степень адаптации личности будет зависеть от непохожести родной культуры и культуры социума, где личность будет учиться, работать, жить.

Достижение цели успешной деятельности и бесконфликтное проживание в «чужой культуре» возможно, если используются адекватные для этой культуры коммуникативные стратегии.

Под межкультурной адаптацией понимается процесс достижения совместимости с чужой культурой, а также восстановление измененного при столкновении с ней равновесия между индивидом и иноязычным окружением. Адаптация – это сложное психологическое состояние и результат, которое испытывает человек при вступлении в контакт с иноязычной культурой.

Этапы межкультурной адаптации детально описаны К.Обергом. По его концепции, она состоит из 4 этапов. Первый этап – **«медовый месяц»** – в основном, возникает во время непродолжительного посещения страны с деловой или туристической целью. Человек выступает в роли «зрителя» в экзотической стране. Все ему нравится: непохожесть культуры, великолепные культурные памятники, окружение, приветливость и гостеприимность – все это вводит его в состояние восторженности, «эйфории».

Далее, в результате длительного пребывания чужая культура, ее непохожесть, положительное восприятие, восхищение культурными ценностями через определенное время переходят в **межкультурный кризис**. Это второй этап адаптации: культурные, национально-этнические, административные, политические, социальные и другие различия становятся непонятными, появляется чувство беспомощности, фрустрации, возникают информационные конфликты, которые могут существенно влиять на деловую активность, психологический комфорт и даже приближают момент невозможности пребывания в этой стране.

III этап – **восстановление** – наступает позже. Высокая мотивированность нахождения в другой стране приводит к восстановлению нормальной жизнеспособности человека в незнакомой стране и культуре. Этот период характеризуется другими ощущениями и чувствами. К приезду возвращается оптимизм и уверенность в себе, так как наступает понимание того, что эти конфликты и недоразумения осознаются как результат различия культур. Человек уже пытается насколько возможно интегрироваться к «чужой», иноязычной среде.

Наступает IV этап – **межкультурная адаптация**. Личность принимает все иные обычаи, чужие ритуалы, несхожие с родной культурой речеповеденческие тактики. Однако человек не теряет своей этнической и культурной идентичности.

Нечто подобное испытал автор, работая в Китае три года по программе обмена преподавателями между Синьцзянским педагогическим университетом и Кыргызским национальным университетом им. Ж.Баласагына.

Несмотря на то, что автор до приезда в Урумчи работал более двух лет директором Института Конфуция при КНУ им. Ж.Баласагына и имел опыт общения с китайскими студентами, преподавателями, бизнесменами, общение в Китае, в другой языковой и культурной среде вводило в состояние «культурного шока» на каждом шагу.

Состояние «медового месяца» автор испытал в 2000 году, когда ездил в город **Цзяоцзо в провинции Хэнань** в составе официальной делегации от КНУ для подписания договора между университетами об обмене студентами.

Синьцзянский Уйгурский автономный район (СУАР) граничит со многими независимыми государствами Содружества, где языком межнационального общения является русский язык, кроме того, это крупный торговый центр, поэтому многие китайские бизнесмены, продавцы и представители других профессий говорят на русском языке. Однако межкультурное общение детерминировано не только различием культур и языка, а также соотношением нормативно-ценностных систем, которые находятся в состоянии постоянного

динамического процесса развития. Источником межкультурных столкновений и конфликтов являются культурно обусловленные интерпретации, поведение и языковые коды.

Сложности возникали и тогда, когда не существовало языкового барьера, т.е. общение с человеком, хорошо говорящим по-русски, также приводила к полнейшему непониманию, так как существовали различные политические, культурные, мировоззренческие системы со своими ценностными установками и поведенческими нормами. 100-часовая подготовка по китайскому языку, т.е. уровень выживания, не позволяли общаться автору в полной мере по-китайски. Психологический дискомфорт, социальная фрустрация, когнитивный диссонанс, которые испытывал автор в КНР продолжались в течение года.

Социологи, культурологи, этнопсихологи, антропологи, лингвисты достаточно большое внимание уделяют межкультурной коммуникации. Существуют различные теории социально-культурного взаимодействия.

Американский лингвист и антрополог Эдвард Т.Холл предложил коммуникативную модель культуры. В своем труде «The silent language» (досл. «Немой язык», «Невербальная коммуникация») он выделяет 9 сфер невербальной коммуникации (социальная, иерархическая организация людей; обеспечение и удовлетворение первичных потребностей и социальное устройство; гендерные роли; отношение к пространству; представление о времени; передача знаний; игра; защита; использование артефактов). Э.Т.Холл считает, что вербальная коммуникация занимает только 10% в коммуникационных актах, остальная информация находится в невербальной сфере общения, т.е. при межкультурных контактах необходимо учитывать ментальные черты, которые проявляются в вербальном общении. Э.Холл подробно и обстоятельно разработал четыре из них:

1. темпоральность (представление о времени и отношение к нему);
2. отношение к пространству;
3. отношение к власти (дистанция к власти);
4. общение.

Рассмотрим некоторые из них. Э.Т.Холл предложил теорию высоко- и низкоконтекстуальных культур. Коммуникация в высококонтекстуальных культурах в большей степени зависит от контекста невербальной части сообщения, в низкоконтекстуальных культурах общение, переговоры построены на основе вербально выраженных интенций. К высококонтекстуальным культурам, по мнению Э.Холла, относятся культуры Японии, Кореи, Китая, арабских стран, Латинской Америки, Испании, Италии, мы добавим и страны Средней Азии. В этих странах на коммуникативное общение оказывает влияние контекст, т.е. особенности менталитета, социальные, дружественные, семейные, деловые связи, социальный статус собеседника и др. Контекст выражается в невербальной части коммуникации, т.е. в общении приветствуется неофициальная часть: преподнесение подарков, дружеские ланчи. Китай и Кыргызстан относятся к высококонтекстуальным культурам, хотя Китай с многолетней традицией ведения деловых, торговых переговоров имеет свою особую культуру общения.

В низкоконтекстуальных культурах (Швейцария, Германия, Скандинавские страны, Северная Америка, Франция, Англия и др.) все моменты коммуникации и интенции выражаются вербально. Многие акты коммуникации, договоры регламентируются контрактом, в котором обговариваются все условия. Судебная система также основана на точности соблюдения всех действий, которые вербально доказаны и не подразумевают подтекст.

Параметр **темпоральность**, или различное представление о времени и отношение к нему в разных культурах, также имеет первостепенное значение и должно учитываться в межкультурной коммуникации.

Учет темпорального фактора в межкультурной коммуникации означает, что необходимо знание жизненного ритма культуры, временной перспективы и деления времени.

Последняя характеристика, по Э.Холлу, предусматривает деление культур на **монокронные и полихронные**. В монокронной культуре люди в один отрезок времени выполняют только одно дело. В этих культурах представление о времени соответствует стреле времени, оно необратимо, к нему следует обращаться как к исчерпаемой данности и ценности («время - деньги»). Такое понятие о времени характерно для западных стран: Германии, США и др.

Полихронные культуры (по Э.Холлу, страны Латинской Америки, Ближнего Востока, государства Средиземноморья), сюда же следует отнести и Среднюю Азию, относятся ко времени как к вечно существующей данности, как к эпохальному событию, которое окружает нас также, как Космос, природа. Время бесконечно, его можно растянуть. Пунктуальность понимается своеобразно и соблюдение его зависит от социальных ролей и социального статуса (ср.: «начальство не опаздывает, а задерживается»). Для этносов этих стран соблюдение договоренностей, планов, графиков не обязательно. Большое значение придаётся родственным, дружественным и деловым отношениям, в зависимости от их статуса время для встреч и переговоров понимается по-разному.

В этих условиях в один момент, за один отрезок времени совершается несколько дел, приватность, конфиденциальность не соблюдаются. Можно одновременно принимать посетителя и разговаривать по телефону, или в этот же момент может зайти высокий начальник и ваша аудиенция заканчивается на неоконченной ноте, особенно такая полихронность характерна для этнических культур государств Средней Азии, в частности Кыргызстана.

Жизненный временной ритм культуры также необходимо учитывать. В Китае, Японии, Корее, Вьетнаме ритм труда и жизни очень высокий. Стремление приезжего организовать деятельность в синхронном ритме с адаптируемой культурой является важной предпосылкой успешной деятельности и вхождения в «иную» культуру. Китай с многомиллиардным населением, с высокой конкуренцией во всех сферах жизни трудится в высоком ритме, этим и объясняется «экономическое чудо» Китая. Понятия «рабочий день», «выходной день», «рабочие часы» совсем другие, чем в монокронных культурах, даже значение иероглифа «свободное время» дословно переводится как «время после службы».

Автор, живя в кампусе Синьцзянского педагогического университета (СПУ), наблюдал и сам участвовал в учебном процессе, который длился с 8 часов утра, с двухчасовым перерывом на обед и выполнением домашней и самостоятельной работы под руководством преподавателя до 8 часов вечера.

В Китае любые отступления от правил, предписаний, законов воспринимаются негативно и критично. Поддержанию порядка и дисциплины способствует наложение многочисленных штрафов за опоздания, недостойное поведение, отсутствие на работе или занятии по неуважительным причинам. Кыргызские, казахские, таджикские студенты, обучающиеся в СПУ по грантам Института Конфуция на бесплатной для них основе, очень быстро «дисциплинируются» в таких условиях. Безусловно, в своих республиках, жизненный временной ритм отличен от китайского на несколько порядков.

Система регламентации учебного процесса в школах предусматривает до 10 видов наказаний для школьников (переписывание 10-50 листов текста; стояние в углу 2-4 занятия; стояние за дверью класса 2-4 занятия; вызов родителей в школу; уборка класса и др.).

Следование строго дисциплине, порядку наблюдается везде, другое отношение и не предполагается, так как многочисленность населения в Китае диктует эти правила. Особенно неукоснительно соблюдается очередность в местах скопления людей: в банках, больницах,

вокзалах, супермаркетах, аэропортах и др. подобных местах. Логистика по распределению потоков людей учитывается везде, так как несоблюдение его препятствует жизненному ритму всего населения Китая.

Временная перспектива в разных культурах также не тождественна. Страны по-разному различают временную перспективу. Китай, Япония, Вьетнам, по выводу американского лингвиста и антрополога Э.Холла, ориентированы на прошлое, но учитывается и будущее, поскольку традиции, нравы, язык этих стран имеет тысячелетнюю духовную и материальную историю, в США ориентируются на настоящее и будущее, так как история Америки имеет только двухсотлетнюю историю.

Все рассмотренные ценностные ориентиры, ментальные черты, этнографические особенности являются стереотипами поведения, они отражены в кыргызской и китайской фразеологии и художественной национальной литературе. Их необходимо учитывать, если предстоит длительное пребывание в «иной» культуре.

Рассматриваемые в статье культуры Кыргызстана и Китая отмечены как некоторым сходством в плане гуманистических традиций, социальных аспектов, так и достаточно значительными культурно-языковыми различиями. Кыргызские и китайские фразеологические единицы, афоризмы имеют свою национальную специфику, которая основана на истории, на традициях и обычаях, на сложившихся ценностных ориентирах и особенностях национального менталитета. Поговорки, пословицы, афоризмы - хранители культурной и этнографической информации, выраженной в образной системе. В них закрепляется опыт этноса в познании мира, речеповеденческие тактики, все вышеперечисленные модели культуры.

Отношение ко времени, ритм жизни выражается в образной форме в таких пословицах: «И великий Юй жалеет о вершке времени» (Юй – мифический император, который будто бы правил в третьем тысячелетии до н.э. Его правление было образцовым). «Днем на базаре чай пьет, а ночью жжет лампу и сучит пеньку» (говорится о человеке, который не умеет распределять свое время); «Вершок времени стоит вершок золота, да за вершок золота не купишь вершка времени».

Параметр **высоконтекстуальность культуры** Кыргызстана и Китая находит выражение в народных пословицах и поговорках: в китайских – «Слова – ключи к сердцу»; «Слова – это топор, которым открываются сердца»; «Когда говоришь – обернись назад и погляди вперед»; «Лучше не знать иероглифов, чем не знать людей»; «На излишнюю вежливость не обижаются»; «На сердце обида, а на лице улыбка»; «На сильном огне варят кашу, а на медленном огне – мясо» (в переговорах не следует торопиться, чтобы не испортить); «Если сомневаешься в человеке, не води с ним дела, а если ведешь – не сомневайся»; «Если три человека – одно сердце, то и желтая земля превратится в золото; если у трех человек свои думы, то и желтое золото превратится в пыль». В кыргызских – «Вершина искусства – красноречие»; «Язык острее меча»; «Кто не спешит, тот и на телеге догоняет зайца»; «Не говори, что хитер, - нарвешься на более хитрого»; «Слово все внутренности пронзает».

Традиции китайских переговоров очень своеобразны, это отражено в паремиях Китая. Во время переговоров китайцы никогда не говорят «нет», но если говорят «да», то значит, условия договора они приняли на 30 процентов, необходимы еще усилия, чтобы завершить их на сто процентов. В переговорах с китайцами есть многочисленные и многозначительные паузы; они внимательно следят за выражением лица, никогда открыто не выражают недовольство. Сравните афоризмы, которые очень хорошо передают эту манеру: «В хорошем разговоре не все говорится». «Сердитый кулак не бьет по улыбающемуся лицу». «На флейте, не имеющей отверстий, играть всегда труднее» (говорится о негибком человеке).

У представителей Кыргызстана, конечно, дистанция между заключением договора и переговорами более короткая, но и не быстрая, как это наблюдается в низкоконтекстуальных культурах, где все условия фиксируются в контрактах и неуклонно соблюдаются. В Среднеазиатских странах условия договоров не являются чем-то незыблемым, их постоянно стараются пересматривать.

Таким образом, межкультурные различия китайской и кыргызской культур не позволяют нам быстро адаптироваться в «иной» культуре, однако диалог культур Средней и Восточной Азии возможен, так как у нас общая азиатская цивилизация.

Литература

1. Пословицы и поговорки народов Востока/ Ответств. ред. И.С.Брагинский.- М.: Изд. восточной литературы.-1961.
2. Афоризмы старого Китая / Перевод с кит. В.В.Малявина-М.: Наука,1988.
3. Oberg K. Cultural Shock: adjustment to new cultural environments // Practicakal Antropology, 7,177-82,1960.
4. Hall E.T.The silent language.-1959

УДК 81:372.881

А.Л. Бердичевский д.п.н., профессор
Университет прикладных наук Бургенланда (Австрия)

СОВРЕМЕННЫЕ АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Abstract:

The article discusses and theoretically proves existence of problem in language study situation among foreign and native student auditorium when learning the Russian language as a second one. Here given the noted definitions of problems used for solving communicative problems within the lessons. Solution of problem results progress in creative and productive way of thinking and therefore stimulates speech communication. Observation of the whole range of conditions required for solving the problem has been analyzed in this article. Solution of problem situation is a serious and significant aim of the modern method.

Технологии обучения – совокупность, система приёмов деятельности преподавателя и учащихся, обеспечивающих эффективность обучения, достижение целей обучения и овладения языком наиболее рациональным путём, с наименьшей затратой сил и средств.

Решающим в альтернативных технологиях являются когнитивные и эмоциональные свойства личности, проявляющиеся в их мотивации и особенностях усвоения и изучения иностранного языка - социально-психологическая оптимизация учебного процесса

В центре альтернативных технологий – не знания, а умения. Язык усваивается в бесстрессовой атмосфере в коммуникативных ситуациях на основе индуктивных процессов: от смысла к форме.

Альтернативные технологии основываются на парной и групповой работе на занятии, отрицают немедленное исправление ошибок и изменяют роль учителя в учебном процессе.

Один из методов рецептивного усвоения ИЯ получил название Fremdsprachenwachstum ("прирост" в иностранном языке). Он основывается на психологическом постулате о том, что

каждый человек с рождения обладает способностью к пониманию и производству как родной, так и иноязычной речи.

Развитие этой способности проходит через определённые этапы:

- восприятие (аудитивное или визуальное) и понимание речи других людей ;
- длительный языковой контакт;
- творческое производство речи.

Основной источник усвоения иностранного языка состоит не в развитии навыков и имитации препарированных текстов учебника, утверждают авторы данного метода, а в творчестве и понимании аутентичных, естественных текстов, с которыми люди встречаются в жизни.

Понимание при этом рассматривается как активный внутренний процесс, основывающийся на специфических языковых стратегиях и законах, которыми человек владеет с рождения и которые являются универсальными для всех людей. Поэтому для развития такой способности необходимо дать ученику возможность как можно больше воспринимать естественную, неадаптированную речь со всеми присущими ей характеристиками: сочетанием простых и сложных пассажей, эмоциональной окраской, естественным темпом и т.д. Работа над аудиотекстом включает три взаимосвязанных этапа:

- аутентичное слушание;
- детальная реконструкция текста;
- аналитическое слушание.

Аутентичное слушание направлено на комплексное, глобальное восприятие и понимание текста, длительностью звучания от 1 до 3 минут.

Оно состоит из следующих десяти шагов.

1. Вслушивание в текст: аудиотекст прослушивается 2 или 3 раза без комментариев и вопросов учителя. Единственная целевая установка ученикам: "Слушайте внимательно!"

2. Обмен информацией: ученики обмениваются в парах той информацией, которую они смогли понять из текста, дополняя друг друга.

3. Идентификационное прослушивание: текст снова прослушивается 2-3 раза.

При третьем прослушивании ученики должны записать 3-5 слов или звукосочетаний, которые они восприняли как слова, значение которых они не поняли, но хотели бы узнать.

4. Обмен информацией: ученики опять обмениваются в парах новой информацией, которую они смогли понять из текста.

5. "Общий живой словарь": выяснение непонятых слов всей группой. Если никто из группы не может объяснить значение слов, это делает учитель с помощью парафраз, жестов или родного языка. Цель: быстрое продвижение в понимании, связанное с максимально индивидуальным интенсивным прослушиванием текста.

6. Вслушивание в текст: текст снова прослушивается 2-3 раза.

При двухминутном тексте данный цикл продолжается около 40 минут. Этапы обмена информацией не должны при этом превышать 2-3 минуты.

Конечной целью данного этапа является продвижение учащихся в понимании иноязычных текстов за счёт накопления лексического материала.

Метод Биркенбиль 1. Зубрить слова запрещается! Вы же не учили родной язык выучиваем наизусть отдельных слов!

2. Вы учите только то, что хотите выучить. Но минимум при этом – научиться слушать и понимать речь на иностранном языке.

3. От вас зависит, хотите ли вы научиться говорить, читать и писать на языке.

Если вы прежде всего хотите научиться вести беседы на языке, то вам достаточно научиться слушать и говорить на этом языке. Кто хочет научиться читать и писать, изучает чтение и письмо.

Почему все должны учить всё? Всё зависит от ваших желаний.

4. Грамматические правила не нужны. Если вы не относитесь к 3% людей, для которых изучать грамматику – удовольствие, то вы не встретите ни одного грамматического правила. Ведь и в родном языке ваша речь была грамматически правильная, прежде чем вы впервые столкнулись с настоящей грамматикой в школе.

5. Большая часть учебной работы будет осуществляться на бессознательном уровне по принципу: меньше активного времени на учёбу, больше времени на пассивное слушание, которое не будет стоить вам ни минуты вашего времени. Ведь во время пассивного слушания вы всегда заняты чем-то другим. Поэтому скажите себе: «Я не учусь сам – я позволяю себя учить!»

1 шаг - декодирование текста, которое состоит в пословной дешифровке (декодировании) текста учащимися или преподнесении им готового, пословно дешифрованного текста.

При этом, чем абсурднее "перевод", тем легче ученики осознают различия в структурах родного и иностранного языков, считает автор метода:

– Простите, пожалуйста, как мне попасть на Арбат?

(*Prepáčte, prosím, ako sa dostanem na Arbat?*)

– На Арбат? Старый или новый?

(*Na Arbat? Starý alebo nový?*)

– Старый.

(*Starý*).

– Это недалеко. На метро минут 20 – 25.

(*To nie ďaleko. Na metrom minút 20 – 25*).

– На метро 25 минут?! Это недалеко?!

(*Na metrom 25 minút?! To nie ďaleko?!*)

– Конечно, для Москвы это недалеко.

(*Samozrejme, na Moskvu to nie ďaleko*).

– Вот схема метро. Видите, это наша станция

(*Tu schéma metra. Vidíte to naša stanica*)

– ВДНХ, а это станция Арбатская.

(*VDNCH a to stanica Arbatská*).

– Сначала поезжайте до станции Проспект Мира. Там сделайте пересадку на кольцевую линию и поезжайте до станции Курская.

(*Najskôr chod'te na stanicu Prospekt Mira. Tam presadnite na okružnú líniu a chod'te na stanicu Kurská*).

– Там ещё раз сделайте пересадку на Арбатскую линию и поезжайте до станции Арбатская

(*Tam ešte raz presadnite na Arbatskú líniu a chod'te na stanicu Arbatská*)[1].

2 шаг – активное слушание

Учащиеся читают декодированный на родной язык текст и одновременно слушают текст на иностранном языке с диска.

Благодаря этому, понятия иностранного и родного языков соединяются между собой в коре головного мозга учащихся неотрывно и одновременно, а не с определённым промежутком времени, как при обычной системе обучения (сначала произносится слово на иностранном языке, а за ним следует перевод на родной).

При этом выводятся на сознательную основу грамматико-структурные различия в языках, т.е. грамматические правила усваиваются наглядно без специального их заучивания.

3 шаг - пассивное слушание

В то время, когда ученики заняты чем-то другим (дома, в транспорте, на прогулке, во время еды, уборки, при чтении газет и т.д.) текст, записанный на диск, звучит как фон другой деятельности.

При пассивном слушании изучаемый материал непроизвольно откладывается в оперативную память правого полушария головного мозга.

Принцип тандема. Принцип тандема основан на концепции педагогики сотрудничества: два человека с различными родными языками встречаются, чтобы учить язык друг друга. В курсе тандема всегда используются два языка по принципу:

«Говори на языке своего партнёра!». Поэтому этот курс всегда двуязычен, ибо оба партнёра – носители языка гарантируют это двуязычие.

Каждый из участников тандема выполняет роль или учителя своего партнёра, когда работа проходит на его родном языке, или его ученика, когда работа проходит на иностранном для него языке. Вместе они определяют темп своей работы в рамках отведённого руководителем тандема времени

Создание групп тандема

Пары в тандеме образуются следующим образом:

– Руководители тандема раздают каждому участнику карточки, и каждый участник находит себе партнёра, карточка которого подходит к его карточке, например, словосочетание и его соответствие на иностранном языке:

два часа zwei Uhr

– С этой целью можно подобрать самые различные материалы: открытки, неполные тексты, рисунки, игры и т.п. После этого участники тандема садятся парами за один стол.

Этап общения в тандеме:

Участники тандема работают вместе по одному рабочему листу сначала на одном языке, а потом на другом. Время работы на соответствующем языке определяет преподаватель.

Адаптивная система обучения (АСО). При этом в парах могут проводиться следующие виды работ:

– организация ознакомления с новой лексикой: партнёр А находит в словаре значения первых 5 слов, партнёр Б – значения следующих 5 слов, затем они объясняют значения найденных слов друг другу;

– организация тренировки лексико-грамматического материала при наличии ключей ко всем упражнениям на карточках;

Таким образом, над каждым текстом каждый ученик работает дважды; один раз он его пишет сам, а другой раз он диктует этот же текст другому.

– Ученик, окончивший работу со вторым партнёром, переходит к третьему и т.д. При каждой встрече работа ведётся над новым текстом диктанта.

Самоконтроль и взаимоконтроль освобождают учителя от текущей проверки всех и позволяют оказать помощь тем, кто в ней нуждается.

Каждая треть группы получает разные тексты для чтения

На занятии студенты объединяются в пары: А - Б; А-В

Студент А читает студенту Б (В) текст. Студент Б(В) слушает.

Студент А задаёт студенту Б(В) вопросы по тексту

Студент А читает текст по синтагмам, студент Б(В) повторяет услышанное на русском языке и частично переводит на родной язык

Студент А читает весь текст, студент Б(В) переводит на родной язык и обратно на русский

Студент Б(В) рассказывает студенту А весь текст

Студент А и Б(В) меняются местами

Пары реорганизовываются: студент А - В; студент Г – В

Услышанные тексты рассказываются преподавателю или по ним проводится дискуссия.

Здесь важен учет следующих требований: Контактные формы занятия; Включение всех студентов в работу; Контакт студентов между собой; Отсутствие доминанты сильных студентов.

Список использованной литературы

1. Eva Kollarova, Anatolij Berdicevskij. RUSTINA pre samoukov. BELIMEX 2007

УДК 81.27

Oleksandr Bilous Kirowohrad, Ukraine,
Richard J. BRUNNER (Ulm, Deutschland)

MACHT DURCH SPRACHE – MACHT UND OHNMACHT DES WORTES

Abstract

The article runs about the complex language nature as a historic and social phenomenon and the power of the word. Giving examples from World Literature and Human history the author investigates under what conditions, with the help of what means, among what audience what power the word can have.

Ohne in die Rolle desjenigen schlüpfen zu wollen, von dem der deutsche Dichterfürst JOHANN WOLFGANG VON GOETHE (1749-1832) gesagt hat, „*ein jeder weil er spricht, glaubt auch über die Sprache sprechen zu können*“ [6], seien uns ein paar einleitende Worte zum Wesen der Sprache gestattet.

Zur besseren Verständlichkeit sei hier vermerkt: Wir verwenden den Begriff Sprache für zwei Erscheinungen: einmal für die Sprache allgemein und für die Fähigkeit, sich sprachlich mitzuteilen; zum anderen für den Einfluss der Sprache und die Macht und den Bedeutungsgehalt des Wortes. Der Indogermanist WALTER PORZIG (1895-1961) verdeutlicht in seiner gemeinverständlichen Darstellung des für die Sprachwissenschaft bedeutenden, mustergültigen und zugleich fesselnden Werkes: „*Wunder der Sprache*“, den Unterschied mit einer Anekdote: Eine Frau sagt zu der Nachbarin: „*Denken Sie nur, der Professor nebenan, der zehn Sprachen spricht, hat vor Schreck die Sprache verloren!*“ Die Nachbarin: „*Ach, - welche denn?*“ [15].

„*Es ist schwer, über Sprache zu sprechen, weil es mittels Sprache geschehen muss*“, sagte einst der bayerische Sprachforscher und Dialektologe JOHANN ANDREAS SCHMELLER (1785-1852), und fährt dann fort: „*es ist das Eichen eines Maßes an diesem Maß selbst; ein Beschauen gefärbten Glases durch gefärbtes Glas; ein MÜNCHHAUSENSches Ziehen am Schwanz des Pferdes, auf dem man sitzt*“ [3:26]. „*Die Sprache kann*“, so WILHELM VON HUMBOLDT (1767-1835), „*unter keiner Bedingung wie eine abgestorbene Pflanze erforscht werden, denn Sprache und Leben sind unzertrennlich*“ [9].

Was ist Deutsch? Vor etwas mehr als 100 Jahren parodierte der österreichische Schriftsteller und Philosoph FRITZ MAUTHNER mit seiner Antwort auf diese Frage vermeintlichen Tiefsinns: „*Das in unseren Schulen gelehrt Hochdeutsch ist – das in unseren Schulen gelehrt Hochdeutsch*“ [13: 159].

Um sprechen zu lernen, muss man nicht zur Schule gehen, wohl aber, um etwas über Sprache zu lernen. Und dieses Sprachwissen aus den beiden ersten Lebensjahrzehnten konserviert man, es wird zur Elle, mit der man alle sprachlichen Neuerungen misst. Neue Erscheinungen in der Sprache werden nicht annähernd so leicht akzeptiert wie z. B. solche im Automobilbau. Was hier neu ist, wird mit Fortschritt gleichgesetzt und begrüßt – das neue Auto ist in jedem Fall besser als das alte. Verändertes Design in der Sprache macht hingegen misstrauisch. Hier ist der zeitlos-klassische Typ gefragt, das Kunstwerk vergangener Zeiten, wo doch die Sprache „*eines der ältesten Kulturgüter, das die Nation zu bewahren hätte, und so ziemlich das wichtigste*“ [13: 159]. Auch über diese Auffassung spottete bereits FRITZ MAUTHNER „*Man hat die Sprache so oft ein bewunderungswürdiges Kunstwerk genannt, das die*

meisten Menschen diese schwebende Nebelmasse in einem verfließenden Begriff wirklich für ein Kunstwerk halten. Nur dass der eine dieselbe Bildung für eine Wiesenfläche, der zweite sie für einen alten Tempel und der dritte sie für ein Porträt seines Großvaters hält“[13: 26].

Das Heiligtum Sprache solle man vor Entweihungen bewahren und die Frevler bestrafen. Als eine Spielwiese diene die Sprache schon immer. – nicht nur Dichter wie CHRISTIAN MORGENSTERN (1871-1914) oder ALFRED DÖBLIN (1878-1957), denn auch Graffiti-maler und Werbetexter tollten auf ihr herum. Als ein recht uneinheitliches Ganzes bietet sich das Deutsche heute dar, *ein Begriff*, mit dem man es bezeichnen kann, lässt sich nicht finden.

Die deutsche Sprache ist vor allem eine europäische Sprache; ihre Zukunft entscheidet sich in Europa, denn hier hat sie ihren Schwerpunkt. Sie wurde nicht durch Kolonialismus in der Welt verbreitet. Doch übertrifft sie in Europa nach der Zahl der Muttersprachler (95 Mio. in Europa, 120 Mio. weltweit) und der Zahl der Staaten (7), in denen sie Amtssprache ist. Die Bibel hat einen nachhaltigen Einfluss auf deutsche Kultur, Sprache und Literatur ausgeübt. Kultur ist die Summe aus Sprache und Religion.

Die großen und die kleinen Fragen in einer Gesellschaft spiegeln sich immer im Sprachgebrauch. Bereits die alten Ägypter wussten, dass „*das Wort der Vater des Gedankens*“ ist und erkannten an, dass die Sprache Fundament und Baumaterial des sozialen Hauses unserer Gesellschaft ist. Die Sprache trägt, ermöglicht und stärkt auf vielfältigen Ebenen die menschliche Begegnung, von internationalen bis hin zu intimen Beziehungen.

Unsere Sprache signalisiert nicht nur, woher wir kommen, wofür wir einstehen und zu wem wir gehören, sondern verleiht auch unseren individuellen oder ethnischen Rechten Geltung. In der ganzen Geschichte beurteilten Menschen immer andere Menschen nach ihrer Sprache, ihrem regionalen Dialekt und sogar nach ihrer persönlichen Wortwahl. Die Menschen weisen einander nach Maßgabe ihrer Sprache, bewusst oder unbewusst, einen Platz in der Welt zu.

Dieses sprachliche Verdikt formte die gesamte menschliche Geschichte.

Wenn man bedenkt, dass erst die Sprache den Menschen zum Menschen macht und erst mit Sprache alle geistigen und kulturellen Leistungen des Menschen errungen werden konnten, hat dieses Problem etwa den gleichen Stellenwert wie die Frage nach der Entstehung des Lebens oder des Universums. Sprache bedeutet Menschwerdung.

Der Ursprung der Sprache bleibt Geheimnis wie der Ursprung des Lebens. Die Ursprache ist auch nicht nachzubauen, da die ältesten Sprachzeugnisse nicht weiter zurückreichen als etwa 5000 Jahre. Das Ur-Indogermanische ist schätzungsweise 5000 - 3000 v. Chr. entstanden, über sein Ursprungsgebiet gibt es keine Klarheit. Die Indogermanen sind aber vermutlich die Träger der Kurgan-Kultur (sog. „*Schnurkeramiker*“), die um 5000 v. Chr. nördlich des Kaspischen Meeres existierte. Anhand von Gemeinsamkeiten im Vokabular für bestimmte Pflanzen und technische Errungenschaften und Unterschieden im Vokabular für andere Vegetation und Errungenschaften lässt sich dieser Ursprung ungefähr zeitlich und geographisch eingrenzen. Auch vermögen wir Sprechenden uns nicht freizumachen vom sprachbezogenen Denken. Sprache beruht auf Gemeinschaft. Gelehrt ausgedrückt: Sprache ist ein historisches und gleichzeitig soziales Phänomen. Sie ist für uns entweder Muttersprache oder Fremdsprache. Wir sprechen die Sprache Früherer.

In der Sprache vereinen sich Natur und Geist. Bereits der Philosoph und Pädagoge JOHANN GOTTFRIED HERDER (1744-1803) hatte erkannt, dass zwischen der Körperbeschaffenheit und Sinnesausstattung des Menschen einerseits und seiner Sprachfähigkeit andererseits ein Zusammenhang besteht. Der Mensch ist weder schnell noch kräftig noch scharfäugig noch hellhörig genug, um sich in feindlicher Umwelt behaupten zu können. Allein seine Sprachbegabung verschafft ihm Überlegenheit. Nur die Vorteile, die ihm die Sprachfähigkeit bringt, sichern ihm als Gattung das wirklich überdauernde Leben [8].

In diesem anspruchslosen Sinne ist der Mensch das zur Sprache fähige Wesen – zur ‚Sprache‘ als ein Werkzeug zum Ordnen der Welt; er ist befähigt, aber nicht bestimmt; denn wir müssen eingestehen, dass nicht alle Aufrechtgehenden jene wesentliche Eignung der Sprache zu nutzen vermögen.

Es ist in der Tat sinnvoll, sich mit der materiellen Basis der *Macht durch Sprache, der Macht und Ohnmacht des Wortes* zu befassen und zu fragen, inwieweit und auf welche Weise dieses **Werkzeug Sprache** gewalttätig wirkt und die Kommunikation verändert oder gar zerstört? Zu allen Zeiten wurde die menschliche Sprache nicht nur als Mittel zur Verständigung, sondern auch als Instrument der Beeinflussung benutzt. Aber in früheren Zeiten bewegte sich das, was man öffentliche Meinung nennt, wie ein ruhig dahin fließendes Gewässer, vergleicht man damit den heutigen Zustand, der das Bild eines hochgehenden Wildbachs mit Stromschnellen, Strudeln und Treibholz heraufbeschwört.

Die an sich richtige Erkenntnis, dass die Sprache nicht nur ein bloßes Werkzeug zur Verständigung, sondern auch als „objektiver Geist“ betrachtet werden kann, als eine wirkende Kraft, die in mancher Weise Weltbild, Fühlen und Denken des einzelnen Sprechers zu beeinflussen vermag; diese Erkenntnis stiftet manche Verwirrung bei dem, der sich eingehender mit zahlreichen sprachkritischen, besonders politisch gefärbten Darstellungen unserer Zeit befasst und dabei erfahren muss, welche verheerende Wirkung vom Ungeist einer Sprache ausgehen kann. Bei diesen sprachkritischen Erörterungen spielen offensichtlich Halbwahrheiten und Lügen eine erhebliche Rolle. Diesem Sprachgeist wird eine Ausstrahlungskraft zugewiesen, der der einzelne Sprachteilhaber wehrlos ausgeliefert ist. In solcher Sicht erscheinen vor allem bestimmte Wörter einer Sprache wie Soldaten, die auf eigene Faust in den Krieg ziehen und den ahnungslosen Benutzer der Sprache terrorisieren. Wer die Macht hat, hat in einiger Hinsicht auch die Macht über die Sprache; und wer die Macht über die Sprache hat, befestigt seine politische Macht. Wörter als Schleier, Wörter als Machtmittel. Oft genug dient Sprache nicht der Information, sondern der Verschleierung. Die Sprache wird auch als Beruhigungsmittel missbraucht, Worte als *Tranquilizer, Sedativ-Substantive, Valium-Verben*. Noch bevor das erste Kernkraftwerk ans Netz ging, wurde das besänftigende Vokabular in die öffentliche Diskussion eingespeist: Um *saubere Energie* handle es sich, allenfalls mit einem *theoretischen Restrisiko*. Wenn etwas schief ginge, dann wär's höchstens ein *Störfall*. Wir sprechen von *Schadstoffemission* und wenn man Salzsäure ins Meer kippt von *Dünnsäureverklappung*. Die Worttäuscher haben die Rosstäuscher abgelöst. Um das gewaltsam klingende Wort *Abtreibung* zu vermeiden, erfand man die *Schwangerschaftsunterbrechung*, die in Wirklichkeit die Schwangerschaft beendet, also *abbricht*. Verschönerung der Welt durch sprachliche Maßnahmen.

Die verführerische Kraft einer Ideologie oder einer Pseudoweltanschauung erwächst aus einem raffinierten oder gewissenlosen Denken, das es versteht, durch eine Verwirrung der Begriffe die Sprache zu einem Werkzeug des Machtstrebens zu machen. Wir schreiben der Sprache im Guten wie im Bösen eine geradezu magische Kraft zu.

Sprache ist Ausgangsbasis jeder Art von Denken und Mitteilen. Sprache und Leben sind unzertrennlich. Sprache ist Wesen und Herz der Welt. Das Wort in seinem engsten und weitesten Sinne, als Einzelwort und als Sprache, ist eine Wesenszweiheit, eine Verbindung von Wortleib und Wortseele.

Die Sprache ist dem Menschen wie der aufrechte Gang zu eigen; sie zeichnet ihn vor den übrigen *animalia* aus, die auch Kommunikationen verschiedenster Art zustande bringen (z. B. die Bienen); aber der Mensch ist in der Lage, solche Kommunikationsform sich bewusst zunutze zu machen. „Die Sprache“, wir zitieren wiederum GOETHE, „ist ein Werkzeug, zweckmäßig und willkürlich zu gebrauchen; man kann sie ebenso gut zu einer spitzfindig-verwirrenden Dialektik wie zu einer verworren-verdüsternenden Mystik verwenden“ [6] und man kann sie – so fügen wir hinzu – zum Mittel künstlerischen Ausdrucks gestalten. Die Wörter sind, um mit dem Sprachinhaltsforscher und Sprachwissenschaftler LEO WEISGERBER (1899-1927) zu sprechen, „Zugriffe auf die Welt“; der

Wortschatz einer Sprache ist für das Bewusstsein nicht nur ein Aggregat von Wörtern, sondern so etwas wie ein großer, niemals abgeschlossener „Katalog der Welt“.

Gebrauch, aber auch Möglichkeiten des Missbrauchs, Sprachwandel, Einbettung in unsere technisierte alltägliche Situation und Sprache in einer globalisierten Welt als Reflex unseres Denkens und Fühlens, diesen Horizont wollen wir umschreiten, und wir werden am Ende vielleicht sehen, welch wundersames Werkzeug uns mit der Sprache in die Hand gegeben ist, um die Welt zu verstehen. Das wird uns beflügeln, mit der Sprache sorgsam umzugehen.

Ein Mensch spricht durchschnittlich 2000 – 5000 Wörter pro Tag – Frauen mehr, sie reden im Durchschnitt 20 000 Wörter/Tag, Männer weniger, ~ 7000/Tag. Der Grund ist nach Erkenntnissen der neurologischen Forschung, dass das weibliche Gehirn 11% mehr Nervenzellen hat als das männliche – besonders in jenen Arealen, die für Gefühle und Erinnerungen zuständig sind. Frauen haben quasi eine achtspurige Autobahn, um Gefühle zu entwickeln, Männer nur eine Landstraße.

Nach einer anderen Statistik nehmen Frauen im Durchschnitt 30.000 Wörter pro Tag in den Mund, Männer dagegen 25.000.

Sprache verbindet, trennt, empört, erfreut. Sie wird geschützt und verhunzt, geliebt und gefürchtet, geregelt und vernachlässigt.

Das Wort ist nie „bloßer“ Ausdruck des Gefühls; Die Wort-Schatzkammer einer Sprache ist gleichsam der Bienenkorb des kulturellen Gedächtnisses; und als Honigsammler des Geistes sind wir unterwegs, um möglichst viel aufzunehmen und heimzubringen (und evtl. auch zu bestäuben).

„Das Wort ist wie der unbefleckte Geist, es ist die Schatzkammer für den Schrein der unsichtbaren Welt. Das Wort erzählt ungehörte Geschichten und liest nie geschriebene Bücher. Schau richtig hin, und du wirst merken, dass von allem Gottgeschaffenen nichts bestehen bleibt, es sei denn das Wort“ [14].

Der Mensch ist trotz seiner Individualität ein Gemeinschaftswesen. *„Wer außerhalb der Gemeinschaft steht, ist kein Mensch, sondern entweder ein Tier oder ein Gott“* [1: 245]. Menschliches Leben innerhalb einer Gemeinschaft bedarf der Sprache. Sie vor allem ermöglicht und steuert das Zusammenleben sowie den gemeinschaftlichen (arbeitsteiligen) Aufbau einer materiellen und geistigen Kultur. Ohne Sprache gäbe es keine wirkliche Verständigung, keine Vermittlung von Anweisungen, Meinungen, Erfahrungen und geistigen Werten, keine Streitereien und Wutausbrüche, ja es gäbe *„ohne Sprache kein entwickeltes und leistungsfähiges Denken“*, so der Wiener Sprachpsychologe FRIEDRICH KAINZ (1897-1977) in seiner *Einführung in die Sprachpsychologie* und *„weil sie unentbehrliche begriffliche Stützen, syntaktische Haltepunkte, feste geistige Strukturen bietet, an denen sich das Denken empor zu ranken vermag“* [10: 67]. Das kleine Kind, dessen Sprech- und Denkfähigkeit noch wenig entwickelt ist, wird daher von den Römern mit Recht als *in-fans*, eigentlich *„noch nicht sprechend“* abgehoben. Es vermag noch nicht wirklichen Anteil am menschlichen Leben zu nehmen.

Wir gebrauchen die Sprache fortwährend zum Reden und Hören, zum Schreiben und Lesen, und sie ist auch das Medium unseres Denkens. Sie liefert uns die unentbehrlichen Mittel, uns und unsere Umwelt darzustellen, zu beschreiben und zu verstehen. Sprache ist die Meßlatte für Kultur und Intelligenz.

Wir können also mit der Sprache viel machen: Schönes und Hässliches, Liebes und Böses; sie ist schließlich nicht nur Werkzeug, sondern auch Waffe, und eine Waffe ist schließlich nur ein spezifisches Werkzeug.

Für den unbefangenen Sprecher ist das Wort die *„kleinste selbständige, im Satz isolierbare sprachliche Einheit“* der Sprache, die man als *„Minimaläußerung“* einsetzen kann. Jedes Wort birgt seine eigene Überraschung und bietet dem, der darüber nachdenkt, eine erstaunliche Vielfältigkeit des Werkzeuges Sprache. Der Mensch hat nach dem englischen Philosophen, Arzt und Politiker JOHN LOCKE (1632-1704) die angeborene Fähigkeit, die Wörter *„zu Kennzeichen für die in*

seinem eigenen Geist vorhandenen Ideen zu machen“ und sie als abstrahierende Elemente zu verwenden, die *„mehrere einzelne Dinge zusammenfassen“*. In den Wörtern sieht er deshalb auch die wichtigsten Elemente der Sprache.

Jedes Wort hat einen *dreifachen Charakter*. Jedes Wort ist die *Synthese*

1. einer begrifflichen Vorstellung (das heißt eines Konzepts),
2. einer Äußerung und
3. einer synthetischen Rolle.

Oder anders formuliert:

jemand, der ein Wort kennt,

1. weiß, was es bedeutet,
2. wie man es ausspricht und
3. in welcher sprachlichen Umgebung,

das heißt, in welchem Kontext man es verwenden kann [12].

Wir möchten hier auch die enge Verbindung zwischen Sprache und menschlicher Geschichte beleuchten, damit wir dadurch ein stärker differenziertes, d. h. ein lebendiges, lebensnahes Bild der Sprache, ihrer Wirkungsmöglichkeiten und ihres Verhältnisses zur Gesellschaft gewinnen können. Die Macht des Wortes hat man, die Herrschaft darüber muss man ausüben. Die Bedeutung eines Wortes ist sein Gebrauch in der Sprache.

Drei Dinge können wir nie wieder zurückholen: den abgeschossenen Pfeil, das ausgesprochene Wort und die vergeudete Zeit!

Macht durch Sprache setzt die Beantwortung der Frage „Was ist Sprache“? voraus.

Nach WILHELM VON HUMBOLDT ist sie *„das Umschaffen der Welt in das Eigentum des Geistes“*, nach Friedrich KAINZ und ANTON MARTY (1847-1914) *„jede absichtliche Äußerung von Lauten als Zeichen psychischer Zustände“* [9]. Für den Philosophen GEORG FRIEDRICH WILHELM HEGEL (1770-1831) ist sie *„die Tat der theoretischen Intelligenz im eigentlichen Sinne“*, für den italienischen Philosophen BENEDETTO CROCE (1866-1952) *„ein artikulierter, umgrenzter, für den Zweck der Expression organisierter Laut“*; der Genfer Linguist FERDINAND DE SAUSSURE (1857-1913) bestimmt die Sprache als ein *„System von Zeichen, die Ideen ausdrücken“*, der dänische Sprachwissenschaftler LOUIS TROLLE HJELMSLEV (1899-1965) sieht in der Sprache eine spezielle *Struktur* unter vielen möglichen Strukturen allgemeiner Semiotik. DE LAGUNA sagt: *„Speech is the great medium through which human cooperation is brought about“*. Für den amerikanischen Ethnologen und Linguisten EDWARD SAPIR (1884-1939) ist die Sprache ein *System* von Ausdruckssymbolen, und dessen Landsmanns LEONARD BLOOMFIELDS (1847-1949) Kernsatz über die Sprache lautet: *„language enables one person to make a reaction when another person has the stimulus“*.

Diese Definitionen widersprechen sich nicht, sie ergänzen sich. Die Sprache ist *Umschaffen, Tat, Laut, System, Struktur* etc., sie ist alles zugleich.

Sprache ist eine so zentrale, komplexe und vielseitige Erscheinung, dass sie sich einer einfachen Definition entzieht. Indem man jeweils einen Aspekt hervorhebt, wird Sprache u. a. definiert als angeborene artspezifische Fähigkeit des Menschen, als strukturiertes System von Zeichen, als internalisiertes System von Regeln, das Laut und Bedeutung in Beziehung setzt, als Ausdruck von Gedanken durch Laute, als Werkzeug und prägendes Element des Denkens, als Form menschlicher Erfahrung und Welterfassung, als Kommunikations- und Verständigungsmittel, als Menge von erlernten Gewohnheiten, auf Reize der Umwelt angemessen zu reagieren, als soziale Institution, als System von Mustern oder Regeln sozialen Handelns, als Voraussetzung und Form von Geschichte, Kultur und Kunst.

Da Sprache mit fast allen Bereichen des menschlichen Lebens zusammenhängt, kann diese unter einer unüberschaubaren Zahl von Gesichtspunkten analysiert werden. Sie ist für uns so selbstverständlich, dass wir uns ihrer Funktionsweisen und Regeln vielleicht nur dann bewusst werden,

wenn sie nicht „funktioniert“, wenn wir nicht verstehen, was andere reden oder schreiben, und dann nach den Ursachen dafür fragen. Die Sprachstörungsforschung, die als Oberbegriff für die Erforschung aller Beeinträchtigungen des Gebrauchs und Verstehens von Sprache steht, gehört zur Psycholinguistik. Heute werden all diese Forschungstätigkeiten unter dem Begriff der Klinischen Linguistik zusammengefasst. Als die am besten erforschte Sprachstörung kann wohl die Aphasie gelten. Seit der so genannten „Kognitiven Wende“ der 80er Jahre des 20. Jahrhunderts wird in der Kognitiven Linguistik durch vermehrte Zusammenarbeit mit anderen Disziplinen wie Psychologie und Medizin an der Klärung der Frage gearbeitet, wie man mentale Sprachprozesse und Sprachstrukturen beschreiben kann.

Was leistet die Sprache oder verschleiert sie im Prozess der zwischenmenschlichen Kommunikation? Wo verlaufen ihre Grenzen bei der Beschreibung der Wirklichkeit zum Zweck der Mitteilung oder des Urteilens, des Überzeugens oder des Distanzierens.

Dem Leser der Tageszeitung, Fernsehzuschauer, Rundfunkhörer, dem Literatur-, Theater-, Kinofreund, dem Redner wie dem Zuhörer bieten Grundkenntnisse über die Funktionsweise von Sprache und Grammatik wichtige Vorteile. Erst dann weiß er zu unterscheiden zwischen sachlicher Aussage und Manipulation; er erfährt die Wirkung seiner Worte, die Assoziationen und Reaktionen, die sie auslösen; die Mittel der Literatur-Produzenten, der Journalisten, der Werbe-Leute werden für ihn durchschaubar.

Es gibt einen speziellen Mythos der Sprachmanipulation, wie er am bekanntesten dargestellt wurde von GEORGE ORWELL (1903-1950), eigentlich ERIC ARTHUR BLAIR, in der „*Newspeak (Neuspreche)*“, in seinem inzwischen als Klassiker geschätzten Roman *Utopie „1984“*, (die Zahl entstand durch eine Umstellung der Jahreszahl 1948). In ORWELLS Roman lässt eine totalitär regierende Partei eine neue englische Sprache entwerfen und verbreiten, die auf die geistige Beschränkung und Normierung des Menschen abzielt und ihn quasi zur Verblödung und zum Kadavergehorsam zwingt. Die genauen Charakteristika des „*Newspeak*“ hat ORWELL im Anhang zu seinem Roman dargestellt.

Soziologen waren es eher als Linguisten, die die Macht der Wörter und Worte höher einschätzten. Aber die wichtige, die Sache in ihrer Eigenart treffende und fördernde Frage ist ja nicht, ob Sprache, ob Wörter Macht haben oder nicht, sondern wann sie unter welchen Umständen mit welchen Mitteln über welche Adressaten welche Macht haben. Generell wird man sagen dürfen, dass die Macht der Sprache und der Sprachmanipulation heute außerhalb der Linguistik eher über- als unterschätzt wird, eben im Sinne und unter dem Einfluss des Mythos von der Sprachmanipulation.

Dieser Mythos, der zugleich eine Leerformel ist, kann eine klärende und eine verwirrende Wirkung haben: ein klärende, wenn er eine Mahnung wird, die Leerformel auszufüllen, und den Mythos in seiner Wirkung genauer zu erkennen vermag; eine verwirrende, wenn nur die Leere als Gemeinsamkeit genommen und der schon vulgarisierte Mythos zur Magie umgedeutet wird. Aber diese sprachlichen Erinnerungs- und Mahnzeichen stehen nicht nur im sprachlichen Kontext, sie befinden sich immer und entscheidend auch in einer konkreten geschichtlichen Situation, in einer Konsituation.

Nicht nur irgendwelche böse Machthaber manipulieren die Sprache, wir sind es selbst. Manager sprechen von der „Freistellung“ ihrer Mitarbeiter, die sie gefeuert haben. Ein Städteplaner nennt den Abriss eines Hauses „Rückbau“, doch gebaut wird da nichts. Politiker tun es ihnen gleich.

Es soll ein Blick hinter die Kulissen der Sprache ermöglicht und ein neues Gespür für die vielfältigen Ausdrucksformen, Ausdrucksmittel, Deutungs- und Bedeutungsmöglichkeiten vermittelt und erklärt werden, warum wir uns mit Hilfe der Sprache verständigen können und warum es manchmal zu Missverständnissen kommt.

Sprachkritik ist begrifflich vieldeutig: in ihr vereinigen sich sowohl Redekritik wie Stilkritik, Sprachentwicklung wie Sprachlenkung. Als unausgesprochenes Kriterium gilt häufig der persönliche Geschmack, als sachlicher Maßstab Logik und Historie. Aus der Vielfalt angewandter Arten der Sprachkritik

die sinnvollste und zuverlässigste auszuloten, ist der Vorzug dieser Ausführungen: Denn der Nuancenreichtum deutscher Sprache – sprachkritisch seziert anhand wissenschaftlicher Methodik – ist ein Lehrfeld für alle, die bewusst sprechen und präzise verstanden sein wollen, die sensibilisiert das manipulierte Wort aufnehmen, dessen Einsatz auf Verführung, Verfälschung und Veränderung zielt. Man kann mit dem gewaltigen Werkzeug Sprache Macht ausüben, ja gewalttätig wirken.

Wenn man von der Macht und von der Gewalt der Sprache redet, wenn man dieses Thema auch nur nennt, denkt wohl jeder sogleich an all das, was man mit Sprache machen kann, wie man also mit dem gewaltigen Werkzeug Sprache gewalttätig wirken kann. Eigentlich aber ist, dass man dies kann, bare Selbstverständlichkeit. Natürlich kann man mit der Sprache oder mit einer Sprache viel machen, Schönes und Hässliches, Liebes und Böses; sie ist nicht nur Werkzeug, sondern auch Waffe, und eine Waffe ist schließlich ein spezifisches Werkzeug. Der österreichische Neurologe und Psychotherapeut Sigmund FREUD (1856-1939) sagt andererseits einmal – auch dies muss man sehen –, die Sprache bedeute in der Geschichte des Menschen „*in mancher Hinsicht einen kulturellen Fortschritt*“, insofern sie es nämlich erlaubte, dass sich „*die Tat zum Wort ermäßigte*“ [4: 275-277]. Man kann mit der Sprache gewalttätig sein, man kann mit ihr zur physischen Gewalt überleiten, sie vorbereiten und gleichsam anheizen; man kann aber auch – und dies gerade in der gewalttätigen sprachlichen Verlautbarung – das Sprechen zum Surrogat physischer Gewalt werden lassen, man kann sie auch so gebrauchen: Beschimpfung, Beleidigung statt körperlicher Verletzung oder Tötung. Aber uns interessiert zunächst nicht, was man mit Sprache machen kann: uns interessiert, was schon in ihr ist, bevor noch irgendetwas mit ihr „gemacht“ wird.

Man muss also einmal wieder unterscheiden zwischen Sprache als Sprachbesitz und als Sprachäußerung. Also wieder, mit FERDINAND DE SAUSSURE *la langue* – das, was in unseren Köpfen ist, auch wenn wir nicht sprechen und niemandem zuhören – und *la parole* [16], die konkreten Sprechäußerungen. In diesen Äußerungen ist aber dann (das ist für Linguisten das schwierige und oft von ihnen gar nicht gesehene Problem) nie nur Sprache; da ist nicht einmal in erster Linie Sprache, sondern zunächst etwas anderes als Sprache, sagen wir pauschal: da sind Gedanken und Gefühle und Willensbekundungen, und diese ereignen sich im Medium der Sprache. Sie sind nicht selbst Sprache, sie treten nur in deren Medium auf. Es ist bereits eine Verkürzung zu sagen, die Sprachäußerungen, die Texte, in diesem weitesten Sinn (das heißt: im Sinne der Textlinguistik), seien etwas Sprachliches. Ein Text ist nicht etwas Sprachliches, er ist ein Etwas im Medium des Sprachlichen. Es ist wirklich nicht dasselbe. Und wir sagen Medium, nicht Werkzeug, denn mit diesem letzteren Begriff geraten wir auch sogleich in Schwierigkeiten. „Werkzeug“ setzt ja voraus, dass auch nur einigermaßen klar getrennt werden kann zwischen dem, was da ausgedrückt wird, und dem Mittel, eben dem Werkzeug, mit dessen Hilfe das Auszudrückende ausgedrückt wird oder wurde. Die Sprache kann als Werkzeug gesehen werden, ohne Zweifel, aber es bleibt eine verkürzte Sicht.

Sprache hat Werkzeugcharakter, aber sie ist nicht nur Werkzeug. Die Bestimmung der Sprache als Werkzeug ist ja alt. Sie findet sich schon in der Antike bei PLATON: ein „*órganon*“ zu zwei Zwecken, wie PLATON dies sieht – erstens zur Unterscheidung der Dinge, also zur Erkenntnis (*órganon diakritikón*), zweitens zur Mitteilung (*órganon didaskalikón*). Aber längst wissen wir alle: so einfach ist das nicht – da die Dinge und hier die Sprache, das Auszudrückende (Gedanken, Gefühle, Willen), hier das Instrumentarium, das die Sprache bereitstellt in ihren lexikalischen, grammatischen und ihren suprasegmentellen Mitteln (mehr hat sie nicht als diese drei). So eindeutig lässt sich das Sprachliche vom Übrigen nicht ablösen. Und hier kommt nun schon formal und allgemein Sprache als Macht und Gewalt ins Spiel. Wir müssen damit rechnen, dass wir über die Sprache nicht einfach verfügen wie über die einzelnen Bestandstücke eines Werkzeugkastens, den wir zu einem Geschäft mitbringen, sondern dieser „Hammer“, um ein Instrument herauszugreifen, verfügt auch über uns, jedenfalls: nicht nur wir verfügen über ihn.

In jeder Äußerung ist aber dann schon mehr und anderes als Sprachliches; das Sprachliche ist in ihm nur Medium. Und das Sprachliche, das im Text erscheint, steht nicht einfach im Verhältnis eines bloßen und frei verfügbaren Werkzeugs zu dem, was im Text ausgedrückt ist in Gedanken, an Gefühlen und an Willen und Wollen. Hierbei unterstelle ich einmal – es ist dies ein weiteres Problem –, dass sich diese drei Typen seelischer Regungen einigermaßen trennen lassen; andererseits sind es ja bloße „Typen“; in der Praxis des Sprechens sind da Misch- und Dominanzphänomene.

Hier sind wir nun bei der *Macht* der Sprache, ihrer *Gewalt*, Sprache nun als *Sprachbesitz* (als *la langue*). Darauf zielen hier; die Macht, die Gewalt, die, möglicherweise, in der Sprache als Sprachbesitz schon ist, bevor ich noch irgendetwas mit ihr „mache“, bevor ich sie also so oder so „instrumentalisieren“ (man fällt, unwillkürlich, gleich wieder in die Werkzeugvorstellung zurück – man weiß, dass da nicht bloß etwas Werkzeugartiges ist und muss es doch, unvermeidlich, immer wieder so sagen).

Gibt es, so gesehen, eine Macht, eine Gewalt durch oder in der Sprache selbst? Wir stoßen bei dieser Frage zunächst auf ein sprachliches, ein lexikalisches Problem.

In vielen Sprachen hat man zumindest zwei Wörter, die zueinander in deutlicher Spannung stehen: *Macht* und *Gewalt*. Man könnte auch *Autorität* hinzusetzen oder auch Kraft und Stärke. Aber bleiben wir einmal bei Macht und Gewalt, die untereinander enger zusammenhängen als mit den übrigen. Im Englischen gibt es bloß *power*, denn *violence* ist etwas anderes. Ähnlich französisch *le pouvoir* und *la violence*, oder spanisch *el poder* und *la violencia*. Im Deutschen also *Macht* und *Gewalt*: Gewalt scheint mehr das Ungesetzliche, Ungeregelte, Undisziplinierte und das eher Gefühlsbedingte zu meinen. Aber so einfach ist dies nicht – wir reden zum Beispiel vom „Gewaltmonopol des Staates, und hier stellen wir uns „Gewalt“ als etwas geregeltes vor, also nicht „Machtmonopol“. Und dann sagt etwa auch und sogar, z.B., deutscher Grundgesetz (Art. 20, Absatz 2): „*Alle Staatsgewalt geht vom Volke aus. Sie wird vom Volke in Wahlen und Abstimmungen und durch besondere Organe der Gesetzgebung, der vollziehenden Gewalt (!) und der Rechtssprechung ausgeübt.*“ Und auch hier ist mit „Gewalt“ genau Geregeltes gemeint. Wir schlagen vor, dass wir diesen Unterschied zwischen Macht und Gewalt, fürs erste jedenfalls, beiseite lassen und beide Wörter synonym behandeln. Es geht um die Macht und/oder die Gewalt der Sprache, und wir müssen gleich hinzusetzen, dass die Macht oder Gewalt sich hier auch äußerst sanft zeigen kann: sanfte Macht, sanfte Gewalt, ja, vielleicht sogar unspürbar sanfte Gewalt – und gerade deshalb ist oder wäre diese Gewalt möglicherweise besonders gefährlich. Unser Sprachbesitz ist ja insgesamt Tradition; er ist für jeden das fraglos Übernommene; er ist für jeden von uns die erste Tradition, ein erster „Außenhalt“; und er ist eine Tradition, unter der man nicht leidet (im Unterschied zu anderen Traditionen, in die man hineingeriet); da ist eine Art Urvertrauen und so weiter. Wir denken, man muss die Sprache mit dem in Zusammenhang bringen, was SIGMUND FREUD das „Über-Ich“ nennt, obwohl er selbst, der sich für Sprache stark interessierte, dies nicht tat.² Die Sprache entsteht in uns durch „Identifikation“, nicht durch bloße „Imitation“; wir identifizieren uns mit ihr (das heißt: mit denen, deren Sprache und Sprechen wir übernehmen); ich empfinde sie, als wär’s ein Stück von mir, obwohl ich sie doch restlos von anderen übernommen habe [4].

Unsere Sprache gewinnt in uns Identifikationsmacht, dann Symbolkraft und auch, im Verein damit, etwas wie Objektivität. Daher die, wie wir finden, eigentlich – nämlich wissenschaftlich – ganz unberechtigte Rede, die man so oft hört (sie ist allenfalls unter rhetorischem Gesichtspunkt zu rechtfertigen): „schon die Sprache sagt uns...“. Wie wenn unsere Erkenntnis in der vermeintlichen Objektivität der Sprache, die ja ohnehin immer nur eine einzelne Sprache ist, einen festen Halt finden könnte – einen Halt außerhalb unserer Erfahrung der Dinge und unserer Vernunft. Diese ließe sich nun gleich anwenden auf unser Problem: In der Unterscheidung von „Macht“ und „Gewalt“

liege, könnte argumentiert werden, etwas wie ein Beweis dafür (schon die Sprache sagt es), dass es sich wirklich um verschiedene Dinge handelt. Doch das ist unzulässig.

Im September 1932 schrieb SIGMUND FREUD an den Physiker, Begründer der allgemeinen Relativitätstheorie und Nobelpreisträger (1921 zur Quantentheorie) ALBERT EINSTEIN (1879-1955) einen quasi öffentlichen Brief, der auf einen Brief EINSTEINS antwortet. Es geht da um die Frage: „*Warum Krieg?*“. FREUD antwortet hier auf einen Brief vom Juli desselben Jahres, der sich mit der Frage befasst: „*Gibt es einen Weg, die Menschen von dem Verhängnis des Krieges zu befreien?*“. EINSTEIN erkannte klar den psychischen Charakter des Problems und formuliert in seiner letzten Frage: „Gibt es eine Möglichkeit, die psychische Entwicklung des Menschen so zu leiten, dass sie den Psychosen des Hasses und des Vernichtens gegenüber widerstandsfähiger werden?“ Bemerkenswerterweise fügt EINSTEIN hinzu, dass nach seiner Erfahrung die so genannte „Intelligenz“ ganz besonders dazu neige, diesen kollektiven Suggestionen zu erliegen – mehr als die so genannten „Ungebildeten“. Er bittet FREUD, mit dazu beizutragen, diese Frage zu beantworten. FREUD schreibt: „Sie beginnen mit dem Verhältnis von Recht und Macht. Das ist gewiss der richtige Ausgangspunkt für unsere Untersuchung. Darf ich das Wort ‚Macht‘ durch das grellere, härtere Wort ‚Gewalt‘ ersetzen? Recht und Gewalt sind uns heute Gegensätze. Es ist leicht zu zeigen, dass sich das eine aus dem anderen entwickelt hat, und wenn wir auf die Urfänge zurückgehen und nachsehen, wie das zuerst geschehen ist, so fällt uns die Lösung des Problems mühelos zu [...] Interessenkonflikte unter den Menschen werden [...] prinzipiell durch die Anwendung von Gewalt entschieden. So ist es im ganzen Tierreich, von dem der Mensch sich nicht ausschließen sollte. [...] Das ist also der ursprüngliche Zustand, die Herrschaft der größeren Macht, der rohen oder intellektuell gestützten Gewalt. Wir wissen, dies Regime ist im Laufe der Entwicklung abgeändert worden, es führte ein Weg von der Gewalt zum Recht, aber welcher? Nur ein einziger, meine ich. Er führte über die Tatsache, dass die größere Stärke des einen wettgemacht werden konnte durch die Vereinigung mehrerer Schwachen. *‘L’union fait la force’*. Gewalt wird gebrochen durch Einigung, die Macht dieser Geeinigten stellt nun das Recht im Gegensatz zur Gewalt des Einzelnen. Wir sehen, das Recht ist die Macht einer Gemeinschaft. Es ist noch immer Gewalt, bereit, sich gegen jeden Einzelnen zu wenden, der sich ihr widersetzt. [...] Der Unterschied liegt wirklich nur darin, dass es nicht mehr die Gewalt eines Einzelnen ist, die sich durchsetzt, sondern die der Gemeinschaft. [...] Die Gemeinschaft muß permanent erhalten werden, sich organisieren, Vorschriften schaffen, die den gefürchteten Auflehnungen vorbeugen, Organe bestimmen, die über die Einhaltung der Vorschriften – Gesetze – wachen und die Ausführung der rechtmäßigen Gewaltakte besorgen. [...] Damit, denke ich, ist alles Wesentliche bereits geschehen: die Überwindung der Gewalt durch Übertragung der Macht an eine größere Einheit, die durch Gefühlsbindungen ihrer Mitglieder zusammengehalten wird. Alles weitere sind Ausführungen und Wiederholungen“[4: 276].

Wir haben ausführlich zitiert, eben um nicht nur die Darlegung des Gedankens, sondern auch den Sprachgebrauch FREUDS (an dieser Stelle) zu illustrieren. Immer wieder gebraucht er nämlich beide Ausdrücke synonym, aber doch dann auch mit kleinen Differenzen (wie dies zur Synonymität gehört, denn linguistisch, nicht logisch, bedeutet „synonym“ nicht einfach Bedeutungsgleichheit). Mich interessiert hier in erster Linie, dass FREUD „Macht“ und „Gewalt“ als referentiell synonym betrachtet und in „Gewalt“ nur das „grellere, härtere Wort“ für dasjenige erblicken will, das auch das Wort „Macht“ meint. Das heißt: er setzt sich über die Sprache – hier die deutsche hinweg.

Vom Einfluss und der Macht des Wortes.

Die Sprache steht gleichsam unter dem Gesetz des Wechselstroms. Auf der einen Seite gibt der Mensch, der sich der Sprache bedient, ihr sein individuelles Gepräge, andererseits wird das Denken und Fühlen des Einzelnen von der Sprache mannigfach bestimmt. Denn, wie immer wieder betont werden muss, die Sprache, in die ein Mensch hineinwächst, ist nicht nur sein Werkzeug. Es geht von ihr eine Kraft aus, die sein Seelen- und Geistesleben, ja selbst sein Tun beeinflusst. Diesen

Einfluss im einzelnen zu bestimmen, klar zu scheiden zwischen dem, was der Mensch von der Sprache empfängt, und dem, was er ihr gibt, ist ein schwieriges Unterfangen der Sprachphilosophie und der Sprachwissenschaft. Es scheint so, dass fast in jeder verallgemeinernden Aussage über die Leistung der Sprache Wahrheit und Irrtum gemischt sind. Es ist eine vordringliche Aufgabe, sich Klarheit über Macht und Ohnmacht des Wortes zu verschaffen, zumal diese Macht auch als ein Verhängnis wirksam werden kann.

Die befreiende Kraft des rechten Wortes, zu rechter Zeit gesprochen, bedarf keiner Bestätigung, wie umgekehrt ein böses Wort vor allem in der Seele des Kindes verheerend wirken kann. Der leidende Mensch der stumm bleibt, leidet doppelt. Das Wort stiftet Gemeinschaft und erhält Gemeinschaft. Das Wort kann zünden, Willenskraft einbinden; es vermag Geister zu rufen und zu bannen, zu erleuchten und zu verblenden. Wir alle wissen das, mehr oder weniger.

Es gab Zeiten, wo man glaubte, die richtige Verwendung eines Wortes gebe Macht über Sachen, Personen oder gar Geistwesen, die es nennt. Der Münchner Lehrer, der Psychologe Philipp LERSCH (1898-1972), weist in einer Betrachtung über „*Sprache als Freiheit und Verhängnis*“ nachdrücklich auf diesen Tatbestand hin. Danach ist das Benennen der Inhalte der Welt durch das Wort ursprünglich ein Akt des Bewältigen-Wollens und Besitz-Ergreifens. Und in der Tat spielt in der Frühzeit der Menschheit nicht nur der Bildzauber eine Rolle [11].

Es gibt vor allem den Wortzauber, der auf der Ansicht beruht, dass das Wort das Bezeichnete verfügbar mache. Das Märchen vom Rumpelstilzchen (- ach wie schön, dass niemand weiß, dass ich Rumpelstilzchen heiß), aber auch GOETHES Ballade „Zauberlehrling“ bewahren uns noch Spuren dieses früheren Glaubens an die magische Kraft des Wortes. Danach besteht ein geheimnisvoller Zusammenhang vor allem zwischen den Namen und dem von ihnen Benannten. Noch im Hellenismus glaubte man in den Großstädten daran, dass man seinen Feind verderben könne, wenn dessen Name auf eine Bleitafel geritzt wurde, die eine Verwünschung trug. Aber die Ehrfurcht und Strenge, mit der bestimmte sprachliche Formeln z.B. in Rechtsverhandlungen und in Rechtssprechung, vor allem beim Schwören beachtet wurden, zeigen, dass schon frühe dem Wort eine Ordnung stiftende und bindende Macht zuerkannt wurde. Übrigens wollen Kinder auch heute noch bestimmte Geschichten immer nur in denselben Wendungen erzählt haben.

Es bekundet sich überall die Auffassung, dass das Wort in seiner Wirkung ernst genommen werden muss, dass es mehr ist als ein bedeutungsloses Etikett, das beliebig ausgetauscht werden kann. Dass Wörter nicht nur auf Aussersprachliches hinweisen, sondern es auch deuten und werten, ist es gewiss, dass von ihnen eine wirkende Kraft ausgeht. Das soll durch einige Beispiele verdeutlicht werden: Ein Engländer hört die Hähne wie in England *cock-a-doodle-doo* krähen und nicht *kikeriki*, weil er es mit dem Ohr seiner Muttersprache vernimmt. Ein Beispiel, wie die Sprache auf unser Empfinden einwirken kann, gibt uns das Wort „Spinne“. Es heißt: *Spinne am Morgen bringt Kummer und Sorgen*. Und doch beruht das alles nur auf einem zufälligen Verhören eines Wortklanges. Denn ursprünglich hieß es: *Spinnen am Morgen bringt Kummer und sorgen*, eben weil früher auf dem Lande nur gesponnen wurde, wenn es sonst nichts mehr zu verrichten gab, also am Abend.

Wörter können durchaus unser Tun beeinflussen. Der amerikanische Ingenieur und Linguist BENJAMIN LEE WHORF (1877-1941) berichtet in seinem Buch „*Sprache – Denken – Wirklichkeit*“ [18: 174], wie er als Chemie-Ingenieur bei der Analyse von Brandschäden die überraschende Entdeckung machen musste, dass auch die Wirkung von Wortbedeutungen die Ursache von Schadensfällen sein konnte. So war es z. B. in einem Lager von leeren Benzinfässern zu einer Explosion gekommen, weil ein brennender Zigarettenstummel in eine Tonne geworfen worden war. Die Tonnen waren ja alle „*leer*“ (*empty*), ein Wort, das im Amerikanischen auf alle Behälter angewandt wird, deren Inhalt verbraucht ist, ohne Rücksicht auf solche gefährliche Inhalte wie Dämpfe, Flüssigkeitsreste etc. „*Empty*“ bedeutet gleichzeitig „*null und nichtig, negativ, wirkungslos*“. Also, warum soll man da nicht brennende Zigaretten in „leere Tonnen“ werfen? [18: 174].

Die Beeinflussung des Menschen durch das Wort kann von erheblicher Bedeutung für den ganzen Bereich menschlicher Beziehungen, insbesondere auch für das ganze politische und geschichtliche Leben eines Volkes sein. Auch hierfür Beispiele: Als die PLEBEJER Roms 494 v. Chr. aus Unzufriedenheit wegen ihrer sozialen Lage auf den Heiligen Berg auswanderten, gelang es nach der Sage dem Patrizier MENENIUS AGRIPPA, die Abtrünnigen mit der suggestiven Kraft eines sprachlichen Bildes, dem Vergleich eines Volkes mit dem Organismus des menschlichen Körpers, in dem nicht nur die sichtbar schaffenden Hände, sondern auch der unsichtbare Magen eine unentbehrliche Rolle spielt, zur Rückkehr in die Stadt zu bewegen.

In den nordamerikanischen Kolonien schwelgte lange die Unzufriedenheit über die ungerechte Besteuerung durch das Londoner Parlament. Da schlug eine Losung, mit Kreide und Kohle an die Wände geschrieben, wie ein zündender Blitz ein: *Taxation without Representation is Tyranny!* Nur 5 Wörter; aber sie waren Dynamit. Hier wirkten vor allem Klang und Rhythmus und die Zielsicherheit im Aufruf höchster Wertvorstellungen, die seit langer Zeit mit den Wörtern „*tyranny*“ und „*representation*“ verbunden waren.

Hat nicht auch 1789 das „Allons enfants de la patrie, le jour de gloire est arrivé!“ durch seinen Wortzauber, den Appell an „gloire“ und „patrie“ die Kräfte entbinden helfen, die Geschichte machten (Französische Revolution)? Das ist heute die französische Nationalhymne. Das Wort kann also nicht weniger machtvoll sein als eine bewaffnete Armee.

Das hat NAPOLEON I. nach seinem eigenen Geständnis an der Wirkung der politischen Zeitung „*Rheinischer Merkur*“ erfahren, die der sprachgewaltige deutsche Publizist und Gelehrte JOSEF VON GÖRRES (1776-1848) von 1814 bis 1816 herausgab [7]. Es scheint so, dass fast in jeder verallgemeinernden Aussage über die Leistung der Sprache Wahrheit und Irrtum gemischt sind. Es ist eine vordringliche Aufgabe, sich Klarheit über Macht und Ohnmacht des Wortes zu verschaffen, zumal diese Macht auch als ein Verhängnis wirksam werden kann.

Diese Beispiele zeigen, dass mindestens bestimmte bedeutungsschwere Wörter unserer Sprache eine Dynamik haben, die Herrschaft über das Fühlen und Denken der Menschen ausüben kann. Ein Wort kann sich im Laufe seines Gebrauchs mit bestimmten Ideen, Wertvorstellungen und emotionalen Kräften aufladen. Man hat in diesem Sinne gar von einer bösen verlogenen Sprache gesprochen.

Der deutsche Schriftsteller PAUL ERNST (1886-1933) sagt in seinem Aufsatz: „*Die Macht der Worte*“, dass das Wort bisweilen die unbefangene Wahrnehmung der Wirklichkeit verstellt. Aber die Sprache an sich lügt nicht, wenn man auch sehr wohl mit ihr lügen kann. Dieser Unterschied wird nicht selten übersehen. PAUL ERNST spricht in diesem Zusammenhang die Überzeugung aus, „*dass in der heutigen Welt die Worte eine Macht haben, wie sie sie nie zuvor in der Geschichte der Menschheit hatte*“ [5]. Dieses Urteil wurzelt in seiner etwas zu pessimistischen Annahme, dass das Denken der Menschen im Laufe der beiden letzten Jahrhunderte immer nachlässiger geworden ist und wir uns nun einem „erschreckenden Übermaß des Unsinn“ gegenübergestellt sehen. Hinzu kommt, dass Wörter im Laufe der Zeit merklich oder unmerklich ihren Sinn verändern.

Kehren wir zur Behauptung vom Einfluss der Wörter auf die Gestaltung unseres gesellschaftlich-politischen Lebens zurück. In des Schriftstellers und Dramatikers BERTOLD BRECHTS (1898-1956) „*Fünf Schwierigkeiten beim Schreiben der Wahrheit*“ finden wir eine Betrachtung über die List, die Wahrheit unter vielen zu verbreiten. Dort schreibt er unter Anderem: „*Zu allen Zeiten wurde zur Verbreitung der Wahrheit, wenn sie unterdrückt und verhüllt wurde, List angewandt. KONFUTSE fälschte einen alten, patriotischen Geschichtskalender. Er veränderte nur gewisse Wörter. Wenn es hieß, „der Herrscher von Kun ließ den Philosophen WAN töten, weil er das und das gesagt hatte, setzte KONFUTSE statt töten ‚ermorden‘. Hieß es, der Tyrann Soundso sei durch ein Attentat umgekommen, setzte er ‚hingerichtet worden‘. Dadurch brach KONFUTSE einer neuen Beurteilung der Geschichte Bahn. Wer in unserer Zeit statt Volk ‚Bevölkerung‘, und statt Boden ‚Landbesitz‘ sagt, unterstützt schon viele Lügen nicht.[...] Für das Wort ‚Disziplin‘ sollte man, wo Unterdrü-*

ckung möglich ist und dadurch etwas Edleres an sich hat als Gehorsam. Und besser als das Wort ‚Ehre‘ ist das Wort ‚Menschenwürde‘. Dabei verschwindet der einzelne nicht so leicht aus dem Gesichtsfeld.“ Wir verkennen hier unschwer, dass Brecht mit Wörtern wie Volk, Boden, Disziplin und Ehre Kernbegriffe des nationalsozialistischen Wortschatzes treffen will. Er betreibt dabei allerdings ein wenig Sprachlenkung im Sinne seiner Weltanschauung und politischen Einstellung. Eine sprachkritische Betrachtungsweise kann zu einer ganz anderen Betrachtung führen)“ [2: 167].

So beurteilt der Germanist JOST TRIER (1894-1970), ein Spezialist auf dem Gebiet der Wortkunde, die Wendung ‚Bevölkerung‘ z. B. folgendermaßen: *„Die Bevölkerung ist ein Behördenwort, und ein bedenkliches. Bevölkerung, das sind jeweils die anderen. Für den Verwaltungsbeamten sind alle Verwalteten Bevölkerung. Für den Polizisten sind alle Nichtpolizisten Bevölkerung. Für das Militär alles, was nicht Militär ist. [...] Ein Wort, das so deutlich die jeweils anderen von dem gerade Sprechenden trennt, kann kein gutes, kein gebildetes, kein höfliches Wort sein. Es hat einen bösen inhumanen Ton“* [17: 147].

Volk, Boden, Disziplin und Ehre haben im Laufe der Geschichte im allgemeinen Sprachbewusstsein eine Bedeutung angenommen, die den Wertvorstellungen der Sprachgemeinschaft unter den damals vorherrschenden Lebensbedingungen entsprach. Die Wörter üben vorübergehend eine Macht im Dienste der Lüge und Gewalt aus, aber nur so lange, bis eigenes kritisches Denken den Schwindel durchschaut. Durch solchen Missbrauch werden gewisse Wörter eine Zeitlang unbrauchbar.

Es gilt nun noch einmal die Grenzen zu bedenken, die sowohl der Macht wie dem Missbrauch der Wörter gesetzt sind. Und diese Grenzen ergeben sich aus der Natur des Wortes selbst und der individuellen Anstrengung, die beim Bewusstwerden einer Wortbedeutung notwendig ist. Der eigentliche Bedeutungsgehalt eines Wortes muss danach immer wieder im einzelnen Fall vergegenwärtigt werden, und zwar durch eigenes Vorstellen und Denken. Dabei kommt notwendig der ganze Erfahrungs- und Wissensschatz des Menschen ins Spiel. Das hebt aber alle Zwangsläufigkeit auf, die manche Sprachkritiker der Wirkung bestimmter Wörter auf den Menschen zuschreiben. Es gibt keine allgewaltige Sprache, die die Freiheit des Menschen aufhebt und Geist und Seele prägt, als wären sie Wachs.

Wörter rufen Vorstellungen und Assoziationen in uns hervor. Das begrenzt ihre Macht über uns, im Guten wie im Bösen. Das ist aber auch der Grund, warum die Wörter nicht für immer ihre Unschuld verlieren, wenn sie einmal im Dienst des Unmenschlichen missbraucht wurden. Sie müssen letzten Endes stets aufs Neue vom einzelnen Mitglied der Sprachgemeinschaft realisiert werden. Dabei kann die Suggestionskraft einer unmenschlichen Sprache zurückgewiesen werden durch ausersprachliche Seelen- und Geisteskräfte des Menschen. Wenn wir unsere Menschlichkeit bewahren und uns der darin liegenden Aufgabe bewusst bleiben, braucht es uns um unsere Menschlichkeit der Sprache nicht bange zu sein. Die Sprache ist unentbehrlich, wenn es darum geht, Gedanken und Gefühlsregungen bewusst und mittelbar zu machen.

Neben dem Sprechen steht daher manchmal als sein besserer Teil das Schweigen. Es ist nicht alles sagbar. Nicht ohne Grund meint der Dichter FRIEDRICH SCHILLER (1759-1805) in einem seiner Distichen: *„Warum kann der lebendige Geist dem Geist nicht erscheinen? Spricht die Seele, so spricht, ach! schon die Seele nicht mehr.“*

Literaturverzeichnis

1. John L. Ackrill: *Aristoteles. Eine Einführung in sein Philosophieren*. De Gruyter, Berlin , 1985 (knappe Einführung vor allem in die theoretische Philosophie).
2. Brecht, Bertold *Studien 1934-1940/.* – In *Versuche*, 1951.
3. Brunner, Richard J. *Johann Andreas Schneller und die Ludwig-Maximilians-Universität München. Dokumente und Erläuterungen.* – Berlin: Duncker & Humboldt, 2009.
4. Freud, Sigmund *Entwurf einer Psychologie* (Manuskript; gemeinsam mit Josef Breuer), 1895.

5. Gipper, Helmut *Denken ohne Sprache*/ in: *Wirkendes Wort*, 1964. – 14 ff.
6. Goethe, Johann Wolfgang v. *Römische Elegien*, 1788–90.
7. Görres, Josef v. *Rheinischer Merkur* (Hrsg.), 1814–1816.
8. Herder, Johann Gottfried *Abhandlung über den Ursprung der Sprache*, 1772.
9. Humboldt, Wilhelm v. *Über die Entstehung der grammatischen Formen und ihren Einfluss auf die Ideenentwicklung*, 1822.
10. Kainz, Friedrich *Einführung in die Sprachpsychologie*. – Wien: A. Sexl-Verlag, 1946.
11. Lersch, Philipp *Gesicht und Seele. Grundlinien einer mimischen Diagnostik*. – München: Reinhardt, 1932.
12. Locke, John *Of the Conduct of the Understanding*, 1706.
13. Mauthner, Fritz *Das in unseren Schulen gelehrt Hochdeutsch ist*, 1901. – 11: 159.
14. Nizami, Haft Peikar „Die sieben Bildnisse“ oder „Die sieben Schönheiten“, 1197.
15. Porzig, Walter *Das Wunder der Sprache. Probleme, Methoden und Ergebnisse der modernen Sprachwissenschaft*. – München, Bern, 1950. – Band 71.
16. de Saussure, Ferdinand *Grundfragen der allgemeinen Sprachwissenschaft*. – Berlin: De Gruyter, 1967.
17. Trier, Jost *Das sprachliche Feld. Eine Auseinandersetzung. In: Jost Trier: Aufsätze und Vorträge zur Wortfeldtheorie.*/ Hg. v. Anthony van der Lee und Oskar Reichmann. – Paris: The Hague, 1973. – S. 145–178.
18. Whorf, Benjamin Lee *Sprache, Denken, Wirklichkeit. Beiträge zur Metalinguistik und Sprachphilosophie*. – Reinbek: Rowohlt, 1963/ (25. Aufl. 1984).

УДК 811.521.122

Ж.А.Джамбаева
д.ф.н.профессор ЕНУ имени Л.Н. Гумилева

ЯЗЫКОВОЕ СОЗНАНИЕ БИЛИНГВА: ПУТИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Abstract

The article discusses ways to study language awareness bilingual leading from recognizing psycholinguistic experiment. Settles the question of choice of language experiment with the participation in it of bilinguals. States that there should be no complete parallel between linguistic consciousness and the language of the bilingual meets during the experiment.

Түйіндеме. Бұл мақалада екі тілді адамдардың тілдік санасын зерттеу жолдары қарастырылады, олардың ішінде ең бастысы психолингвистикалық эксперимент екені мойындалады. Экспериментке билингвтер қатысқан сәтте, олардың тілдік санасын өзге тілдеде, яғни орыс тіліндеде зерттеуге болатыны негізделеді.

Центральным объектом современных исследований становится образ мира, существующий в сознании носителей определенной культуры, который рассматривается как основополагающая компонента культуры этноса. Подобной «основополагающей компонентой» культуры мы признаем ценности и их репрезентации. Если взять за основу мнение Н.В.Уфимцевой, что «именно образ мира является универсальным механизмом адаптации этноса к окружающему миру, поскольку им задается та система координат, в которых будет действовать представитель данной этнической группы» [1,с.3], то ценности и есть одна из составляющей «системы координат» этноса. В связи с этим при исследовании

языкового сознания следует начинать с анализа ценностного отношения к тому или иному предмету, явлению. Аксиологическая лингвистика – и есть та сфера междисциплинарного знания, предметом которой является воплощение ценностей в языковом сознании и коммуникативном поведении реципиентов.

Установлено, что в исследовании языкового сознания особое место занимают психолингвистические (ассоциативные) эксперименты, где носитель языка выступает не только как информант, сообщающий о своем знании языка, но и как испытуемый со своей системой ценностей и мотивов.

Слово в языке является сигналом определенной связи с теми или иными ассоциациями, в которых немало индивидуального, специфичного для каждого человека, при этом у многих людей возникают одинаковые ассоциации, в которых передаются условия существования тех или иных общественных групп. На наш взгляд, в ассоциациях отражаются и жизненно важные значимые концепты.

Однако отметим, что на сегодняшний день не решена проблема изучения языкового сознания *билингва*, проблема взаимосвязи языкового сознания и языка, который использует человек при общении. Поскольку языковое сознание апробировалось на материале монолингвов (Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, А.А. Залевская, Н.В. Дмитриук и мн. др.), на материале же билингвов, полилингвов оно недостаточно исследовано. На наш взгляд, нельзя проводить полную параллель между языковым сознанием и языком, на котором билингв отвечает в ходе эксперимента. Это обстоятельство было отмечено и такими учеными как В.И. Карасик, В.М. Бухаров и др. В частности, В.М. Бухаров считает, что языком эксперимента может быть выбран и другой (неродной) язык испытуемого: «...формирование «концепта» в сознании человека происходит *вне жесткой связи с тем, на каком языке он говорит и говорит ли вообще на каком-либо языке*. Это означает возможность установления общечеловеческих концептов, системы реализации которых обнаруживают национальную, этническую, культурную специфику. В результате этого возникают трансконцептные связи и отношения» [2, с.77].

Следовательно, билингв-казахстанец может и на русском, и на своем родном языке выразить свои ассоциации, в том числе и аксиологические. Мы исходим из того, что не рабочий язык эксперимента, а более существенные факторы, а именно: длительное совместное и комфортное проживание на одной территории, влияние одних и тех же исторических и культурных событий, экономических и социальных связей играют преваляющую роль в формировании аксиологических стереотипов.

Специфика казахстанского общества состоит в том, что подавляющее большинство населения нашей республики – *билингвы*. Этому способствовал ряд известных факторов, главным среди которых является полиэтнический состав населения Республики Казахстан, в котором проживают представители более 129 национальностей. А в полиэтническом социуме неизбежно происходят языковые контакты, результатом которых становится наличие билингвизма или полилингвизма. Изучению проблемы билингвизма в Казахстане посвящено немало работ, особое место среди которых занимают труды М.М. Копыленко, А.Е. Карлинского, Э.Д. Сулейменовой, З.К. Ахметжановой, О.Б. Алтынбековой и многих других исследователей.

Проблема билингвизма или двуязычия – одна из актуальнейших проблем современной лингвистики. Об этом свидетельствует тот факт, что до сих пор в лингвистической литературе нет единого мнения об определении самого понятия билингвизма и его типов.

Существует два термина: «*билингвизм*» и «*двуязычие*», которые используются как эквивалентные, однако идентичность этих терминов признается не всеми. Определение понятия билингвизма и круг проблем, связанных с ним, исследовались и обсуждались

многими лингвистами (см. работы В.Ю. Розенцвейга, У. Вайнрайха, К. Гавранека, Е.М.Верещагина, Н.Б. Мечковской и мн. др.). В трудах названных ученых даются различные трактовки понятия билингвизма: одни исследователи при определении билингвизма учитывают его социологическую сущность, другие –социолингвистическую сторону вопроса, третьи подчеркивают важность учета психологического аспекта.

Традиционно под билингвизмом понимают практику попеременного пользования двумя языками, а лиц, осуществляющих такую практику называют двуязычными.

Как отмечает А.Д. Швейцер, «наличие различных трактовок понятия билингвизм отражает ... объективные трудности, возникающие при анализе этого сложного и многогранного явления» [3, с.133]. В числе «объективных трудностей» можно назвать вопрос о степени владения вторым языком при двуязычии, который также вызывает различные точки зрения среди исследователей. Так, например, В.А. Аврорин считает, что «подлинное двуязычие начинается тогда, когда степень овладения вторым языком приближается к степени владения первым» [4, с.140]. Однако ряд исследователей (Ю.Д. Дешериев, К.Х. Ханазаров) считают, что степень совершенства владения вторым языком может быть различной, неодинаковой по глубине и богатству.

Наиболее точно о степени владения двумя языками при билингвизме, на наш взгляд, высказывается Е.Ю. Протасова: «Под двуязычием (билингвизмом) как частным случаем многоязычия (мультилингвизма) понимается – в минимальном случае – способность выражаться на двух языках и, в обычном смысле – близкое к уровню родного языка владение двумя языками, в научном смысле – регулярное пользование в жизни двумя языками. Языки могут сосуществовать в субъекте, являясь как относительно полно развитыми, так и сформированными не в равной степени, усваивавшимися последовательно, один через другой, или по отдельности, смешиваясь (складываясь или вычитаясь), либо относительно независимо. О диглоссии говорят в случае стабильной языковой ситуации, когда в обществе существует вариант престижного языка с высоким статусом и непрестижного языка с низким статусом; первая разновидность характеризуется более сложной грамматикой, нормированностью и кодифицированностью, овладение ею происходит в процессе вторичной социализации в школе, применяется она в официальных ситуациях и в письменной речи; вторая используется в повседневной жизни, усваивается в ходе первичной социализации, носит по преимуществу устный характер, менее стабильна» [5]. Одним словом, двуязычие как лингвистическое, социальное явление не поддается однозначному определению.

Считаем, что вопрос о степени владения вторым языком при двуязычии тесно связан с проблемой разграничения типов двуязычия, в частности, в полиязычном Казахстане.

По мнению Э.Д. Сулейменовой, в советском языкознании общепринятым являлось разграничение двуязычия в зависимости от того, какой язык – национальный или русский – был родным: национально-русское двуязычие (с родным национальным языком – казахским, киргизским, литовским и пр.) и русско-национальное (с родным русским языком). Это разграничение не было основано на каких-либо существенных для билингвизма признаках, однако именно с ним оказались связаны упрощения в теории двуязычия. В первую очередь это коснулось понятия родного языка, положения о непременном взаимообогащении национального и русского языков, принципа паритетности типов двуязычия, устойчивого мнения о гармоническом национально-русском двуязычии, игнорирования фактов вытеснения одного из языков в условиях билингвизма и др. [6,с.56-57]. Ученый подчеркивает, что в результате длительного и массового взаимодействия языков в рамках национально-русского двуязычия не всегда происходит языковое обогащение и развитие: национальные языки иногда утрачивали равновесие в сферах использования, образовывался сдвиг пре-

емственности (континуальности) в использовании языков между поколениями и др. Социально-функциональный анализ двуязычия часто осуществлялся без учета столь значимого фактора, как языковое сознание и национальное самосознание [Там же, с.57]. В этой же работе Э.Д. Сулейменовой находим очень ценное для нас мнение о том, что в условиях безальтернативного национально-русского двуязычия оказываются частыми случаи, когда *доминирующим* по репертуару функций и сферам применения становится не родной, а русский язык. Именно в таких случаях снижения степени владения родным языком складываются условия для сдвига отношений между двумя языками и двумя культурами, когда этническая, культурная и языковая принадлежность билингва с доминирующим русским языком оказывается формальной, знание родного языка – пассивным. Падение престижа родного языка, отмечает ученый, напрямую ведет к падению престижа нации, ее истории и культуры [Там же, с.58-59].

З.К. Ахметжанова, подробно проанализировав проблему развития билингвизма и полилингвизма в Казахстане, считает, что в настоящее время в казахстанском обществе сформировалось множество типов билингвизма и полилингвизма, которые отличаются регионами распространения, охватом разных сфер функционирования языков, спецификой влияния первого языка на второй и т.д. [7, с.299]. В истории развития и распространения би- и полилингвизма в Казахстане ученый выделяет четыре периода и подчеркивает, что начало формированию и развитию казахско-русского билингвизма было положено во втором периоде, когда укреплялись и расширялись многочисленные контакты с Россией, и на территории Казахстана появилось русское население. В это же время возникло и русско-казахское двуязычие. Однако, по мнению ученого, русско-казахское двуязычие в дальнейшем не получило достаточного распространения, тогда как казахско-русское двуязычие стало, напротив, одной из главных составляющих языковой ситуации в республике. Далее автор пишет, что возникшие во втором периоде типы двуязычия носили субординативный характер с психологической и функциональной доминантой родного языка, обусловившей значительные интерференционные явления в речи билингвов [Там же, с.300].

В третий период, как отмечает З.К. Ахметжанова, помимо казахско-русского двуязычия развиваются и другие типы билингвизма, в частности немецко-казахский. Однако, ввиду своеобразной экспансии русского языка немецко-казахское двуязычие уступает место сначала немецко-казахско-русскому полилингвизму, который затем трансформируется в немецко-русско-казахское многоязычие. Параллельно этому типу мультилингвизма могли формироваться и другие, в том числе и русско-немецкий билингвизм уже без казахского компонента. Основное внимание в этот период уделялось развитию русского языка как средства межэтнического взаимодействия, а попытки решить проблемы функционирования, более того – витальности казахского языка расценивались неадекватно и пресекались. И только начало четвертого периода, когда происходит приобретение республикой суверенитета, ознаменовано приданием казахскому языку статуса государственного, а русскому языку – статуса языка международного общения [Там же, с. 301].

О.Б. Алтынбекова в своей работе, посвященной изучению проблемы языковых контактов, подробно проанализировав основной круг вопросов, связанных с изучением билингвизма и полилингвизма в Казахстане, приходит к следующему заключению: «языковая ситуация в Казахстане формируется за счет функционирования, в первую очередь, казахско-русского билингвизма (75% представителей титульной нации владеют русским языком), во вторую, русскоязычия (русские, белорусы, украинцы, поляки, немцы, корейцы, греки, молдаване, мордва, чуваш и др.), национально-казахско-русского двуязычия (узбеки, уйгуры, турки, курды, азербайджанцы, таджики, чеченцы, киргизы, татары, дунгане,

башкиры и др.). Важно заметить, что в процентном отношении в этом полиязычии разных этносов, исключая таджиков и узбеков, *доминирует русский язык*» [8, с.119].

Особый интерес для нас представляют выводы ученого об этнической идентичности и выборе языка обучения. По мнению О.Б. Алтынбековой, одним из индикаторов выражения этнической идентичности представителями разных национальностей в полиэтничном сообществе может служить вопрос о выборе ими языка обучения в школе и вузе. В заключении автор подытоживает: русский язык в Казахстане, законодательно закрепленный в качестве официального языка наряду с государственным, казахским языком, остается в течение определенного времени языком межнационального и даже внутриэтнического общения не только русского, но и нерусского населения, поскольку им владеет абсолютное большинство представителей титульной нации и практически всех диаспор, проживающих в РК [Там же, с.391].

Такой же точки зрения придерживается Г.Б. Мадиева, которая считает, что выбор языка обучения является важным шагом получения полноценного образования, расширения функциональной сферы и беспрепятственного включения в социально-коммуникативное пространство. Безусловно, что выбор языка обучения обусловлен прежде всего этнической принадлежностью и *языковой ситуацией, сложившейся в той или иной стране* [9, с.18]. «Декларированный в программе пункт о сохранении общекультурных функций русского языка, позволяющий ему действовать в государственных институтах и социальных сферах, а также неослабевающая, напротив, усиливающая роль русского языка в межнациональном общении, позволяет констатировать, что *русский язык занимает сильную позицию в коммуникативном пространстве*» [Там же, с.19].

В связи с этим важно привести мнение Э.Д. Сулейменовой, которая, анализируя полученные в процессе массового анкетирования данные, подчеркивает: русский язык по-прежнему является культурной собственностью многих респондентов-казахов и оценивается частью из них (0,8% из опрошенных) как родной или, наряду с казахским, как один из двух родных языков (1,2% информантов), что может рассматриваться как свидетельство неопределенности языковой идентичности [10].

Все вышесказанное позволило нам выбрать языком ассоциативных экспериментов – русский язык, поскольку, как уже отмечалось, в нашем полиэтничном государстве огромная часть населения – билингвы и основным типом двуязычия является казахско-русский и национально-русский билингвизм. Однако при отборе реципиентов мы исходили из параметра, определенного Э.Д. Сулейменовой [6, с.58-59], когда функционально первым *доминирующим* является *родной язык*. Это, значит, что максимальное число функций в различных сферах жизни у нашего испытуемого выполняются на родном языке, т.е. родной язык остается доминирующим и престижным. Конечно же, следует учесть тот факт, что данные ассоциативных экспериментов в определенной степени могут быть смазаны под влиянием фактора – обучение в русскоязычной школе. Практически это объясняется тем, что мы не смогли бы отобрать реципиентов (речь идет о представителях других национальностей, не казахов и русских), которые обучались бы в школе с родным языком обучения.

Для того чтобы все реципиенты находились в равных условиях при участии в эксперименте, среди представителей тюркоязычных этносов, в частности казахов, эксперимент был проведен также на русском языке.

Для чистоты эксперимента было проведено предварительное тестирование, которое выявило круг информантов, владеющих русским языком, но с функциональной и психологической доминантой родного языка. Анкеты содержали следующие вопросы: 1. Укажите ваш возраст и национальность. 2. Какую школу вы окончили (русскую, казахскую, сельскую, городскую)? 3. На каком языке говорите в неофициальной обстановке (среди друзей, родных)? 4. На каком языке видите сны и думаете (мечтаете)?

Итак, в проведенных нами ассоциативных экспериментах участвовали информанты-представители разных национальностей, проживающих на территории Казахстана, характеризующиеся субординативным типом билингвизма, т.е. когда родной язык и культура доминируют, превалируют в языковом сознании информантов. Нас интересовали три важнейшие сферы, определяющие социализацию и самоидентификацию человека: сфера «я и мои близкие», к которой относятся концепты *человек, семья, ребенок*, сфера «я и общество», представленная концептами *нация, народ, родина*, и сфера «я и государство», включающая концепт *государство*. Выбор данных концептов обусловлен их общечеловеческой значимостью (ценностью). Они носят универсальный характер, поскольку присутствуют в любой этнической культуре и являются сущностными для человека. Изучая представленность названных концептов в языковом сознании информантов разных национальностей, проживающих в Казахстане, мы стремились понять, насколько и в какой мере осмысленны, значимы, ценны или, напротив, пусты слова, обозначающие ценностно нагруженные понятия – концепты. Выявить ценность или «опустошенность» рассматриваемых концептов для представителей исследуемых этносов помогут аксиологические стереотипы и сопутствующая им оценка.

Список литературы:

- 1 Уфимцева Н.В. Языковое сознание и образ мира. – М.: Изд-во ИЯ РАН, 2000. – 320 с.
- 2 Бухаров В.М. Концепт в лингвистическом аспекте // Межкультурная коммуникация. – Нижний Новгород: Деком, 2001. – С.74-84.
- 3 Швейцер А.Д. Современная социолингвистика. Теория, проблемы, методы. – М.: Наука, 1976. – 176 с.
- 4 Аврорин В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка.– Л.: Наука, 1975. – 276 с.
- 5 Протасова Е.Ю. Становление и функционирование двуязычия // Материалы по исследованию билингвизма. – М.: Изд-во МГУ, 1999.– С. 3-15.
- 6 Сулейменова Э.Д. Казахский и русский языки: основы контрастивной лингвистики. – 2-е изд. – Алматы: Демей, 1996. – 208 с.
- 7 Ахметжанова З.К. Типология билингвизма и полилингвизма в Казахстане: немецкий и славянский компоненты // Жизнь языка и язык в жизни. – Алматы: Қазақ университеті, 2005. – С. 299-308.
- 8 Алтынбекова О.Б. Этноразовые процессы в Казахстане. – Алматы: Экономика, 2006. – 416 с.
- 9 Мадиева Г.Б. Зависимость выбора языка образования от этнической идентичности // Язык. Общество. Время: Материалы 13 международной теоретической конференции «Ахановские чтения» под игидой МАПРЯЛ.– Алматы: КазНУ, 2009.– С. 18-23.
- 10 Сулейменова Э.Д. Архетип «гадкого утенка» и языковая идентичность // Язык и идентичность.– Алматы: Қазақ университеті, 2006. – С. 15-25.

УДК 81.512

Н. Егізбаева

доцент, филология ғылымдарының кандидаты
Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ nazyken@mail.ru

КЕЙБІР ТІЛ АРТЫ ДЫБЫСТАРЫНЫҢ МОРФОНОЛОГИЯЛЫҚ АЛМАСУЫ

Abstract

In article Morphological alternation some sounds alternation of some consonants of the Kazakh language is considered as the morphological phenomenon. So as a consequence there are different changes in the language and different phenomena appear as a rule, including sound alternation. So in the structure of morphemes and on their combination different sound changes can take place and they can't be explained in terms of phonetic regularities. Such phenomena must be considered in terms of phonology and morphonology. One of such sound alternation in Kazakh language is the sound accordance. Alternation, which means sound accordance in Kazakh language, is being considered in this work in terms of morphonology.

Keywords: morphological phenomenon, some consonants, alternation, phonetic patterns.

Аңдатпа. Мақалада қазақ тіліндегі тіл арты қ, к, ғ, ғ дыбыстарының тіл алды ң дыбыстарымен алмасу себептері жайы қарастырылады. Дыбыстардың спонтанды алмасуы морфонологиялық тұрғыдан қарастырылады. Бұл құбылыстың морфонологиялық болу себептері ғалымдардың зерттеулеріне сүйене отырып дәлелденеді. Дыбыстардың өзгерісіне әсер ететін факторлар қарастырылады. Фонетикалық заңдылықтармен түсіндіруге келмейтін тілдік құбылыстар морфонологиялық деп түсіндіріледі. Бұл процестің бір себепін сөз ішінде тіл арты дыбыстарын бұрын айтып, одан кейін тіл алды дыбысын айтудың оңайлығымен түсіндіруге болады. Тіл арты арқылы дыбысталатын дыбыстарының тіл алды дыбысына алмасуына сөзді жеңіл айтуға ұмтылу процесінің әсері болатындығын дәлелденеді. Тіл арты қ, к, ғ, ғ дыбыстарының ң дыбысымен алмасуына тілдің эволюциялық дамуы барысындағы факторлар да әсер еткен деп тұжырымдауға болады.

Кілт сөздер: морфонологиялық құбылыс, дыбыс, алмасу, тіл арты дыбыстары, фонетикалық заңдылықтар, дыбыс сәйкестігі.

В статье чередование некоторых согласных звуков казахского языка рассматривается как морфонологическое явление. В языке происходят различные изменения и встречаются разные явления, в том числе и чередование звуков. Так, в составе морфем и на их стыке могут встречаться различные звуковые изменения, которые невозможно объяснить с точки зрения фонетических закономерностей, подобные явления необходимо рассматривать с позиции фонологии и морфонологии. Одним из таких чередований звуков в казахском языке является звуковое соответствие. В настоящей работе чередование, под которым в казахском языке принято называть соответствие звуков, рассматривается с точки зрения морфонологии. Кроме того, в статье анализируются различия фонетического чередования звуков с его морфонологическим чередованием.

Ключевые слова: морфонологическое явления, звук, чередование, звуки заднего ряда, фонетические закономерности, звуковое соответствие.

Қазіргі қазақ тіл білімінде қ, к, ғ, ғ дыбыстарына артикуляциялық-акустикалық сипаттама толық берілген деуге болады. Аталған дыбыстардың жұмсалымдық ерекшелігін аңғарған А. Байтұрсынұлы: «Қ һәм ғ дыбыстары һеш уақытта жіңішкермейді. К һәм ғ

дыбыстары неш уақытта жуандамайды, яғни жуан айтылмайды. Сондықтан бұл дыбыстар тоң дыбыстар деп аталады», – деген сипаттама береді [1, 154 б.]. Ғалым қ, ғ, к, ғ дыбыстарының басқа дыбыстарға қарағанда дыбыстарды таңдап тіркесетіндігін ашып көрсетеді.

Профессор Н. Уәли: «Қ мен к бір фонеманың, атап айтқанда, к фонемасының жуан, жіңішке реңктері. Олай болса, бұлар неге бір ғана әріппен таңбаланбайды деген заңды сұрақ қоюға болады. Әрине, к де, қ да бір фонеманың әр түрлі реңкі екені даусыз. Бірақ бұл реңктердің бірі негізгі, екіншісі қосалқы деуге болмайды, к фонемасының к, қ реңктерінің, ғ фонемасының ғ, ғ реңктерінің тепе-тең болуы өзге дауыссыздардан олардың өзіндік ерекшелігі деуге болады» [2, 10 б.], – дей отырып, қ, к, ғ, ғ дыбыстарының жақындығы туралы пікірді қолдайды. Ал профессор Ә. Жүнісбек қ, к дыбыстарының артикуляциялық ерекшеліктеріне эксперименттік тұрғыдан фонологиялық талдау жүргізе отырып, оларды бір дауыссыздың сингармониялық реңктері деген тұжырымға келеді [3, 11 б.].

Жеке айтылған дыбыстар дыбыстар тіркесімінде айтылғаннан ерекше болады. Бірінен кейін бірі тізіліп айтылғанда кәдімгі нормадан ауытқушылықтың болуы әбден мүмкін. Жеке бір дыбысты айтқанда дыбыстау мүшелері өзінің қызметін орындап болып, бастапқы қалпына тез оралады. Ал морфемалар құрамындағы дыбыстарды айтқанда, мұндай процесс болмайды, дыбыстау мүшелері ары қарай жұмысын жалғастыра береді. Осы жағдайда дыбыстар бір-біріне әсер етеді, морфемалар бір-бірімен кірігеді, дауысты дыбыстар дауыссыздармен, дауыссыздар дауыстылармен жымдасып айтылады. Осындай жағдайда дыбыстар әртүрлі өзгерістерге түседі. Осылайша комбинаторлық өзгерістер жүзеге асатыны белгілі. Дыбыстардың өзгерісіне психологиялық факторлар да әсер етеді. Мұндай жағдайда дыбыстардың өзгерісіне аналогияның да әсері басым. «Изменения по аналогии состоят в том, что одни звуки речи заменяются другими звуками под влиянием слов, связанных с данными словом по закону психической ассоциации сходства диалектные изменение формы сыйеп в сыйап, по нашему под влиянием аналогии» [4, 50 б.]. Яғни естілуі бойынша ұқсату арқылы кейбір морфемалар құрамында болатын дыбыстық өзгерістерді В.Г. Егоров И.А. Бодуэн де Куртененің психикалық дыбыс алмасу теориясына жақындатады.

Тілдің адам қолданысындағы «жанды» қасиетін есепке алар болсақ, онда қандай да бір өзгерістердің болмауы мүмкін еместігін аңғарамыз.

А.М. Щербак тіл арты дыбыстарының тілдің жалпы эволюциялық даму барысында тіл алдына жылжуынан деп түсіндірді. Ол сөз құрамындағы дыбыстардың өзара алмасу құбылысының себебі әлі анықталмағандығын ескерте келіп, «не отрицая возможности проявления аблаута на ранних стадиях развития тюркских языков, мы все же должны согласится с тем, что в них могла быть представлена лишь самая начальная ступень его, характеризующая зачатками фонемной альтернации (y/a , ε/i , $\varepsilon/\ddot{a}$), без функциональной нагрузки» [5, 161 б.], – деп тұжырымдайды. Ол В.В. Радлов, Г. Ярринг, Б. Мункачилердің көрші дыбыстардың әсерінен деген пікірін негізді деп тапқанымен, өзі біржақты көзқарас танытпаған. А.М.Щербактың ойынша, дыбыстардың алмасуына жекелеген үрдістер (тіл алдына жылжу), экстралингвистикалық факторлардың әсері, фонологиялық жүгі жоқ тұста аблаут құбылыстарының пайда болуы себеп болады.

Б. Сағындықұлы h дауыссыз дами келе қ, к, ғ, ғ дауыссыздарына айналып, одан көптеген алмасулар туындағандығын айтады: «Түркі тілдеріндегі төртінші кезеңдегі соңғы өзгерістердің өзі кем дегенде соңғы 5-6 мың жылдың шамасында болған. Сөз басында кейбір дауыссыз дыбыстардың түсіп қалатынын, көмей h дауыссызының дами келе қ, к, ғ, ғ дауыссыздарына айналып кеткенін ескеретін болсақ, түркі тілдерінде байырғы бір буынды

сөздердің құрамында (негізінен сөз басында, сөз аяғында) мынадай ұзақ сәйкестік түзіледі: *тс (ц) ~ тш (ч) ~ тһ ~ тй ~ дз ~ дж дй ~ т'с ~ д'з ~ т ~ д ~ с ~ з ~ ш ~ ж ~ й ~ һ ~ х ~ к ~ қ ~ г ~ г ~ с ~ з ~ т ~ д ~ о* [6, 28 б.].

Тіліміздегі *бадырақ – бадыраң, мегзеу – меңзеу, шоғайна – шоңайна* сияқты біраз сөздермен қатар, *дедекте – деденде, жортақта – жортаңда, кегжескте – кегжеңде, қайқалақта – қайқалаңда, өкіректе – өкіреңде, тайқақта – тайқаңда, тарбақта – тарбаңда, тепекте – тепеңде, жалтақта – жалтаңда, жалпақта – жалпаңда, талтақта – талтаңда, салпақта – салпаңда* деген бейнелеуіш сөздерден жасалған етістіктер құрамында *қ, к, г, з* дыбыстарының *ң*-мен алмасуы кездеседі. А. Айғабылұлы мұндай құбылыс етістік тудырушы жұрнақтар жалғанғанда байқалатынын көрсетеді [7, 38 б.]. Профессор Б. Сағындықұлының пікірінше, *н* дыбысынан *ң* дыбысы қалыптасқан. Ғалым *н* дыбысының *ң*-ға айналуының бірнеше себептерін дәлелдей отырып, «аса ежелгі дәуірде *н* фонемасына *қ, к* фонемаларының тигізген әсерінен *ң* аллофоны, *б, п* фонемаларының тигізген әсерінен *м* аллофоны пайда болған. Кейіннен бұл аллофондар фонологиялық жүк арқалаудың салдарынан тұрақтанып, белсенді фонемалардың қатарына қосылған» [6, 50 б.], – дейді. Б. Сағындықұлы *қ, к, г, з* дыбыстарына басталатын сөздердің түркі тілдерінде, оның ішінде қазақ тілінде өте көп болуы екі сөз арасы және түбір мен қосымша жігінде *н* дыбысының *ң*-ға айналуында шешуші рөл атқаратынын атап көрсетеді [6, 50 б.]. Бұл үрдіс ерте дәуірлерден бастап қазіргі кезге дейін жалғасып келеді, түбір мен қосымша, сөздер арасында *н* дыбысы *қ, к, г, з* дыбыстарымен қатар келгенде *ң*-ға айналады, мысалы, *күнге – күнге, оңғой – он қой, күңгөрдү – күн көрді* т.б. Б. Сағындықұлы қазіргі кезде *ң* дыбысымен айтылатын барлық сөздер бір кездері *н*-мен айтылған деген тұжырым жасайды, ал *балпаң – балпаң, жалтаң – жалтаң, қайқаң – қайқаң, қиқаң – қиқаң, күлмең – күлмең* т.б. бейнелеуіш сөздердің аяғындағы *н* дыбысының *ң*-ға айналуына *ң* дыбысының экспрессивтік күшейткіш мағына үстеуге қолайлы екендігі себеп болғандығын айтады [6, 50 б.]. Біздің жоғарыда келтіріп отырған мысалдарымыздағы *қ, к, г, з* дыбыстарының *ң*-мен алмасуына да *ң*-ның осы қасиеті әсер еткен тәрізді, себебі *талтақта – талтаңда, салпақта – салпаңда* т.б. мысалдарындағы бірінші нұсқаларынан гөрі *ң*-мен айтылғанда қимылдың созылыңқы болып, экспрессивтік мәні күшейе түсетіндігін байқаймыз. Мұнда мағына алшақтамайды, тек экспрессивтік мағына үстеледі. А.М. Щербак бұл сәйкестіктің жалпы түркі тілдерінде кездесетінін, олардың пайда болу жолын былай түсіндіреді: «Носовые согласные в тюркских языках – *м, н, ң* которые произносятся с обычной смычкой полости рта, при опущенным мягком нёбе, и образуют коррелятивную оппозицию с соответствующими неносовыми согласными, ср. *м/п(б), н/т(д), ң/к(қ)*». Сонымен қатар, ол сөз соңында *нқ > нг, нк > нг* дыбыс тіркестерінің арасынан *ң* қалыптасуы мүмкін деген пікір білдіреді [5, 81-82 бб.].

А. Ысқақов бұл пікірге үзілді-кесілді қарсылық білдіріп, *ң* дыбысы «тек *н* дыбысының *қ, г* дыбыстарынан бұрын тұрғанда *ң* болып естілетін артикуляциялық ерекшелігінен пайда болатын құбылыс болса керек» [8, 56 б.], – дейді. Қалай болғанда да бұл дыбыстардың біз келтіріп отырған мысалдар құрамында алмасуы осы көне дәуірлер іске асқан құбылыстардың әсері болуы мүмкін.

А. Ысқақов байырғы сөздердің төркіні еліктеу сөздер екенін дәлелдей келе «*-ңқ/-ңк* өрнегінен өрбіген түбірлер жүйесі» деп, оларды бір ұялас түбірлерге топтайды: 1) *аңқ – әңк/еңк, оңқ – өңк, ұңқ – үңк, ыңқ – іңк*; 2) *даңқ – дәңк/деңк, доңқ – дөңк, дұңқ – дүңк, дыңқ – діңк*; 3) *жаңқ – жеңк/жеңк, жоңқ – жөңк, жұңқ – жүңк, жыңқ – жіңк*; 4) *маңқ – мәңк/меңк, моңқ – мөңк, мұңқ – мүңк, мыңқ – міңк* [8, 56 б.] Бұлармен қоса осы мысалдардың *қ, с, т, ш* дыбыстарына басталатын нұсқасын келтіреді. Бұдан пайымдайтынымыз *-ңқ/-ңк* дыбыстық

тіркестерінің көне түркі тілдерінде қалыптасқандығы және олардың еліктеу сөздердің құрамында, сөз тудыру үдерісінде белсенді қолданылғандығы. Сонымен қатар жоғарыда ғалым А. Ысқақовтың келтірген тізімінен қазіргі түбірлердің төркіні еліктеу сөздер екенін, олардың құрамындағы жуан-жіңішке дыбыстардың алмасуынан еліктеу сөздердің мағына жағынан алшақтап, жаңа сөздер жасауға қабілеттілігінің жоғары болғандығын байқаймыз.

Жоғарыда көрсетілген ғалымдардың тұжырымдарынан *дедекте – деденде, жортақта – жортаңда, кегжескте – кегжеңде, қайқалақта – қайқалаңда, өкіректе – өкіреңде, тайқақта – тайқаңда, тарбақта – тарбаңда, тепекте – тепеңде, жалтақта – жалтаңда, жалпақта – жалпаңда, талтақта – талтаңда, салтақта – салтаңда* т.б. сөздердегі *қ, к, з, г* дыбыстарының *ң* дыбысымен алмасуы аз күш жұмсау принципі жолымен іске асқан, мәселен *жалпақта* дегеннен гөрі *жалпаңда* еркін айтылады және *ң* дыбысының пайда болуына *қ, к, з, г* дыбыстарының әсер етуі сияқты тілдің эволюциялық дамуы барысындағы факторлар да әсер еткен деп тұжырымдауға болады.

Пайдаланылған әдебиеттер:

1. Байтұрсынов А. Тіл тағлымы. – Алматы: Ана тілі, 1992. – 447 б.
2. Уәлиев Н., Алдашева А. Қазақ орфографиясындағы қиындықтар. – Алматы, 1988. – 112 б.
3. Джунибеков А. Гласные и согласные. Строй казахского языка. – Алматы: Ғылым, 1991. – 211 с.
4. Егоров В.Г. Современный чувашский литературный язык. – Чебоксары, 1971. – 204 с.
5. Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. – Л.: Наука, 1970. – 240 с.
6. Сағындықұлы Б. Қазақ тілі лексикасы дамуының этимологиялық негіздері. – Алматы, 1994. – 168 б.
7. Айғабылұлы А. Қазіргі қазақ тілі. Морфонология. – Алматы, 1999. – 199 б.
8. Ысқақов А. Қазақ тілінің фонеморфологиялық құрылысын тарихи тұрғыдан сараптау. – Алматы, 1999. – 186 б.

УДК 81.513

Есенова Қ.Ө. ф.ғ.д.,
Абай атындағы ҚазҰПУ, магистратура және PhD
докторантура институты

ТІЛДІК БІЛІМ БЕРУ САЛАСЫНДАҒЫ ОЗЫҚ ТӘЖІРИБЕЛЕР

Abstract

The article deals with the language policy of the Republic of Kazakhstan, the issue of implementation of the "trinity of language" and best practices

The paper addresses the need to master the young Kazakh specialists from both the public and English, on the need to implement the project trinity of languages in universities, including KazUIR & WL im.Abylay Khan. Discusses the features and benefits of the named project. Formation language competence requires teachers and students to great responsibility.

Keyword: *trinity language, national standard, simultaneous translation, language skills, professional qualifications*

В статье рассматриваются языковая политика Республики Казахстан, проблемы осуществления проекта «триединство языка» и передовой опыт.

Бұрынырақта адамдар арасындағы «қарым-қатынас құрал» ретінде танылған тіл қазіргі кезде ұлтаралық, мемлекетаралық, халықаралық қатынастардың негізгі құралына айналды. Әсіресе дүниежүзі бойынша экономикасы жоғары деңгейде дамыған 50 елдің қатарына ену мақсат етіп қойылған бүгінгі таңда қоғамның салалық білімі терең мамандарға деген сұранысы олардың тідік біліктілігі мәселесін де ұштастырылып отыр. Атап айтқанда, қазақстандық жас маман мемлекеттік тілмен қатар шетелдермен жасалатын экономикалық, әлеуметтік, мәдени және саяси басылымдардың нығаюындағы негізгі тетік – ағылшын тілін жетік меңгеру талап етілуде. Осымен байланысты филологиялық жоғары оқу орындарында үштұғырлы тіл жобасын оқу үрдісіне енгізу қажеттілігі туындаған болатын.

Қоғамның әрбір мүшесі тілді өз қал-қадарынша меңгеретіні белгілі. Мектеп қабырғасында жүргізілетін сабақтар тақырыбының ортақтығына, материал көлемінің бірдей екендігіне қарамастан, әр оқушының тілді білу, меңгеру және қолдану деңгейі әртүрлі болатыны да мәлім жайт. Осыдан келіп жоғары немесе арнаулы оқу орындарына қабылданған шәкірттерге тілді деңгейлеп оқыту қажеттілігі туындайды. Мұнда мектеп қабырғасында алынған базалық білім қоры жоғары оқу орнына түскенде жаңалық ретінде ұсынылмай, талапкердің жаңа басқышқа көтерілуіне негіз болады. Бұл тұста материалдың сонылығы, тақырыптың жаңалығы тіл үйренушінің қызығушылығын оятып, ынтасын арттырады. Бұл оқытудың мотивациялық жағы екендігі белгілі. Ал ынта бар жерде қай істе де нәтижеге қол жеткізілетіні аян.

Сонымен Қазақстан Республикасында тіл саясаты шеңберінде қолға алынған «үштұғырлы тіл» ұлттық жобасы бүгінде білім беру саласында айрықша маңызға ие болып отыр. Себебі бүгінгі студент - ертеңгі сала қызметкері болғандықтан оның күнделікті кәсіби қызметінде мемлекеттік тілдің алар орны ерекше болмақ. Әсіресе мемлекеттік басқару органдарында, заң, сот ісі, іс жүргізу, мәдениет, саясат және халықаралық қатынастар салалары үшін үш тілді жетік меңгерген мамандар ауадай қажет. Осы тұста өзіндік жүйесі қалыптасқан шет тілдерін оқыту үрдісінің озық тәжірибесімен алмасу керек-ақ болатын. Осыған орай Абылай хан атындағы Қазақ халықаралық қатынастар және әлем тілдері университетінде дайындалған аталмыш жобаны жүзеге асыруға байланысты концепцияның бірқатар артықшылықтарына арнайы тоқталғанымыз жөн:

Біріншіден, тілдік білім берудің ұлттық стандарты үштұғырлы тіл жобасының шеңберінде білім берудің бірыңғай лингво-социомәдени кеңістігін қалыптастыруға мүмкіндік береді. Сондай-ақ барлық тілдер бойынша білім беру ісін ортақтандырылған жүйе арқылы басқаруға жол ашады. Түптеп келгенде, мемлекеттік тілге басымдық беріліп, басты назар аударылуы тиіс. Таратып айтар болсақ, қазақ тілін терең меңгеру үшін білім беру саласына оқытудың бірнеше деңгейден тұратын жүйесін енгізу қажет. Осымен байланысты білім беру саласына шәкірттердің өзіне тән білімін алғаш басқыш деп алып, оны қоғамдағы күнделікті қарым-қатынасқа сай толықтыру, яғни мемлекеттік тілдің әлеуметтік функциясына бағыттау керек;

Екіншіден, қазақ тілін барлық кәсіби салалар бойынша еркін қолдана білетін мамандарды даярлау. Атап айтқанда, мемлекеттік басқару органдарына, іс-жүргізу саласына, заңнама саласына, сот ісіне, ресми, халықаралық, ғылыми, қоғамдық, кәсіби-салалық т.б. қызмет салаларында мемлекеттік тілдің функциясын күшейту үшін, оны жетік меңгерген кадрлармен қамтамасыз ету басты мақсат болып отыр. Осымен сабақтас үшінші мәселе, қазақ тілін оқыту әдістемесін интерактивті-коммуникативтік бағытқа бейімдеу, қазақ тілі оқулықтары мен оқу құралдарын тілді меңгерудің деңгейлік және қарқындырушы кешендерінің моделі бойынша қайта құрастыру;

Келесі үлкен мәселе – мемлекеттік тілді дамытуға байланысты кезек күттірмейтін мынадай проблемалардан тұрады: Қазақ тілін оқытатын педагогтар мен шын мәнінде

колдана білетін аудармашылардың жетіспеушілігі. Қазіргі кезде әсіресе ілеспе аударма, яғни синхронды аударма жасайтын мамандардың тапшы екені аян. Сондықтан синхронист-аудармашыларды даярлауға қатысты іргелі жоба қолға алынуы қажет-ақ және ол мақсатқа оқу орнына жаңа түскен шәкірттермен қатар бұрыннан келе жатқан қазақ тілі мамандарын қайта даярлау арқылы қол жеткізуге болады деп ойлаймыз.

Сондай-ақ шәкірттердің мемлекеттік тілді меңгеру дәрежесі олардың болашақ мамандығына сай кәсіби салаларда орын алып отырған қажеттіліктерін ескере отырып біріздендірілуі тиіс. Яғни маманның мемлекеттік тілді меңгеру деңгейі оның кәсіби қажеттілігіне сай анықталып, міндеттелуі тиіс (ГОСО-ға) енгізілуі.

Осыған орай, университет ректоры профессор С.С.Құнанбаеваның басшылығымен дайындалып оқу үрдісіне енгізілген Қазақстан Республикасындағы «тілдер үштұғыры» ұлттық жобасын жүзеге асыруға байланысты концепциясы жоғарыда санамаланған қажеттіліктерді толық ескерген, мемлекеттік тілді дамытудың бүгінгі таңдағы қарқынына сай жасалған жоба деуге болады. Себебі ол концепцияда тілдік білім үздіксіз сабақтастығы және өзара байланысты жүйе ретінде танылып, республикада тілдік білім берудің жалпы концептуалдық базисін жасауға бағытталады. Мұнда тілдік білім берудің жалпыға бірдей міндетті мемлекеттік стандарттарында мынадай әдіснамалық принциптер басшылыққа алынады:

- * тілдік білім беру ісін түпкі нәтиженің сапасына орайластыру. Бұл оқытудың мақсатына орай түрленіп отырады.

- * тілді коммуникативті-функционалды бағытта меңгерту, яғни тіл ұстанушының күнделікті қарым-қатынасқа сай қажеттіліктерін ескеру;

- * пән мазмұнының деңгейлер бойынша сараланып ұсынылуы, яғни қарапайымнан біртіндеп күрделенетін материалды игеру;

- * тілдік білім беру барысында әрбір деңгейдің мазмұндық шекарасы мен нормалық шегі айқын белгіленуі тиіс;

- * білім берудің бастапқы, негізгі, салалық, жоғары оқу орнындағы және жоғарыдан кейінгі сатыларына сәйкес ұттық жүйені үздіксіз және өзара сабақтастықта болатын құрылым ретінде орнықтыру;

- * оқыту бағдарламасы жүйесін көзделетін мақсатқа сәйкес өзгермелі сипатта жасау;

- * болашақ маманның тілді меңгеру деңгейіне қойылатын талаптарды сапалық жағынан біріздендіру;

- * шәкірттің тілдік құзыретін бағамдау межелеуіштерін айқындап, оны біртұтас бақылау тетігі ретінде қалыптастыру;

- * әрбір деңгейге сәйкес оқу әдістемелік және оқыту материалдары кешендерінің болуы;

Осымен байланысты қазақ тілін орыс аудиториясында оқыту деңгейлік, коммуникативті-бағдарлы оқыту әдістемесіне негізделген. Атап айтқанда, тілдерді меңгертудің халықаралық стандартында көрсетілген деңгейлер басшылыққа алынған. Оларды былайша сипаттауға болады:

A1 – A2 – негізгі деңгей; B1 – B2 – кәсіби бағдарлы деңгей; C1 – C2 – мамандық тілі деңгейі:

A1 – күнделікті қарым-қатынаста өзі туралы, отбасы, университеті туралы айтады, сұрақтар қоя алады, шағын мәтіндерді түсінеді.

A2 – өзіне қатысты тақырыптар бойынша жекелеген сөздер мен сөз тіркестерін түсінеді. Өз елі, тарихы, табиғаты, өзінің қызығушылығы, мақсаттары туралы әңгімелей алады. Осы тақырыптағы мәтіндерді оқып, негізгі ақпаратты түсіне алады.

B1 – Кәсіби бағдарлы мәтіндердегі негізгі ойды түсінеді, БАҚ-тағы күнделікті жаңалықтан кәсібіне қатысты ақпараттарды түсінеді. Өз мамандығы бойынша жалпы тақырыптарға әңгімелесе алады. Өзін қызықтыратын тақырыптарға ойын жаза алады, өз мамандығы, болашақ қызметі туралы баяндай алады.

В2 – Мамандығы бойынша таныс тақырыптардағы баяндамалар мен дәрістерді тыңдап түсінеді. БАҚ-тан берілетін өзіне қажетті ақпараттарды толық түсінеді. Тіл иесімен дайындықсыз сұхбаттаса алады. Өз мамандығы бойынша пікірталасқа қатысады, өз көзқарасын дәлелдей алады. Өз саласына байланысты негізгі ұғым, түсініктерді сұхбат барысында қолданады.

С1 – Теледидар, радиодан хабарларды тыңдап, түсінеді. Өз мамандығына байланысты тілдік бірліктерді орынды қолданады. Кәсіби сөйлеу жағдаяттарында қатысымға түседі. Өз саласы бойынша мәтіндерді, ғылыми еңбектерді оқып түсінеді. Хабарлама, жоба т.б. жазғанда ойын мейлінше жүйелі, дәлелді бере алады..

С2 – Тіл иесінің жылдам айтылған сөзін түсінеді. Ғылыми еңбектерді оқып түсінеді. Мәжіліс, жиналыстарда өзіне қажетті ақпарат пен мәліметтерді жаза алады. Өз кәсіби шеңберінде кеңес беріп, пікір білдіреді. Өзінің ғылыми зерттеу тақырыбы бойынша мақала баяндама жазып, өз пікірлерін қорғай алады. (Қазақ тілі курсының типтік бағдарламасы. Алматы, 2007, 70 бет.

«Қазақ филологиясы» кафедрасында шәкірттердің қазақ тілі білім дәрежесі анықталған соң оқыту ісі аталмыш деңгейлердің бірі бойынша жүргізіледі. Мұнда әрбір студенттің өзі бастаған деңгейден сатылай отырып келесі деңгейге ауысуы басты мақсат етіп қойылады. Оқытушылар аталмыш жобаны жүзеге асыру мақсатымен бірқатар шараларды жүзеге асырды деуге болады. Айталық, қазақ тілінің әрбір мамандық бойынша бірнеше деңгейге арналған оқу-әдістемелік кешендері, Р.Б.Ибраева, Л.Ж.Хамимұльдинованың «Қазақ тілі». Бастауыш деңгей. Оқу құралы. А., 2008, А.Ж.Хазимова Қазақ тілі. (аралық орта деңгей). Алматы, 2008 ж., Р.Ибраева, Тұңғатова Ғ., Қамзина Г.З. Қазақ тілі. (туризм мамандығына арналған). Алматы, 2008 ж., З.Ш.Ерназарова, Ғ.Ж.Тұңғатова. Қазақ тілі. “Елтану” А-2-ге арналған. Алматы, 2008, Ибрагимова Д.Қ. Қазақ тілі. (Филология, аударма мамандықтары бойынша). В-2. Оқу құралы. А., 2008. сияқты оқу құралдары сөзімізді растай түседі.

Ең бастысы студенттің университетке келіп түскен кездегі тілді білу дәрежесі мен аяқталған кездегі тілді меңгеру дәрежесінің арасындағы едәуір айырмашылықтың болуы С.С.Құнанбаеваның бастамасымен жасалып, оқу үрдісіне енгізілген концепция бағытының оң нәтижелі екендігін іс жүзінде дәлелдейді.

Қазақ тілін мемлекеттік тіл ретінде жетік меңгертуді басты мақсат еткен оқытушылар ұжымы тиімділігін мойындаған және іс жүзінде дәлелдеген аталмыш концепция ғасырға жуық тарихы бар білім ордасында жемісті түрде қолданылып келе жатқандықтан өзге де жоғары оқу орындарында оқу үрдісінде енгізуге лайық деп санаймыз. Бұған Абылай хан атындағы Қазақ халықаралық қатынастар және әлем тілдері университеті білім ошағынан тәлім алған шәкірттердің республикамыздағы түкпір-түкпірінде жемісті еңбек етіп жүргендігін қоссақ, дәлелдеуді қажет етпейтін аксиома іспеттес болып шығады. Осы тұста деңгейлеп оқыту әдістемесін еліміздегі білім беру жүйесіне енгізіп, оның қанат жаюына зор ықпалын тигізген профессор С.С.Құнанбаеваның еңбегі зор екенін баса айтқан жөн. Ғалымның ізденімпаздығы, жаңалыққа ұмтылған бастамашыл болмысының арқасында отандық білім беру ісінде елеулі өзгерістер енгізгені белгілі. Яғни бастаған ісін соңына дейін апаратын табандылығы әдіскер-ғалым Сәлима Сағикызын іскер де білікті басшы ретінде тануымызға негіз болады. Бастаманы көтеру бар да, оны жаңалық етіп іс жүзіне асыру бар, яғни қай істің аяқсыз қалмауын жіті қадағалауды әдетке айналдырған профессор С.С.Құнанбаеваның басқару манері өзгелерге үлгі боларлық жақсы қасиет десек артық болмас.

Яғни мемлекеттік тілдің тамыр соғысын дөп басқан аталмыш жобаның жүзеге асырылуы кезек күттірмейтін мәселе деп тануға болады.

Елбасының Қазақстан халқына арнаған кезекті Жолдауындағы білім беру саласына қатысты бірқатар жаңа міндеттер қойылған. Солардың бірі қазіргі заман талабына сай білікті

маман даярлау болып табылады. Яғни қай салада болмасын қызметкерлердің білімі мен біліктілігі әлемдік стандартқа сай болуы көзделіп отыр. Жалпы ғарыштық жылдамдықпен дамып келе жатқан бүгінгі өркениеттің көшінен қалмау үшін маманның негізгі табан тірері – оның білімі. Белгілі бір салада едәуір еңбек еткен адам тәжірибе жинақтап үлгерсе, жоғарғы оқу орнын бітірген жас маманда ондай тәжірибенің болмауы заңды. Алайда оның ең үлкен артықшылығы кәсіби біліктіліктің бастауы саналатын **тілдік біліктілік** болмақ.

Сөйтіп маман заман талабына сай әр алуан әлеуметтік рөлдерді жоғары деңгейде атқара білуі үшін білікті болуы тиіс.

А.К.Маркованың еңбегінде біліктілік түрлі психикалық қасиеттердің бірлестігі адамның өз бетімен және жауапкершілікпен әрекет етуіне жол ашатын психикалық күй ретінде қарастырылады. Зерттеуші кәсіби біліктіліктің мынадай түрлерін көрсетеді: арнаулы біліктілік, әлеуметтік біліктілік, тұлғалық біліктілік, даралық біліктілік [1]. Сонымен **кәсіби біліктілік** дегеніміз күнделікті қызмет барысында істің көзін таба білу, қойылған мақсатқа сәйкес әрекет ете білу, онда бой көтеретін түрлі проблемаларды өз бетінше шеше білуге дайындық және өз кәсіби міндетіне талдау жасай білу, өз қабілетін бағалай білу сияқты компоненттерден құралады деуге болады.

Жалпы тілдік біліктілік ұғымы қазақы дүниетанымында ежелден бар түсінік. Мұны хан баласына қойылатын талаптардың бірі «жеті жұрттың тілін білу» болғандығынан да көреміз. Себебі түркі жұрты сандаған хандықтарды басқаруға лайықты деп жігітке тән жеті өнерді жетік меңгерген адамды лайықты деп санаған. «Соғыс өнері – бес қаруды толық қолдана білу», «әдет-ғұрыптарды білу» «бабалар ұстанған салт-дәстүрлі дінмен сабақтастыра білу», «тұрмысты табиғи географиялық ортамен сәйкестендіре білу» және «көршілес мемлекеттермен тиімді саяси қатынастар орната білу» т.б. Осылардың ішінде сыртқы саяси тұрақтылықтың кілті бөгде мәдениет иелері болып саналатын өзге мемлекеттермен экономикалық және саяси қарым-қатынас орнатып, жоғары деңгейде дамыту үшін ең маңызды тетік – **тілдік біліктілік** болған. Тарихымызда «жетпіс тілді білген» Әбу Насыр әл-Фарабиден бастап жеті тілді білген көптеген оқымыстылар мен ойшылдардың болғаны мәлім. Солардың ішінде діни сауатын араб тілі арқылы ашқан ұлы Абайдың орыс тілін өз бетімен үйреніп, қазақ сахарасына А.С.Пушкин, М.Ю.Лермонтов т.б. классиктердің шығармалары арқылы орыс мәдениетін таратқаны белгілі. Түптеп келгенде, өзің шыққан биікті мөлшерлей білу үшін де өзгенің тұрғысынан қарау қажет. Бұған оның (өзгенің) тілін білу арқылы ғана көз жеткізуге болады. Сондықтан қазіргі кезде мемлекеттік деңгейде жүзеге асырылып жатқан «үштұғырлы тіл» бағдарламасын тарихи-саяси маңызы зор, тамырын тереңнен алатын бастама деп санауға негіз бар.

Н.И. Алмазованың пікірінше, біліктілікті тиімді шешімдерді қабылдаудың негізі деп танып, ресурстық қасиет ретінде қарастырған жөн [2]. Мәселен, тілдік біліктілік пен мәдениетаралық біліктілік оқу-кәсіби әрекет барысында сәйкес білімдер мен біліктер, дағдылар арқылы байи отырып, шәкірттерде мәдениетаралық коммуникативтік біліктіліктің қалыптасуына ықпал етеді. Бұл өз кезегінде олардың мәдени кәсіби қызметін табысты түрде атқаруына негіз болады. Сөйтіп, жаңа білім, білік, дағдылармен баю нәтижесінде дамудың жоғары сатысына жеткен біліктілік тұлғаның интегративті сапасына айналады. Демек, біліктілік ұғымының аясы өте кең. Ол білім, білік, дағды түсініктерін толығымен қамтиды. Оның когнитивтік, операциялдық, технологиялық, мотивациялық, этикалық, әлеуметтік және мінез-құлықтық құрамдас бөлігі болады. Түптеп келгенде, бұлардың қай-қайсысы да маманның кәсіби қызметін жоғары деңгейде атқаруына бағытталуы тиіс. Мұның өзі бүгінгі білім беру саласына Елбасы қойған негізгі талап – «шәкірттің болашақ қызметін студент кезден модельдей білуі» талабына сай болуға деген ұмтылыстан туындайды. Демек, бүгінгі шәкірттердің ертеңгі маман ретінде қалыптасу, бейімделу мәселесіне оқытушылар қауымы

қазіргі кезден бастап аса мән беруі тиіс. Осымен байланысты оқу процесіне көптілді тұлғаның біліктілік моделін бәсекеге қабілеттілік межеліуіштеріне сәйкестендіре енгізу, өзге тілдерді меңгертуде мемлекеттік тілді базалық қор есебінде қалыптастыру, оқытылатын шет тілінің коммуникативтік моделін ана тілінің аясында бейімдеп, трансформациялау тәсілдерін енгізу, өзге мәдениет үлгілерін оқытуда төл мәдениетіміздегі кілт ұғымдар мен түсініктерді іріктеп алу арқылы басшылыққа алу, тілі оқытылатын елдің саяси, әлеуметтік, экономикалық бет-бедерін таныстыра отырып өзге мәдениет өкілдеріне өз мәдениетіміздің озық үлгілерін таныта білуге үйрету міндеттері қазіргі таңда өткір қойылып отыр. Осылайша өз мәдениетін бағалау арқылы отансүйгіштік, адамгершілік, ізгілік сияқты жалпы адами құндылықтарды бағалай білуге қол жеткізуге болады.

Қорыта айтқанда, жоғарғы оқу орнын бітірген маман өз саласына қатысты ғылым мен техника жетістіктерін меңгерген озық технологияларды пайдалана білетін кәсіби біліктілігімен қатар қоғамның бір мүшесі ретінде түрлі әлеуметтік рөлдерді атқара алатын саяси, әлеуметтік, экономикалық қатынастар жөнінде өзіндік түсініктері мен ұстанымдары бар, өзге адамдармен коммуникация орната алатын жан-жақты білікті тұлға ретінде қалыптасуы қажет. Абайша айтқанда, үлкен өмірге қадам басқан шәкірт кез келген жағдаятқа «кетігін тауып қалана» білуі тиіс. Бұл мемлекетімізді озық елдер қатарына қосудың алғышарттарының бірі ретінде де үлкен маңызға ие. Осыған орай Елбасымыздың 2010жылдың ақпанындағы Қазақстан халқына арнаған Жолдауындағы біздің түпкі мақсатымыз – еліміздің тәуелсіздігін баянды ету, қазақтың ұлт болып өркендеуіне жол ашу, оның тілі мен мәдениетінің кең құлаш жаюына мүмкіндік туғызу. Келер ұрпақтың жүзін жарқын ететін бұл мақсатқа біз асқан табандылықпен ел бірлігін сақтай отырып қана қол жеткізе аламыз» деген пікірін қуаттай келе ұлттың әлеуметтік мәртебесін көтеретін, елдің мемлекеттігін көрсететін маңызды үш белгісі саналатын тілді жоғары деңгейде меңгеру бүгінгі студенттің ертеңгі кәсіби қызметіне жолдама беретін бір іргетас деуге негіз бар демекпіз. Сондықтан оны қалыптастыру ұстаздармен қатар студенттерден де үлкен жауапкершілікті талап етеді.

Пайдаланылған әдебиеттер:

1. Маркова А.К. Психология профессионализма [текст]/А.К.Маркова. – М., Просвещение, 1996. -308 с.
2. Алмазова Н.И. Когнитивные аспекты формирования межкультурной компетенции при обучении иностранному языку в неязыковом вузе [текст]: автореф.дис....доктора пед.наук./Н.И.Алмазон.- СПб., 2003. -51 с.

УДК 81'367,625:[811,512.122,81+111]

**Какжанова Ф.А., Темирханова Ж.Е.
Академик Е.А. Бөкетов атындағы ҚарМУ**

ҚАЗАҚ ЖӘНЕ АҒЫЛШЫН ТІЛДЕРІНДЕГІ ТҮЙЫҚ ЕТІСТІКТІҢ МӘНІ, ФОРМАЛАРЫ МЕН ФУНКЦИЯЛАРЫ

Abstract

The current article is devoted to the comparative analysis of such characteristics as meaning, form and functions of Kazakh and English Infinitives, identifying differences and similarities inherent to their verb and noun peculiarities basing on scientific literature of famous grammarians of both languages. In addition, scientific article analyzes the forming methods of Kazakh and English Infinitives which particularly differ from one another. Owing to the fact that Kazakh and

English languages are far not kin ones, it is permissible existence of plenty differences in their grammatical structure, including the very Infinitive. In spite of this fact few, but significant as well, similarities exist too, as we have found out during the research.

В данной статье рассматривается сравнительное описание инфинитива в казахском и английском языках, основываясь на научную литературу, его значение, форма и функции, различия и сходства их свойств относительно глагола и существительного в виде таблиц. Более того, в статье описаны формы образования инфинитива в казахском и английском языках. В силу того, что казахский и английский языки не являются родственными языками, наличие различий в грамматической структуре, в частности особенностей относительно инфинитива является допустимым. Но несмотря на это, как мы обнаружили в ходе написания статьи, существуют хоть и некоторые, но значительные сходства,

Етістіктің ерекше түрлеріне біз тұйық етістік, есімше, көсемшені жатқызамыз. Ерекше аталуының себебі, олар етістік бола тұра, оның қызметтерін тек ішінара ғана орындайды, етістікке тән барлық категорияларға ие емес және сонымен қатар зат есімнің қызметтерін атқарады. Біз бұл еңбекте тұйық етістік, оның қазақ және ағылшын тілдеріндегі жасалу жолы, сондай-ақ ұқсастықтары мен ерекшеліктерін қарастыратын боламыз.

Қазақ тіліндегі тұйық етістік, кейбір еңбектерде қимыл атауы, қимыл есімі, белгілі тіл маманы А. Айғабыловтың айтуы бойынша – етістіктің мағына жағынан да, түрлену жүйесімен де ерекшеленетін функциялық формаларының бір түрі. Тұйық етістік етістіктің грамматикалық категориясы емес, ерекше түрі болып табылады. Себебі, ең алдымен, тұйық етістік жалпы грамматикалық жағынан қимылды емес, қимылдың атын, атауын білдіреді, сөйтіп ол семантикалық сипаты етістікке емес, зат есімге жақын [1, 502].

Ағылшын тіліндегі тұйық етістік В.Н. Жигадлоның айтуы бойынша іс-әрекет туралы жалпыланған, дерексіз ұғымды білдіретін етістіктің жақсыз түрі; бұндай формада іс-әрекет пен іс-әрекетті орындаушы арасындағы байланыс формалды белгілермен берілмейді, тек логикалық түрде байқалады [2, 161].

Бұл анықтамалардан байқайтынымыз, қазақ тілінің мамандары тұйық етістікті зат есімнің көптеген белгілеріне ие болуына байланысты зат есімге жақын етіп қарастырса, ал ағылшын тілінің мамандары оны етістікке жақындатады. Мысалы, ағылшын тілінің көптеген мамандары тұйық етістікті семантикалық, морфологиялық және синтаксистік белгілеріне орай етістікке жатқызады [3, 211; 4, 253; 5, 138; 6, 248]. Бұның растығын осы еңбектің барысында көруге болады.

Жоғарыда аталған қазақ және ағылшын тілдерін зерттеуші лингвист ғалымдардың еңбектерін саралай келе, аталған тілдердегі тұйық етістік, яғни инфинитив бір-бірінен көптеген белгілер бойынша едәуір ерекшеленетінін байқадық. Сол ерекшеліктерді және азды-көпті ұқсастықтарды қарастырайық.

1. Ең алдымен олар жасалу жолы жағынан ерекшеленеді (1-кесте):

1- кесте. Қазақ және ағылшын тілдеріндегі тұйық етістіктің жасалу жолы

	Қазақ тілінде	Ағылшын тілінде
Тұйық етістіктің жасалу жолы	а) –у (-ұу, -үу) бару, жуу ә) –мақ (-мек, -бақ, -бек, -пақ, -пек) бармақ, келмек, салмақ, кетпек б) –ыс (-іс) алыс, беріс, келіс, жатыс	Инфинитив to демеулігі арқылы жасалады to make, to wash, to dream

Кестеден көріп отырғанымыздай, қазақ тіліндегі тұйық етістік жұрнақ жалғану арқылы үш түрлі жолмен жасалса, ал ағылшын тілінде ол жұрнақ емес, демеулік арқылы бір-ақ жолмен жасалады. Тіпті кейбір жағдайларда ол түсіп қалуы мүмкін немесе мәнмәтінге байланысты жалғыз *to* демеулігімен де берілуі мүмкін. Ал қазақ тілінің тұйық етістігі ондай қасиетке ие емес, яғни ол әрқашан аталған үш жұрнақтың біреуі жалғанған күйінде кездеседі.

2. Ағылшын тілінде тұйық етістік Л.С. Бархударов пен Д.А. Штелинг бойынша, етістіктің үш грамматикалық категориясына ие: уақыттық қатыстылық, сыпат және етіс [3, 218]. Ал қазақ тіліндегі тұйық етістік тек етіс категориясына ие. 2-кестеден қазақ және ағылшын тілдеріндегі тұйық етістіктің етістікке тән белгілері бойынша айырмашылықтарын көре аласыздар:

2- кесте. Қазақ және ағылшын тілдеріндегі тұйық етістіктің етістікке тән белгілері бойынша айырмашылықтары

		Қазақ тілінде	Ағылшын тілінде
Етістікке тән қасиеттер	1) Уақыттық қатыстылық	Қазақ тіліндегі тұйық етістік уақыттық қатыстылықты білдірмейді _____	Ағылшын тіліндегі тұйық етістік уақыттық қатыстылықты білдіреді. <i>Simple to take</i> <i>Perfect to have taken</i> <i>Continuous to be taking</i> <i>Perfect continuous to have been taking</i>
	2) Сыпат	Қазақ тілінде сыпат категориясы жоқ _____	Ағылшын тілінде тұйық етістіктің жалпы (<i>to write, to have written</i>) және созылмалы сыпат түрлері бап (<i>to be writing, to have been writing</i>)
	Басқа да қасиеттері	Қазақ тілінде сөйлемде өзінен кейін тұйық етістікті талап ететін басқа да етістік не зат есім, сын есім жоқ	Кейбір етістіктер, зат есім мен сын есімдер өзінен кейін тұйық етістікті талап етеді <i>want to see</i> <i>ready to do</i>

Кестеде көрсетілгендей, екі тілдегі тұйық етістік екі категория бойынша ерекшеленеді: уақыттық қатыстылық, сыпат, яғни қазақ тілінде тұйық етістікке қатысты бұл категориялар мүлдем жоқ, ал ағылшын тілінде екеуі де бар.

3. Ал келесі кестеде қазақ және ағылшын тілдеріндегі тұйық етістіктің етістікке тән белгілері бойынша ұқсастықтарын көруге болады (3-кесте), яғни қазақ және ағылшын тілдерінде тұйық етістікте жақ және рай категориясы жоқ, ал етіс категориясы екеуіне де ортақ болып табылады. Алайда, қазақ тіліндегі тұйық етістікке негізгі және ырықсыз етістің бір-ақ формасы тән болса, ал ағылшын тілінде негізгі етіске тұйық етістіктің төрт формасы, ырықсыз етіске *indefinite* пен *perfect* қана тән болып табылады:

3- кесте. Қазақ және ағылшын тілдеріндегі тұйық етістіктің етістікке тән белгілері бойынша ұқсастықтары

		Қазақ тілінде	Ағылшын тілінде
Етістікке тән қасиеттер	1) Етіс	Негізгі және ырықсыз етіс орын алады <i>орындау-орындалу, құру-құралу</i>	Негізгі және ырықсыз етіс орын алады <i>to write- to be written; to be writing; to have written- to have been written ; to have been writing</i>
	2) Рай	Тұйық етістікте рай категориясы жоқ, алайда септік формада қолданылуы арқылы грамматикалық мағынаға әсер етеді <i>Ол біздің ауылға демалуға келді-бағыт-бағдарды, мақсатты, себепті білдіріп тұр</i>	Тұйық етістікте рай категориясы жоқ, алайда кейде модальдық мағына бере алады <i>I am going upstairs to pack my things-мақсатты білдіріп тұр</i>

4. Қазақ тіліндегі тұйық етістік ағылшын тілімен салыстырғанда зат есімнің көптеген белгілеріне ие, яғни ол зат есімдерше тікелей де, тәуелденіп те септеледі, оған көптік жалғау жалғанады (4-кесте). Осы қасиетіне қарағанда қазақ тіліндегі тұйық етістік зат есімге жақынырақ. Қимыл есімі, қимыл атауы аталуы да осыған байланысты болу керек.

Көптеген қазақ тілінің мамандарының айтуы бойынша тұйық етістіктің біразы жаңа заттық ұғымға байланысты зат атауын білдіріп, зат есім де болып кеткен: *сабау, көсеу, жылу, жамаяу* т.б. [1, 503]. Сонымен қазақ тіліндегі тұйық етістік зат есімнің қандай белгілеріне ие екенін мына кестеден толығырақ көруге болады:

4- кесте. Қазақ және ағылшын тілдеріндегі тұйық етістіктің зат есімге тән белгілері бойынша ерекшеліктері

		Қазақ тілінде	Ағылшын тілінде
Зат есімге тән қасиеттер	1)Септік жалғау	Қазақ тіліндегі тұйық етістік зат есімдерше тікелей де, тәуелденіп те септеледі <i>А. Бару Баруың І.Барудың Баруыңның Б. Баруға Баруыңа Т.Баруды Баруыңды Ж.Баруда Баруыңда Ш.Барумен Баруыңмен К.Барумен Баруыңмен</i>	Ағылшын тіліндегі тұйық етістік септелмейді _____
	2)Көптік жалғау	Қазақ тіліндегі тұйық етістікке көптік жалғау жалғанады <i>келулері, барыстары,</i>	Ағылшын тіліндегі тұйық етістікке көптік жалғау жалғанбайды

		<i>жүрістері</i>	
	3)Тәуелдік жалғау	Қазақ тіліндегі тұйық етістікке тәуелдік жалғау жалғанады <i>баруым</i> <i>баруың/баруыңыз</i> <i>баруы</i>	Ағылшын тіліндегі тұйық етістікке тәуелдік жалғау жалғанбайды

5. Қазақ және ағылшын тілдеріндегі тұйық етістік жіктелмейді және шак категориясына ие емес. Соған байланысты екі тілде де олар оңаша тұрып, баяндауыш қызметін атқара алмайды, алайда зат есім секілді басқа барлық функцияларды толықтай орындайды (5-кесте).

Айта кететін бір жайт, ағылшын тілінде тұйық етістік негізгі етістікпен қатар келіп қана баяндауыш қызметін атқара алады, ал қазақ тілінде тұйық етістік 3-ші жақ жіктік жалғаудың нөлдік тұлғасынан басқа (**мысалы, міндетіміз –жақсы оқу**), жатыс септік тұлғасында да жіктік жалғаудың нөлдік формасында жұмсалып, баяндауыш қызметін атқарады: **Абай әлі кітап бетіне үңілуде** [1, 503].

5- кесте. Қазақ және ағылшын тілдеріндегі тұйық етістіктің зат есімге тән белгілері бойынша ұқсастықтары

		Қазақ тілінде	Ағылшын тілінде
Зат есімге тән қасиеттер	1)Жіктік жалғау	Жіктелмейді	Жіктелмейді
	2)Сөйлемде атқаратын синтаксистік қызметі	а) Бастауыш қызметі: <i>Жағажайда демалу – жан рақаты</i> ә)Баяндауыш құрамына кіреді: <i>Ең бастысы-ғылыми еңбекті аяқтау</i> б) Толықтауыш болады: <i>Мен одан төлқұжатты бере тұруын өтіндім</i> в) Пысықтауыш болады: <i>Ат байладым шарбаққа, сіздің ауылға бармаққа</i> (ән мәтіні) г) Анықтауыш болады: <i>Алмақтың да салмағы бар</i>	а) Бастауыш қызметі: <i>To rest at the seaside is pleasure</i> ә)Баяндауыш құрамына кіреді: <i>The point is to finish scientific work</i> б) Толықтауыш болады: <i>I asked him to give me the passport</i> в)Пысықтауыш болады: <i>I prepared the horse in order to go to your village</i> г) Анықтауыш болады: <i>My son was the first to congratulate me on my birthday</i>

Қорытындылай келе, қазақ және ағылшын тілдеріндегі тұйық етістік қимылдың атын білдіретін, етістіктің ерекше түрі екендігін ортаға салдық. Олар етістіктің де, зат есімнің де қасиеттеріне ие бола алады. Алайда бұл екі тілде екі түрлі болып келеді. Қазақ және ағылшын тілдеріндегі тұйық етістік етістіктің келесі категориялары бойынша ерекшеленеді:

- уақыттық қатыстылық және сыпат категориялары ағылшын тіліне тән, ал қазақ тілінде жоқ.

Етістікке тән ұқсастықтары:

- тұйық етістіктің жақ, рай және етіс категориялары екі тілде де жоқ, ал етіс категориясы екі тілге де ортақ болып табылады

Зат есімге тән ерекшеліктері:

• қазақ тіліндегі тұйық етістік септеледі, тәуелденеді, көптеледі, ал ағылшын тіліндегі тұйық етістікте ондай қасиеттер жоқ

Зат есімге тән ұқсастықтары:

• қазақ және ағылшын тілдеріндегі тұйық етістік жіктелмейді және екеуі де зат есімге тән синтаксистік қызмет атқарады.

Пайдаланылған әдебиеттер:

1. Қазақ грамматикасы. Фонетика, сөзжасам, морфология, синтаксис. –Астана, 2002.-784бет.
2. Жигадло В.Н., Иванова И.П., Иофик Л.Л. Современный английский язык. - М., 1956.
3. Бархударов Л.С., Штелинг Д.А. Грамматика английского языка. - М., 1973.
4. Качалова К.Н., Изралевич Е.Е. Практическая грамматика английского языка. - М., 2003. иностр. яз. - М., 1974.
5. Пособие по морфологии английского языка. Учеб. пособие для институтов и факультетов
6. Смирницкий А.И. Морфология английского языка. - М., 1959.

УДК 39=943.42

А.Д. Жакупова, Б.А. Газдиева, Ж.О.

Сагындыкова, Г.Т. Фаткиева

Кокшетауский государственный университет им. Ш. Уалиханова

Кокшетау, Казахстан

К ВОПРОСУ ОПИСАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ КАЗАХСКОЙ ДИАСПОРЫ В ПОЛЬШЕ

Abstract

The research analysis of the Kazakh language is of great interest to the scientists as the peculiar features of the Kazakh Diaspora is characterized by functioning of it in the foreign environment during many years that can influence the language greatly. The article shows the description of language characteristics of Kazakh Diaspora in Poland. The results of the language situation on the territory under the analysis can identify a number of factors connected with the issues of bi and multilingualism.

Исследование казахского языка в Европе представляет значительный интерес для ученых, поскольку специфика родного языка казахской диаспоры характеризуется, прежде всего, функционированием в инонациональном окружении в течение многих лет, что не могло не оказать воздействия на язык. В статье представлено описание языковых особенностей казахской диаспоры в Польше. Данные, полученные в результате анализа языковой ситуации на территории данного государства, помогут выявить ряд факторов, связанных с вопросами би- и полилингвизма.

Ключевые слова: диаспора, полиязычие, билингвизм, языковая картина мира.

Динамика развития современной языковой ситуации вызывает особый интерес лингвистов, историков, социологов, политологов. Особенно интересно наблюдать изменения, происходящие в языке народа, который находится в окружении другой культуры, языка, социальных факторов. Это находит отражение в разнообразных проявлениях жизни этноса, маркируя ее таким образом, чтобы сохранить присущее ему своеобразие с актуализацией наиболее значимых для этноса культурно-этических, нравственных и психологических категорий.

Данное исследование осуществляется в рамках проекта «Казахская диаспора в Европе» и направлено на изучение функционирования языка казахской диаспоры в условиях инокультурного, иноязычного окружения. Исследование казахского языка в Европе представляет значительный интерес для ученых, поскольку специфика родного языка казахской диаспоры характеризуется, прежде всего, функционированием в инонациональном окружении в течение многих лет, что не могло не оказать воздействия на язык. Поэтому важным представляется изучение вопросов современного состояния и динамики развития казахского языка, которые рассматриваются нами в указанном научно-исследовательском проекте.

Для изучения этноязыковой ситуации в Европе, анализа историко-культурных предпосылок появления казахов в Финляндии, Германии, Великобритании, Польше, описания особенностей функционирования казахского языка и государственных языков рассматриваемых стран, участниками проекта был совершен выезд в указанные государства. В данной статье представлено описание языковых особенностей казахской диаспоры на территории Польши.

Исследование языка казахов, проживающих в Польше, вызвано долгими историческими, политическими и экономическими связями Казахстана и Польши. Подтверждением этому, стал двухтомник на русском, казахском и польском языках, посвященный 20-летию установления дипломатических отношений между Казахстаном и Польшей. «История казахстанско-польских связей – это летопись отношений двух братских народов, дружественных государств, в которой есть страницы особого подъема, интенсивного наращивания взаимодействия» [1].

Изучая казахскую диаспору Европы с социологической точки зрения, Б.И. Ракишева подчеркивает, что «этнические казахи в странах Западной Европы являются в нашем понимании диаспорой, а для их каждодневного окружения они являются рядовыми гражданами своей страны, неся в свою очередь также и дополнительную нагрузку как представители своей Исторической Родины» [2, с. 2]. Казахская диаспора сегодня является частью имиджа Казахстана, особенно в тех странах, где нет официальных представительств Казахстана в виде Посольств и Консульств.

Настоящее исследование отражает социолингвистический мониторинг и аналитическое описание языка казахской диаспоры в Польше с точки зрения релевантных социолингвистических параметров, представляющих собой исходный пункт для дальнейших размышлений о ее причинах.

Для реализации поставленной цели нами были решены следующие задачи: 1) было проведено анкетирование и интервьюирование казахов, проживающих в Польше; 2) по результатам анкетирования выявлены особенности функционирования языков в смешанных семьях (казашка-поляк) Польши; 3) продемонстрированы этнокультурные особенности проживания казахов в иноязычной среде.

В анкетировании приняли участие казахи, проживающие в Польше, в основном, это женщины в возрасте от 19 до 50 лет. Для реализации цели были определены вопросы анкетирования, отражающие языковую и этнокультурную идентичность респондентов. В результате анкетирования выявлено, что родным языком респонденты считают казахский язык (77,8%) и русский язык – 22,2%. Дальнейший анализ данных свидетельствует о том, что казахский язык считают родным опрошенные, у которых и отец, и мать по национальности казахи. Русский язык считают родным представители интернациональной семьи (отец – поляк, мать – казашка) – 11,1% и 11,1% – респондент, которая по национальности казашка, считает своим родным языком русский язык. Результаты анкетирования по данному вопросу представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Родной язык респондентов (%)

Казахский	77,8
Русский	22,2
Казахский/русский	-
Польский	-

Данные таблицы 2 подтверждают, что большая часть опрошенных (77,8%) понимает родной язык и говорит на нём, меньшая часть (22,2%) – понимает, но не говорит. Среди опрошенных респондентов, которые отметили «понимают, но не говорят», выделились те, которые считают родным языком казахский, это два представителя казахской диаспоры, остальные, пять человек, и понимают, и говорят. Такое соотношение является доказательством того, что казахи, проживающие за рубежом, стараются сохранить традиции и культуру родного народа.

Таблица 2 – Знание родного языка (%)

Понимают и говорят	77,8
Понимают, но не говорят	22,2

Результаты исследования, представленные в таблице 3, показывают, что все респонденты предпочитают читать, писать, разговаривать и пользоваться интернетом на русском языке. На втором месте – польский язык (55,5-33,3%). Третье место отводится казахскому и английскому языкам (33,3-11,1%). На казахском языке представители казахской диаспоры Польши читают, пишут, смотрят телевизор, разговаривают и пользуются интернетом. Однако обучение на родном языке в рассматриваемой стране не ведется. Следует отметить, что использование родного языка во всех предложенных позициях принадлежит представителям казахской диаспоры в возрасте от 36-60 и более 60 лет, а также респонденту более молодого поколения. Такие факты являются подтверждением сохранения и развития родного языка казахской диаспоры Польши среди всех возрастных групп. Владение и применение польского и английского языков – приоритеты молодого и среднего поколений. Важно отметить, что все опрошенные являются билингвами, а представители молодого и среднего поколения в большей части владеют сразу тремя и более языками. Такая языковая палитра в настоящее время является актуальной во многих странах зарубежья, и вопросы, связанные с изучением би- и полилингвизма на разных этапах развития общественной жизни и, соответственно, развития языка, несомненно, помогут выявить интересные и новые факты функционирования языка казахской диаспоры в условиях мультиязычного ареала проживания.

Таблица 3 – На каком языке Вы предпочитаете...?(%)

На каком языке Вы предпочитаете...?	Казахский	Польский	Английский	Русский
Читать	33,3	55,5	11,1	100
Писать	33,3	55,5	11,1	100
Смотреть телевизор	22,2	44,4	11,1	55,5
Учиться		33,3	11,1	44,4
Разговаривать	22,2	55,5	11,1	100
Пользоваться Интернетом	22,2	33,3	11,1	100

Ответами на вопрос, «На каком языке Вы думаете?» послужили данные, представленные в таблице 4. Большая часть респондентов отметила, что их подсознательное

решение строится на польском языке, затем – русском, и 33,3% – на казахском. Среди респондентов выделилась группа, которая в своих ответах отметила сразу два языка, а также группа, которая думает только на одном языке: 55,5% – на польском и русском, 11,1% – на польском и казахском; только на казахском языке – 22,2%, только на польском – 11,1%. Такое процентное соотношение является результатом той языковой среды, которая окружает респондентов. Социально-политические и социально-экономические условия повлияли на подсознание представителей казахской диаспоры в условиях инокультурного окружения. Но все же интервьюируемые стараются поддержать и сохранить свою родную культуру и язык. Среди тех респондентов, которые думают только на казахском языке, возрастная категория принадлежит представителю молодого поколения (19-35), и представителю более 60 лет. Такое распределение является свидетельством того, что не только в более зрелом возрасте представители диаспоры сохраняют свой этнос, но и эта ориентация принадлежит и молодому поколению.

Таблица 4 – На каком языке Вы думаете? (%)

Английский	-
Казахский	33,3
Русский	55,5
Польский	77,7

Согласно данным, представленным в таблице 5 – Национальный состав семьи и друзей респондентов, можно отметить, что среди казахских семей, проживающих на территории Польши, сами респонденты по национальному признаку относятся к казахам (88,9%) и полякам (11,1%). Такое процентное соотношение зависит от состава семьи: мононациональные и смешанные браки (поляк/казашка). Большая часть опрошенных – дети семей, где оба родителя казахи. Результаты данных о семейном положении респондентов представляются следующим образом: 67% в браке, 23% не создали личных семей. Среди 67% семейных пар 2 семьи относятся к мононациональной семье (оба супруга казахи), в 4 семьях – супруги по нации поляки. Представителями этих четырех семейных пар являются женщины-респонденты, супруги которых – поляки. Данный факт позволяет судить о тесных взаимных контактах и движении от мононациональных браков к межнациональным, а также о стабильном развитии межэтнических отношений. В графе «Национальность лучшего друга/подруги» 44,5% опрошенных отметили поляков, 33,3% указали казахов, 11,1% – представителей других национальностей.

Таблица 5 – Национальный состав семьи и друзей респондентов (%)

Национальный состав семьи и друзей респондентов	Казах (шка)	Поляк	русский	Другое
Национальность респондентов	88,9	11,1	-	-
Национальность отца	88,9	11,1	-	-
Национальность матери	100	-	-	-
Национальность супруга(и)	22,2	44,5	-	-
Национальность лучшего друга/подруги	33,3	44,5	-	11,1

Результаты, связанные с определением языка общения в семье, указывают на то, что языком общения между родителями респондентов являются русский (55,5%) и казахский языки (44,4%).

Следует отметить, что по итогам данных выявлен факт функционирования только казахского языка между родителями (33,3%), только русского языка – 44,4%, и употребление

двух языков (казахский/русский) – 22,2%. Между матерью и детьми языком общения являются казахский язык – 66,6%, русский язык – 55,5%, польский язык – 22,2%. Использование казахского, русского и польского языков в момент общения отца с детьми представлено в следующих процентах: 44,4%, 44,4%, 11,1%. Указанные данные свидетельствуют о функционировании казахского языка в семьях представителей казахской диаспоры за рубежом.

Преобладание казахского языка в семьях интервьюируемых наблюдается в позиции «Между родителями и дедушками/бабушками» – 66,6%. Русский язык используется при общении между братьями и сестрами респондентов, между отцом и детьми, между отцом и матерью, между матерью и детьми. По результатам анкетных данных видно, что представители казахской диаспоры активно разговаривают на казахском языке. Функционирование польского языка в семьях обусловлено тем, что один из супругов принадлежит к коренной нации Польши, а также необходимостью приспособления к той языковой среде, где проживает данный этнос.

Таблица 6 – Язык общения в семье (%)

Язык общения в семье	Казахский	Русский	Польский	Другие языки
Между отцом и матерью	44,4	55,5	-	-
Между матерью и детьми	66,6	55,5	22,2	-
Между отцом и детьми	44,4	44,4	11,1	-
Между братьями и сестрами (респондента)	44,4	55,5	22,2	-
Между родителями и дедушками/бабушками	66,6	44,4	22,2	-
Между респондентом и дедушками/бабушками	33,3	44,4	11,1	-

Результаты анкетирования показывают, что большинство респондентов (55,5%) на вопрос «Какие языки должны учить Ваши дети и внуки?» ответили: «Польский». 44,4% представителей казахской диаспоры выбрали казахский язык, 33,3% – русский, 22,2% – английский.

Таблица 7– Какие языки, по Вашему мнению, должны учить Ваши дети и внуки?(%)

Казахский	44,4
Русский	33,3
Английский	22,2
Польский	55,5

Результаты опроса в таблице 8 показывают, что все респонденты придерживаются мнения о необходимости знания родного языка, тем самым еще раз доказывая факты функционирования и развития казахского языка на территории Польши. Далее доминирующее положение занимают английский язык (89%), также русский и польский языки (78%). Несколько респондентов отметили о необходимости знания немецкого и французского языков (11%).

Таблица 8 – О необходимости знания родного языка (%)

О необходимости знания родного языка	Согласен	Не согласен	Затрудняюсь ответить
Казахского языка	100	-	-
Польского языка	78	-	-
Английского языка	89	-	-
Русского языка	78	-	-
Немецкого языка	11	-	-
Французского языка	11	-	-

Процентный состав ответов на вопрос «Согласны ли Вы, что должны говорить на родном языке только дома?» распределился следующим образом: 22% респондентов согласны, что должны говорить на родном языке только дома, 78% опрашиваемых придерживаются противоположной точки зрения. Мнение респондентов сводится к тому, что функционирование родного языка должно распространяться не только в кругу семьи, но и за ее пределами.

Таблица 9 – Согласны ли Вы, что должны говорить на родном языке только дома? (%)

Согласен	Не согласен
22	78

Анализ приведённых данных показал, что преобладающая часть респондентов (89%) считает, что человек должен владеть родным языком, даже если проживает не на родной территории, тем самым сохраняя и развивая язык в иномациональном контексте. 11%, то есть один опрошенный из общего количества респондентов, не согласен с данным утверждением.

Таблица 10 – Согласны ли Вы, что человек должен владеть родным языком?(%)

Согласен	Не согласен
89	11

Национальное сознание и самосознание – это наиболее важный компонент определения национальности среди представителей казахской диаспоры Польши (100%). Также, отмечая особенности определения своей нации, опрошенные отметили значительными те пункты, которые связаны с соблюдением национальных традиций (88,8%) и знанием родного языка (66,6%). Интервьюируемые указали, что не считают обязательным для определения национальности проживание на территории республики Казахстан. Приведенные данные свидетельствуют о том, что проживая как диаспора в иноязычном окружении, казахи стараются сохранить свою национальность, так как у них развито национальное сознание и самосознание.

Таблица 11 – Важные компоненты определения национальности (%).

	Важно	Неважно	Затрудняюсь ответить
Знание родного языка	66,6	22,2	-
Соблюдение национальных традиций	88,8	11,1	-
Религия предков	44,4	44,4	11,1
Кухня	55,5	22,2	-
Проживание на одной территории	11,1	88,8	-
Национальное сознание и	100	-	-

самосознание			
Другое	-	-	-

Результаты анкетирования показали, что 55,5% опрошенных никогда не испытывали трудностей из-за незнания казахского языка. Причиной является владение и использование казахского языка нашими респондентами. Остальные, 45% респондентов, редко испытывают такие трудности, так как в их базе данных отмечено, что они все же владеют родным языком, понимают, говорят или понимают, не говорят. Таким образом, о функционировании казахского языка и его использовании представителями диаспоры подтверждают данные рассматриваемого вопроса, где в пункте «никогда», «всегда» нет ответов.

Таблица 12 – Испытывали ли Вы трудности из-за незнания казахского языка (%)?

Никогда	55,5
Редко	44,5
Часто	-
Всегда	-

Подводя итоги, следует отметить, что среди представителей казахской диаспоры Польши, можно выявить ряд факторов, связанных с функционированием казахского языка за рубежом. По результатам процентного соотношения можно судить о том, языковая политика по изучению и функционированию казахского языка в данной стране развивается. Казахи, проживающие на территории Польши, сохраняют свой язык, своим отношением к этносу дают языку развиваться и функционировать, чтят традиции и культуру казахского народа.

Дальнейшее изучение языковой картины мира казахов за рубежом является одним из интереснейших социальных субъектов этносоциального развития и требует также внимания и учета всех изменений, происходящих в языке и культурном пространстве их представителей.

Список литературы

1 История казахстанско-польских связей [Электронный ресурс] / – Режим доступа: [www.Kazpravda, http://www.kazpravda.kz/c/1332796072](http://www.kazpravda.kz/c/1332796072)

2 Ракишева Б.И. Мобильность идентификационной иерархии казахской диаспоры стран Западной Европы // Саясат - Policy. - 2008. - №5. - С. 71-75

УДК 39=943.42 К-14

А.Д. Жакупова, Б.А. Газдиева,
Ж.О. Сагындыкова, Г.Т. Фаткиева
Кокшетауский государственный университет им. Ш. Уалиханова
Кокшетау, Казахстан

СОЦИО-КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ КАЗАХСКОЙ ДИАСПОРЫ В ПОЛЬШЕ

Abstract

The article presents social and cultural peculiarities of Kazakh Diaspora living on the territory of Poland. The results of the questionnaire conducted among Kazakh diaspora reflect these peculiarities and represented in the research.

Ключевые слова: диаспора, полилингвизма, мультилингвизм, этноязыковые механизмы.

В статье представлены социальные, культурные особенности казахской диаспоры, проживающей на территории республики Польша. Отражением указанных аспектов является анкетирование, проведенное среди представителей казахской диаспоры, результаты которого представлены в таблицах.

Среди многих проблем современной лингвистики одно из значимых мест занимают вопросы, связанные с изучением взаимодействия языков, билингвизма и мультилингвизма.

Данное исследование осуществляется в рамках проекта «Казахская диаспора в Европе» и направлено на изучение функционирования языка казахской диаспоры в условиях глобализации и инокультурного, инонационального, иноязычного окружения в контексте выявления этноязыковых механизмов создания благоприятных условий для сохранения родного языка представителями казахской диаспоры за рубежом.

Общеизвестно, что социально-политические, экономические перемены современного общества обусловили появление ряда проблем, связанные с кризисом идентичности, изменением мировоззрения, целей, ориентаций, поведения, жизненных ценностей. Отражением указанных изменений, безусловно, является язык, который сопровождает своего носителя. Через язык отражаются все изменения, происходящие в обществе.

Для определения социо-культурных особенностей формирования и развития казахской диаспоры в странах зарубежья было проведено анкетирование среди представителей диаспоры. В настоящей статье представлены результаты анкетирования, отражающие социальные, культурные аспекты жизненного уклада представителей казахской диаспоры, проживающих на территории республики Польша. Все результаты анкетирования представлены в таблицах.

Согласно данным, представленным в таблице 1 – Как Вы относитесь к браку Вашего сына/дочери с представителем другой национальности, большинство респондентов (77,7%) положительно относятся к браку своих детей с представителями казахской и польской национальностей. Также положительно относятся к браку с русскими (55,5%). Один из опрошенных респондентов позитивно относится только мононациональному браку, не приемлет интернациональные семьи. Другой респондент затрудняется ответить на данный вопрос. Следовательно, можно сделать вывод, что казахи, проживающие на территории Польши, положительно относятся к смешанным бракам, что дает возможность исследовать вопросы, связанные с межкультурным и лингвоконтактологическим взаимодействиями с другими народами за рубежом.

Таблица 1 – Как Вы относитесь к браку Вашего сына/дочери с представителем другой национальности?(%)

Как Вы относитесь к браку Вашего сына / дочери с представителем другой национальности?(%)	Положительно	Равнодушно	Отрицательно	Затрудняюсь ответить
Казахом	77,7	11,1	-	11,1
Поляком	77,7	11,1	11,1	
Русским	55,5	11,1	11,1	

Таблица 2 – Если Ваш супруг/супруга другой национальности, должен (должна) ли он/она знать культуру и язык Вашего народа?(%)

Да	77,7
Нет	11,1

Затрудняюсь ответить	11,1
----------------------	------

О необходимости знания культуры и языка народа супруга/ги 77,7% опрошенных считает важным и необходимым аргументом в их совместной жизни. Для одного респондента это не является важным фактором в личных отношениях (11,1%). 11,1% участников анкетирования затрудняются ответить на поставленный вопрос. Также результаты анкетирования показали, что один из респондентов считает обязательным знание культуры, а необязательным – язык.

Ответами на вопрос: «Как давно Вы проживаете в Польше?», являются факты, представленные в таблице 3. По результатам анкетирования выявлено: 66,6% респондентов проживают в Польше от 6 до 15 лет, 33,3% – от 1 года до 5 лет.

Таблица 3 – Как давно Вы проживаете в Польше?(%)

1-5 лет	33,3
6-15 лет	66,6
Более 15 лет	-
Родился здесь	-

Большинство респондентов – 88,8% – приехали из Казахстана, 11,1%, то есть один респондент – из Турции.

Таблица 4 – Откуда Вы приехали?(%)

Казахстан	88,8
Россия	-
Родился в Польше	-
Турция	11,1

Основной причиной переезда респондентов в Польшу по результатам анкетирования являются семейные обстоятельства (55,5%). Данный результат является следствием того, что большая часть интервьюируемых – это лица женского пола, вышедшие замуж за поляков. Именно выезд на постоянное место жительства их супругов является основным аргументом данного процентного соотношения. Далее – 33,3% – учеба. 11,1% участников анкетирования отметили в качестве причины социально-экономическую ситуацию.

Таблица 5 – Что Вас побудило переехать в Польшу?(%)

Семейные обстоятельства	55,5
Социально-экономическая ситуация	11,1
Необходимость лечения	-
Учеба	33,3
Родился в Польше	-

Приведённые данные в таблице 6 являются свидетельством уже традиционного стереотипа, что казахский народ, во-первых, отличается своим гостеприимством (77,7%), во-вторых, почитает свои традиции, наделен добротой и открытостью (44,4%). Также, это люди с сильной волей, человечные, легко идущие на контакт (22,2%). Таким образом, с помощью анкетирования выявлено, что для большинства респондентов основной чертой мужчин и женщин казахской национальности является гостеприимство.

Таблица 6 – Основные черты, присущие мужчине-казаху или женщине-казашке (%)

Характерная черта	Женщины/мужчины
-------------------	-----------------

Гостеприимность	77,7
Открытость	44,4
Доброта	44,4
Человечность	22,2
Скромность	-
Общительность	22,2
Ленивость	11,1
Независимость	-
Сильная воля	22,2
Умение готовить плов	-
Приверженность традициям	44,4
Приверженность семейным ценностям	11,1
Дружелюбие	11,1
Умение работать в команде	-
Способность усердно трудиться	11,1
Затрудняюсь ответить	-

Статистические данные, полученные в результате анализа ответов на вопрос «Изменились ли традиции, обычаи, семейные обряды казахов в условиях Вашего нынешнего места пребывания?», отражают трансформацию традиций, обычаев, семейных обрядов казахов в инокультурных условиях. 55,5% опрошенных утверждают о модификации традиций родного народа на территории Польши, 22,2% респондентов считают, что традиции, обычаи, семейные обряды казахов, проживающих в Польше, не изменились, 22,2% анкетированных затрудняются ответить на поставленный вопрос. Такое процентное соотношение ответов говорит о том, что интервьюируемые казахи, проживающие на территории Польши, все же знают и помнят традиционные обычаи и могут судить об их изменениях.

Таблица 7 – Изменились ли традиции, обычаи, семейные обряды казахов в условиях Вашего нынешнего места пребывания? (%)

Да	55,5
Нет	22,2
Затрудняюсь ответить	22,2

Отвечая на вопрос: «Носите ли Вы национальную одежду?», большинство анкетированных представителей казахской диаспоры Польши (77,7%) ответили, что никогда не носили национальную одежду. 22,2% респондентов в редких случаях надевали одежду, принадлежащую к истории их этноса.

Таблица 8 – Носите ли Вы национальную одежду?(%)

Всегда	-
Часто	-
Редко	22,2
Никогда	77,7

Результаты анкетирования свидетельствуют о том, что ни один из респондентов не умеет играть на национальных музыкальных инструментах.

Таблица 9 – Умеете ли Вы играть на национальных музыкальных инструментах?(%)

Да	-
Нет	100

Среди опрошенных респондентов 66,6% знают казахский фольклор, 33,3% представителя казахской диаспоры Польши не знакомы с произведениями устного народного творчества казахского народа.

Таблица 10 – Знаете ли Вы казахский фольклор?(%)

Да	66,6
Нет	33,3

По результатам опроса, представленным в таблице 11, видно, что 44,4% респондентов планируют вернуться в Казахстан. Большая часть представительниц казахской национальности из этих 44,4% выехала в Польшу по семейным обстоятельствам, их супружеские пары в большей мере являются мононациональными семьями, что тоже может быть причиной возвращения на родную землю. Один из опрошенных не планируют возвращаться на историческую родину (11,1%). У 44,4% респондентов данный вопрос вызвал затруднение.

Таблица 11 – Планируете ли Вы вернуться в Казахстан?(%)

Да	44,4
Нет	11,1
Затрудняюсь ответить	44,4

Исследование показало, что только для 11,1% респондентов традиции семьи могут послужить поводом для решения казахов, живущих в Польше, вернуться в Казахстан. 11,1% опрошенных могут вернуться на родину в случае ухудшения социально-экономической ситуации в Польше, также политической дестабилизации. Улучшение личного материального состояния – причина для 33,3% представителей казахской диаспоры Польши вернуться на родину. 55,5% анкетированных затрудняются ответить на данный вопрос. 11,1% респондентов называют другие причины.

Таблица 12 – Что может повлиять на Ваше решение вернуться в Казахстан?(%)

Традиции семьи	11,1
Ухудшение социально-экономической ситуации в Польше	11,1
Улучшение личного материального состояния	33,3
Политическая дестабилизация	11,1
Затрудняюсь ответить	55,5
Другое	11,1

Собранные фактические данные, представленные в таблице 13, свидетельствуют о том, что все представители казахской диаспоры Польши являются патриотами своей родины, и все считают необходимым защищать интересы своей исторической родины (100%).

Таблица 13 – Считаете ли Вы необходимым защищать интересы своей исторической родины?(%)

Да	100
Нет	-
Затрудняюсь ответить	-

88,8% опрошенных респондентов заявили о поддержании связи со своей исторической родиной, только один из опрошенных поддерживает связь редко.

Таблица 14 – Поддерживаете ли Вы связь со своей исторической родиной?(%)

Да, постоянно	88,8
Не поддерживаю	-
Редко	11,1

Анализ данных по результатам проведенного анкетирования в Польше отражает особенности быта, социального статуса, культуры, традиций казахов в данной стране. По результатам Посольства Республики Казахстан в Польше известно, что на территории данной страны проживает порядка 20-30 казахов. Среди представителей казахской диаспоры языками общения в семье являются русский или казахский и польский, языком общения и обучения - польский. Все представители казахской диаспоры относят себя к казахам. По результатам процентного соотношения можно судить о том, что казахи, проживающие на территории Польши, сохраняют свой язык, своим отношением к этносу дают языку развиваться и функционировать, чтят традиции и культуру казахского народа.

Описание социо-культурных аспектов казахской диаспоры за рубежом необходимо при изучении развития и функционирования родного языка казахов, проживающих в инокультурных условиях, и поможет выявить интересные и новые характеристики в вопросах диаспорологии, откроет новые грани реализации известного явления.

УДК 81'367

Салқынбай А.Б.
филология ғылымдарының докторы,
Әл-Фараби ат. ҚазҰУ профессоры Алматы, Қазақстан

АТАУДЫҢ ЖҮЙЕЛІЛІГІ МЕН НЕГІЗДІЛІГІ

Abstract

The article Systemacity and validity of the nomination

considers the deep semantic structure of nomination. For the system of word-formation, the motivate is a necessary factor justifying the deep semantic structure of nomination. Motivation determines such phenomena as consistency, validity of nomination, sequence in conveying meaning. Motivation for forming secondary meaning can be demonstrated in the course of determining the semantic structure of nomination based on the ways of word-formation. The type of motivation is basically described in the content revealed through the meaning of motivating base.

Key words: motivation, cognitive, word formation, nomination, the notion of the value of the word, function, semantic structure, sem, archesemes, derivatologiya, lexical unit

Ключевые слова: *мотивация, словообразования, номинация, функция, семантическая структура, вторичная номинация.*

РЕЗЮМЕ

Ключевые слова: *мотивация, словообразования, номинация, функция, семантическая структура, вторичная номинация.*

Основное различие мотивации и словообразования напрямую связана с функцией языковых единиц. В мотивации языковые формы выделяют отличительные свойства реальных предметов, явлений и конкретизируют отражение реальности в понятии. Во внутренней форме, в значении мотивированного слова содержится информация об обозначенном словом предмете или явлении. Прямая мотивация, сохраняясь между

мотивированным словом и мотивирующей основой, сохраняется в основном содержании нового понятия, порождая таким образом сложную семантическую структуру производного слова со вторичным значением.

Для системы словообразования мотиват является необходимым фактором, обосновывающим глубокую семантическую структуру номинации. Мотивированность определяет такие явления как системность, обоснованность номинации, последовательность в передаче значения. В ходе определения семантической структуры номинации образованной на основе словообразовательных способов можно показать мотивацию формирующую вторичное значение. В основном вид данной мотивации описывается в содержании выявляемой через значение мотивирующей основы.

Основное различие мотивации и словообразования напрямую связана с функцией языковых единиц. В мотивации языковые формы выделяют отличительные свойства реальных предметов, явлений и конкретизируют отражение реальности в понятии. Во внутренней форме, в значении мотивированного слова содержится информация об обозначенном словом предмете или явлении. Прямая мотивация, сохраняясь между мотивированным словом и мотивирующей основой, сохраняется в основном содержании нового понятия, порождая таким образом сложную семантическую структуру производного слова со вторичным значением.

Для системы словообразования мотиват является необходимым фактором, обосновывающим глубокую семантическую структуру номинации. Мотивированность определяет такие явления как системность, обоснованность номинации, последовательность в передаче значения. В ходе определения семантической структуры номинации образованной на основе словообразовательных способов можно показать мотивацию формирующую вторичное значение. В основном вид данной мотивации описывается в содержании выявляемой через значение мотивирующей основы.

Аңдатпа Мақалада атау теориясы мен сөзжасамның байланысы анықталып, жаңа сөздің болмыспен байланысы, ойлаумен арақатынасы көрсетіледі. Болмысты негізгі және қосымша белгілері арқылы атап, таңбалау кезінде номинативтік бірліктер әлем бейнесін, дүние көріністерін белгілеумен қатар, олардың қасиеті мен белгілерін, іс-әрекеті мен қимылын, жағдайын, сапасы мен мөлшерін сипаттайды. Атаудың мәні – танылған затпен дәлме-дәл келуінде емес, адам баласының әлем бейнесін танып-білудегі қызметінің нәтижесін абстрактылы түрде жеткізуі екені нақтыланады. Сөз адам танымының бейнелеуіш қызметінің нәтижелерін бекітудегі негізгі құрал ретінде анықталады. Сөзжасамның нақты сипаты ономазиологиялық категориялар мен сөз жасаушы материалдық құралдар, олардың мағыналық сипаты, туынды сөз көлемінде болатын теориялық мәселелер арқылы зерттелетіні талданады.

Атау ономазиологиялық аспектіден анықталғанда *заттың болмысы → атаудың мәні* қатынасы арқылы түсіндіріледі, сөйтіп маңызды, басты мән ретінде болмыс табиғаты зерттеу арқауы болады. Семасиологиялық аспектіден анықталғанда *атаудың мәні* таным тәсілдері мен болмыстың атын айқындауы негізінде қарастырылады. Атаудың табиғаты мен құрылымын талдау тіл білімі ғылымында үш мүшенің қарым-қатынасы негізінде жүргізіледі: болмыс – ұғым – ат (есім). Атаудың осы аталған әмбебап-логикалық қатынасының әрбір сыңары әлем бейнесінің тілдегі көрінісін таңбалауда, ұлттық танымға тән белгілер арқылы түрленеді.

Болмыс – атаудың денотаты ретінде өмір сүреді де, атаудың қасиеті мен мәнін, белгілерінің табиғатын, төркінін көрсетеді. Атау – сөйлеу нәтижесінде қабылданады. Сөйлеу нәтижесі – тіл жүйесінде зерттеледі. Атау мен сөзжасам теориясы бір-бірімен тығыз байланысты. Сөз жасаудың негізгі мәселесі жаңа атау туғызу болса, атаудың тууы табиғаттағы заттар мен құбылыстардың адам санасында бейнеленген “мүсіннің” таңбалануы

арқылы анықталады. Сөз – шындық өмірдегі болмыстың адам санасында бейнеленген тілдік таңбасы, осы таңбаның тілде белгілі заңдылыққа бағынып, қалыптасқан тәсілдер арқылы жасалуын сөзжасам саласы зерттейді. Сөзжасам теориясы бойынша туынды сөздің ішкі мағынасы олардың құрамындағы сөзжасамдық тұлғалар арқылы анықталатынын еске алсақ, номинациямен сөзжасамның екі жақты байланысы көрінеді:

1) біріншілік номинацияны айқындау барысында түбірдегі ұғымның мәні, болмыспен байланысы ашылса, түбір сөздің табиғаты арқылы туынды сөздің мағынасы талдана алады;

2) өз кезегінде туынды сөз жеке ұғымды білдіретін атау ретінде екіншілік номинация болады, әрі сөзжасамдық процесс негізінде қалыптасқандықтан, сөзжасамдық мағына иеленеді.

Атау сөзжасамдағы жаңа сөздің болмыспен байланысын, ойлаумен арақатынасын көрсетеді. Болмысты негізгі және қосымша белгілері арқылы атап, таңбалау кезінде номинативтік бірліктер әлем бейнесін, дүние көріністерін белгілеумен қатар, олардың қасиеті мен белгілерін, іс-әрекеті мен қимылын, жағдайын, сапасы мен мөлшерін сипаттайды. Сөз адам танымының бейнелеуші қызметінің нәтижелерін бекітудегі негізгі құрал ретінде анықталады. Кез келген болмыс атаулы ұғым арқылы танылып, белгілі атау арқылы таңбаланғанда, сол заттың бүкіл қасиеті мен белгісі бірдей танылып, өз көрінісін бере алмайды. Тек негізгі бөліктерінің белгісі мен қасиетін, ерекше белгілерін белгілейді. Яғни денотаттың ең негізгі белгілері арқылы түсінік қалыптасып, атау туындайды. Заттың өзге ерекше қасиеттері бірте-бірте танылады да, осының нәтижесінде сөздің көпмағыналылығы, синонимдігі мен антонимдігі келіп шығады.

Дүниедегі әрбір нысан сан-алуан қасиетке ие, әрі әрқайсысы да жүйелі дамуда болғандықтан, бір-бірімен шексіз қарым-қатынасқа түсе алады. Бірақ бұл шексіздік зат мәнінің танылуы үшін маңызды бола бермейді. Әрбір нақтылы жағдайда нысан өзінің ерекше бөлігімен, өзгеше белгісімен, қасиетімен ерекшеленеді. Айталық, жылқымен салыстырғанда, түйенің негізгі ерекше белгісі - өркешінің болуы. Ал түйенің шуда жүні, маң-маң басқан жүрісі, ирек мойыны, денесінің үлкендігі т.б. өзіне тән белгілері болғанымен, жылқымен салыстырғандағы негізгі айырма белгісі, көзге елестеп, көңілге бірінші оралатыны - өркеші. Бұл осы көрсетілген денотаттың алуан түрлі қасиеті мен белгісінің ішіндегі ерекше белгісі, сондықтан денотаттық ұғымның қабылдануында ерекше рөл атқарады.

Атаудың мәні – танылған затпен дәлме-дәл келуінде емес, адам баласының әлем бейнесін танып-білудегі қызметінің нәтижесін абстрактылы түрде жеткізуі. Ал абстракция нақты заттар мен құбылыстардың жалпы және жеке қасиеттерінің диалектілік қайшылығы мен бірлігін белгілейді. Атау – когнитивтік процесстің тілдік бейнесі.

Номинациялық атау жасалу үшін денотаттың (заттың) материалдық қасиеті ғана емес, әлеуметтік қызметі мен қажеттілігі де негізгі рөл атқарыла алады. Айталық, *оқу құралы*, *оқулық*, *монография* мағыналары жеке-жеке зат атауы болады. Әрқайсысының өзіндік ерекше мағынасы бар. Ал осы атаулардың негізгі белгілері арқылы жинақтық мәнде “*kiman*” сөзімен берілуі – заттың өзіне тән мазмұндық сипатына, қызметіне, тұлғасына сәйкес.

Тілдің ұзақ даму жолында пайда болған атаулар біркелкі емес. Оның барлығы әлем бейнесін сол қалпында нақты түрде, тайға таңба басқандай етіп таңбалап, негізгі белгілерін тап басып таныта алған деп айтуға келмейді. Сөз дамуының заңдылықтары әртүрлі де сан қырлы. Атаудың номинациялық мәні осы заңдылықтар нәтижесінде орындалады, атау мен зат арасындағы байланыс ұғымдық түсініктер мен таным арқылы анықталады.

Әлем бейнесіне қойылған атау ұлттық таным мен ұлттық дәстүрге тікелей байланысты болады. Тілдің ұлттық сипатының негізгі тірегі де осы. Кез келген атаудың ішкі мәнінде таным түсініктері жатады. Сөздің пайда болу кезеңіне орай, оның сипаты да өзгеріп отырады. Сондықтан да, бір буынды, екі буынды сөздермен салыстырғанда, аналитикалық

жолмен жасалған атаулар, соның ішінде тұрақты тіркестерде ұлттық танымның сипаты айқын көрінеді. Жалпы мағынаның жіктеуінен жеке мағыналар, сол арқылы жеке номинация туындағанда, жалпының негізгі белгілік мәні жекеге көшеді де, атаудың номинативтік мағынасында сақталады. Атау заттың қасиеті мен белгісінің барлық мәнін ашпайды, негізгі ерекшелігін, ерекше белгісін айқындайды. Жеке мағыналы атаулар өздерінің негізгі, өзек мағыналары арқылы жүйеленіп, бір семантикалық өрісті құрайды. Айталық, *күн, жарық, шам, шырақ, шамшырақ, күн сәулесі, жарық сәуле, күн сәулесі*, т.б. сияқты атаулар легі жарықтың түрлі сипаты мен деңгейін айқындап таңбалау үшін, жеке-жеке номинативті атауға ие болады. Бір семаның ғана күрделене дамуынан немесе денотаттың бір белгісінің ерекшеленуінен жаңа номинация туындайды. Әуелдегі *шам, шырақ, жарық, шырағдан т.б.* сөздердің тұлғалық және мағыналық жақындығынан, сондай-ақ бір денотаттың әртүрлі белгісі белгісі арқылы көрінуінің бейнеленуінен туындаған атаулар.

Атаудың негізі – денотаттың маңызды, ерекше белгісінің бейнесі. Болмыстың қасиеті мен ерекше белгілерін тану адам баласының таным дүниесін қалыптастырады. Бұл ұзақ та, уақыт өткен сайын тереңдей, кеңейе түсетін күрделі әрі кешенді процесс. Дүниетаным көкжиегі кеңейген сайын, сөздік құрамдағы сөздер жүйесі де кеңейіп, семантикалық өрістегі атаулар саны өседі. Болмыстағы ерекше белгілердің танылуы – жаңа атаудың тууының негізі. Танылған белгі және соның негізінде жасалған атау кейінгі даму барысында екінші бір ерекше белгісі арқылы ерекшеленіп, жаңа семаға жіктелуі ықтимал. Екіншілік мағына алған жаңа атау екіншілік номинация ретінде танылады. Бұл атаудың екіншілік туынды мағынасы бұрын ерекше болмаған белгі арқылы да жасала алады. Демек, сөз семантикасының кез келген семасы жаңа затқа немесе заттардың тобына атау болу мүмкіндігі бар.

Атау үшін өзі таңбалап тұрған зат не құбылыс белгісінің маңызды болуы шарт. Атау үшін маңызды емес, ерекше емес белгі оның арнайы семантикалық құрылымын жасай алмайды. Жеке атаудың маңызды белгісі архисемадағы немесе әуелгі ұғым қасиетіндегі негізгі, басты белгі болмауы да мүмкін. Номинациялық процестің өзіндік даму заңдылықтары бар. Атаудың тууы мен қалыптасуында уақыт факторының алатын орын ерекше. Зат не құбылысы алғаш танылғанда берілетін номинациялық атауларзаттың негізгі, жалпы белгілеріне байланысты қойылады. Танымның тереңдеуімен бірге сөз мағынасы да жүйелі әрі кешенді сипатта дамып, маңызды белгілері сөз мағынасының жіктелуіне негіз болады. Белгілі бір таным деңгейінде маңызды саналмаған болмыс белгілерінің өзі кейін уақыт өте келе, атаудың ерекше белгісі ретінде бағаланып, екіншілік номинацияның ерекше мағынасын қалыптастыра алады. Сөйтіп әлем бейнесінің қасиетін, сапасын, мөлшерін, санын, көлемін, ісін, әрекетін, қимылын таңбалайды. Атауға негіз болатын денотаттың қасиетін, сапасын, мөлшерін анықтау барысында оның маңызды белгісі ерекшеленуі немесе кез келген белгісі маңыздылыққа ие болуы ықтимал. Осындай таным негізінде сөзжасамдық процесс орындалып, әртүрлі сипаттағы атау туындайды. Айталық, бір ғана уақыт атты семалық өрісте жақын ұғымдарды білдіретін *шақ, мезгіл, уақыт, сәт, мезет, мерзім, кез, кезең, дәуір, заман, көзді ашып жұмғанша, қас-қағымда, әп-сәтте, қас қаққанша, сүт пісірім уақыт, бір ет асым уақыт, қас пен көздің арасында, кірпік қаққанша* т.б. атаулар уақыттың әртүрлі деңгейі мен шегін айқындау үшін қолданылады. Осы атаулар уақыттың белгілі бір ерекше белгісін таңбалау арқылы танымда пайда болып, тілдік қажеттіліктің нәтижесінде әртүрлі мәнде жұмсалады. Жеке ұғым білдіргендіктен, -атау ретінде танылады. Жалпы мағынасы уақыт семасына сәйкес келгенімен, жеке алғандағы ерекше семаларының даралығынан да, оларды бірінің орнына бірін кез келген жағдайда қолдана беруге болмайды. Айталық, бір буыннан тарайтын түбірлес сөз болғанмен *кез* бен *кезең, сәт* пен *сағат, мезгіл* мен *мерзім*, тіпті контексте келгенде *заман* мен *замананың* мағыналық реңі бөлек болады да, синоним ретінде қолдануға келмейді.

Демек, денотаттың бір белгісі ерекшеніп, танымда ұғым қалыптастырса, тілде таңбаланып, жаңа атау жасала алады. Бұл екіншілік немесе үшіншілік туынды мағына болуы мүмкін. Оның семантикалық өрісінде архисеманың мағыналық сипаты шалғай өрісте болса да сақталады. Кез келген номинацияның табиғатында өзі атап тұрған болмыстың нақты маңызды белгісінің белгіленуі шарт. Осының негізінде атаудың **уәжділігі** анықтала алады. Кез келген тілдік бірліктің жасалуы, танылуы уақыт факторына тәуелді дедік. Бірнеше маңызды белгіні таңбалау қажеттігі, болмыстың ішкі қасиеті мен мәнінің адам баласына бірте-бірте танылғандығы - әлем бейнесін тілде таңбалау процесінде синоним сөздер мен көпмағыналылықты туғызады.

Сөз – зат пен құбылыстың негізгі белгілерін танытатын ұғымның қалыптасуы нәтижесінде жасалады. Бұл маңызды белгі – осы атау үшін ғана маңызды. Атаудың негізгі мәнін айқындайтын ерекше белгі **номинативтік белгі** деп аталады. Атаудың номинативтік белгісі өзге атаулар үшін номинативтік белгі бола алмайды. Бұл белгі тек өзі белгілеп тұрған атау үшін ғана маңызды. Номинативтік ерекше белгісі анықталмаған атау – сөз, лексема ретінде таныла алмайды. Тіпті мағыналық жағынан ұқсас атаулар үшін де номинативтік белгінің әрқайсысының өзіндік жекелік, даралық сипаты сақталуы қажет. Номинациялық атау үшін өзі таңбалайтын заттың негізгі белгісі – ерекше маңызды. Алғашқы немесе біріншілік номинация тек тарихи аспектіден сөздердің этимологиялық шығу төркінін зерттеу барысында айқындалатын атаулардың ең көне мағыналық сипаты ретінде танылады. Қазіргі қазақ тілінде атаудың біріншілік номинациясы бір буынды түбірлердің мағыналық құрылымында ғана сирек кездеседі. Архитұлғалардың көрінісі мен архисемасын терең тарихи зерттеулер нәтижесінде мөлшерлеп пайымдауға болады. Қазіргі ғылым жетістігі архитұлғалар мағынасының өте күрделі, ауқымды семалардан құралатынын көрсетіп отыр. Архисема макросемалардан құралады. Алғашқы номинациялық атаулардың шығу жолдарын зерттеуде тіл білімінде жасалған дәстүр мен ұлан-ғайыр көп ғылыми бағыттар мен мектептер бар. Екіншілік номинация әр түрлі сөзжасамдық тәсілдер негізінде жасалатын атау. Екіншілік номинация болмыстың танымдық ұғымы мен белгісі дамыған, толыққан сипатта көрінеді. Екіншілік номинация арқылы жасалған атаудың мағынасында өзін туғызуға себеп болған түбірдің не негіздің мағынасы белгілі дәрежеде сақталады. Екіншілік номинацияның жасалуындағы негізгі заңдылық – атаудың өзін тудыруға себеп болып тұрған тұлғаның мағынасына негізделуі. Бұл мағыналық негізділік кейін өзге жаңа номинативтік атауларға да беріледі. Сөйтіп бұл атаулар бір семантикалық өрісте жатады. Осы сақталған мағыналық жүйе арқылы сөздің дамуының тарихи желісін айқындауға болады.

Болмыстың маңызды және ерекше белгілері атаудың номинативтік белгісі арқылы көрінеді дедік. Номинативтік белгі түбірлес сөздердің мағыналарында сақталып, олардың өзексемасын құрайды. Бір себепші негіз арқылы пайда болған атаулардың номинативтік белгісін анықтау, олардың даму жүйесін, семантикалық бірлігін, семантикалық өрісін түсіндіруге мүмкіндік береді. Туынды сөзді сөзжасамдық бағытта саралау – атаудың номинативтік белгілерін табуға, сол арқылы сөздің және оның мағыналарының генетикалық-тарихи бірлігін тануға мүмкіндік береді. Екіншілік номинацияның жасалу жолы мен себебін зерттеуде атау теориясы мен сөзжасам бір-бірімен тығыз байланыста қарастырылады. Сөзжасам екіншілік мағынаның жасалу тәсілін, мағыналық шегін, жүйесін, жаңа атау жасалуының қалыбын, т.б. зерттейді. Демек сөзжасам номинациялық процесс пен оның нәтижелерінің орындалуын қамтамасыз ететін тілдік сала. Тілдік жүйедегі сөзжасамның басты қызметі – атау жасау, адам баласының танымдық және рухани дәрежесінің, ғұмырлық тәжірибесінің таңбалық көрінісі бола алатын жаңа атау туғызу. Сондықтан ол номинациялық процесстердің жүруіне қызмет етеді, номинациялық атаулар туғызудың жолы мен тәсілін, қалыбы мен типін анықтайды.

Адамзат баласының әлем бейнесін таңбалау үшін қолданатын бірден-бір негізгі құралы – тіл екені белгілі. Тілде адам санасында таңбаланған ұғым өзінің бейнесін, келбетін мүсіндейді. Сөз – ұғымның дыбыстық, мағыналық көрінісі. Екіншілік номинация – сөздік құрамның мол бөлігін құрайды. Екіншілік номинация сөзжасамдық аспектіде туынды сөз ретінде танылып, зерделенеді. Олай болса сөзжасам мен атау теориясының зерттеу нысанында ортақтық бар, ал зерттеу бағыты мен тәсілдері ерекше. Сөзжасамды номинациялық аспектіден қарастырғанда, атаудың мәні талданып, туынды сөздің өзі белгілейтін болмыспен ара қатынасы зерттеу нысаны болады. Атау жасаудың құралы – сөзжасамдық тәсілдер.

Сөзжасамның нақты сипаты ономазиологиялық категориялар мен сөз жасаушы материалдық құралдар, олардың мағыналық сипаты, туынды сөз көлемінде болатын теориялық мәселелер арқылы айқындалады. Номинациялық жағдай жаңа атау туғызса, сөзжасам сол атауды туғызуға тікелей қатысады, әрі туынды сөздердің сөздік құрамда қолданылуына, қалыптасқан үлгі бойынша басқа туынды сөздердің жасалуына тікелей ықпал етеді. Бір қалыптан туындайтын сөздердің күрделі құрылымдық семантикасы мен түбірлес туынды сөздердің генетикалық бірлігін анықтайды. Жаңа туынды атау жасауға тікелей қатынасады сала болғандықтан, сөзжасам басқа жүйелерден гөрі ономазиологияға жақын., Атау туғызуда шешуші рөл атқарып, номинативтік аспектіден қарастырылады.

Сонымен, қорыта айтқанда, *атау теориясы* жеке лингвистикалық пән ретінде тіл бірлігі жасалуының жалпы заңдылықтарын, тіл мен ойлаудың, шындық өмірдегі болмыс пен тілдік таңбаның бір-бірімен байланысы мен қатынасын, олардың белгісін танудағы адам факторының үлесін т.б. зерттейді. Ал *сөзжасам теориясы* жеке лингвистикалық пән ретінде туынды сөздің жасалуын, қызметін, мағыналық құрылымын, сөзжасамдық тәсілдер мен сөзжасамдық ұяны, сөзжасамдық мағынаны т.б. қарастырады. Сөзжасам мен атау теориясы бір-бірімен тығыз қарым-қатынаста. Өйткені екі саланың да негізгі зерттеу нысаны атаумен, туынды сөздің таңбалық, ұғымдық сипатымен байланысты.

УДК 81'1:165

Катыкбаева М.Б.
КарГУ им. Е.А. Букетова

ДИНАМИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Abstract

Linguistic and extra linguistic factors are reviewed in this article, which help to forming and functioning of stable comparisons of paremiological characters. Alongside with linguistic factors of stable comparisons, their characters and process of their building are studied in the language as the principal unit of the language. Language units, performing in the role of national-cultural information, exist at all levels of language system. These are phraseologisms, stable comparisons, proverbs and sayings which are considered to be the means of collecting cultural information. All is connected with the formation of spiritual heritage of society, namely culture. Language units are considered to be the storage of cultural information, that's why it is accepted to make linguistic analysis through the language and culture.

Мақалада ағылшын тіліндегі тұрақты тіркестердің қалыптасуы мен қызмет етуіне ықпал ететін лингвистикалық және экстралингвистикалық факторлар сөз болады. Тұрақты тіркестердің лингвистикалық аспектілерімен қатар, тілдің негізгі бірлігі

ретіндегі сипаты мен тілдегі орнығу үдерісі қарастырылады. Ұлттық – мәдени ақпаратты тілдік бірліктерін тасмалдаушы рөлінде сөйлеуші тілдік жүйенің барлық деңгейіне де жатады. Осы және фразеологизмдер, нақты салыстырулар мен ақпараттың жиналу құрылысына жататын паремия. Барлығы рухани мәдениет құрылымымен байланысты, соның ішінде – мәдинет. Сондықтан мәдинет жіне тіл арқылы лингвистикалық талдау жасауы берілген.

На сегодняшний день одной из основных задач, рассматриваемых в рамках этнолингвистики наряду с суждением об истоках обозначения понятий, является исследование путей становления фразеологических единиц в данном случае устойчивых сравнений. Основной постулат этнолингвистического анализа заключается в том, что любая вещь «исторична»..., и возникла как категория в определенный исторический период. На «историчности» категории вещей следует настаивать, тем более, что в разных «примитивных» архаичных культурах и даже уже в великих цивилизациях древности состав этой категории и функции, ею обслуживаемые, существенно варьируются в зависимости от «исторических условий...» [1, с. 8].

Данное явление не исчезает бесследно, а оставляет свой след в языке. Язык является тем звеном, которое связывает между собой как людей, общающихся на одном языке, так и все то, что происходит в объективном мире. Изучение языковых выражений с позиции этнолингвистики позволяет проследить, как то, или иное явление в истории возникло, и какие пути способствовали формированию и становлению УС. Профессор А.В.Кунин, чья научная деятельность была посвящена многостороннему изучению английской фразеологии, выделяет 2 фактора, влияющие на процесс фразеологизации: лингвистический и экстралингвистический.

Лингвистический процесс «начинается с нарушения прямых связей между словосочетанием и тем отрезком объективной действительности, которым данное словосочетание называет. Связь с денотатом ослабляется, компоненты словосочетания утрачивают свои самостоятельные значения. Вследствие этого в смысловой структуре его происходит перегруппировка сил. Действие основных сил «погашается», и в силу вступают дополнительные, потенциальные семы» [2, с. 151].

Данный процесс сопровождается изменением структуры языка и заключается в основном в образовании новых устойчивых словосочетаний, сущность которых заключается в «выражении новых элементов содержания наших мыслей, а также скачкообразном расширении семантических функций старых компонентов структуры для выражения новых моментов содержания» [3, с. 84]. Такое изменение является скачком от одного качественного состояния к другому, более новому качественному состоянию.

Надо сказать, что все УС являются общенародными по происхождению, и это не вызывает ни у кого сомнений. Прежде чем приобрести характер устойчивости и стать самостоятельной единицей языка, то или иное изречение должно выйти за рамки частного употребления и стать общеупотребительным, т.е. «регулярно воспроизводимым образованием в речи всего населения или части его, получая таким образом социальную апробацию» [4, с. 44].

Английские реалии, традиции, обычаи и старинные поверья являются экстралингвистическими факторами, определяющими характер устойчивости образных выражений, т.е. УС и ФЕ. Необходимо отметить, что все процессы, связанные с фразеологическими новообразованиями, характерны и для УС, так как сравнения по праву считаются полноправными членами всего фразеологического фонда английского языка. Абсолютное большинство УС по своему происхождению восходят к народной разговорной речи, что и подтверждается рядом факторов: М.П.Тилли, составитель словаря английских пословиц XVI и XVII в., включил в словарь большое число устойчивых сравнений (proverbial similes) по той причине, что они представляют собой «народные изречения» (the sayings of the folk), такие же остроумные и выразительные, как и настоящие пословицы [5, с. 16].

Главной формой выражения и отражения национальной культуры является язык. Будучи социальным феноменом, он неразрывно связан с его носителем. В свою очередь, культура, как творение народа, коррелирует с языком определенной национальной общности. Язык — это невидимая нить, обеспечивающая связь между поколениями и временами. Именно поэтому все больше возрастает интерес к изучению кумулятивной функции языка, заключающийся в накоплении и трансляции культурных ценностей народа.

Выступающие в роли носителей национально-культурной информации языковые единицы существуют на всех уровнях языковой системы. Это и фразеологизмы, устойчивые сравнения и поговорки, которые относятся к средствам накопления культурной информации. Они межпоколенно транслируются, доводя до современности, те коллективные представления, которые сформировались в определенные исторические моменты жизни этноса, народа и нации. Особое место среди языковых репертуаров национально-культурного сознания занимают пословицы и поговорки, функционирующие в составе устойчивых сравнений.

Культурная самобытность языкового сообщества, пожалуй, наиболее ярко проявляется при изучении паремииологического фонда языка. Паремии, как часть языковой системы, выступают в качестве хранилища культурных традиций народного менталитета, в них наиболее ярко подмечены и отражены моменты жизнедеятельности представителей определенного языкового социума.

Надо сказать, что все УС являются общенародными по происхождению, и это не вызывает ни у кого сомнений. Прежде чем приобрести характер устойчивости и стать самостоятельной единицей языка, то или иное изречение должно выйти за рамки частного употребления и стать общеупотребительным, т.е. «регулярно воспроизводимым образованием в речи всего населения или части его, получая, таким образом, социальную апробацию» [4, с. 44].

Английские реалии, традиции, обычаи и старинные поверья являются экстралингвистическими факторами, определяющими характер устойчивости образных выражений, т.е. УС. Абсолютное большинство УС по своему происхождению восходят к народной разговорной речи, что и подтверждается рядом факторов:

1. Одним из способов определения принадлежности УС к общенародной речи является стилистическая пометка «colloquial». *Like the clappers «очень быстро»; like a bat out of hell «очень быстро, со всех ног».*

2. УС, зафиксированные в просторечных выражениях. Например, *To die like a dog «издохнуть как собака»; To eat like a horse «обжираться, есть как (или a hog) свинья» (груб. выраж); To swear like a bargee «ругаться как извозчик*

3. Присутствие в составе УС имени собственного, которое обще- известно в народе и стало нарицательным, также указывает на общенародный характер УС. Например, *Climb like a steeple jack «лазить как верхолаз»; Jack is as good as his master «работник не хуже хозяина».*

4. Большое количество ФЕ связано с трудовой деятельностью народа. Примерами служат следующие УС: *to work like a galley slave «работать как каторжный»; to work like a pavy «работать как вол»;*

5. Общенародный характер УС целиком и полностью определяется теми предметами и реалиями, которые имели место и непосредственное отношение к истории, судьбе носителя языка. Избирательность и частотность таких предметов в качестве образов устойчивых сравнений является примером того, насколько эти реалии представляли ценность и значительность, что и отразилось в языке. «Образные средства лишь в том случае «работают на фразеологизм, способствуют его формированию, если сочетания слов передают актуальные для данной эпохи понятия, связанные с злободневными историческими событиями, явлениями жизни и быта, понятными и близкими для всех носителей языка» [2, с. 152]. Так, например,

неточность показания первых газовых счетчиков привела к образованию следующего УС: *to lie like a gas meter* «*врать как сивый мерин*».

6. УС, связанные с историческими событиями. «По мере того, как народ становился внимательнее к своим историческим судьбам, он чувствовал потребность замечать в памяти важнейшие события, оставившие следы в его жизни» [6, с. 37]. Одна из трагических реальностей английской жизни, которая наводила ужас на людей — это чума, унесшая сотни, тысячи жизней. Такое глубокое потрясение, горе не могло не отразиться в языке. *To fear a smb like a death (the plague)* «*бояться кого-либо как огня*». Выражение *to fight like Kilkenny cats* «*бороться до взаимного истребления, бороться не на живот, а на смерть*» свидетельствует о страдании народа от многочисленных войн и междоусобиц.

7. Выявление внеязыковых сфер создания ФЕ показало, что существует определенная часть фразеологизмов, отнесение которых к определенной сфере человеческой жизнедеятельности затруднено, а в ряде случаев невозможно. Это компаративные ФЕ, основанные на сравнениях, причем большинство составляют адъективные ФЕ: *as brisk as a bee* «*проворный*»; *as thin as lath* «*худой как щепка*»; *as cool as cucumber* «*спокойный, невозмутимый*»; *as clear as mud* «*совершенно неясно, дело темное*»; *as easy as a pie* «*проще простого*». Упрощенная структура данных выражений является показателем того, что авторами таких компаративных конструкций является народ.

8. Роль художественной литературы в пополнении фразеологического фонда английского языка, несомненно, велика, так как многие общенародные ФЕ стали достоянием нации благодаря творчеству многих писателей. Например, произведению Л.Кэрролла «Алиса в стране чудес»: 1. *(as) mad as March hare (или as a hatter)* «*безумный как мартовский заяц (или как шляпочник)*»; 2. *to grin like a Cheshire cat* «*улыбаться, ухмыляться во весь рост*»; Английский классик У.Шекспир тоже внес свой вклад в популяризацию следующих оборотов: 3. *As pigeons bill, so wedlock would be nibbling* «*как голуби милуются, так исупруги целуются*»; 4. *Like the Old Robin Hood of England* «*как старый Робин Гуд*».

Подчеркивая роль письменной литературы, следует обратить внимание, что процесс обогащения фразеологического фонда английского языка развивается не только за счет разных выражений общенародного характера, но и благодаря созданию образных выражений самими мастерами слова. И мы «считаем, что одним из основных способов пополнения фразеологического корпуса английского национального языка явилось художественное языкотворчество писателей и публицистов Англии» [7, с. 42].

Говоря о том, что устно-поэтическое творчество является основой для формирования новых ФЕ, в том числе и УС, необходимо подчеркнуть, что коренные изменения, имевшие место в общественно-политической и культурной жизни общества, наложили отпечаток на появление и распространение тех или иных фольклорных жанров. XVIII в. характеризуется возникновением новых пословиц и поговорок. Конечно, они существовали и раньше, и даже тогда считались пережитком. Но именно в средневековый период, данный жанр достиг пика в своем развитии. В этом жанре присутствует феномен творчества, когда человек является не просто наблюдателем, а критически относится к тем или иным историческим и культурным событиям, моментам, дает объективную оценку процессам, происходящим в жизни общества, что в дальнейшем приводит к накоплению и обобщению социального опыта.

Все это непосредственно связано с формированием духовного наследия общества, а значит, и культуры. Весь совокупный духовный опыт человечества — это культура. Как и культура, человеческая мыслительная деятельность достигает высокого уровня: чтобы составлять пословицы и поговорки, необходимо хорошо владеть способностью отвлеченного сравнения и в сжатой, лаконичной форме выразить весь запас накопленных знаний и опыта.

Список использованной литературы:

1. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских странах. Образ мира и мифы образов. М.: ВЛАДОС, 1996. — 415 с.
2. Лесина С.В. Пути образования фразеологических неологизмов современного английского языка (период 1925–1970 гг.)//Исследования по лексической сочетаемости и фразеологии.(сб. трудов МГПИ им В.И.Ленина). — М. 1974. — 243 с.
3. Мельничук А.С. О роли мышления в формировании структуры языка //Язык и мышление / Отв. ред Ф.П.Филин. — М.: Наука, 1967. — С. 74–88.
4. Сидякова Н.Н. К вопросу о диахроническом изучении адекватных компаративных фразеологических единиц // Исследования по лексической сочетаемости и фразеологии (Сб. трудов МГПИ им. В.И.Ленина). — М., 1974. — 243 с.
5. Zaitseva S.D. Early Britain. — Moscow Prosvesheniya, 1981. — 251 p.
6. Буслаев Ф.И. Народный эпос и мифология. — М.: Республика, 1994. — 384 с.
7. Киктева Е.М. История развития фразеологии новоанглийского периода. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 1992. — 96 с.

УДК 821.133.1 Л937

Людинина О.Е. д.ф.н., проф.
КазУМОиМЯ им. Абылай хана

СОВРЕМЕННОСТЬ КЛАССИКА – ВИКТОР ГЮГО

*Luidinina O.E. d. ph.sc, professor of Kazakh Ablaihan University of IR and WL.
Contemporarity of Victor Hugo classics.*

Awarding in 2013 of three "Oscars" film-makers of musical "Les Miserables" (2012) shows the interest of our contemporaries to creativity of Victor Hugo, French Romantic classics. The author of "Les Miserables" overcomes strict separation of genres classic poetry and seeks to create a universal artistic synthesis of discursive practices of the novel, theater, and those of the latest scientific advances, which anticipated the art of cinema - phantasmagoria: «camera obscure», «magic lantern» fantaskop. Acceptance of the "camera", open Hugo, and "cinematic" style will be widely disseminated in the literature of modernism, postmodernism and postpostmodernism, XX-XXI centuries.

Ключевые слова: «Оскар», «Ватерлоо», романтизм, постмодернизм, постпостмодернизм, мелодрама, «камера», «волшебный фонарь», модус повествования, киносценарии.

Гюго туралы мақалаға түйіндеме. Виктор Гюго – классикасының заманауилығы болған қызығушылығы «Батылдар» (2012) фильм-мюзиклының жасап шығарушыларының 2013 жылы «Оскар» сыйлығының үшеуін алуы осыған куәлік етеді.

«Батылдар» шығармасының авторы классикалық поэтика жанрының шектеулігін жеңе отырып, театр, роман дискурсивті тәжірибесі көркем синтезінің көпсалалығын жасауға талпынады және кино өнерінің шыңы «фантаскоп», «сиқырлы шам», «camera obscure» кино фантасмагорийлердің жаңа ғылыми жетістіктерін көрсете білді. Гюго ашқан «камера» тәсілі және «киноматографиялық» стилі модернизм, постмодернизм, постпостмодернизм, XX- XXI ғғ әдебиетінде кеңінен таралады.

В том, что Виктор Гюго (1802-1885) является классиком всемирной литературы, сомнений нет. Возникает вопрос об актуальности его творчества в начале XXI в., когда уже настойчиво заявило о себе молодое поколение писателей, родившихся в конце XX в. и начавших свой путь в литературе на рубеже последних столетий.

С одной стороны, новые издания во втором тысячелетии сочинений Гюго во Франции и за ее пределами, новые переводы их на все языки, новые постановки его пьес, в том числе тех, которые считались несценическими («Бурграфы» 2007), и тех, которые сам Гюго для сцены не предназначал (цикл «Театр на свободе»: «Интервенция», «Будут ли они есть?», «Вознаграждение в тысячу франков» 2011), - показатель неослабевающего интереса к этому писателю XIX в. О современности литературного наследия Гюго в наши дни свидетельствуют и «переводы» его лучших прозаических произведений с «языка» романа на «язык» не только кино, но и мюзикла, жанра американского театра, родившегося во второй половине XX в. на Бродвее. Так, в 1980 г. в Париже состоялась премьера мюзикла Клода-Мишеля Шенберга «Отверженные»; в 1998 также в Париже - премьера мюзикла Риккардо Коччанте и Люка Пламодона «Нотр дам де Пари» на сюжет романа «Собор Парижской Богоматери»; в 2006 г. в Москве – премьера мюзикла Александра Тюменцева и Татьяны Зыряновой «Человек, который смеется». Свидетельством популярности Гюго является и появление в 2012 г. фильма Тома Хупера «Отверженные», ставшего экранизацией одноименного мюзикла (мировая премьера состоялась 5 декабря 2012 г., московская премьера 7 февраля 2013 г.) и на 85 церемонии вручения премии «Оскар» удостоенного наибольшего числа номинаций – восьми в категориях: 1. «Лучший фильм», 2. «Лучшая мужская роль» (Хью Джексон - Жан Вальжан), 3. «Лучшая женская роль второго плана» (Энн Хэтэуэй - Фантина), 4. «Лучшая работа художника-постановщика» (Ив Стюарт и Анна Линн-Робинсон), 5. «Лучший дизайн костюмов» (Пако Делгадо), 6. «Лучший звук» (Саймон Хейс, Энди Нельсон, Мак Паттерсон), 7. «Лучшая песня к фильму» (Suddenly), 8. «Лучший дизайн костюмов и прически» (Лиза Уэскотт и Джулия Дартнелл). Из них «Оскара» получили три номинации: третья, шестая и восьмая [1].

С другой стороны, наряду с внешними свидетельствами положительного решения проблемы актуальности Гюго, творчество этого классика романтизма во многом предопределило и предварило художественные искания писателей XX – начала XXI вв. Последнее обстоятельство не нашло пока должного освещения в научной литературе. Решению данной проблемы должно быть посвящено специальное исследование. В нашей статье предполагается раскрыть наиболее важные ее аспекты на основе анализа эпизода «Ватерлоо» из романа «Отверженные». Выбор произведения объясняется, во-первых, его особой поэтикой, не имеющей аналогов во всемирной литературе, во-вторых, тем, что в 2011 г. отмечалось 150-летие со дня завершения работы над «Отверженными» (сентябрь-октябрь 1861), а в 2012г. – 150-летие со дня выхода в свет первой их части («Фантина»: 30 марта 1862).

По случаю юбилея в научных, университетских и артистических кругах отмечен рост интереса к этому произведению. Он выражается не только в новых публикациях самого романа и исследований о нем. Наиболее характерно беспрецедентное внимание к авторским историческим «отступлениям» в «Отверженных», их обособление и «наложение» на реалии истории или философию истории самого Гюго. Причем очевидна тенденция некой «сакрализации» этих «отступлений» и придания им статуса первичной исторической реальности, ее подлинного исторического «архетипа». Так, в романе представлены два момента истории Франции XIX в.: 1) битва при Ватерлоо 18 июня 1815 г. и 2) бои на парижских баррикадах 5-6 июня 1832 г. Из них само описание первого, тот есть нарратив, нередко переводится из модуса романного дискурса Гюго в модус дискурса бесстрастного документа, некоего исторического артефакта национального и общеевропейского масштаба. Пример тому – организация экскурсий на поле битвы при Ватерлоо и его окрестностям «с целью, - как пишет на рекламном сайте Колетта Валенстейн, - отметить 150-летнюю годовщину завершения работы над романом В. Гюго «Отверженные» (Курсив наш – О.Л.). Примечательно и название экскурсии: «Ватерлоо 2011: по следам Виктора Гюго и других

событий» [2]. Подтверждает сделанный выше вывод и статья о Ватерлоо в «Википедии»: в информации о битве при Ватерлоо, сопровождаемой документальным материалом и фотографиями, на карте местности театр военных действий четко очерчен контурами заглавной буквы «А», то есть так, как графически представил его Гюго в одноименной главе Первой книги Второй части [3(1), с.343], несмотря на то что реальная конфигурация ландшафта не укладывается в ее рамки. Здесь также специально оговаривается, что, хотя до сих пор существует Нивельская дорога, упомянутая Гюго в «Ватерлоо», нет никаких убедительных свидетельств, будто она была местом трагического конца 26 эскадронов французской кавалерии, неожиданно оказавшихся на вершине крутого обрыва глубокого рва, тянувшегося вдоль этой дороги, и погибших в нем как в ловушке (гл. 10 «Неожиданность») [4].

В том же ключе воспринимает роман Гюго и Бернар Конан, посвятивший ряд исследований так называемым «мифам о Ватерлоо» («Слово Камброна», «Выдумки о Ватерлоо» и др.), в числе которых важное место занимает установление несоответствий между тем, как описывается битва при Ватерлоо в «Отверженных» и тем, как она протекала на самом деле. Особое внимание уделено фрагменту о разгроме императорской гвардии («Камброн»), который писатель предварил нецензурным словом «merde!» как ответ генерала Камброна на предложение англичан сдаться.[3(1), с.373] Относясь к главам «Ватерлоо» как к документальному свидетельству, аналогичному газетным отчетам, военным реляциям, мемуарам очевидцев и самих героев, Б.Конан представил пространные и многочисленные доказательства того, что «слово Камброна» - такая же легенда, как и приписываемая этому генералу фраза «Гвардия умирает и не сдается» [5]. Следует отметить еще одно любопытное обстоятельство: автор статьи о Ватерлоо в «Википедии», подтверждая данное заключение Б. Конан и как бы оспаривая достоверность информации Гюго, опирается на документальное свидетельство, что генерал Камброн «не входил в число гвардейцев последнего каре» [4].

Одна из причин подобного рецептивного «смещения» дискурсивных модусов кроется, на наш взгляд, в недооценке молодыми критиками вклада романа «Отверженные» как одного из вершинных достижений литературы романтизма в открытие новых возможностей словесного искусства писателями XX и XXI столетий. Так, Грэхем Робб, американский исследователь, опубликовавший в 1977 биографию Гюго, объясняет колоссальный объем «Отверженных» тем, что ухудшение здоровья вызвало у писателя опасение, как бы это произведение не стало последним, и он «включил в него все» [6]. Аналогичную версию принимает безоговорочно и Л.Б. Кеннеди, защитившая в 2011 г. диссертацию на соискание ученой степени доктора Р.Н.Д. «Ватерлоо, баррикады и история в «Отверженных» Виктора Гюго»: «Закончив «Отверженных», - пишет ее автор, - Гюго вернулся в Гернези, где в течение восьми часов правил рукопись, скорее ее дополняя, нежели сокращая» [7, с.2]. Вслед за этим Л. Кеннеди обращается к «Ватерлоо» и «баррикадам» в «Отверженных», но не как к феномену литературного произведения, а как к достоверным событиям, раскрывающим философию истории Гюго. Иначе говоря, реалия романного дискурса, в восприятии Л. Кеннеди, это симулякр реалии жизни, субститут, заменивший собой последнюю.

Эпизод «Ватерлоо» занимает первые 19 глав «Козетты», Второй части «Отверженных». Его роль и место в структуре повествования верно определила Л.Б. Кеннеди, опираясь на выводы В. Брамбера, которые, в свою очередь, основываются на высказываниях самого автора. С одной стороны, «Ватерлоо» - вход в «Отверженных», начало романной интриги: «Описание Ватерлоо обходится без центральных персонажей вплоть до последней главы, где Тенардь спасает жизнь Понмерси, отцу Мариуса. Эта встреча предвосхищает встречу Козетты и Мариуса» [Там же, с.6] Однако, с другой стороны, роль и значение этого эпизода выходит за рамки отмеченной выше нарративной функции. Гюго наделяет его достоинством символа, коннотативный ряд которого направляет авторскую философию истории в русло

онтологических проблем, решаемых в парадигме библейских мифологем: «Ватерлоо» позволяет читателю войти в «Отверженных» поскольку имеет место временная связь между историей Жана Вальжана и историей Наполеона. Хотя Гюго помещает описание битвы в середину истории Вальжана, этот контекст по времени совпадает с началом романа. Действительно, первый этап романной интриги относится к 1815 г. Эта параллель повторяется и во второй книге («Падение») Первой части. Вальжан появился у Бьенвеню через четыре месяца после Ватерлоо. Настойчивое обращение автора к 1815 г. подчеркивает не только временное соотношение между интригой романа и Ватерлоо, но также причинно-следственную связь между историей Вальжана и историей Наполеона. Соответствия во времени подчеркивают противопоставление победы и поражения. Вальжан одерживает духовную победу только после падения Наполеона, в то время как победа Наполеона связана с арестом Вальжана» [7, с.8]. В сущности, утверждается, что, размышляя в «Отверженных» об историческом прогрессе как о движении к счастью человечества и, следовательно, к победе Добра, Гюго связывал его не с героическими деяниями яркой личности, а с самоотверженным христианским смирением как средством самосовершенствования, ведущего человечество к духовному абсолюту и социальной гармонии. Так, благодаря эпизоду «Ватерлоо», мифологема Иисуса Христа проецируется на историю Жана Вальжана и Наполеона, а личные судьбы других персонажей романа и элементы его сюжета структурируются евангельскими архетипами. При этом эпизод «Ватерлоо» перестает быть феноменом поэтики романа «Отверженные» и рассматривается только как исторический факт, служащий временным ориентиром в лабиринте романного хронотопа.

Однако такая «подмена» художественной ценности романа ценностью его документальной достоверности наблюдается в зарубежных исследованиях преимущественно последних лет. В более ранних трудах рубежа веков изучение «Отверженных» как художественного произведения открывало в них специфику романтического мировосприятия, говорившего на своем особом «языке», и выявляло роль последнего в эволюции литературы от романтизма к модернизму и постмодернизму. Таковы, например, работы авторов сборника «Читая «Отверженных». В нем одним из наиболее важных для решения вопроса об актуальности романа Гюго для современной литературы является эссе Анны Юберсфельд «Отверженные» - театр-роман». В исследовании основоположницы семиологии театра впервые был сделан анализ «Отверженных» с точки зрения синтеза литературы и театрального искусства. Являясь одним из лучших образцов постмодернистской литературной критики, анализ работы А. Юберсфельд помогает понять, как и насколько исчерпывающе решается проблема роли Гюго в эволюции литературного процесса от романтизма к модернизму и постмодернизму сторонниками восприятия мира как текста.

А. Юберсфельд отмечает, что в «Отверженных» театр – это референциальный знак трех модусов внероманного дискурса, каковым является общество эпохи Реставрации. Во-первых, театр – это знак социально-идеологической дифференциации: «Гюго в «Отверженных» указывает на роль театра как на инструмент «положения в обществе», инструмент не политический, но сугубо идеологический, и в этом смысл предпочтения, отдаваемого буржуазией (каковыми бы ни были политические нюансы) классицистической трагедии. Друзья А.В.С. (революционно настроенная молодежь – О.Е) в противовес «официальным театрам» буржуа выбирают «народные» подмостки... Они выбирают самое популярное из всех зрелищ - тот гротескный спектакль, в котором Фредерик Леметр своими сценическими находками сводил на нет «серьезность» мелодрамы».[8, с.5]. Далее автор выявляет «театральную культуру» персонажей романа и подчеркивает, что теснее всех с театром связан Гаврош: «Универсум Гавроша – это не только тайные проходы для безбилетников, но и статисты, и клака; и в перечне мальчишеских удовольствий зрелища выдвигаются в первый

ряд, но располагаются на грани и за рамками официального театра».[Там же, с.5] В самом Гавроше Гюго А. Юберсфельд отмечает нечто, что затем «будет присуще и Поклену (Ж.-Б. Мольеру – О.Л), сыну чрева Парижа, и Бомарше» [Там же]. Во-вторых, «театральность» [См. значение этого термина постмодернистской критики в: 9, с.279-287], по мнению ученого, становится в романе Гюго ключом к пониманию мира, в котором «нет места общению между сознаниями с помощью языка слов». Примером служит «клан» Тенардые и его приспешников, с которыми связана «театральность» уличных шарлатанов, то есть театральность «социального дна», подонков общества: «То, что показывает Гюго, - это театральность «социального дна», социальный театр криминала, карнавал ужаса. И в то же время это литературный образ и референциальная метафора маски и притворства, которые помогают выжить люмпен-пролетариату. Маски, переодевания, трагикомические ситуации помогают отверженным не умереть с голоду, одновременно развлекая их: театр в равной мере и их культура, и их повседневность; они его видят, и они его создают». [Там же, с.7] Указав далее на карнавальную природу «театральности» всех персонажей «Отверженных», А. Юберсфельд заключает: «То, что роман показывает совершенно по-новому, - необычно; это и есть то не утилитарное и не страстное слово, которое суть бесцельный и безнадежный контакт, слово театра, поскольку оно конструирует параллельный универсум и не претендует на то, чтобы стать референтом реальности, так как является только способом бытия в воображаемом пространстве, где и раскрывает себя как условный пароль, то есть пароль желаний». [Там же, с.8] В-третьих, заявив, что мир «Отверженных» - это огромный мир театра, А. Юберсфельд доказывает отсутствие на его «подмостках» традиционных драматургических форм и видит в обращении к романному дискурсу причину ломки жанровых стереотипов: «... внутри «романа» театр может быть показан только как надлом, обломки, показан как *следы*... все происходит так, словно Гюго берет не только субстанцию, но и структуру одной или нескольких *мелодрам* и производит на ней вывихи и переломы».[Там же, с.16] Вот почему ни одна жанровая структура драмы не встречается в «Отверженных» в законченной и канонической форме.

Таким образом, А. Юберсфельд выявила наличие в «Отверженных» Гюго по меньшей мере трех аспектов, обусловленных структурой романного дискурса и его семиотических функций, которые предвосхитили литературную теорию и практику XX – XXI вв.: 1) демонстрация неспособности «языка слов» быть средством коммуникации и вытекающая из этого обстоятельства проблема некоммуникабельности; 2) использование писателем «языка театра» для доведения до самой широкой читательской публики своих идей; 3) разрушение жанровых границ романа путем внедрения в его структуру модифицированных элементов мелодрамы и детектива. Подводя итог, автор писала: «Если «Отверженные» являются театро-романом, то цель этого жанрового синтеза всего одна: способствовать тому, чтобы каждая из двух жанровых форм полнее раскрыла свои возможности, и тем самым избежать как ловушек, расставленных традиционным буржуазным театром, так и опасности - не менее коварной в глазах поэта - исходившей от романного повествования, логоцентричного и неуловимого, поскольку не известно, кому принадлежит говорящий голос» [8, с.16]. Тем самым «Отверженные» впервые были интерпретированы как доказательство практического решения проблемы синтеза литературы и других видов искусств, к которому стремились эстетика, литературная теория и практика романтизма.

Однако, доказав органическое «вживание» «языка театра» в «язык» «Отверженных», А. Юберсфельд сделала только первый шаг к раскрытию проблемы синтеза в последнем. Сосредоточив все внимание на «театральности» и раскрыв ее многочисленные манифестации, ученый оставила за пределами круга своих наблюдений все то, что в «Отверженных» к истории и «языку» театра не имеет отношения. Многочисленные

пространные авторские «отступления» теологического, философского, лингвистического, исторического и т. п. характера - то есть то, что традиционно присуще эпическому модусу повествования - даже не упоминаются. В том числе и эпизод «Ватерлоо». Подобный «уноцентризм» во многом искажает представление о данном произведении, незаслуженно обедняя полифоническое богатство его нарративных практик и уровней. В результате игнорируется роль вершинных достижений романтизма, к каковым, несомненно, относятся «Отверженные» Гюго, в эволюции художественных исканий, подготовивших литературный модернизм, и постмодернизм. Выступив против рационализма и строгой регламентации классицистической эстетики, романтики с их идеей универсальности жизни и концепцией искусства, способного адекватно выразить эту универсальность, развенчивали классицистическую теорию высоких и низких жанров, шли на смелые эксперименты и доказывали продуктивность художественного взаимодействия. Романтики стремились проникнуть в то, что лежит за явлением, в невыразимые сущности, а это, безусловно, не могло быть выражено в какой-то жесткой системе, устойчивой жанровой форме. Этим объясняется достаточно острая критика романтиков со стороны их современников за «анархию формы». В качестве наиболее яркого тому примера приводился роман Фридриха Шлегеля «Люсинда» (1799), который Фридрих Шиллер назвал «вершиной современной бесформенности и извращенности». Это произведение соединяло в себе несколько жанров и полностью отвечало одному из основных принципов романтической теории искусства (в противовес классицистической) о том, что никакого обособления жанров нет и не должно быть. «Люсинда» содержала в себе нарративные модусы рассказа, эпистолы, сказки, аллегории, лирической поэзии, философского рассуждения. Это и был тот «космос универсальности», который наиболее адекватно, по мысли романтиков, способен восполнить полноту жизни. Романтики настойчиво отстаивали и всемерно пропагандировали взаимосвязь литературных родов и жанров, взаимодействие искусств, синтез искусств, философии, религии. Они говорили о музыкальности и живописности литературы, смело смешивали высокое и низменное, трагическое и комическое, обыденное и необычное. Так, синтез поэзии и музыки в творчестве Шуберта, Шумана, Листа превратил скромную прежде «песню» в один из самых почетных жанров. Под влиянием живописи складывался и достиг расцвета жанр песенного цикла («Прекрасная мельничиха» и «Зимний путь» Шуберта, «Любовь и жизнь женщины» и «Любовь поэта» Шумана, например).

Жанр оперы как синтез драматической и лирической поэзии живописи, архитектуры, музыки, пения, танца и др., осваивался романтиками главным образом на сказочно-фантастических, «волшебных», рыцарско-приключенческих сюжетах.

В инструментальной музыке очевидна тенденция к музыкальной живописи. Возникает новый жанр симфонической поэмы, органически впитавшей литературу и драматургию. Новым жанром стала также инструментальная баллада. Склонность романтиков к восприятию жизни как череды отдельных состояний, картин и сцен обусловила появление различного рода миниатюр и их циклов.

Романтический театр впервые утвердил сценическое переживание как основное содержание актерского мастерства. Романтизм обогатил выразительные средства театра путем взаимодействия с живописью, архитектурой, историей, синтез которых привел к исторически верным декорациям и костюмам, жанровой правдивости массовых сцен и постановочных деталей – тому, что составляет концепт «местного колорита». Все это дает основание считать романтизм явлением модернистским для своего времени и предтечей модернизма XX в.

Так, отвергая все то, что относилось к традиции в литературе и искусстве, модернизм первой половины XX и постмодернизм конца столетия восприняли и довели до крайности

идею размывания как границ между литературными жанрами, так и границ между различными видами искусства. Этому в немалой степени способствовало развитие новых технологий, приведших как к появлению новых литературных жанров, так и новых видов искусства. В этом отношении «Отверженные» также созвучны исканиям современной литературы. Действительно, в произведении, где слово создает параллельный мир, не отсылающий к реальности, и в воображаемом мире становится подобием пароля, то есть знаком желания, Гюго в поисках «слова», способного стать референтом реального мира, создавая историческое «отступление» о битве при Ватерлоо, обращается к искусству, созданному технологией оптического обмана, которая стояла на пороге открытия нового искусства. Это искусство – кино, эта технология – «волшебный фонарь», усовершенствованный вид «самега obscura».

В главах «Ватерлоо» писатель действительно обращается к языку не только романного дискурса, но и дискурса театрального, особенностью которого является синтез конструктов фигуративных и исполнительских искусств, создающих на сцене романтического театра «картины». Однако «картины» «Ватерлоо» принципиально иные, чем в пьесах самого Гюго, чем в других частях романа «Отверженные». Действительно, «картины» самой битвы даны в двенадцати главах из девятнадцати. Две первые главы – это «картины» местности, где произошло историческое сражение. В третьей главе на «картине» изображена общая панорама битвы, детали которой обретут свои очертания в главах 11-15. Четвертая глава, наряду с графической конфигурацией ландшафта, уточняет дислокацию армий, сражавшихся при Ватерлоо, «картинный» облик Наполеона, авторское понимание сущности этих феноменов и их значения для Истории. Подобное расположение «картин» невозможно на театре, где в распоряжении постановщиков и исполнителей в эпоху романтической драмы – всего лишь планшет сцены, развернутый перед сидящим в зале зрителем. Тем не менее сам писатель настаивает на том, что он является здесь лишь «далеким зрителем», а не историком событий: «Мы, конечно, не собираемся излагать здесь историю Ватерлоо... история самой битвы не является предметом нашего повествования; к тому же она описана и описана мастерски, Наполеоном – с одной точки зрения, и целой плеядой историков – с другой. Что же касается нас, то мы, предоставляя историкам спорить между собою, остаемся лишь далеким зрителем, идущим по долине любознательным прохожим, который наклоняется над землей, удобренной трупами, и принимает, быть может, видимость за реальность» [10, с. 349]. Даже если не обратить внимания на данное заявление автора, композиционная структура «картин» «Ватерлоо» не характерна и для романного дискурса. В первую очередь потому, что «картины» эти не дескриптивны и статичны, а нарративны и динамичны. Им присущи движение и изменение в пространстве и времени., подчеркнутая «документалистская» лаконичность характеристик и особая перспектива. Так, «картина» поля битвы при Ватерлоо, в начале датируемая 1861 г., предстает как панорама некой местности, увиденной с высоты и скупой отмеченной названиями: Нивель, Ла-Гюльп, Лилуа, Буа-Сеньер-Иссак, - которые, как вехи, отмечают этапы движения означенных объектов, словно в обратной перспективе, то есть прогрессирующего укрупнения меньшего до размеров большего, пока все пространство не займет совсем мелкая деталь: «...крытая шифером колокольня Гран-л'Алле...» и последующее уточнение: «...похожая на перевернутую вазу» [Там же, с.339]. С этого момента местность начинает как бы приближаться, на ней в той же перспективе укрупнения меньшего по мере приближения к зрителю вырисовываются еще более мелкие подробности: постоянный двор, тележка перед воротами, большая вязанка жердей для хмеля, плуг, куча хворосту, живая изгородь, известь в квадратной яме, лестница, огромная афиша о ярмарочном представлении. Параллельно этому движению в пространстве такое же сухое перечисление артефактов маркирует

движение в перспективе временной - от неясного прошлого - через настоящее - к прошлому конкретно-историческому: надпись «Старая застава № 4», «вывеска «На вольном воздухе. Частная кофейня Эшабо», «ограда XV столетия» «ворота в суровом стиле Людовика XIV», след от «французского ядра возле ворот», следы от картечи, «пробившей дерево насквозь». В результате этого пространственно-временного движения неясная, загадочная, похожая на россыпь мозаичной смальты «картина» обретает четкость, сфокусировавшись в одной точке: «...пригорок, на этом пригорке нечто похожее издали на льва [Там же, с.340], - и, получив топонимическое уточнение : «Гугомон», - предстает как «...поле битвы при Ватерлоо», Это – «наведение резкости», прием, широко используемый в искусстве кино, которого в годы написания романа еще не существовало. Однако задолго до 1895 г. всевозможные оптические «чудеса» были известны во всем мире, благодаря представлениям «волшебного фонаря». Аналогия демонстрации «картин» Ватерлоо последним не произвольна. Она обусловлена структурным аналогом нарративного модуса исходной точки всего эпизода одному из технических устройств «волшебного фонаря», позволявших передавать движение и изменения. Поскольку в наши дни предыстория кино известна лишь узкому кругу специалистов, представляется необходимым уточнить некоторые ее моменты, имеющие прямое отношение к решению проблемы данной статьи.

«Волшебный фонарь» - это оптический прибор. Он представляет собой деревянный или железный ящик, снабженный объективом, обычно состоящим из двух линз. С помощью этого прибора можно было проецировать на экран изображения, нанесенные вручную на стеклянные пластины» [11]. Изобретенный в 1653 г. голландским астрономом Кристианом Гюйгенсом (1629-1695) прибор этот постоянно совершенствовался. Одним из технических новшеств стал так называемый «кошачий глаз», то есть «диафрагма с двумя тонкими пластинами, приводимая в движение шпагатами или маленькой рукояткой и кнопкой. К этому механизму прилагалась система двойных пластин, вставляемых в специальную камеру на стыке ящика (то есть «корпуса волшебного фонаря») и объектива» [Там же]. Имплицитно в первой главе «Ватерлоо» писатель, уточняя угол зрения и способ получения нужной резкости, вводит структурные эквиваленты «кошачьего глаза». (Мы даем свой перевод по оригиналу, поскольку в переводе Н. Когана они не нашли своего отражения. [10, с.340]). «Прохожий нагнулся и стал рассматривать в камне слева... довольно широкое круглое отверстие, похожее на лунку от снаряда». Затем «прохожий выпрямился, сделал несколько шагов и ушел, глядя вверх живой изгороди, ... он заметил на горизонте через стволы деревьев пригорок...». [3(1), с. 334]. «Круглое отверстие, похожее на лунку от снаряда», и просвет в «стволах деревьев» поверх «живой изгороди» расположены на стыке вида снизу и сверху. С их помощью на «экран» хронотопа «Ватерлоо» проецируются реалии битвы: «французское ядро», «картечь, которая не пробилла дерево,- и современный памятник: «нечто похожее на льва». Иными словами, писатель моделирует дискурс эпизода как очевидный аналог «диафрагме с двумя пластинами»; аналогией «шпагатам или рукоятке» становятся разные формы прошедшего времени во французском языке: *le passé simple*, *l'imparfait*, *le plus que parfait*. Они и позволяют Гюго придать демонстрации «картин» «Ватерлоо» кинематографическую динамику: изобразить события и в плане диахронии, и в плане синхронии, показывая как саму битвы 1815 г., так и артефакты, оставленные ею на память потомкам 1861г., а также тот историко-философский урок, который был преподнесен всем будущим поколениям.

В дальнейшем при демонстрации «картин» данного эпизода Гюго использует еще один прием передачи движения и изменения, известный лантернистам в начале XIX в., который в кинематографии обозначается термином «наплыв». Данный эффект достигался с помощью «волшебного фонаря» с двумя объективами. Первый такой прибор назывался фантаскопом и был

сконструирован аббатом Робером прозванным Робертсоном. В 1839 г. «фонарь с наплывами» появился в Англии. В нем использовалась также система механических приспособлений, позволявших создавать спецэффекты, и сложных в обращении, ибо, как объяснял Мольтени, один из ее конструкторов, самое интересное в такого рода демонстрациях заключалось в показе нескольких последовательно сменявших друг друга трансформаций одного и того же пейзажа: переход от дня к ночи, от лета к зиме, северное сияние, снегопад, пожар и т.п. Достигалось это с помощью смены различной степени интенсивности светового освещения каждого из двух объективов, вставляемых в «волшебный фонарь», при замене в них изображений: «Добиться правильного «наплыва» можно лишь при условии, что увеличение интенсивности одного источника света (объектив А) будет прямо противоположным уменьшению интенсивности другого источника света (объектив Б)» [12].

Благодаря структурно-типологической аналогии языкового дискурса «картин» «Ватерлоо» фигуративному дискурсу «картин» «волшебного фонаря» роман Гюго в этой части утрачивает резкость и одномерность своих родовых признаков как феномен литературы, относящийся к искусствам временным, и усваивает принципы искусств пространственных. Причем не традиционных, а новых, находящихся на пороге возникновения в процессе научно-технического прогресса: кинематографии и анимации. Однако на этом в «картинах» «Ватерлоо» эксперимент автора по решению задачи освобождения творчества от любых канонов и ограничений, поставленной романтической эстетикой, не исчерпал себя. Ведь с помощью описанных выше и постоянно совершенствовавшихся приемов оптического обмана демонстраторы «картин» «волшебного фонаря» создали особый жанр – *фантасмагорию*. Как отмечает Эммануэль Соваж, крупнейший французский историк кино, «фантасмагория» этимологически означала искусство прилюдно заставить заговорить привидения и вести с ними беседу. В конце XVIII в. фантасмагория – это искусство проецировать на экран миниатюрные картинки с призраками или привидениями, нарисованными на стеклянных пластинках или выгравированных на непрозрачном материале. На рубеже XVIII-XIX вв. такие представления пользовались огромным успехом. Из маленькой грубой картинки или гравюры возникали посредством фантасмагии ожившее и «оживленное» изображение, светящаяся яркая картина, размеры которой могли существенно меняться. Возможность оживлять и увеличивать или уменьшать изображение с помощью оптических манипуляций отметила важный этап в эволюции понятия «картина». Как отмечает Э. Соваж, «перенесенная из живописи на риторику и эстетику картина, в конце концов, внедрилась во все репрезентативные поля, как письменные, так и иконические, как сценические, так и экранные. Причем во всех случаях ее основная функция заключалась в том, чтобы воздействовать на чувства зрителей, вызвать их эмоциональную реакцию». [13] Последнее также было созвучно романтической эстетике, полемически заостренной на отрицании эстетики классицистической, провозгласившей рационалистический подход в восприятии искусства: «На сцену смотрят глазами разума, а не сердца», - заявлял аббат д'Обиньяк. Все это делает закономерным тот факт, что, создавая картины «Ватерлоо», Гюго обращается к жанру фантасмагии и создает на страницах своего романа грандиозную фантасмагорию, вдохнув жизнь в призраки погибших участников сражения, заставив их прожить на глазах читателя/зрителя один из самых трагических эпизодов Истории. Причем фантасмагорией «картины» «Ватерлоо» являются не только потому, что к 1861 г. ее участников уже не было в живых и в «картинах» Гюго сражение разгорается между армиями-призраками, но и потому, что писатель моделирует повествовательный дискурс своих «картин» как аналог демонстрации фантасмагорий на представлениях «волшебного фонаря». Так, описанию самой битвы предшествует детализация ландшафта, плана Наполеона и его военной

стратегии, а также погодных условий, авторских идей о закономерности исторического процесса [3(1), 335-343], которые служат как бы многофигурным и многокрасочным фоном, «сворачиваются» на глазах у читателя/зрителя в четкую конфигурацию буквы «А» как графического эквивалента условных обозначений в военной картографии. Затем в каждом из секторов этой «полевой карты» призраки воинов 1815 г. «оживают», чтобы еще раз сразиться с врагом и умереть на наиболее трагическом и важном участке битвы. При этом, моделируя отмеченный выше прием «наплыва» в «волшебном фонаре», Гюго то укрупняет, то уменьшает фигуры сражающихся «привидений», а иногда резкость «объектива» его «камеры» доходит до такой степени приближения к объекту, что тот дается как бы «крупным планом». Наиболее яркий пример – «оживление призрака Наполеона». Сначала - это неподвижное привидение, безжизненный портрет, оттиск на холсте человеческой памяти : «Вряд ли стоит изображать здесь Наполеона утром 18 июня 1815 года, на коне, с подозрительной трубой в руках, на возвышенности Россом. Его облик и так всем давно известен. Спокойный профиль под форменной шапочкой Бриенской школы, зеленый мундир, белые отвороты, скрывающие орденскую звезду, серый редингот, скрывающий эполеты, кончик красной орденской ленты в вырезе жилета, лосины, белый конь под алым бархатным чепраком, по углам которого вышиты буквы N с короной и орлы, на шелковых чулках ботфорты для верховой езды, серебряные шпоры, шпага Маренго, - весь образ этого последнего Цезаря... еще стоит у всех перед глазами» [10, с.351]. Затем текст Гюго «переводит» манипуляции демонстратора фантасмагорий в «волшебном фонаре» в регистр романного дискурса, причем очевидно, что именно прием контраста как сущностного принципа романтического гротеска адекватно передает в словесном искусстве технику искусства фигуративного. (Мы приводим свой перевод оригинала, поскольку перевод Н. Когана эту особенность не отразил – [10, 354]): « Вся эта фигура долгое время пребывала в ярком *свете*, что объясняется неким *затемнением*, которое вызывают овеванные легендами герои и которое всегда на более или менее длительное время скрывает истину... *Ясность* - а она и есть история – безжалостна, ей присуще то странное и божественное свойство, что она, сама являясь *светом*, и именно потому что она - *свет*, часто наводит *тень* на то место, где виделись лучи, и делает из *одного человека* двух разных *призраков*, и один нападает на другого и расправляется с ним, и *мрачные тени* деспота борются с *ослепительным светом* полководца» [11[1], с. 345] (Курсив наш – О.Л.). Далее, словно реализуя в нарративном модусе романа этот процесс «оживления привидений» с помощью смены степени интенсивности света, использовавшейся при проекции на экран фантасмагорий в «волшебном фонаре» (см. выше) , Гюго «оживляет» призрак Наполеона, который приходит в движение: ложится спать, просыпается, садится на коня, объезжает линию укреплений, беседует с солдатами и офицерами, шутит, - постепенно приближаясь к читателю/зрителю, и тот, наконец, «видит» такие детали, как «грязь», куда спешивается император, «кухонный стол с россольмской фермы», «крестьянский стул». «охапку соломы вместо ковра». И «крупным планом» - улыбку, которой Наполеон хочет подбодрить роту саперов [Там же, 351-355]. Как бы имитируя технику изменения интенсивности освещения для «оживления» картин фантасмагорий в «волшебном фонаре», Гюго отказывается в «Ватерлоо» от характерной для его стиля красочности эмоционально-пафосного языка и обращается к сухому, лапидарному, почти «безликому» стилю, создавая тем самым аналог «камеры» как нарративного модуса, «превращающего» видимость в истину, и предвосхищающий тексты киносценариев. Этот лишенный эмоций стиль создаст ужасающую «фантасмагорию» последней главы «Ватерлоо»: «Там, где во время этого ужасного бедствия раздавались хрипение и стоны, теперь царила тишина. Дорога в ложбине была доверху забита трупами лошадей и всадников. Жуткое зрелище! Откосы исчезли. Трупы сравнивали дорогу с полем и лежали вровень с краями ложбины, как утрясенный

четверик жменя. Груды мертвецов на более возвышенной части, река крови в низменной – такова была эта дорога вечером 18 июня 1815 года. Кровь текла даже через Нивельское шоссе, образуя огромную лужу перед засекой, преграждавшей шоссе в том месте, на которое до сей поры обращают внимание путешественников...Количество трупов на дороге зависело от большей или меньшей ее глубины. Около середины, где дорога становилась ровной и где стояла дивизия Делора, слой мертвых тел был тоньше» [10, с.397-398], И сразу, без всякого перехода, как следующий кадр киносценария, идет фраза: «Ночной бродяга, которого мы видели мельком, шел в этом направлении. Он рылся в этой огромной могиле. Он разглядывал ее. Он делал отвратительный осмотр мертвецам. Он шагал по крови» [Там же]. Затем, как в тексте киносценария, намечается, подобно раскадровке, краткими предложениями картина того, как по полю брани, усеянной телами погибших воинов, бродит «живой труп», мародер Тенардье, и, заметив среди мертвецов живого человека, вытаскивает его из могилы, чтобы обворовать. Такова страшная истина, «свет» которой прогнал «тени» легенды о Наполеоне. В этот «кадр» фантазмагории под названием «Ватерлоо» Гюго вводит диалог, который как бы предвосхищает краткость и выразительность сценарного диалога:

- Кто выиграл сражение? - чуть слышным от смертельной слабости голосом спросил офицер.

- Англичане, - ответил грабитель.

Офицер продолжал:

- Поищите в моих карманах, вы найдете там часы и кошелек. Возьмите их себе.

Это было уже сделано.

Однако бродяга сделал вид, что ищет, потом ответил:

-Карманы пусты.

- Меня ограбили, - сказал офицер. – Жаль! Это досталось бы вам.

Шаги патрульных слышались все отчетливее.

- Кто-то идет, - прошептал бродяга, собираясь встать.

Офицер с трудом приподняв руку, удержал его:

- Вы спасли мне жизнь Кто вы? Грабитель быстрым шепотом ответил:

- Я, как и вы, служу во французской армии. Сейчас я должен вас оставить. Если меня здесь схватят, я буду расстрелян. Я спас вам жизнь. Теперь сами выпутывайтесь из беды, как знаете.

- В каком вы чине?

- Сержант.

-Ваша фамилия?

- Тенардье.

- Я не забуду, - сказал офицер.- А вы запомните мою. Моя фамилия Понмерси. [10, с. 399-400].

Подобная манера письма будет характерна для прозы Э. Хемингуэя, А. Камю, Ж.-П. Сартра, Ле Клезио, молодых французских прозаиков и др. Однако у Гюго она выступает как элемент более конкретной нарративной практики, определенной теоретиками постмодернизма как «камера».

Таким образом, в поисках новых возможностей современной, то есть не классицистической литературы для писателей XIX в., адаптируя научно-технические достижения, подготовившие появление искусства кино, применительно к словесному искусству, Гюго приблизился к открытию особого модуса повествования, который в теории постмодернизма обозначается термином «камера». Правда в полной мере принцип «камеры» в «Ватерлоо» Гюго не был воплощен, поскольку его специфика состоит в абсолютном отсутствии или самоустранении автора: «Целью здесь является передача пласта жизни без какого-либо ощутимого выбора или организации материала в том виде, как она

разворачивается перед регистрирующим ее медиумом» [9, с.195], - а в «Ватерлоо» авторский голос часто звучит камертоном в переключке живых и мертвых. В других книгах «Отверженных» этот нарративный модус волеется в стилевую полифонию великого романтика Гюго. Тем самым эксперименты Гюго предвосхитили художественные искания писателей XX и XXI вв., а вопрос о современности его творчества решается прежде всего в русле собственно литературных проблем. В рамках статьи, однако, можно отметить лишь один из ее аспектов.

Использованная литература

1. «Отверженные» (Фильм 2012) - [электронный ресурс] – Режим доступа – ru.wikipedia.org/wiki/ - (дата обращения 20.01.2013)
2. Walenstein C. Waterloo 2011: « Sur les pas de Victor Hugo » et d'autres événements.– [электронный ресурс] – Режим доступа -www.site191.fr/content/waterloo_2011_sur_les_pas_de_Victor_Hugo (дата обращения 17.08.2012)
3. Hugo V. Les Misérables. Garnier-Flammarion. En 3 v., 2007
- 4 Bataille de Waterloo // Wikipédia. — [электронный ресурс] – Режим доступа - Wikipedia.org/wiki/Bataille_de_Waterloo(дата обращения 20.08.2012)
- 5.Coppens B. Le Mot de Cambronne//1789- 1815.Le Mot de Camdronne – [электронный ресурс] – Режим доступа - www.1789-1815cam./wat_mot_cambr.htm (дата обращения 07.09.2012)
6. Robb G. Victor Hugo : A Biographie. – New York.: W.W. Norton and Compagnie, 1997
7. Kennedy L. Waterloo, les barricades, et l’histoire dans les « Misérables » de Victor Hugo. – Duke University, 2011
- 8.Ubersfeld A. « Les Misérables », théâtre-roman» - [электронный ресурс- Режим доступа – [Annie%20Ubersfeld. P.D.F.](http://Annie%20Ubersfeld.P.D.F) (дата обращения 15.05.2012)
9. Ильин И.П. Постмодернизм. Словарь терминов. – М. Интрада, 2002
10. Гюго И. Отверженные //Гюго В. Собр. соч. в 6 т.т. Т 2-3. – М., 1988
11. Racle G. L’invention du cinéma : une lanterne magique. – [электронный ресурс] – режим доступа -www.lexpress.to/archives/15301(дата обращения 20.05.2012)
- 12 Goujard D. Autour de la lanterne magique – [электронный ресурс] – Режим доступа – <http://fr.wikipédia.org/wiki/>(Дата обращения 19.09.2012)
- 13.Sauvage E. Fantasmagorie. Univ. de Waterloo, 2004.- [‘электронный ресурс] – режим доступа - <http://fr.wikipédia.org/wiki/>(Дата обращения 19.09.2012)

УДК 81’23:811.111

**Э.В. Нестерик, А.Т. Махметова
Каргу им. Е.А. Букетова**

РОЛЬ ГРАММАТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ В СОЗДАНИИ СУБЪЕКТИВНОГО ВОСПРИЯТИЯ ВРЕМЕНИ ПЕРСОНАЖАМИ

Abstract

The article deals with grammatical tenses as a means of modelling subjective perception of time in a literary text. Subjective perception of time is considered as a text category and is studied from the point of view of Text linguistics. The focus is on the forms creating slowed-down, frozen and accelerated subjective times, namely, Past Continuous, Past Indefinite and Present Indefinite

tenses. The interaction of grammatical and lexical semantics and structural peculiarities of a context is revealed.

Түйін

Берілген мақала көркем мәтінде субъективті қабылдау уақытын моделдеу құралы ретінде грамматикалық уақытты зерттейді. Субъективті қабылдау уақыты мәтіндік категория сияқты қарастырылады және мәтін лингвистикасының позицияларымен оқытылады. Негізгі акцент баяулатылған, қатырылғын және жылдамдатылған субъективті уақытты қалыптасуға қатысатын, яғни өткен ұзақ, өткен белгісіз және осы шақтағы белгісіз үлгілерге бөлінеді. Грамматикалық және лексикалық семантиканың өзара іс-әрекеті мен контекстің құрылымдық ерекшеліктерін анықтайды.

В данной статье исследуется роль грамматической категории времени в создании времени текстового, а именно субъективного восприятия времени персонажами.

Субъективное восприятие времени – одна из составляющих психического мира человека. Субъективное восприятие времени называют также психологическим временем. Это время, в котором формируется отражение реальных временных взаимоотношений в сознании отдельного индивидуума. В силу того, что психологическое время имеет специфические черты и особенности, отражение временных отношений в нашем сознании не полностью тождественно реальному времени. Время психического мира, в отличие от времени объективно существующего внешнего мира, не всегда течет с одинаковой скоростью, может быть прерывным и хронологически непоследовательным. Это объясняется тем, что наше ощущение времени, оценка длительности временных сегментов зависит от целого ряда явлений, непосредственно или опосредованно вовлеченных в процесс восприятия.

Способность человека воспринимать время субъективно – факт и обыденного, и научного знания. О субъективном восприятии времени пишут философы и психологи. Об этом хорошо известно и литературоведам: в художественной литературе описано множество ситуаций, когда одни события, переживаемые героем, воспринимаются как миг, другие – как вечность, третьи – как прыжок назад во времени и т.д.

Исследователи художественного текста выделяют два способа описания времени в произведениях словесного творчества: объективное художественное время, включая цикличное; субъективное художественное время, включая психологическое [1; 2]. Объективно представленное художественное время отражает общезначимые свойства времени – одномерность, однонаправленность, непрерывность. Субъективное художественное время выражает индивидуальные особенности восприятия времени автором и персонажами. Наиболее изученным до сих пор остается объективное художественное время. Что касается субъективного времени, то здесь ещё много неисследованного. В работах, посвященных художественному времени, называются отдельные способы передачи субъективного времени в художественном тексте [1; 3; 4; 2; 5]. Однако этих сведений недостаточно для того, чтобы определить, как формируется план выражения категории времени психического мира.

Исследование базируется на предположении о том, что субъективное художественное время формируется в тексте целым комплексом текстовых категорий. Данное предположение было выдвинуто на основании результатов исследований категории времени в литературоведении, психологии и лингвистике текста [6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 1; 3; 4; 2; 5; 22; 23; 24; 25; 26; 27].

В моделировании психологического времени участвует категория событий и процессов, в состав которой входит грамматическое время. Категория событий и процессов называет действия субъекта и объекта, протекающие в пространстве и времени [2, 134]. Она

охватывает такие понятия, как собственно событие, процесс, состояние, факт [28, 199]. Помимо указания на “внешнее время” (когда?) слова категории событий обладают свойством “внутреннего времени” (как?), т.е. вводят количественную и качественную аспектуальную оценку [29, 123].

Обратимся теперь непосредственно к грамматической категории времени, оформляющей субъективное восприятие времени в художественном тексте. Начнем с замедленного времени. Одной из наиболее распространенных форм глагольного времени, встречающихся в его описаниях, является форма прошедшего длительного.

Elizabeth was holding her baby—a perfect, tiny boy—cradling him gently against her breast. She was sitting on the porch, in a rocking chair, but it wasn't the porch of the house in Blackstone, nor, oddly, was the day nearly as cold as it should have been, with Christmas only three weeks away.

The summer mists seemed to part, and she realized where she was—back home in Port Arbel-lo, on the porch of the old house on Conger's Point, and it was a perfect July day. A cool wind was blowing in off the sea, and the sound of surf breaking against the base of the bluff was lulling her baby into a contented sleep. She began humming softly, just loud enough so her baby could hear her, but quietly enough not to disturb him.

"Rockabye baby, In the tree tops, When the wind blows, The cradle will rock . . ."

The words died away to nothing more than a murmuring hum, and Elizabeth began to feel drowsy, her eyelids heavy. But then, just as the song faded completely from her lips, a movement caught her eye.

A child was emerging from the woods across the field.

Megan.

Elizabeth was about to call out to her daughter, but as the child grew closer, she realized this little girl wasn't blond, sunny Megan at all.

It was her sister.

It was Sarah!

But that wasn't possible, for Sarah looked no older now than she had on that day so many years ago when she'd been taken away to the hospital.

Yet as the little girl drew closer, walking steadily across the field, directly toward her, Elizabeth felt a terrible chill.

Sarah was carrying something cradled in her arms. She was holding it out now, offering it to her, and Elizabeth recognized it instantly.

An arm.

Jimmy Tyler's arm ...

Reflexively, Elizabeth looked down at her baby.

Her son was no longer sleeping. Instead, his eyes were wide open, and he was screaming, though no sound came out of his mouth. But worse than the silent scream, worse than the terror in the infant's eyes, was the blood spurting from her child's left shoulder, where the arm had been hacked away.

Elizabeth felt a scream rise from her lungs, but at the same time a terrible constriction closed her throat, and her howl of anguish stayed trapped within her, filling her up, making her feel as if she might explode into a million fragmented pieces. There was blood everywhere now, and Sarah, still holding the bloody arm that had been torn from the baby's body, was drawing closer and closer.

Elizabeth tried to turn away; could not. Finally, with an effort that seemed to sap every ounce of her energy, she hurled herself out of the chair and—

Elizabeth jerked awake.

(Saul, The Blackstone Chronicles)

В этом тексте прошедшее длительное время употребляется с процессными глаголами, выражающими длительные действия и состояния, и с глаголами двойственного характера. В первом случае значение грамматической формы накладывается на лексическое значение глагола, подчеркивая заложенную в нем длительность или статичность. Результатом такого взаимодействия лексической и грамматической семантики глагола является эффект застывшего времени – абзац 1 и 2. С глаголами двойственного характера прошедшее длительное изображает действия в длящейся динамике. Ряд глаголов анализируемого отрывка употребляется в форме прошедшего неопределенного, выполняющего здесь повествовательную функцию. Как правило, прошедшее неопределенное повествовательное выражает динамическую ситуацию. Однако в данном случае этому препятствует лексический характер глаголов *die away, feel, fade, grow, realize, look* (выглядеть), *recognize, stay*, предикативы *drowsy* и *heavy*, а также наличие союза *as*, передающего отношения одновременности.

Замедлению действия в приведенном эпизоде способствует большое количество составных именных предикатов, характеризующих физическое и психическое состояние субъекта, наличие одночленных именных конструкций, лексический повтор и синтаксический параллелизм.

Возвращаясь к глагольному времени, следует отметить, что функциональная нагрузка той или иной грамматической формы во многом зависит от лексического наполнения глаголов. В цитированных ниже примерах прошедшее длительное оформляет ускоренное время.

1. *He had been caught in a vortex and was being whirled on with a velocity of advance and gyration that made him giddy and sick.*

(*Bierce, An Occurrence at Owl Creek Bridge*)

2. *He was flying now straight down, at two hundred fourteen miles per hour.*

(*Bach, Jonathan Livingston Seagull*)

3. *The hunted man saw all this over his shoulder; he was now swimming vigorously with the current.*

(*Bierce, An Occurrence at Owl Creek Bridge*)

Глаголы *whirl, fly* и *swim* обозначают динамичное перемещение в пространстве. Интенсивность изображаемого движения подчеркнута лексическими средствами: наречием *vigorously*, предложной группой *at two hundred fourteen miles per hour*, прилагательными *giddy* и *sick*, обозначающими состояние, возникающее в результате интенсивного вращения. Что касается формы прошедшего длительного, то здесь ее роль совершенно иная, чем в рассмотренном выше примере: она усиливает динамику действий, заложенную в лексическом значении глаголов. В то время как вышеназванные глаголы лишь называют интенсивные движения, форма прошедшего длительного делает эти движения наглядными и осязаемыми, благодаря заложенному в ее семантике значению процесса.

Отметим также, что повтор грамматической формы не всегда способствует замедлению движения художественного времени. Характер протекания действия в тексте зависит от характера организации видовременных глагольных форм. Сравним два примера.

1. *Judge Taylor was saying something. His gavel was in his fist, but he wasn't using it. Dimly, I saw Atticus pushing papers from the table into his briefcase. He snapped it shut, went to the court reporter and said something, nodded to Mr Gilmer, and then went to Tom Robinson and whispered something to him. Atticus put his hand on Tom's shoulder as he whispered. Atticus took his coat off the back of his chair and pulled it over his shoulder. Then he left the court-room, but not by his usual exit.*

(*Lee, To Kill a Mockingbird*)

2. *An appalling splash within two yards of him was followed by a loud, rushing sound, diminishing, which seemed to travel back through the air to the fort and died in an explosion which stirred the very river to its depths! A rising sheet of water curved over him, fell down upon him, blinded him, strangled him!*

(Bierce, *An Occurrence at Owl Creek Bridge*)

В примере 1 повтор формы прошедшего неопределенного создает впечатление замедленного течения времени. Этому способствует особая организация контекста. Первые два предложения содержат глаголы в форме прошедшего длительного, сигнализирующие замедленное восприятие рассказчика. Переход на форму прошедшего неопределенного сопровождается введением наречия *dimly*. Оно определяет характер восприятия субъекта и вместе с тем организует восприятие читателя, настраивая его на определенное видение действий, изображаемых глаголами в форме прошедшего неопределенного. Глаголы, называющие действия персонажа расположены дистантно, отделены друг от друга дополнениями, обстоятельствами и обстоятельственными группами, что само по себе замедляет движение действия в тексте. Кроме того, повтор формы прошедшего неопределенного осуществляется не в рамках одного предложения, а в рамках нескольких синтаксически независимых предложений. Повтор имени собственного *Atticus* и лексико-грамматический повтор – *went to the court reporter and said something, went to Tom Robinson and whispered something* создают ощущение монотонного течения времени в эпизоде, а наличие союза *as* тормозит развитие событий.

В примере 2 картина совершенно другая. Глаголы в форме прошедшего неопределенного следуют друг за другом в непосредственной близости, что обеспечивает быструю смену обозначаемых ими событий. Увеличению плотности действия способствует и ограниченность повтора рамками одного предложения: скопление форм прошедшего неопределенного на коротком отрезке текста приводит к нарастанию динамики действия, движение действия и времени в эпизоде приобретает стремительный характер.

В описаниях застывшего времени употребляется главным образом прошедшее неопределенное время. Выбор данной формы обусловлен лексическим характером предикатов, оформляющих застывшее время – глаголов со значением достижения, статальности и сенсорности. Остановке движения времени в тексте может способствовать и форма прошедшего длительного. Такое явление мы уже наблюдали при разборе отрывка из романа J. Saul. Приведем еще один пример.

... *Parrish was watching him with a despairing eye, and feeling the infirmities of age creeping upon him and his hair gradually turning gray.*

(Twain, *The Belated Russian Passport*)

В данном отрывке наблюдается скопление средств, передающих длительный характер действия. Процессность представлена здесь дважды: лексическим значением глаголов *watch*, *feel* и *creep* и их грамматическими формами – прошедшим длительным *was watching ... and feeling* и причастием настоящего времени *creeping*. В случае глагола *turn* (зд. в значении ‘становиться’) формально выраженная длительность усилена наречием *gradually*. Такая языковая избыточность повышает, во-первых, экспрессивность высказывания и, во-вторых, способствует созданию застывшего времени. Нагромождение средств, оформляющих процессность, в рамках одного предложения создает впечатление чрезмерной длительности. Действие настолько растянуто во времени, что кажется бесконечным. Исчезают временные пределы, а вместе с ними исчезает и само время.

Изображение исчезнувшего времени нередко сопровождается переключением с формы прошедшего времени на форму настоящего неопределенного. Рассмотрим два примера.

1. In a town like Mason City the bench in front of the harness shop is—or was twenty years ago before the concrete slab got laid down—the place where Time gets tangled in its own feet and lies down like an old hound and gives up the struggle. It is a place where you sit down and wait for night to come and arteriosclerosis. It is the place the local undertaker looks at with confidence and thinks he is not going to starve as long as that much work is cut out for him...

(Warren, All the King's Men)

2. Slowly, too slowly, the night, with its noise and its fear and its murder, yields to the dawn. One by one the guns cease. Quicker, O dawn, quicker-dazzle the hateful stars, lighten for us the weight of the shadows.

The last rat scuttles away; the first lark thrills with a beating of wings and song. The light is soft; deliberately, consciously, the young dawn moves. My unclean flesh is penetrated with her sweetness, and she does not disdain even me.

Out of the east as from a temple comes a procession of girls and young men, smiling, brave, candid ignorant of grief.

Few men know the full bitterness of night, but they alone will know the full beauty of dawn-if dawn ever comes.

(Aldington, Farewell to Memories)

В первом из приведенных контекстов переход на форму настоящего времени сопровождается включением в текст обобщенного субъекта: форма настоящего неопределенного сочетается здесь с местоимением *you* в обобщенно-личном значении. В результате такого взаимодействия категорий персональности и темпоральности описание приобретает обобщенный смысл и выходит за рамки данного произведения. Изображаемый объект воспринимается одновременно как частный и универсальный: упоминание названия города связывает описание с объектом, расположенным в конкретном времени и пространстве, употребление настоящего неопределенного в сочетании с обобщенным субъектом придает объекту описания вневременной характер.

Во втором отрывке употребление настоящего неопределенного на фоне повествования, выдержанного в прошедшем времени, приводит к пересечению различных временных систем. Глаголы в форме повелительного наклонения и местоимения *you*, *me* относят изображаемую ситуацию ко времени рассказчика. Глаголы в форме настоящего неопределенного приближают описание ко времени читателя и автора. В результате столкновения различных временных планов возникает эффект застывшего времени, поскольку описание приобретает всевременной характер.

Примечательно, что время в обоих эпизодах персонифицировано. В первом случае персонификация служит созданию образа застывшего времени, во втором – разобщению субъективного и объективного времен.

Подведем итоги. Роль грамматического времени в создании субъективного восприятия времени определяется семантикой временных форм, лексическим характером глаголов и структурными особенностями контекста. Так, прошедшее длительное участвует в формировании различных типов субъективного времени: застывшего – с процессными глаголами, выражающими длительные действия и состояния, замедленного – с глаголами двойственного характера и ускоренного – с локальными глаголами, обозначающими динамичное перемещение в пространстве. Многократный повтор этой формы способствует замедлению течения времени в тексте. Прошедшее неопределенное употребляется в описаниях застывшего, замедленного и ускоренного времени. Выбор данной формы для передачи того или иного типа времени обусловлен лексическим характером глаголов, наличием в тексте обстоятельств времени и образа действия. Дистантное расположение форм прошедшего неопределенного замедляет течение времени в тексте. Скопление этих форм на

коротком отрезке текста, напротив, приводит к его ускорению. Переключение с формы прошедшего времени на форму настоящего неопределенного способствует созданию исчезнувшего времени.

Список использованной литературы:

1. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Едиториал УРСС, 2004. 144 с.
2. Папина А.Ф. Текст: его единицы и глобальные категории: Учебник для студентов-журналистов и филологов. М.: Едиториал УРСС, 2002. 368 с.
3. Тураева З.Я. Категория времени. Время грамматическое и время художественное (на материале английского языка): Учебное пособие. М.: Высшая школа, 1979. 219 с.
4. Тураева З.Я. Лингвистика текста: (Текст: структура и семантика): Учеб. пособие. М.: Просвещение, 1986. 127 с.
5. Ноздрина Л.А. Поэтика грамматических категорий: Курс лекций по интерпретации художественного текста. М.: ТЕЗАУРУС, 2004. 212 с.
6. Бахтин М.М.. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // М.Бахтин. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. С. 234-407.
7. Лихачёв Д. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. 1968. № 8. С. 74-87.
8. Иванов В.В. Категория времени в искусстве и культуре XX века // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. Л.: Наука, 1974. С. 39-67.
9. Молчанов В.В. Время как прием мистификации читателя // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. Л.: Наука, 1974. С. 200-209.
10. Мотылева Т.Л. О времени и пространстве в современном зарубежном романе // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. Л.: Наука, 1974. С. 186-200.
11. Чернухина И.Я. Общие особенности поэтического текста (лирика). Воронеж: Воронежск. гос. ун-т, 1987. 157 с.
12. Пелевина Н.Ф. Стилистический анализ художественного текста. Л.: Просвещение, 1980. 272 с.
13. Гайсина А.К. Время в художественном произведении: на материале произведения Т.Толстой «Кысь» // Литература в школе. 2008. N 11. С. 44-45.
14. Маркина Е.Е. Спрессованное лирическое время в стихотворении И. Ф. Анненского «Я на дне» // Русский язык в школе. 2008. N 2. С. 47-49.
15. Николина Н.А. Художественное время повести М. М. Зощенко «Перед восходом солнца» // Русский язык в школе. 2008. N 4. С. 63-68.
16. Гильманова Н.С. Психологические аспекты временной организации памяти в жизни личности и в художественном произведении. // Мир психологии. Москва-Воронеж, 2001. № 1. С. 40-50.
17. Александрова М.Д. О возрастных особенностях временной ориентации // Материалы III всесоюзного съезда общества психологов СССР. – Т.1 (Общая психология и психофизиология). М., 1968. С. 102-103.
18. Элькин Д.Г. К вопросу о единстве восприятия пространства и времени // Материалы III всесоюзного съезда общества психологов СССР. Т.1 (Общая психология и психофизиология). М., 1968. С. 168-169.
19. Джеймс У. Психология. М.: Педагогика, 1991. 368 с.
20. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2002. 720 с.
21. Люц Ю. А. Психологическое время личности у больных с психосоматическими расстройствами: Дис. канд. психологические науки: 19.00.04. М., 2007. 182 с.

22. Гилясов Ю.В. Языковые средства выражения категорий художественного времени и пространства // XI Царскосельские чтения: «Вузовская наука России для повышения качества жизни человека»: Междунар. науч. конф. СПб.: ЛГУ им. А.С.Пушкина, 2007. Т. IV. С. 54-58.
23. Гилясов Ю.В. К вопросу о направленности художественного времени в тексте // Вопросы филологии и журналистики: сб. ст.: В 3 ч. Омск: Изд-во НОУ ВПО ОмГА, 2010. Ч. 2. Вып. 5. С. 64-68.
24. Николина Н.А. Художественное время повести М. М. Зощенко «Перед восходом солнца» // Русский язык в школе. 2008. N 4. С. 63-68.
25. Галышева М.П. Субъективное время в произведениях Достоевского // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. 2009. N 2. С. 74-83.
26. Салимова Д.А., Данилова Ю.Ю. Время и пространство как категории текста: теория и опыт исследования: (на материале поэзии М. И. Цветаевой и З. Н. Гиппиус): монография. М.: Флинта: Наука, 2009. 197 с.
27. Prokhonichev G.I. Ontological and epistemological aspects of categories of space and time // Категоризация и концептуализация в языках для специальных целей и профессиональном дискурсе, Вып. 6. М., Рязань: Изд-во ИЯ РАН, 2009. С. 13-19
28. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 342 с.
29. Гак В.Г. Пространство времени // Логический анализ языка. Язык и время. – М.: Индрик, 1997. – С. 122-130.
- УДК 81.513

Аширова А.Т. доцент
Әл-Фараби ат. ҚазҰУ Алматы қ., Қазақстан
e-mail: anara_314@mail.ru

СТУДЕНТТЕРДІҢ СӨЗДІК ҚОРЫН БАЙЫТУДА МӘТІНМЕН ЖҰМЫСТЫҢ АЛАТЫН ОРНЫ

Abstract

This paper describes one of the main features of the text, which is that she, like other types of language development is carried out in all areas of teaching and education. The author focuses on the fact that these types of reproductive work as writing short stories and essays and memorizing poems, proverbs, students learn the language more effectively, developing it in different kinds of speech activity. The main attention is paid to the methods and techniques of working with text as the basic unit of study. Provides examples of how the acquisition of language and its grammatical structure allows students to correctly make out and express themselves, build interrogative sentences and allows to capture and understand the various connections between things and phenomena. This article aims - to examine and classify all the potential of working with text in a foreign language audience for effective learning Kazakh language: the formation of students' thinking skills, the expansion and improvement of their creative abilities, establishing the unity of content and form.

Key words: Working with text, the development of language, the wealth of the people, the wealth of the individual, vocabulary, a precious heritage, morphological composition, abstract concept.

Резюме. В статье описывается одна из основных особенностей работы с текстом, которая заключается в том, что она, как и другие виды развития языка, проводится во всех сферах учебно-воспитательной работы. Автор акцентирует свое внимание на том, что такие виды репродуктивной работы, как написание рассказов и эссе, а также заучивание стихотворений, пословиц и поговорок, студенты эффективнее усваивают язык, развивая

его в разных видах речевой деятельности. Основное внимание в статье уделяется методом и приемам работы с текстом как основной единицей обучения. Приводятся примеры того, каким образом усвоение языка и его грамматической структуры позволяет студентам грамотно оформлять и выражать свои мысли, строить вопросительные предложения и позволяет уловить и осознать различные связи между вещами и явлениями. Данная статья ставит своей целью – рассмотреть и классифицировать все потенциальные возможности работы с текстом в иноязычной аудитории для эффективного усвоения казахского языка: формирование навыков мышления студентов, раскрытие и повышение их творческих способностей, установление единства содержания и форм.

Ключевые слова: Работы с текстом, развитие языка, богатство народа, богатство личности, словарный запас, драгоценное наследие, морфологический состав, абстрактные понятия.

Аңдатпа. Мәтінмен жұмыс жасаудың ерекшелігі: ол тіл дамытудың басқа түрлері сияқты оқу-тәрбие жұмысының барлық салаларында жүргізіледі. Өлең, әңгіме, мысал, мақал-мәтелдер, эссе және т.б. оқу арқылы студенттің тілі дамиды. Мәтінмен жұмыс студенттің сөздік қорын дамытумен тығыз байланысты. Тілді, оның грамматикалық құрылысын меңгеру студенттерге өз пікірлерін айтуға, сұрауға, қорытынды жасауға, заттар мен құбылыстар арасындағы алуан түрлі байланыстарды аңғара білуге мүмкіндік береді.

Сонымен бірге мәтінмен жұмыс жасау сөз арқылы студентті дәл ойлауға дағдыландырып, оның шығармашылық қабілеттерін арттыруға, сөйлеудің мазмұны мен формасының бірлігін қамтамасыз етуге бағытталады. Сөз байлығы-қоғамның байлығы, әр тұлғаның байлығы. Сондықтан да студенттердің сөздік қорын байыту мақсатында мәтінмен жұмыс жүргізудің маңызы зор.

Сөз байлығының жетіспеушілігі студенттердің өз ойын ауызша, әрі жазбаша, дәл, жүйелі жеткізуі барысында қиындық тудырады.

Түйінді сөздер: Мәтінмен жұмыс, тілдің дамуы, қоғамның байлығы, тұлғаның байлығы, сөздік қор, асыл мұра, морфологиялық құрам, абстракциялы ұғым.

Мәтінмен жұмыс жасау – тіл дамытудың іргетасы, студенттердің жаңа сөздер үйренуде, бұрын білетін немесе түсінбейтін сөздерінің мағынасын анықтауда маңызы зор. Сондай-ақ мәтінмен жұмыс жасау барысындағы сөздік жұмысы сөйлем құрауға материал береді, сөздерді байланыстырып сөйлеуге, әңгіме айтуға, шығарма жазуға көмектеседі.

Әдіскер ғалымдар М.Т.Баранов, А.Р.Прудникова жаттығу әдісінің маңыздылығына ерекше тоқтала келіп, «Сөздік және лексикалық жаттығуларды бір-бірімен айыру қиыншылық тудырады, олар тығыз байланысты. Өйткені екеуінің де негізі – сөзбен жұмыс жасау» – дей келіп, сөздік жұмыстарға тілді сезіну мен сөзді дұрыс түсінуі, орынды қолдана білуі, сөз тіркестерін жасау, сөйлем құрау, мазмұндама, шығарма жазуды жатқызады.

Мәтінмен жұмыс жасаудың ерекшелігі: ол тіл дамытудың басқа түрлері сияқты оқу-тәрбие жұмысының барлық салаларында жүргізіледі. Өлең, әңгіме, мысал, мақал-мәтелдер, эссе және т.б. оқу арқылы студенттің тілі дамиды. Мәтінмен жұмыс студенттің сөздік қорын дамытумен тығыз байланысты. Тілді, оның грамматикалық құрылысын меңгеру студенттерге өз пікірлерін айтуға, сұрауға, қорытынды жасауға, заттар мен құбылыстар арасындағы алуан түрлі байланыстарды аңғара білуге мүмкіндік береді.

Сонымен бірге мәтінмен жұмыс жасау сөз арқылы студентті дәл ойлауға дағдыландырып, оның шығармашылық қабілеттерін арттыруға, сөйлеудің мазмұны мен формасының бірлігін қамтамасыз етуге бағытталады. Сөз байлығы-қоғамның байлығы, әр тұлғаның байлығы. Сондықтан да студенттердің сөздік қорын байыту мақсатында мәтінмен жұмыс жүргізудің маңызы зор.

Сөз байлығының жетіспеушілігі студенттердің өз ойын ауызша, әрі жазбаша, дәл, жүйелі жеткізуі барысында қиындық тудырады.

Халқымыздың тарихи асыл мұрасы – тілді болашақ ұрпаққа жеткізу, олардың сана-сезімін, дүние танымын кеңейтіп, ой дәлдігіне, сөз жүйелігіне, тіл тазалығына төселдіру – аса игі іс.

Профессор М.Балақаев «Тіл мәдениеті дегеніміз сөйлеудегі, жазудағы сыпайылық, ізеттілік қана емес, сонымен қатар айқын ойлылық, сөзді дәл айту шеберлігі, сөйлеу өнеріне шыныққандық, сауаттылық» – дейді. Егер тіл мәдениеті үлкен арна болса ауызекі және жазба тіл – соның басты салалары. Студенттердің сөзік қорын дамыту үшін ең бастысы оның ой – өрісін, тіл байлығын дамыту қажет. Студенттің ойлау қабілетін жетілдіріп, тілін байытудың жолдары жетікілікті. Солардың бірі – мәтінмен жұмысын жүргізу. Мәтінмен жұмыс жүргізу студенттің жаңа сөздер үйренуде бұрын білетін немесе түсінбейтін сөздерінің мағынасын анықтауда маңызы өте зор.

Сондай-ақ сөйлем құрауға, сөзді байланыстырып сөйлеуге, әңгіме құрауға, шығарма жасауға көмектеседі.

Мәтінмен жұмыс онда кездесетін түсінік сөздер мен ұғымдарды түсіндірумен ғана аяқталмайды. Ол жаңа ұғымдар жасау, заттың жаңа қасиеттерін табу, жаңа көріністерді байқау сияқты жұмыстармен тығыз байланысты. Мұндай жұмыстар студенттердің ой-өрісін, тілін дамытады, эстетикалық талғамын арттырады. Студент өзінің үйренген ауызекі сөздерін сөйлеу тілінде қолдана білсе, оның ақыл – ойын дамытуға әсер етеді. Бұл жөнінде Л.Н.Толстой: «Балаға үйренген сөзін сөйлеу тілін өзінің ауызекі сөйлеуінде бір рет қолдана алса, ол өзінің жеке меншігіне айналады» – деген. Яғни, сөзді орынды қолданып, оның мағынасын жетік білетін студент өз бетімен сөйлем құрап, қолдана алатыны сөзсіз.

Мәтінмен жұмыс жүргізу барысында тапсырмаларды бірізділікпен және жүйелі түрде орындату арқылы студент жетістігіне қол жеткізуге болады.

Сөздік қорды дамытудың қайнар көзі - мәтіндер, жаттығулар, тапсырмалар. Сонымен қатар сөз маржаны ауыз әдебиет үлгілері мақал-мәтелдер, жұмбақтар, жаңылпаштар болып табылады. Студент оқыған мәтіннің мазмұнын дұрыс қабылдау үшін, сөздік жұмыстарының жүргізілуін мұқият қадағалау қажет, яғни мәтінде студентке түсініксіз бірде-бір сөз болмауы қажет. Мәтінде кездесетін түсініксіз сөздер мен ұғымдарды түсіндіру сатылы негізде жүзеге асырылуы тиіс: мәтінді оқуға дайындық кезеңінде; мәтінді оқу барысында; мәтінді оқып шыққаннан кейін.

Ал, өлең оқу барысында сөздік жұмысы өленді оқымас бұрын немесе оқып болғаннан кейін ғана жүргізіледі.

Нақтырақ тоқталсақ, мәтіннің мазмұнын түсіндіруге кедергі жасайтын сөздер дайындық кезінде түсіндіріледі. Сөз тіркестері синоним, антоним, көп мағыналы сөздерді түсіндіру мәтін оқылғаннан кейін, шығарманың мазмұнын талдау барысында жүргізіледі.

Сонымен оқытушы мәтінді оқуға дайындалу барысында, біріншіден мәтінді дұрыс қабылдауға қажетті сөздерді таңдайды, екіншіден оқу барысында мағынасы ұғындырылатын сөздерді, үшіншіден студенттердің сөздігіне енгізілетін сөздерді іріктеп алады.

Психологтардың айтуынша сөздікпен жұмыс жасау барысындағы ең басты талап – сөз бен оқырман санасындағы бейнені түрлі жолдармен үнемі ұштастырып отыру (себебі сөз бейнесі санадағы нақты елес жеткіліксіз болса, онда сабақтастық туа қоймайды) болып табылады.

Сөздердің мағынасын ашып түсіндіру алуан түрлі тәсілдері бар. Мәселен, затты табиғи жағдайда бақылау немесе көрсету, саяхат ұйымдастыру, заттың өзін немесе суретін көрсету арқылы сөздің мағынасын айқындау, синоним сөздерді қолдану: «қандай сөздермен ауыстыруға болар еді? Басқаша қалай айтар едік?» деген сияқты сұрақтар қою арқылы синоним табуға студенттердің өздерін қатыстыру. Кейде сөзді морфологиялық құрамына

қарай талдау арқылы түсіндірудің де пайдасы зор болмақ. Тіпті сөздерге анықтама беру арқылы да түсіндіруге болады.

Абстракциялы ұғымдарды түсіндіру үшін күнделікті тұрмыстан мысалдар, фактілер келтіріліп, әңгіме айтылады. Мәселен, дархандық, бір сөзділік, ерлік, қаһармандық, қайырымдылық және т.б. сөздерінің мағынасы осы тәсілмен түсіндіріледі. Сөздердің мағынасын түсіндіруге техникалық құралдарды, интерактивті тақтаны пайдаланудың да пайдасы зор.

Тіл дамытуда көркем шығармалар тілінің бейнелік құралдарын үйрету аса маңызды болып табылады.

Көркем мәтінде ауыспалы мағыналы бейнелі сөздер өте көп кездеседі. Оларды студенттерге таныту үшін мәтіннен бейнелі сөздерді табу қажет, бейнелі сөздердің, сөз тіркестерінің мән-мағынасын түсіндіру қажет, сұрақ қою арқылы сөзді бейнелеп, көз алдына елестету қажет, осы сөздерді өздері құрастырған әңгімелерінде пайдалануын қамтамасыз ету қажет, дауыс ырғағын келтіру, мәнерлеп оқу керек, теңеу, эпитеттер табуға жаттығулар жасау керек.

Қандай тіл болмасын оның лексикалық байлығы мен оралымдылығы синонимдер арқылы көрініс табады. Ал, қазақ тілі синоним сөздерге ең бай тілдің бірі болып табылады.

Мәтінмен жұмыс жасау барысындағы ең басты міндеттердің бірі – студенттердің үйренген сөздерінің белсенділігін арттыру. Ол үшін әр сабақ сайын жүйелі түрде арнайы тапсырмалар берілуі қажет. Мәселен, жаңа сөздерді қатыстырып сөз тіркестерін құрау, сөйлем құрау; мәтінге жақын мазмұнда әңгімелеу және т.б.

Студент жаңа танысқан сөздерін ауызекі сөйлеу тілінде қолдана білсе, ол оның ақыл-ойын дамытуға ықпал етеді. Сөзді орынды қолданып, оның мағынасын жетік білетін студент өз бетімен сөйлем құрап, оның мағынасын түсініп, сөйлеу тілінде шебер қолданатыны сөзсіз. Студентті өз ойын айта білумен бірге жаза білуге де дағдыландыру қажет. Грамматиканы, синтаксисті жақсы меңгерген студент сөз тіркесін дұрыс біліп, сөйлем құрастыра алады. Оқытушы сөз тіркесін және сөйлемді құрату арқылы оқушыны тілдік фактілерді орынды қолдана білуге, әсіресе синонимдік қатарларды, сөзді талғап, таңдап қолдануға үйретеді. Сонда ғана тіл үйренушінің жазған мазмұндамасы мен шығармасы талапқа сай болып, жазба тілі дамиды. Ауызша тіл кітап оқу, әңгімелеу арқылы көрінсе, жазбаша тілді дамыту мазмұндама, шығарма т.с. жазу жұмыстары арқылы жүзеге асырылады. Бұл жұмыстардың қайсысы болсын, сөз арқылы дәл ойлауға, үйретуге, студенттің шығармашылық қабілетін арттыруға, сөйлеудің мазмұны мен формасының бірлігін қамтамасыз етуге бағытталады. Ауызша және жазбаша (мазмұндама, шығарма) жұмыстарын дидактикалық ұстаным талаптарына сәйкес студенттің ойы мен тілін дамытуға мүмкіндік береді.

Қазіргі таңда қазақ тілінің қоғамдық қарым-қатынастың барлық саласында қолдану аясын барынша кеңейту міндеті қойылып отыр. Ана тілінде дұрыс сөйлеп, сауатты жаза білу кез-келген тұлғаның азаматтық парызы болып саналады. Халқымыздың тарихи асыл мұрасы тілді болашақ ұрпаққа жеткізу, олардың сана – сезімдерін, дүниетанымын кеңейтіп, ой дәлдігі мен сөз жүйелігіне, тіл тазалығына төсілдіру аса игі іс болып табылады. Мұндағы көзделген басты мақсат – студентті сөйлеу мәдениетіне үйретіп, шешен де шебер сөйлеу дағдыларын қалыптастыру. Сондықтан мәтінді талдауға байланысты жүргізілетін жұмыс түрлерін бір жақты ұйымдастырмай, студенттердің сөйлеу, пікір алысу дағдыларын ұштау болып табылады.

Мәтінмен жұмыс жасау тілді дамыту басты көрсеткіші. Ол дәйекті зерттеу мен мұқият зерделеуді қажет ететін психологиялық, педагогикалық, лингвистикалық мәселе болып табылады. Тіл дамыту студенттің дұрыс сөйлей білуіне көңіл бөлу, сөз байлығын арттыру, ойлауын дамыту т.б. жұмыстарды қамтиды. Студенттің ойлауын жетілдіріп, тілін байыту жолдарының бірі – мәтінмен жұмыс жүргізу.

Мәтінмен жұмыс онда кездесетін түсініксіз сөздер мен ұғымдарды түсіндіріп, анықтаумен ғана шектелмейді. Ол жаңа ұғымдар жасау, заттың жаңа қасиеттерін табу, жаңа

көріністерді байқау сияқты жұмыстармен тығыз байланысты. Мұндай жұмыстар студенттердің ойын, тілін дамытады, эстетикалық таным-талғамын арттырады.

Пайдаланған әдебиет:

1. Қ. Жарықбаев Психология. Алматы. «Білім», 1993ж.
2. Ш. Х. Құрманалина, Б.Ж. Мұқанова Педагогика. Астана «Фолиант», 2007ж.
3. Т.М. Артыкова Педагогические условия формирования учебной языковой среды при обучении государственному языку.-Алматы, 2003.-176 с.
4. Әбілқаев Ә., Құлмағамбетова Б. Қазақ тілін оқыту. Әдістемелік нұсқау,-Алматы,1984ж.
5. Әлімжанова Д., Маманов Ы. Қазақ тілін оқыту методикасы.- Алматы,1965ж№

УДК 821.111

Мекебаева Л.А., Нұртазина А.Ә.,
мемлекеттік тіл кафедрасының доценттері, ф.ғ.к. Әл-Фараби ат. ҚазҰУ

**ҚАЗАҚ ПОВЕСІНДЕГІ
ЗАМАН ШЫНДЫҒЫ МЕН СУРЕТКЕРЛІК ІЗДЕНІС**

Abstract

In this article examines the complicated inner world as well as the moral and spiritual quest of heroes in the novel «Fault of Kunikej» of Zh. Ajmauytov. Reveals the role of the author and its degree of personal expression in a work of art. Researcher by comparison reveals the necessary parameters and phenomena, which allow you to build a conceptual judgments about the skill and search of the writer. The author pays great attention to the study of human psychology and its behavior in a very contradictory life situations, issues of morality, moral beliefs, and ethics of human relationships. The complex inner world of the characters, as shown by the Zh. Ajmauytov, is developing in a positive direction. Prose of the beginning of XX century is directed to the analysis of the social, moral, philosophical problems of life and of man. The artistic solution of the moral-ethical problems in works of this period are lyrical character, develops deep layers of human existence, and has entered in all the variety of problems of the characters. In the article we used modern methods and ways of research of the art world. Analysis of contributing to deeper penetration into the world of the text, the secrets, the disclosure of skill and the features of the style of prose Zh. Ajmauytov.

Түйін сөздер: көркем проза, ауыл өмірі, стилистикалық шеберлік, еркіндік, қазақ қызының теңдігі, өмір шындығы, орта көлемді жанр.

В данной статье рассматривается сложный внутренний мир а также нравственно-духовные поиски героев в повести «Вина Куникей» Ж. Аймауытова. Раскрывается роль автора и степень его личностного выражения в художественном произведении. Исследователь путем текстологических сопоставлений выявляет необходимые параметры и явления, которые позволяют выстраивать концептуальные суждения о мастерстве и поисках писателя. Автор уделяет большое внимание исследованию психологии человека, его поведению в крайне противоречивых жизненных ситуациях, вопросам морали, нравственных убеждений и этике человеческих взаимоотношений. Сложный внутренний мир героев, как показывает Ж. Аймауытов, развивается в жизнеутверждающем направлении. Проза начала XX века устремлена к анализу социальных, нравственных, философских проблем бытия и человека. Художественные решения морально-этических проблем в произведениях данного периода носят лирический характер, осваивает глубокие пласты человеческого бытия, вторгается во все многообразие проблем героев. В статье использовались

современные методы и способы исследования художественного мира. Анализ способствующий более глубокому проникновению в мир текста, тайн, раскрытию мастерства и особенностей стиля прозы Ж. Аймауытова.

Қоғамдық жағдаяттар, кезең-заман шындықтары, адам мен оның өмірі, еңбегі, тұрмысы шағын, орта және үлкен көлемді жанрлар арқылы кеңінен көрініс тауып отырғанын аңғарамыз. Соның ішінде, әсіресе «ұзақ әңгіме» саналып келген орта көлемді жанрға жататын эпикалық түрдің бірі – повесте заман, өмір шындықтары бар қырынан, кең ауқымда, жан-жақты орын алады.

Прозаның бұл түрін кезінде сыншы В.Белинский: «Драма жазуға жеткіліксіз ететін, романның ауқымына да аздық ететін мағыналы оқиғалар бар. Аталған жанрлар үшін аздық еткенімен, қас-қағым сәтке кейде қыруар құбылысты шоғарландыратын ондай терең мағыналы өмір оқиғаларын повесть өзінің шағын шеңберіне сыйғызып суреттейді. Повесть өзінің ауқымына бәрін сыйғызады: бұл жанрда адамгершілік жайлы жеңіл-желпі очерк те, адам мен қоғамды сынап шенейтін сатира да, сондай-ақ адам жанын тұңғық тереңімен қымқиғаш қайшылығы туралы туынды жазуға да болады. Повесть қысқа да болса нұсқа, жеңіл де болса тұңғық мағына білдіретін жәйттер, өмірдің ұлы кітабынан жыртып алынған беттер, бөлшектер күйінде бейнеленеді», – деп өмір құбылысын суреттеуде бұл жанрдың мүмкіндігі мол екендігін атап көрсеткен болатын [1, 112 б.].

Кез-келген әдебиетте, соның ішінде ұлттық сөз өнерінде де жекелеген жанрлардың өзіндік қалыптасу, даму кезеңдері мен жолдары бар. Әдеби форманың бір түрі – повесть туралы да осыны айтар едік. Қоғам ахуалын. Өмір шындықтарын, адам мен оның еңбегін, кәсіп-тұрмысын суреттеуде – повесть жанрының ауқым-аясы да, әр алуан иірім, мүмкіндіктері де мол.

Повестің өн бойында қалың көптің көңілін, жанын жаулап алар этнографиялық суреттер мол. Табиғаттың мезгіл-өзгерістерді де өз сән-көркімен назар аудартады. Айталық, Қазан төңкерісіне дейінгі қазақ ауылдарындағы тұрмыс-салт, әдет-дағды, көш-керуеннің жарасымды сипаты, қыз-бозбалалардың қатысуымен өтетін сауық кештері, құда түсу сияқты рәсім-белгілер ерекше суреткерлік шыншылдықпен баяндалып, көркем өрнек табады. Қыр көріністері, ел суреттері, өмір оқиғалары мен уақыт сырлары да шындық сипаттарымен көңілді баурайды. Мысалы:

«Жалғыз-ақ Шықылдақ аулы болмаса, о кезде Шідерті бойын қыстаған ел де жоқ. Сәуірдің алашабыр бұлты арылмай-ақ Баянауыл, Қызылтаудағы қалың сүйіндік атандарын алқытып, бұйдасын көш құлаш созып, Бөкембай, Арқалық, Жаманадыр, Желдіадырдан асып, Шідертіге қарай ағыл-тегіл құлай бастайды.

Жонның қар суымен шығып, желкілдеп тұнып тұрған бидайық, шалғын жеймін деп жанталасып күліктен алдымен Ноқаң ауылы көшеді ...» [2, 12-13 бб.] дейтін көрініс суреттер жанды өмір фактілеріндей әсер қалдырады. Маңыздысы, қайсібір көрініс-суреттер болмасын оқырманға нанымды әсер қалдырады. Соның бір айғағы ретінде мына үзіндідегі Қыр өмірінің қоңыр тіршілігінің суретін айтуға болады:

«Қой-қозының беймаза ызыңы басылып, көгенде жалғыз-жарым лақтар ғана шығырдайтын мезгіл болды.

Күйлеген қызық құнажынның соңында «көптікі, көптікі» деп, өгідер өңкендейді. «Маған да, маған да» деп тайынша бұқалар томпаңдайды. Қаға берісте біреуі шылтың етіп артыла кеткенде, қу мүйіздің бірі жайқап қалса, домалаң ете түседі.

Үлкендер, еркектер тойған сиырдай тырайып дамыл алуға кіріскенде, қыздар қызыл құнажындай қылаңдап, сылаңдап, шоқтанып, топтанып, сылдырлап, былдырлап, Шідертіні өрлей Рақыш ауылына бет қойды...» [2, 36-37 бб.].

Біздіңше, мұның бәрінен кезең көріністері, заман шындығы, адам факторы танылумен бірге қаламгердің мол өмір тәжірибесі, ел суреттерін, ескі тұрмысты, халықтық дәстүрлерді жетік білетіні де айқын аңғарылады. Маңызды тұстар ретінде, көшпелі өмірдің көріністері, атамекеннің қадір-қасиеті, туған жердің киесі мен құдіреті, өмір-уақыттың шындық сырлары бар сипат, ерекшеліктерімен назар аудартатынын айтар едік.

Жазушы еңбегі мен шығармашылығынан халқымыздың өткен кезеңдері, өмір көріністері, уақыт сырлары терең танылады. «Күнікейдің жазығы» повесінде қарапайым қазақ ауылының өмірі, көріністері оңды сипаттарымен көңілге жылылық ұялатады. Ж.Аймауытұлының кез келген шығармалары өзінің өміршендігімен, шынайылығымен ерекшеленеді.

Повестегі характерлерді еске алғанда автор негізгі тұлға – Күнікейдің қараша үйде өсіп, бой түзегенмен, кедейлікті мін көрмейтінін келісті, көркем ашады. Бұдан кейінгі жерде Күнікей сынық әйнекті жаман үйде әрі жалғыз, әрі жайсыз өмір кешкені, желмен сырласып, қарлығашқа үн қосқаны белгілі болады.

Повесть табиғатына терең енетін болсақ, қазақ қоғамының ауыр ахуалы, адам өмірі мен тағдырының қайшылықты, кереғар тұстары бірден көзге түседі. Осындай қайшылықты қоғамның қиындықтары – Күнікей өміріне, айналасына да кері әсерін тигізеді.

Автор: «Адамзата не болды?» деген ауыр сұрақ, қатаң талап қою арқылы негізгі тұлғаның өткеніне, отбасына шегіністер жасап, көпшіліктің назарын аударады. «Күнікейдің көзінің төрт, көкірегі жанған өрт екенінің сырын іздейді. Адам құқықтары мен еркіндігінің аяқ асты етілуіне, әйел теңсіздігі қоғамды жайлаған дерт екеніне назар аудартады:

«Күнікей үш ауыз өлең айтты. «Балқадидиша», «Сұлу шаш», «Әлди бөпем» деген, үшеуі де теңіне қосыла алмаған әйелдің өлеңі еді.

«Ағалар, осындайда ойна да күл», –

деген үкілі Айша сияқтылардың жалғыз жарым салдаман өлеңдері болмаса, жалпы әйелдердің өлеңі, көбіне теңіне тие алмағанын, малға, шалға сатылғанын, қорлық көргенін, оң жақтағы дәуренін, тым болмаса бір жылша ұзатпай тұруын жырлаған, сұрланған, еріксіз, көріксіз өксіген өмірлерін суреттеген, мұң-зарлы, қайғы-шелі еді» [2, 39-40 бб.].

Жазушы Күнікейдің басының азат, махаббатының берік болуын шығарманың көркемдік нысанасы, маңызды, түйінді шешімі етеді. Туындыдағы әрбір кейіпкердің өзіндік бедері, орны бар. Повестің басты тұлғасы – Күнікей кім? Дейтін болсақ, кедей отбасында өмірге келген, әділетсіздік, теңсіздік жайлаған қоғамда – теңдік, еркіндікке ұмтылған жаңашыл, әрекетшіл жастардың жарқын бейнелерінің бірі екенін көреміз.

Анасының мейірім-ықыласына бөленген Күнікей әрі көрікті, әрі ақыл парасаты мол Күнікейдің толымды бейнесін жасау үшін жиі шегіністер жасап отырады:

«Не жазғанын бейбақтың мен айтайын, жігіттер, құлағыңды сала бер, көкейіңе ұнаса, мәнісіне қана бер", - деп бастап, Күнікейдің кім екендігін, оның арман-тілегін, отбасынан мағлұмат беріп кетеді [2, 348 б.].

Повесть оқиғасына бірнеше кейіпкер қатысады. Солардың бірі – Байман. Байман – ауылда күрес, көкпарға түсіп, жерден күміс алумен жастардың ойын-сауығында сегіз қырлы, бір сырлы өнер иесі ретінде танылады. Шығарманың бастапқы кезінде болмаса, Байман линиясы Күнікей бейнесімен бірге дамиды. Екі жастың түсіністігі, уәде байласуы, ара-тұра кездесіп, сыр-сезімдерін бөлісуі нанымды, жылы қабылданады. Бұл реттен алғанда Байман бейнесі сөзі мен ісінде бірлік, мінез қырларында ұстамдылық бар әрі өнерлі қасиеттерімен құнды.

Байман бойындағы елдік пен ерлікке толы сипаттар, өмірге, өнерге құштарлығы, достық, махаббат жолындағы іс-әрекеттері қалың көпті қуантады. Күнікейді де осы белгі, осы қасиеттері баурап алған еді.

Байман бейнесінің өмірден алынып, қалың көптің көкейінен шығуы, жазушының ұлттық ерекшеліктерімізді жақсы білетініне байланысты. Сондықтан да ол Байманды жақын-жуыққа сыйлы, ең негізгісі – Күнікей алдында адал, қыз-бозбалалар арасында беделді, мінезге бай етіп бейнелейді. Бүгінгі буынның Байманнан алар өнер мұраты, рухани олжасы осындай белгілерінде болса керек. Күнікей мен Байман – повестің басты тұлғалары болуымен еркіндік пен теңдікке ұмтылған, бас бостандығы мен мөлдір махаббат жолында игілікті де ізгілікті қасиеттерімен қалың көпті баураған, жақын-жуықты, дос-кұрбыны жарастығымен еліктіріп, ұнамды сипаттарымен тәнті еткен жалынды, жігерлі, бедерлі бейнелер ретінде есте қалады. Біздіңше, повестің басты жетістігі де, ұнамды тұлғалардың бедерлі сипат алуы да – Күнікей мен Байманның жастық пен достық сыпатынан сүйіспеншілікке құрылған ілтипатынан жіті танылады.

Шығармада Күнікейдің әкесі мен ағасы сирек суреттеледі. Керісінше, анасы Шекердің жас кезіндегі Күнікейге берген тәлім-тәрбиесі әжептәуір сөз болады. Мұнда қызын бай қызынан кем етпей, қатарынан қалдырмай, қолда бар жылтырағанды үстіне іліп өсірген, өзінің бай жалшысының жары екендігін естен шығаруға тырысқан, тіпті:

«... Баласы оннан асқан соң-ақ Шекер теңіне атастыруды ойлаған. Бірақ, әркімдер-ақ ауызға алса да, бірінің жетесін, бірінің қабын, бірінің мұрнын, бірінің кеңірдек сақалын жаратпай, Шекер аяғына отырғызбаған» [2, 9 б.]. Осылайша Күнікей бай балаларынан өзін төмен ұстамайтын, ойын-сауықтың ортасында еркін жүретін, ән де салып жұрт көзіне түсетін қыз болып бой түзейді. Ал, сол Күнікей қыз он төртке толғанда:

«Сөйлесе түбін түсіреді, оң қолынан өнері төгіледі, күлсе – аузынан нұр шашылады. Ән шырқаса- сүйегінді шымырлататын» бойжеткен болып өседі. Әрине, Шекер линиясы мұнымен бітпейді. Ол болашақ күйеу баласынан:

«Еркектің түрі не керек? Ақылды, өнерлі болса, асырап-сақтауға жараса, тұз-еңбегі жарасса, со-дағы» - деп ойлайды [2, 10 б.].

Ескі сенімге шексіз берілу – Күнікей сияқты жаңа ұрпақ бойына тән емес. Күнікей бойында әкесі сияқты көрінгенге бағынып, кез келген жағдайға икемделе кететін мінез де жоқ. Бұл тұрғыдан келгенде кейіпкер бірбет, өжет. Сондықтан да оның қиындыққа ұшырайтыны белгілі. Оның ауруға шалдығуы заңды. Өйткені ол ғасырлар бойы қалыптасқан дағдыға, ата-анаға қарсы шығады. Сондықтан да Күнікейдің ескі тұрмыс-салт қалыптастырған талабы бойынша сүймейтін кісіге тұрмысқа шығуға қарсылығы, оның рухани тазаруына жол ашады.

Повестің бұлай шешім табуы – жаңа заман жемісі, ақыл-парасат жеңісі деп түйген орынды. Осы орайда, әдебиет зерттеуші ғалым С.Қирабаевтың: «Күнікей осы ортадан таза, өзінің басын, адамдық арын қорғап Байманға қосылуы, онымен ұзатылған жерінен қашып кетуі – қазақ қызының өз теңдігін қорғаудағы үлкен жемісі» [3, 4-5 бб.] деген пікірін қуаттаған жөн.

Дегенмен, жазушы өмір шындығын шығармасына арқау етіп алғандықтан, мұндай бетбұрыстың трагедиямен аяқталуынан қашып құтыла алмайды. Біздіңше, жазушы Күнікей бейнесін қазақ әйелінің жиынтық үлгісінде көрсетеді. Сондықтан да оның тағдыр-талайын бейнелеу – кезең, уақыт шындығымен шектеліп қоймай, әйел-ананың – ұлт, отбасы ұйытқысы, адал жары тұрғысынан жан-жақты суреттеледі. Алайда, уақыт таңбасы айқын. Өмір-тағдыры ауыр, аянышты. Бірақ, жаңа күнге, жарқын болашаққа сенімді. Шығармадағы шындық, шуақ осында. Сондықтан да Ж.Аймауытұлы «Күнікейдің жазығын» жазу кезінде баяндаудың жаңа тәсілін қолданады. Повестің басында Күнікейдің қатты сырқат екенін, оған кішкентай қыз Айдарлымнан басқа қарайтын кісі жоғын көреміз. Оның Айдарлымның тамақ әкеп берген кездерінде:

«Сусының бар ма апатай?.. Қалайсың деген сөзіңнен!.. Сен болмасаң, қарағым!.. [2, 7 б.] – деген сөздерінен аңғарамыз. Аңғарып отырған Күнікей неге жалғыз, ата-ана, туыстары қайда деген сұраққа бірте-бірте барып жауап табамыз.

Повесті оқыған кісі жазушының өзімен әңгімелесіп отырғандай күйге енеді. Мұның бәріне Ж.Аймауытұлы өзінің стилистикалық шеберлігімен қол жеткізеді. Өйткені, қатардағы кісіге қарағанда жазушылықтың артықшылығы шындықты айтуға деген жауапкершілікті сезінуде. Ал оған қалам иесінің қай-қайсы да аясы кең түрлі бейне жасап, алуан бағыттағы идеяны қозғаумен ғана орындауы мүмкін. Көбіне-көп реалистік сипат екі негізде көрінеді емес пе. Оның біріншісі – «Қартқожа», «Ақбілек» романдарында ерекше сезілетін лирикалық ішкі әуеннің күшейуі болса, екіншісі бірте-бірте жақындап келе жатқан қасіретті аңғарту үшін қолданылатын түрлі тартыстың шырғалаңына киліккен кейіпкер басындағы драма дер едік. Мұны Күнікей мен оның құрбылары:

Тұйғыным-ай, дегенде тұйғыным-ай!
Болдым ғашық көзіңнің құйрығына-ай!
Мал бердім деп бір жаман алып кетсе,
Шара бар ма алланың бұйрығына-ай? [2, 40 б.],

– деп әдейі тағдырын түсіндіру үшін айтатын әннің өзінен де сезінуге болады. Осының бәрінің әсері повесть сюжетіндегі адам жан-дүниесінің арпалысына, оның ішкі қайшылықтарына, психологиялық дара болмысына, философиясына қоғамның ететін ықпалын көркем тұрғыдан ашуға жәрдемі тиеді. Сондықтан да қазақ әдебиетінің көрнекті ғалымдары Ж.Аймауытұлының «Күнікейдің жазығы» повесін жоғары бағалады (С.Қирабаев, Д.Ысқақұлы, Д.Әбілев).

Жалпы, повесть кейіпкерлері (Күнікей, Байман, Шекер т.б.) өмірден алынған өз орындарында тұрған әрі көркем шығарманың кең өрісті дамуына, оқиғалық жүйесіне елеулі әсер-ықпал еткен. Жазушы еңбегі мен шығармашылық ізденіс-мұраттарға да повесть кейіпкерлері, ондағы өмір оқиғалары уақыт тынысы мол септігін тигізген. Кейіпкер жүйесі мен олардың іс-әрекеттерін автор өзара бірлік, байланыста баяндап, оқиға өрімін, еңбек пен уақыт тынысына сай суреттейді. Бұл тұрғыдан алғанда, повестегі кейіпкерлер әлемі өмірден өрбіген, шындық сипаттарымен мәнді.

Тұтастай алып қарағанда, Ж.Аймауытұлы «Күнікейдің жазығы» повесі арқылы халқымыздың өткен өмір кезеңдерін, дала психологиясына тән әдет-дағды, дәстүр-өнегелерін, қазақ кедейінің тұрмыс-тірліктерін, Күнікей сынды қыздардың тағдырын шебер бейнелей білген.

Қорыта келгенде, Ж.Аймауытұлының ұлттық прозадағы туындылары көркемдік қасиетімен, жанр табиғаты мен талабына толық жауап беруімен бірге қазақ сөз өнерін, оның ішінде көркем проза үлгісін, ұлттық-әдеби дәстүрлерді әлемдік әдебиет биігіне көтеріп, руханият саласында өзіндік із-бедер қалдырғанын айрықша айтамыз.

Пайдаланған әдебиеттер:

- 1.Белинский В. Собрание сочинений В 3-х томах. Т.1. Москва: ГИХЛ, 1948. – с.112.
- 2.Жүсіпбек Аймауытов. Повесть пен әңгімелер, аудармалар // Бес томдық шығармалар жинағы. – Алматы: Ғылым, 1997. – Т.2. – 270 б.
- 3.Қирабаев С. Мағжан Жұмабаевтың, Ахмет Байтұрсыновтың және Жүсіпбек Аймауытовтың творчестволық мұрасы туралы // Социалистік Қазақстан. – 1988. – 28 желтоқсан.

УДК 821. 111

Рамазанова Ш.Ә., Иманқұлова С.М.
Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ доценттері
Алматы қ., Қазақстан
e-mail:shaigul69@mail.ru, isalta_69@mail.ru

ТАБИҒАТ ПЕН АҚЫННЫҢ ҮЙЛЕСІМДІЛІГІ

Abstract

Article is devoted to the relationship of personality wise man and nature. On the material of literary texts analyzed images of the nature. Although the perception of taste and every poet is different, has a total national poetry style and way of the image. In the poems of the nature of the Kazakh poets sung not only the motives of nostalgia, but also the social problems of the common people, the concept of national values.

Keywords: *Kazakh poetry, native land, the land of their ancestors, a steppe landscape, the relationship between man and nature.*

Резюме. *Статья посвящена проблемам взаимосвязи личности акына и природы. На материале художественных текстов анализируется изображение родной природы. Хотя восприятие и вкус каждого поэта разные, национальная поэзия имеет общую манеру и способ изображения. В стихотворениях казахских поэтов о природе воспеваются не только мотивы ностальгии, но и социальные проблемы простого народа, понятие о национальных ценностях.*

Ключевые слова: *казахская поэзия, родная земля, земля предков, степной пейзаж, взаимоотношения человека и природы.*

Аңдатпа. *Мақалада қазақ ақындарының туған табиғатты суреттеуі олардың шығармаларындағы үзінділер арқылы талданады. Әр ақынның түсінік-талғамы әртүрлі болғанымен, ұлттық поэзияның қалыптасқан жолы, жүйесі, жырлау мәнері арқылы бір арнаға тоғысатындығы айтылады. Қазақ ақындарының табиғат туралы жырларында аңсау мен сағыныш сарындары ғана емес, жұрттың жанына бойлап, жоғын жоқтау, ел-жұрт, ұлт туралы түсінік, тәрбие тұрғысында сөз етіледі.*

Түйінді сөздер: *қазақ поэзиясы, туған жер, атамекен, дала суреттері, табиғат пен адамның қарым-қатынасы.*

Әлем ақындарының арасында туған топырағын тілге тиек етпеген ақын аз, қазақ ақындарының барлығы дерлік туған жерін жырлап келеді. Әр ақынның түсінік -талғамы әртүрлі болғанымен, тоғысатын арнасы бір, себебі әрбір ұлттық поэзияның қалыптасқан жолы, жүйесі, жырлау мәнері болады. Жалпы атамекен дегеніміздің өзі де туған табиғаттан бастау алады. Немістер орманды, француздар бұлақты көп суреттейтіні өз алдына, олар жайында іргелі, ізденісті, жүйелі, зерделі зерттеулер жазған. Тұтас бір ұлттың табиғат туралы түсінік, талғамын жеке-дара қарастырудың қиыншылығы да әр қаламгердің қолтаңбасының даралығына байланысты. Қазақ поэзиясында ең көп жырлаған табиғат құбылыстары ретінде қыр, тау, дала суреттерін алар едік. Әріден айтсақ: «Қарағым-ай, қырға шығып, жолыңа қарадым-ай...» деген халық әніндегі әуен-ырғақ бүтін бір халық поэзиясының тиегі тектес. Қыр мен дала, тау суреттерін қазақтың кез-келген ақынының өлеңінен кездестіруге болар еді, әсіресе Сарыарқа ұғымы кеңінен қанат жайған. Біздің түсінігімізде Сарыарқа тек белгілі бір аймақ ғана емес, атамекен ажарын бейнелеудегі тұтас түсінік. Тауларды көп жырлауының себебі де асқақтыққа, биіктікке ұмтылуынан, жанының, жүрегінің жайсаңдығынан, мінез-құлқының өрлігінен деп түсіндірер едік. Мәдидің «Қарқаралысынан» бастап, Жәркеннің Жайыртауына дейінгі аралықта қаншама тау, өзен, көл суреттері бар. Әрі барлығы дерлік қазақ тарихы, қазақ тағдырымен тамырлас, өмірімен

өзектес «Қаратаудың басынан көш келеді» десек, көз алдымызға «ақтабан шұбырынды, алқа көл сұлама» елестейді. Қазығұртты айтқанда «Басында Қазығұрттың кеме қалған, ол әулие болмаса неге қалған» дейтін жыр жолдары тіліңізге оралады, Нұқ пайғамбардың кемесі көз алдыңызға келеді, Алтайды айтқанда, Жамал Омарова шырқап өткен «Өр Алтай, асқақ Алтай, асқар Алтай» әні ойыңызды бөліп, бойыңызды кернейді немесе анау халық әндеріндегі «Оралдың тауы биік, жері дала, ат міндім күрең-төбел, көзі қара» деп басталатын асқақ әуендер құлағыңыздың түбінде тұрып алады. Сәкен Сейфуллиннің «Кербез сұлу Көкшетауы» жаңадан жаратылғандай жасара түседі, Алатау, Ұлытау, Қаратауларды былай қойғанда төбелердің өзі тұтас бір кітапқа сұранып тұр, яғни олай болса Марфуға Айтхожаның Талқы таулары сияқты, Жәркен Бөдештің Жайыртауды жырлауы да тегіннен тегін емес, атамекені, ата-бабасы ат шалдырған жері ғана емес, оның аржағында ел-жұрт, ұлт туралы түсінік, тәрбие тұр. Балалықтың бесігінде тербелмеген, балалық шағына ауық-ауық барып тұрмаған, тілдесіп тұрмаған адам ақын бола алмайды, ақын біткеннің ақсуаты – бейкүнә балалық, бейкүнә балалығымен біржола қоштасқан ақыннан тұмадай тұнық жырлар туады деп айту да қиын. Жәркен Бөдештің атамекен тақырыбындағы жырлары тек аңсау мен сағыныш сарындары ғана емес, жұрттың жанына бойлап, ұлттың жоғын жоқтау табиғат пен адамның бірлігін сақтап қана қоймай қорғау, қолдау көрсету.

Ақын табиғат пен адам достығының бұзылғанын атап айтқанда, пенделік, қатыгездіктің бір көрінісін былай суреттейді:

Түн.

Орман.

Бір көгілдір қарағайды,

Екі адам алма-кезек аралайды.

Ара үні ырылдасқан төбеттердей,

Тырмалап жүрегімді жаралайды [1, 199 б.].

«Ақын өзінің аса терең таным-түйсігі арқылы адам мен табиғат арасындағы байланыстарды біртұтас күйінде көрсетіп қана қоймайды, жазмыштың жамылғысын сыпырып алып, тіршілік иесінің ажарын айшықтай алады» [2, 13 б.].

Түн. Орман. Бір қарағай. Екі адам. Адам емес-ау, ажал. «Бір көгілдір қарағайды, екі адам алма-кезек аралап жатыр». Ажал мен тіршілік иесінің текетіресін көріп тұрған ақын жүрегіне сызат түседі. «Ара үнін – ырылдасқан төбеттерге» теңеуінде мән бар. Ырылдасқан төбеттеріңіздің өзі көгілдір қарағайды аралап жатқан екі адам ғой. Ақын табиғат пен адам арасындағы қарым-қатынастарды қимыл-қозғалыс үстінде бейнелейді, құбылыс қасіретін сезіне, сездіре біледі, сезінбесе «тырмалап жүрегімді жаралайды» деп айтпас еді. Көгілдір қарағайды ғана емес, ақын жүрегін алма-кезек аралап жатқандай. Төлеген Айбергенов: «ақын боп ғұмыр кешу оңай деймісің, қарағым, аузында болу бұл өзі сыздаған барлық жараның» деп айтқандай, Жәркен жырлары туған табиғатпен біте қайнасып қана қоймай, «көгілдір қарағай» болып қамыға да, «балдырлы көлдің бақасы болып», сәбидей еңбектей де алады.

Балдырлы көлдің бақасы

Еңбектеп сәби баладай [1, 251 б.],

Балдырлы көлдің бақасын бәрімізде күнбе-күн көріп жүрміз, бірақ оның «сәбидей еңбектегенін» кім аңғарыпты? Ақын табиғат құбылыстарын суреттеп қана қоймай, сүйсіндіреді, еңбектеп келе жатқан сәбиге сүйсінбейтін жан бар ма? Табиғаттың жаз мезгілін жеткізу үшін де, «бақаны еңбектетеді», сәбидей сүп-сүйкімді болып еңбектеп келе жатқан жаратылысқа қалайша сүйсінбессіз? Мәңгі сәби күйінде қалатын еңбектеген бақа бейнесі арқылы, табиғаттың да жастық шағы – жаз бейнесін көз алдымызға көшіріп әкеледі.

Жәркен Бөдеш жырларында көктем көріністері, сәуір суреттері, күз көрмелері, жаз жаймалары көптеп кездеседі, әрі барлығы бірдей қимыл-қозғалыста, үйлесімді үн шығарады.

Үйір-үйір киіктер қыр төсінде топырлата шауып барады, топ-топ тырналар тас төбемізден ұшып бара жатады, айдындағы аққулар бір сәт тұмсықтарын қанатының астына тығып тілсіз тынып қалғандай көрінеді, көгілдір орман көк мұхит ішінде жүргендейсіз.

Ол табиғат құбылыстарын сырттай қызықтаушы ғана емес, ұлықтаушы, тамсанушы ғана емес, жар салушы, әйтпесе «ара үні ырылдасқан төбеттердей» деп жаза алмас еді, жар салып қана қоймай, жанын салып қорғаушы. Әлбетте, қазақ поэзиясы табиғат туралы жырларға кенде емес, табиғатты қызықтау, құмарту турасындағы өлеңдерге де бай. Жырларындағы табиғат тақырыбының кемшін түсіп жатқан жақтарын да осы төңіректен іздеуіміз керек. Ақын көрген-білгенін көгендеп әкеліп көз алдымызға әкеледі.

Қара шұбар жыландай жел ағашты арбайды,
Ағаш желді қарғайды [1, 255 б.].

Күзгі қара суық, қара суықтың сүйінші сұраушы шабарманы – қара жел. Ақын қара желді «қара шұбар жыланға» теңепті, тосын теңеу, қара шұбар жыландай қара желге қарғыс айтасыз. Жاپырағынан жұрдай болған алып ағашты аяйсыз. Оның жырларындағы күз суреттері солғын әрі соншалықты ызғарлы. Жәркен Бөдешұлы Абай салған дәстүрді ғана емес, замандастары Қ. Мырзалиев, Ж. Нәжімеденов, М. Мақатаев, Қ. Аманжолов сынды ақындардың да үн-өрнектерін жаңғырта, жаңарта жырлайды. Кезінде орыстың ақыны Александр Блоктың: «Мен Онегинді толық және түпкілікті жаттап алуым керек» [3, 178 б.] деген сөзі бар, яғни орыс халқы үшін Пушкиннің «Евгений Онегині» – мәртебелі мектеп, зейін мен зерде, тәлім мен тәрбие мектебі. Абай біздің бітірмеген мектебіміз. Ақын табиғатты жырлауда, одан өзіне тән бояу тапқан, дүниені жанды қозғалыстағы қалпында көре білген, ойлы образдар жасай білген. Табиғат құбылыстарын жырлау тың тақырып емес. Тосын құбылыс та емес. Әр ақынның қалай көріп, сезініп, қандай дәрежеде оқырманына жеткізе білуінде.

Ж. Бөдеш болса, жансыз дүниенің өзіне жан бітіріп, қозғалыста суреттейді. Ақынның анасы – табиғат. Табиғаттың жезтаңдай, күміскөмей жыршысы – Ақын. Жаратушы Алла тағала екеуін әу баста бірегей жаратқан. Солай болып мәңгілік қала бермек. Оларды бір-бірінен ажырату пенделердің қолынан келмейді.

Әуеніне қыр құштар,
Маған тартқан бір құс бар.
Өзі момын, түсі боз,
Ауырлығы бір мысқал [1, 8 б.].

Бұл – бозторғай боз ала таңнан тұрып алып, боз даланың жоғын жоқтайтын бозторғай мен ақын арасында қандай байланыс бар. Әрине екеуі де кең даланың жырын жырлайды, сөзін сөйлейді. Бозторғайдың шырылдаған үнін естігенде ақын шекараның аржағындағы аяулы адамдарын есіне алады, есіне ғана алып қоймайды, есіркейді.

Жел,
Жел,
Жүйрік қой жел дегенің,
Желге жасыл жусан боп тербелемін.
Сонау Жоңғар құмынан Сарыарқаға –
Желге мініп желпініп келген едім» [1, 54 б.].

Осы жыр жолдарындағы Бозторғай мен Ақынды немесе Ақын мен желді бір-бірінен ажырату мүмкін бе? Жоқ. Керісінше, өзіңіз де қас-қағым сәтте бозторғай мен желге айналып кетуіңіз мүмкін.

Жалпы табиғаттың сұлу да көркем келбетін суреткердің де дәл өзіндей оқырманға жеткізуі екіталай, бұл жерде үлкен ақындық шеберлік пен эстетикалық талғам қажет.

Тіршіліктегі әр құбылыс, әр сәттің ақын қиялына қанат бітіріп, санасына санқилы ой салып, жанына түрліше әсер етері сөзсіз.

Жәркен жырларында көбірек көрінетін арлан, қаншық бейнелері баяғы көк түріктер заманынан бері қарай көшіп келе жатқан сұрғылт сарын емес, керісінше көк бөрі бейнесін жасауда бүгінгі заманның белгілері барынша бой көрсетеді. Сонымен қатар ақын жырларында көбірек көрінетін қайың, қарағай ағаштары да қайсарлықтың, сұлулықтың нышаны болса керек. Әрине поэзияда ақ қайың, қарағай, шырша, үйеңкі ағаштарының өзіндік орны бар. Орыс поэзиясында ақ қайың әйел, ел бейнесінде берілсе, қазақ поэзиясында сұлу қыз кейпінде көрінеді. Қай кезде де табиғаттың тамыршысы – ақын. Ол тек табиғаттан өзіне таяныш тауып қана қоймай, өзіне тән екпін, ырғақ іздейді, үйлесім, үндестік үніне бөленеді. Бір кездері ұмытылған табиғат туындылары жаңа ақындардың жырларында соны сипат алып, өзгеше өрнек табады. Қазақ поэзиясында ең көп жырланған жануар жылқы болып саналады, орыс поэзиясында Лермонтов, Блок, Хлебников, Есенин, Рубцов, Державин, Васильевтер бұл тақырыпқа әлденеше рет оралып, әрін ашқан. Ал қазақ поэзиясы түп-тамырын жылқыдан, арғымақтардан алып жатқандай сезіледі. Қазақ ертегісі ме, эпосы ма, дастаны ма, қазіргі қазақ поэзиясы ма – бәрі ат үстінде жүреді, ат байлап жатады, ат айдап келе жатады. Ілиястың «Құлагеріне» дейін де талай мұрагерлер болғаны мәлім. Қамбардың Қара қасқа аты, Қобыландының Тайбурылы, Алпамыстың Байшұбары, Ақанның Құлагері болып жалғасып кете береді, көш, керуен; тұлпарлар қазанаттар көші, ақыр соңында Кенежиренін жетелеп Жұматай Жақыпбаев келе жатады [4, 14 б.].

Орыс, қазақ поэзиясында көбірек жырланған құстар – бозторғай мен қарлығаш, бұл Жәркен ақынның жырларына да арқау болыпты.

Алды-артымды кес-кестеп,

Қанатымен берді леп.

Кеш күнәмді, кеш-кеш деп,

Мен барамын елжіреп [1, 210 б.].

Қарлығаштың ұясы мен киесі туралы өлең-жырлар қазақ поэзиясында бұрыннан да бар, дегенмен қарлығаштың ұясына «тас лақтырғандар» болған емес, әлбетте лирикалық кейіпкердің өз кінәсін өзі мойындап ағынан жарылуы – алғаш рет болса керек, бір сенімдісі қарлығаштың киелі құс екенін, ұясын бұзуға болмайтынын ата-бабаларымыздың айтып отыратыны ақиқат та, «ұя көрдім бір талдан» деген сөзіне сену қиын. Себебі қарлығаш ұясын талға салмайды, құтты қонысқа, үйге, қора-қопсыға салады. Қыстау қарлығаштары болса жарқабақтарға ұя салады, яғни ін қылып қазып салады, олай болса «ұя көрдім бір талдан» деуі автордың шығармашылық қиялы болса, бірақ кез-келген қиялдың күнделікті өмірге қатыссыз болмайтынын ескеру қажет. Онан кейін ұяға тас лақтырып тұрған пақырдың аяқ астынан «елжірей» қалуы да күмәнді, күдік ұялатады.

Жалпы алғанда, Жәркен жырларында аң, құстар, жан-жануарлар дүниесі аз жырланбайды, аңғарып, аңдап айтатын, тап басып, туралап айтатын тұстары да жеткілікті. Қазақ поэзиясында қыздардың қасын қарлығаштың қанатына теңеу кеңірек орын алған. Зейнолла Қабдоловтың «Жайық қызы» өлеңіндегі «қасы бар қанатындай қарлығаштың» немесе Ахмет Жұбановтың «Қарлығаш» әніндегі «құралай көз қиғаш қас» арасында үйлесім ғана емес үндестік бары байқалады. Сонымен бірге ақынның «алды-артымды кес-кестеп, қанатымен берді леп» деген жолдарында да жасандылық байқалады, себебі «кес-кестеу» етістігінің өзі жолды кес-кестеу» деген қилы ұғымға ие болғанымен, артымды «кес-кестеді» деген сөз қазақ ұғымында қарама-қайшылық туғызады.

Тұтастай алғанда Жәркен жырлаған жануарлар дүниесі, аңдар әлемі адам баласымен етене жақын екенін де ескеруіміз керек, мінез-құлық, қимыл қозғалысын кәдуілгі қалпында көшіре салмай, көңіл көрігінен өткізе біледі.

Қарлығашты орыс ақындары Мандельштам, Фет, Майков жырына қосса, бозторғай бейнесі Л.Толстой шығармаларында орын алған. Қазақ поэзиясында бозторғай да, қарлығаш та ең көп жырланған құстар. Тіпті М. Мақатаев жекелеген жинақтарының атын да «Қарлығашым, келдің бе?» «Аққулар ұйықтағанда» деп атағаны белгілі. Әріден айтқанда батырлар, ғашықтық жырлары бозторғайсыз оянбайды, ертегілер елінде де ұшып-қонып жүрген бозторғай.

Бозторғай шырылдайсың жерге түспей,

Мен жүрмін таңертеңнен тамақ ішпей [1, 109 б.], –

деген Кенен Әзірбаевтің 13 жасында шығарған өлеңінде қазақ өмірінің көркем суреті бар. Бозторғай да, лирикалық кейіпкер де мұңдас, сырлас, тіпті психологиялық параллелизм суреті бұл. Табиғат пен адамның астасуы ғана емес, ащы дауысы, екеуінің де үні үрейлі үн... Қазақ поэзиясында бозторғай туралы көп толғанған ақындардың бірі – Есенбай Дүйсенбаев, өзін бозторғайға теңегені өз алдына, ақын «Бозала таң мен бозторғай» деп тұңғыш жинағын атағаны кейіннен таңдамалы өлеңдеріне де «Таң торғайы» деп ат қойғаны белгілі.

Мен де бір бозторғаймын бау сырлайтын,

Естіртіп болған жоқпын даусымды айқын, –

немесе

Бозбала өмір гимні –

Бозала таң мен бозторғай.

Бозторғай қазақ поэзиясында таң хабаршысы ғана емес, тіршілік атаулының сақшысы сықылды. Бөдешұлы жырларында да өзін бозторғайға теңеу кездесіп отырады. Ақын жырларында аю, қасқыр, түлкі, қарсақ, қоян сықылды аңдар түрлі сипатта суреттеледі. Орыс поэзиясына үлкен жаңалық енгізген Велимир Хлебниковтің атақты «Аңдар» атты өлеңінде жиырма бес түрлі аң мен құс кездеседі. Егер мысал өлеңдерде аң мен құс адам бейнесін көрсетсе, Хлебников қазіргі өркениет пен аң, құс арасындағы білінбейтін байланысты беруге ұмтылыс жасайды. Маяковский болса, капитализмді малға теңеген, яғни өгіз бен сиырға теңей келіп, парламентті сол сиыр мен өгіздің тіліне ұқсатады.

Сиыр сыйды қашырып тұр талтақтап,

Тіл – парламент жаланады жалтақтап, –

деген жолдарда [5, 112 б.]. Қоғамды малға, оның ішінде сиырға, не өгізге теңеу арқылы заман зарын ашып қана қоймай, адам жанын, билік бетін көрсеткісі келеді. Бір жағынан қазақтың «сиырдың сүті – тілінде» деген мақалымен мақамдас болғанымен, мағынасы мүлде тың, тосын. Жәркен Бөдештің:

Мұхаммед пайғамбар мінген түйені

Жалғыз өркешті киені –

Жаным сүйеді [1, 221 б.],

деген жолдарында түйеге табыну ғана емес, пайғамбарды сағыну сарыны да бар. Пайғамбар да жалғыз, түйенің өркеші де жалғыз, өйткені пайғамбар – өркениет өркеші, мұсылман өркениетінің өмірін сақтап қалушы, екінші жағынан түйе туралы жыр – ұлттық дәстүр ділі. Орыс ақындарында өгіз, сиыр, қой, бие, айғыр, ат туралы жырларды көптеп кездестіргенімен, түйе туралы жырды емге де таба алмайсың. Түйе туралы жазып жүргендердің ішінде С. Елубай, Е. Раушанов, Ө. Нұрғалиев, С. Нұржановтар бар. Әсіресе аруана туралы С. Санбаев пен С. Нұржанов шығармаларында нағыз шындық суреттері молынан кездеседі.

Әлбетте жан-жануарларға ден қойып, оны адамнан да жоғары қою шетелдерде қатардағы қағидаға айналған. Франция мен Испанияның палеолит дәуіріндегі ескерткіштердің сексен пайызын мал мен аң құраса, төрт-ақ пайызында адамдар бейнеленіпті. Қазақ поэзиясында аң, құс, жан-жануарлар дүниесінің бейнеленуі турасында

күні бүгінге дейін бірде-бір ғылыми еңбек жоқтың қасы. Табиғат лирикасын түпкілікті түрде зерттеген бірде-бір автор жоқ.

XVIII-XX ғасырлардағы орыс поэзиясында жан-жануарлар дүниесінің суреттелуін зерттеушілер алғашқы орынды жылқыға берсе, кейінгі орындарда ит, жылан, сонан соң барып, қасқыр мен мысықтар тұрады екен, ал қазақ поэзиясында жылан, мысық, иттер ең соңғы орындарды иеленбесіне кім кепілдік береді? Әр ұлттың тыныс-тіршілігіне, қоршаған ортасына, күн көріс кәсібіне сай образдар жүйесі болатыны да белгілі, сонымен қатар әрбір ақынның да әлсін-әлсін, ауық-ауық оралып отыратын образдары болады. Ақын:

Содан ба маған біткен қасқыр – сана
Айнымас басын тау мен тасқа ұрса да,
Еңсемді түсірмейді қасқыр рух
Көзіме мөлт-мөлт етіп жас тұрса да [6, 18 б.], –

деп бекер жырламаған. Ақын жырларында көбірек кездесетін көк бөрі мен қасқыр, түптеп келгенде бір бейне – Көк түріктер тағлымы. Жәркен жырларының жұлыны да – осы көк бөріден берілген қасиеттерден құралған, яғни жұлыны – жігер, намыс пен қисындыққа қайралған жігер «қасқыр рух» пен «қасқыр сана» күні-түні жортып, шыңдалған жігер.

Пайдаланған әдебиет:

1. Бөдешұлы Ж. Емендер түнде бүрлейді. – Алматы: Ана тілі, 2002. – 303 б.
2. Ахматова А. Тайны ремесла. – М.: Советская Россия, 1986. – 144 с.
3. Блок А. и Андрей Белый. Диалог поэтов. – М.: Высшая школа, 1990. – 687 с.
4. Жақыпбаев Ж. Саратан. – Алматы: Жалын, 1979. – 50 б.
5. Эпштейн М.Н. Природа, мир, тайных серенной. – М.: Высшая школа, 1990. – 303 б.
5. Бөдешұлы Ж. Бөрінің асығы. – Алматы: Жазушы, 2004. – 206 б.

УДК. 811.512.122'373

Б. Рысбай
Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ,
Мемлекеттік тіл кафедрасының доценті, ф.ғ.к.

ГРАММАТИКАНЫҢ ТЕОРИЯЛЫҚ МӘСЕЛЕЛЕРІ

Abstract

The problem of the transition of some linguistic phenomena in other parts of speech as an example, the different points of view of researchers of the phenomenon of such phenomena in language. The author touches upon the fact that in the process of historical development of the language defined by the lexical-grammatical group can be realized in a new, additional to the basic function, and examines the "transitional" sinkretnye words generated some difficulties in learning the specifics of which has its impact of certain laws mutual transfer and transition period of one part of speech to another. In addition, attention to syntactic function, which occupies a special place in the development and formation of lexical and grammatical categories. Transient analysis in language confirms that - is the fruit not only the current state of the language, but events that occurred in previous periods of language development.

Keywords: part of speech, language phenomena, transition, transition, transition process, the intermediate words.

В статье рассматривается проблема перехода одних частей речи в другие, описываются различные точки зрения ученых относительно феномена таких явлений в языке. Автор затрагивает вопрос о том, что в процессе исторического развития языка определенная

лексико-грамматическая группа может быть реализована в новой, дополнительной по отношению к основной, функции, а также рассматривает «переходные» синкретичные слова, порождающие определенные сложности в изучении специфики, что оказывает свое влияние на определение закономерностей взаимоперехода и периода перехода одних частей речи в другие. Кроме того, уделяется внимание синтаксической функции, занимающей особое место в развитии и формировании лексико-грамматической категории. Анализ переходных процессов в языке подтверждает, что – это плод не только современного состояния языка, но и явления, которые имели место и в предшествующие периоды развития языка.

Ключевые слова: переход, переходность, процесс переходности, часть речи, языковые явления, промежуточные слова.

Қоғамның өркендеуімен бірге тіл де дамып, жетіліп отратыны белгілі. Тілдің даму барысында ауыспалық құбылыстың алатын орны ерекше. Ауысулар – әр түрлі тілдік деңгейлердегі түрлі үдерістердің нәтижесінде болатын құбылыс. Тілдегі мұндай құбылыс ана тілімізден гөрі орыс тіл білімінде біршама қарастырылып, зерттеушілердің назарына жиі ілікті. Аталған мәселенің тілдік табиғатын тануда қомақты еңбек жазып, оған ғылыми сипаттама берген ғалым В.В.Бабайцеваның «Явления переходности в грамматике русского языка» атты еңбегі көптеген зерттеу жұмыстарына негіз болды. Ғалым: «Переход – диахронный (эволюционный) процесс преобразования одних речевых явлений в другие, а также отражение синхронных связей между явлениями, наличие соединительных звеньев между оппозиционно противопоставленными явлениями. *Переходность* – такое свойство языка, которое *скрепляет* языковые факты в целостную систему, отражая синхронные связи и взаимодействие между ними и обуславливая возможность диахронных преобразований» /1,15/ деп қарастырады. Яғни, ауыспалылық тілге тән заңдылық. Тілдің біртұтас жүйелі құбылыс ретінде жұмсалудың оның элементтерінің бір-біріне ауысып, бірін-бірі толықтырып отыруынан көруге болады.

Тілдегі ауысу үдерісі тілдің барлық деңгейлерінде болады. В.Н.Мигирин «Очерки по теории процессов переходности в русском языке» деген еңбегінде тілдік деңгейлерде болатын ауыспалық үдерістердің негізгі мәселелерін көрсетіп, оларға тән белгілер мен трансформация түрлерін анықтайды. Ғалым сөйлем мүшелері деңгейіндегі ауыспалық үдеріс, сөз таптары деңгейіндегі ауыспалық үдеріс, синтаксистік құрылымдар деңгейіндегі ауыспалық үдеріс және әртүрлі тілдік деңгейлердегі ауыспалық үдерістердің өзара байланысы деп, әрқайсысына жеке-жеке тоқталып, жан-жақты қарастырады /2/.

Қандай да бір тілдік құбылыстың екінші бір тілдік құбылысқа ауысуы – ұзақ уақыт аралығында болатын тарихи процесс. Тілдік құбылыстардың жаңа, екінші қызметінде жиі әрі тұрақты қолданылуының нәтижесінде олар сол категорияның ерекшеліктерін қабылдап, ауысады. Мәселен, морфология саласындағы ауысуларға синтаксистің ықпалы зор. Сөз таптарының лексика-грамматикалық категория болып қалыптасып, дамуында синтаксистік функциясының алатын орны ерекше. Синтаксистік функция сөз таптарының дифференциалды белгісі ғана емес, сонымен қатар сөз таптарының бір-біріне ауысуына қолайлы жағдай жасайды. Бұл жайында В.В.Бабайцева: «Переход слова (или группы слов) из одной части речи в другую происходит при функционировании слова в речи. Обладая дифференциальными признаками в языке, в речи слово может изменить их под влиянием синтаксической функции» /1,36/, - дейді. Мысалы, сөйлемде есім сөздердің етістіктің алдында жиі қолданылып, пысықтауыштың қызметінде тұрақты жұмсалуды байқалады. Есім сөздердің пысықтауыштық қызметте тұрақты жұмсалуды, олардың үстеулердің қасиетін игеруге әкеледі. Олар әуелі синтаксистік тұрғыдан игеріле отырып, өзі енген сөз табының тілдік ерекшеліктерін бірте-бірте қабылдап барып, біржола ауысады. Бұдан сөз таптарының өзара ауысулары, алдымен синтаксистік игерілуден басталатындығы аңғарылады.

Тілдегі әр сөз табының өзіндік қалыптасу, даму жүйесі бар. Тарихи тұрғыдан алып қарасақ, әрбір сөз табының (атаушы сөздердің) белгілі бір сөйлем мүшесін атқаратыны белгілі. Мысалы, зат есім бастауыш пен толықтауыштың; етістік баяндауыштың; сын есім мен сан есім анықтауыштың; үстеу пысықтауыштың функциясын орындаған. Сөз таптарының осы сөйлем мүшелерінің қызметінде жұмсалуды олардың негізгі синтаксистік қызметі болып табылады. Кейде сөз таптары сөйлемде үнемі негізгі қызметінде қолданыла бермей, екінші синтаксистік қызметте де жұмсалуды мүмкін. Мысалы, сан есімдер есімдіктердің қатарына ауысуы (прономиналдануы) негізінде бастауыштың қызметін атқаратын болған. Мысалы, Қыз болымсыз ғана қымсынып, төмен қарап, ақырын: «*Bipey* келіп қалды!» дегеннен басқа еш нәрсе айтқан жоқ (М.Әуезов). Осы сөйлемдегі ерекшеленген *bipey* сөзі қанша? деген сұраққа емес, кім? деген сұраққа жауап беріп, бастауыштық қатынаста жұмсалған. Бұдан сан есімнің белгісіз есімдікке ауысуының байқауға болады. Бірақ, сөздердің бір сөз табынан екінші сөз табына ауысуы бірден орындалатын құбылыс емес, ол күрделі де ұзақ уақыт аралығында болатын процесс. Сонда сөздердің екінші бір лексика-грамматикалық топқа ауысуына дейінгі аралықта олар қандай өзгерістерге түседі, қандай тілдік құбылыстарды басынан өткізеді деген орынды сұрақ туады. Ғалымдардың ешқайсысы сөздердің бір сөз табынан екінші сөз табына ауысуын жоққа шығармағынымен, біраз ғалымдар тілдегі ауысулар туралы сөз болғанда, оның бастапқы қалпы мен соңғы нәтижесін ғана көреді де, олардың арасында болатын үдерістер мен өзгерістерді назардан тыс қалдырады. Сөздердің негізгі емес, екінші синтаксистік қызметте тұрақты қолданылуы мен сол ауысқан сөз табының бірлігі ретінде танылуына дейінгі аралықта олар тілдік заңдылықтардың сұрыптауынан өтіп, белгілі кезеңдерді басынан өткізеді. Қазақ тіл білімінде сөз таптарының өзара ауысуларын жан-жақты қарастырған ғалым Ж.Сарбалаев: «сөздердің бір категориядан басқа бір категорияға ауысуы уақыт жағынан өте ұзаққа созылатын процесс. Оны екі кезеңге бөліп қарауға болады: а) сөздердің бір категориядан екінші бір категорияға ауысуының бастапқы кезеңі; ә) сөздердің бір категориядан басқа бір категорияға ауысуының соңғы кезеңі. Осылайша қос кезеңге бөліп қарастыруымыздың себебі, о баста синтаксистік қолданыстан басталатын бұл процесте сөздер бір сөз табынан екінші сөз табына бірден біржолата түпкілікті ауысып кетпейді. Олар әуелі екі сөз табының арасындағы «аралық» немесе «дүбара» категорияда өмір сүреді де, екі түрлі лексика-грамматикалық сипат ұстайды. Олардың бойында әрі өздерінің бастапқы категориясының мәні мен қызметі сақталады, әрі өздері енген сөз табының категориалды мәні мен грамматикалық ерекшеліктері болады» /3,98/, дейді. Ғалым мұндай «аралық» я болмаса «дүбара» деп аталатын категориядағы сөздердің тұрақты қолданылудың нәтижесінде бірте-бірте басқа категорияның құрамына ауысатындығын айтады.

Тілде, негізінен қиындық тудырып жүргендер осы «аралық» топтағы сөздер. Себебі, олар бір сөз табынан басқа сөз табына әлі де болса толық ауысып болмаған. Олардың бойында алғашқы сөз табының да, кейінгі ауыса бастаған сөз табының да қасиеттері бірдей кездесіп, нақты белгілері бейтараптанады. Бейтараптанудың негізінде нақты белгілері ерекшеленбеген осындай «аралық» топтағы сөздер синкретті сөздер деп те аталады. Синкретті сөздер типтік сөз таптарына қарағанда тілдік семантикасы бай, синтаксистік қызметі алуан түрлі болып келеді. Мысалы, білімді *мыңды* жығар, білекті *бірді* жығар (мақал). Мұндағы келтірілген мысалдағы ерекшеленген сөздерге назар аударсақ, олар өздерінің негізгі қызметінде емес, екінші жаңа синтаксистік қызметінде (толықтауыштық қатынаста) жұмсалған.

Сонымен, сөз таптарының бір-біріне ауысуы бірден бола салмайды екен. Сөздер бір сөз табының құрамынан біртіндеп шығып, аралық аймақта синкретті мағынаға ие болып, одан екінші сөз табының құрамына қарай бірте-бірте ауыса бастайды. Синкретті сөздер

аралықтағы «аралық», «байланыстырушы», «ауыспалы» тілдік бірліктер болғандықтан, олар бастапқы сөз табына да, кейінгі ауысып жатқан сөз табына да қатысы бар, қыр-сыры мол, күрделі тілдік құбылыс болып табылады. Олар өзінің бастапқы категориялық мағыналарынан мүлдем қол үзіп кетпей, белгілі дәрежеде сақтайды, сонымен қатар негізгі емес екінші қызметте жұмсала отырып, жаңа семантикалық белгілерді де игереді. Уақыт өте келе олардың бастапқы белгілері не солғындауы мүмкін, не толық жойылуы мүмкін. Алғашқы жағдайда синкретизм құбылысы сақталса, кейінгі жағдайда синкретизм болудан қалып, толығымен екінші сөз табының құрамына біржолата өтеді. Тіліміздегі мұндай тілдік құбылыс туралы ғалым Т.Жукеев: «Сөз таптарының синкретизмі - сөз таптарының ауысу процесінде болатын бір кезең. Синкретизм «өту, көшу» процесінің нәтижесі десек, сондықтан ауысу процесі толық аяқталғанда, синкретизм құбылысы толығымен жойылмайды. Белгілі дәрежеде сақталады. Тілімізде *жарық, тең, бай, жас, батыр* секілді сөздердің бірде зат есім (*Бөлмеге жарық түсті. Батыр бір оқтық, бай бір жұттық*), бірде сын есім (*жарық бөлме, жас жігіттер, бай ауылдар*) болып жұмсалуды - категориялық мағыналары толық айқындалып болмаған бір сөз табынан екінші бір сөз табына ауысу үстіндегі синкретті сөздер екендігін білдіреді» /4,55/, деп көрсетеді.

Тілдің даму барысында «аралық» топтағы сөздер онда мүлдем қалып қоймай, типтік сөз таптарына ауысып, алғашқы негізгі мағынадан алшақтап, негізгі мағынадағы сөзбен омонимдес болып кететінін байқауға болады. Бұл тілде үнемі жүріп отыратын процесс. Мысалы, омонимдес сөздерге біреу, ақ, қара, көн, жон, күй т.б. жатады. Жалпы тіл білімінде сөз таптарының бір-біріне ауысуы конверсия деп аталып жүр. Конверсиялық үдерістің әр түрлі сөз тудыру формалары арқылы жаңа сөздер қалыптасады. Мысалы, басқа сөз таптарының зат есімге ауысуы субстантивтену, үстеуге ауысуы адвербиалдану, сын есімге ауысуы адъективтену, есімдікке ауысуы прономинализация т.б. деп аталады. Олар тілде жаңа сөздерді қалыптастырады. Яғни, мұндай тілдік құбылыстың тек грамматикаға ғана емес, сөжасам жүйесіне де қатысы бар екендігі аңғарылады.

Қорыта айтқанда, ауыспалылық - қыр-сыры мол күрделі тілдік үдеріс. Оның қыр-сыры мен табиғатын, лингвистикалық заңдылықтарын анықтау бүгінгі күннің тілтаным талабынан туындап отыр.

Қолданылған әдебиеттер:

1. Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматике русского языка. М., 2000.
2. Мигирин В.Н. Очерки по теории процессов переходности в русском языке. Бельцы, 1971. 199.
3. Сарбалаев Ж.Т. Конверсиялық процестер түрлері туралы //Павлодар МУ Хабаршысы. Филология сериясы. 2004. №4.
4. Жукеев Т.Б. Қазақ тіліндегі пысықтауыш мүшеге қатысты синкретикалық құбылыстар. (ф.ғ.к. ғылыми дәреж. диссер.). Қарағанды, 2005.

УДК 81.13

Сагындыкова Ж.О., к.ф.н., доцент
Кокшетауский ГУ имени Ш.Уалиханова, Казахстан

МЕХАНИЗМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ АНГЛИЙСКИХ, РУССКИХ И КАЗАХСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ

Abstract

The research paper is devoted to the investigation of identification of mechanisms of social and political neologisms. There were 8 neologisms picked out from English, Russian and Kazakh.

The psycholinguistic analysis has been conducted on the basis of research results and Tver psycholinguistic school specializing in identifying neologisms (Zalevskaya, Sazonova, Togoyeva).

During the experiment we put the following tasks as: 1) to identify not obvious to direct observation mechanisms of identifying English, Russian and Kazakh neologisms by Russian-English, Russian and Kazakh respondents. A free association experiment was used.

We strictly have chosen 8 social and political neologisms appeared simultaneously in the analyzed languages.

The experiment allowed to point out basic identification strategies of social and political neologism meaning dependent on backstop character motivating identification stimulus. The researched group identified neologisms due to their language and cognitive experience.

The comparative analysis of the experiment data and associative reactions shows national and cultural peculiarities in identifying social and political neologisms.

Ключевые слова: *идентификация неологизмов, стратегии идентификации значений, реакция, общественно-политический неологизм, сопоставительный анализ.*

Теоретической основой нашего экспериментального исследования послужила концепция, основанная на исследовательском опыте ученых Тверской психолингвистической школы (Залевская 1990; Родионова 1994; Сазонова 1993; Тогоева 1989).

В процессе проведения эксперимента нами решалась задача: 1) выявить не поддающиеся прямому наблюдению механизмы идентификации английских, русских и казахских неологизмов русско-английскими, русскоязычными и казахоязычными испытуемыми.

В качестве метода исследования использовался психолингвистический эксперимент с применением процедуры, как: свободный ассоциативный эксперимент. Общее количество проанализированных реакций по заданиям эксперимента – 720.

Проблема ограничения предъявляемого испытуемым списка неологизмов решалась с учетом главного положения – общественно-политические неологизмы, которые появились одновременно в трех исследуемых языках: английском, русском, казахском. Было отобрано только 8 неологизмов.

Экспериментальное исследование позволило выделить основные стратегии идентификации значения общественно-политического неологизма в зависимости от характера опоры, мотивировавшей идентификационный стимул.

1. Стратегия опоры на формальные мотивирующие элементы

Стратегия идентификации общественно-политического неологизма путем опоры на формальные мотивирующие элементы отражает специфику функционирования механизма опознавания стимула на уровне его словоформы и является особенно характерной для малоизвестных и малопонятных слов. В нашем экспериментальном материале имеются немногочисленные свидетельства неверного опознавания стимула, вызванные неточным распознаванием графического и/или фонетического образа слова. Например: неологизм стимул

ethnic cleansing вызвал следующие реакции, такие как *электротехника* (ethnic – technical), *этика* (ethnic – ethical). И у русскоязычного испытуемого можно встретить реакцию «этика» на неологизм «этническая зачистка». У казахоязычного испытуемого только неологизм- стимул *путинизм* вызвал данную реакцию: (4) теміржол (железная дорога, путь). Данные примеры, будучи заимствованными из разных языков, вызвали у испытуемых значительные трудности, так как не существует достаточной семантической или структурной информации.

Гораздо более актуальной в исследуемом экспериментальном материале оказалась реализация данной стратегии с опорой на семантические мотивирующие элементы, при этом опознается одна или обе основы. Например: *green urbanism* – озеленение населенного пункта, *cyberattack* – атака, нападение; *жасыл урбандалу* – жасыл; *кибератака* – атака. Анализ показал, у трех групп испытуемых преобладают ассоциативные реакции с опорой на семантику предъявленных стимулов по сравнению с реакциями по случайному звукобуквенному сходству. В рамках данного исследования необходимо выделить то, что для русскоанглийских испытуемых и казахоязычных испытуемых опознание неологизма стимула происходит главным образом через мотивирующее слово.

2. Словообразовательная идентификационная стратегия.

Словообразовательная стратегия реализуется через модель опознания словообразовательной модели предъявленного стимула. В нашем экспериментальном исследовании данная модель у исследуемых групп представлена малым числом ассоциативных реакций. Например: *jihadist* – (5) террорист; путинизм (казахоязычные испытуемые) – (1) шовинизм; джихадист (русскоязычные испытуемые) – (2) террорист.

Хорошим примером данной стратегии, где реализуются две модели – словообразовательная и мотивирующая - для трех групп характерно опознание данного стимула *путинизм* по основе «Путин».

3. Категориальная стратегия. Категоризация - «подведение предъявленного слова под категории разной степени обобщенности». [1, С.42-53]. Примером категоризации по линии языковых знаний является одновременная реализация словообразовательной и категориальной моделей идентификации при опознании значения у трех групп испытуемых неологизма стимула *джихадист* – (2) мамандық, маман (специальность) у казахоязычных испытуемых и русскоязычных испытуемых – (2) мусульманин-воин, у русскоанглоязычных – (1) группировка. Также испытуемые опознавали словообразовательную модель стимула и выделили суффикс - ист/-ist , широко используемый со значением лица, называемого по его занятию, профессии; следованию какому-либо учению и т.п. Подтверждением этому служат такие реакции, как: *террорист* - у трех групп, (2) *человек* - у русскоанглийских испытуемых, (1) *нацист* - у русскоязычных испытуемых.

Семантика мотивирующего слова для отнесения стимула к той или иной категории является главной. Например, русскоанглийскими испытуемыми *e-voting* – (9) *выборы*, было опознано значение стимула через гипероним «выборы», посредством идентификации слова *voting* – голосование. То же характерно и для русскоязычных (*электронное голосование* – (13) *выборы*) и казахоязычных испытуемых (*электронды дауыс* – (8) *сайлау*).

В рамках категориальной стратегии реализуются также такие модели как: категориальная: *хиджаб* – (3) *ислам* - для русскоязычных испытуемых, для казахоязычных испытуемых – (7) *киім* (одежда), для русскоанглоязычных – (2) *одежда*, (2) *ислам*; опознание по иллюстрации примером: *ethnic cleansing* – геноцид; этническая зачистка – национализм; *тазарту операциясы* – спецназ; опознание стимула через объект, подразумеваемого или предполагаемого стимулом действия: *green urbanism* – (6) озеленение; *зеленая урбанизация* – (8) озеленение; *жасыл урбандалу* - (3) шөп.

По второй линии категоризации (внеязыковой) можно привести пример ассоциативной реакции на неологизм *кибератака*. Данный неологизм для всех испытуемых является новым и по форме и по значению, поэтому такие стимулы, как *компьютер, компьютерная программа* свидетельствуют о наличии у испытуемых общего знания у трех групп испытуемых соответствующих фактов внеязыковой действительности.

Таким образом, по результатам проведенного исследования способов обнаружения особенностей опознавания значения 8 неологизмов, при сопоставлении в трех языках выявлено то, что общим элементом для трех групп служит значение мотивирующих элементов стимулов, при этом у русскоанглийских испытуемых это выражено намного значительнее, скорее всего, билингвы при идентификации нового слова больше опираются на семантические и структурные признаки. У русскоязычных и казахоязычных испытуемых опорным элементом послужила категоризация, то есть испытуемые идентифицировали неологизмы через известное (или то, что представляется известным), укрупнили и структуризировали картину мира с помощью обобщения.

В результате проведенного анализа была также выявлена эмоционально-оценочная стратегия для общественно-политических неологизмов. Как правильно отмечает в своей работе Ахатова Б.А. [2, с. 129], особенностью политической коммуникации является направленность на массового адресата. Итак, анализ ответов на общественно-политические неологизмы в трех группах показал, что большинство ответов, идентифицирующих неологизм можно четко поделить на позитивные и негативные. Так, например: неологизм стимул «джихадист» у русскоязычных испытуемых вызвал негативную реакцию: *страх, смерть, война*; неологизм стимул «этническая зачистка» - *уничтожение, истребление, фашизм*; неологизм стимул «кибератака» - *агрессия, война*. У русскоанглийских испытуемых неологизм стимул *jiihadist* также вызывает негативную реакцию *террорист*, неологизм стимул *cyberattack* - *страх, борьба, ужас*; неологизм-стимул *ethnic cleansing*, как и у русскоязычных, ассоциируется с *ужасом и геноцидом*. Важно, отметить, что только у русскоанглийских испытуемых неологизм – стимул *hijab* вызвал такие реакции как *зло, война и террористы*. Объяснить это можно тем, что студенты билингвы при переводе статей СМИ часто встречаются с международной проблемой запрета ношения хиджаба в образовательных учреждениях. У казахоязычных испытуемых «кибератака» вызывает смешанные реакции, например: позитивные: жаңа технологиялар (новые технологии), құатты (могучий, сильный), үлкен (большой); негативные: соғыс (война), шапқын (набег, разбой). Также казахоязычные испытуемые на неологизм стимул тазарту операциясы отреагировали позитивно: (6)тазалау (очищение), (2)жаңарту (обновление). Данное явление объясняется отсутствием составной части «этнический», в отличие от русского и английского языков. Неологизм стимул «джихадист» вызывает у казахоязычных испытуемых негативную реакцию: *лаңкес, соғыс, террор*.

Во всех случаях, когда в сфере политики содержание понятия само по себе позволяет оценить его по шкале «хороший-плохой», велика доля негативных ответов [161, с.198]. Действительно исследуемые неологизмы – стимулы: *джихадист, кибератака, этническая зачистка, секс-траффикинг* в своих значениях негативны и отражают мировые реалии, с которыми борется весь мир.

В результате исследования был выявлен ряд неологизмов, получивших значительное количество отказов от указания ассоциативных реакций, поэтому мы выделяем стратегию отказа от реакции. Необходимо отметить, что отказ от указания ассоциации наибольший у русскоязычных (*этническая зачистка, джихадист, секс-траффикинг*) и казахоязычных (*джихадист, кибератака, зеленая урбанизация*) испытуемых. Указанные неологизмы-

стимулы заимствованы из английского языка, поэтому идентифицировать их данным группам было сложнее, чем билингам, изучающим иностранный язык.

Анализ показал, что идентификация общественно-политических неологизмов у данных исследуемых групп осуществляется с опорой и на языковую и на когнитивный опыт испытуемых.

Эмоционально-оценочная стратегия особо ярко выражена у русскоанглийских и русскоязычных испытуемых. Уфимцева Н.В. [3, с. 160] объясняет это высокой степенью проявления «оценочности» русского менталитета, т.е. стремлением всему дать оценку.

Стратегия отказа наиболее активно выражена у русскоязычных и казахоязычных испытуемых. Нулевые реакции сами по себе достаточно информативны, свидетельствующие о некотором негативном отношении к данным стимулам.

Сопоставительный анализ, проведенный на материалах английского, русского, казахского языков позволил описать и формализовать как универсальность стратегий и моделей идентификации общественно-политических неологизмов, так и их специфичность. Кроме того, межкультурные сопоставления экспериментального материала и ассоциативных реакций исследуемых языков помогли выявить национально-культурную специфику процессов идентификации общественно-политических неологизмов.

Список использованной литературы:

- 1 Тогоева С.И. Новое слово: лингвистический и психолингвистический подходы проблемы семантики: психолингвистические исследования: Сб. науч. тр. – Тверь, 1991. – 52с.
- 2 Ахатова Б.А. Политический дискурс и языковое сознание: монография. – Алматы: Экономика, 2006. – 302 с.
- 3 Уфимцева Н.В. Русские: опыт еще одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. Сборник статей. – М: Институт языкознания РАН, 1996. – С.139-162.

УДК 82(091)

Сейденова С.Д.
кандидат филологических наук, доцент,
Алматинский технологический университет

ЭВОЛЮЦИЯ ПСИХОЛОГИЗМА В ПРОЗЕ ДУЛАТА ИСАБЕКОВА

Abstract

The article The evolution of psychologism in prose of Dulat Isabekov deals with the evolution of psychologism in prose of famous Kazakh writer Dulat Isabekov. The inner world of literary characters is interesting for artistic study of the works in lyrical and psychological directions. In the research literature have been long raised the question of the significance of the contribution of D.Isabekov to the development of Kazakh literature. Psychologism in prose of D.Isabekov includes specific forms and methods of psychological analysis because of his evolving world outlook. This article discusses the features of the implementation of the principles of psychologism in the works of Dulat Isabekov. The works of D.Isabekov combined harmony with the classical tradition and continues in the new historical conditions.

Түйін. Мақалада қазақтың әйгілі жазушысы Дулат Исабековтың прозасындағы психологизмнің даму сатылары талқыланады.

Ключевые слова: психологизм в казахской литературе, внутренний мир героев, эволюция психологизма, авторские формы и методы психологического анализа, эволюционирующее мировоззрение, принципы художественного психологизма, проза Дулата Исабекова, многоплановость облика персонажей, психологический портрет,

внутренние характеристики персонажей, психологический анализ, взаимохарактеристики и прямые авторские характеристики, сочетание с классическими традициями.

Статья посвящена эволюции психологизма в прозе известного казахского писателя Дулата Исабекова. Именно внутренний мир литературных персонажей вызывает интерес для художественного изучения в произведениях лирико-психологического направления. В исследовательской литературе давно поставлен вопрос о значимости вклада Д.Исабекова в развитие казахской литературы. Психологизм прозы Д.Исабекова включает в себя своеобразные формы и методы психологического анализа в связи с его эволюционирующим мировоззрением. В данной статье рассматриваются особенности реализации принципов художественного психологизма в произведениях Дулата Исабекова. Творчество Д.Исабекова гармонично сочетается с классическими традициями и продолжает ее в новых исторических условиях.

Все чаще внутренний мир героев становится объектом пристального художественного изучения в произведениях лирико-психологического направления.

В отечественном литературоведении давно поставлен вопрос о значимости вклада Д.Исабекова в развитие казахской литературы.

Драма личности в произведениях Д.Исабекова выступает социально-обусловленной, порожденной определенными существенными процессами общественной истории. Психологизм прозы Д.Исабекова привлекателен своеобразной формой и методом психологического анализа в связи с его эволюционирующим мировоззрением. Будь это портретный рисунок, своеобразие психологической детали, содержание авторской позиции, характер повествовательного стиля и т.д.

Некоторые из произведений Д.Исабекова можно рассматривать с точки зрения связи их идейного содержания с особенностями художественной формы, именно в перспективе идейно-художественного и этико-философского мировоззрения. Компоненты стиля писателя рассматриваются в соответствии с человеком, с учетом концепции характера, авторского решения проблемы личности, что и придает анализу его произведений органическое единство, несмотря на пестроту и многообразие привлеченного материала.

Д.Исабеков стремится к предельной динамичности первых вводных эпизодов, к тому, чтобы действующие лица проявляли себя естественно, в диалогических сценах. Но главные герои его произведений, как правило, сочетаются с предварительными, сжатыми и выразительными социально-психологическими характеристиками. Динамический зачин часто сменяется биографическими лирическими отступлениями, которые приобретают большую значимость в содержании повествования. Так произошло в повести «Молчун». Главный герой Тунгыш предстает перед читателем в постоянном движении мысли. Его «неумдренные» мысли, только на первый взгляд, кажутся повседневными. Но автор ни на минуту не оставляет читателя в спокойствии, заставляя проникнуться состраданием и сочувствием к одинокому человеку.

Необычное ремесло Тунгыша, его физические страдания, связанные с подорванным здоровьем, тяжелые думы о старости приковывают внимание: «...Может быть, впервые за всю свою жизнь именно сегодня он подумал о старости. Все-таки одолевает, проклятая! Совсем сил не стало. Или это мороз за ночь так заледенил землю? Он попытался еще разок – куда там! Лопата лишь соскользнула поверху, соскабливая пыль, и заскребла, как по железу, – аж мурашки пошли по телу. Ах так? Он навалился на черенок изо всех сил, резко надавил на ступицу. И в то мгновение, когда лопата, казалось, наконец подалась вперед, боль, жгучая, пронзительная, как горячий нож, вошла в бедро. Он охнул, выронил лопату, ухватился за ногу, точно старался выдавить боль. Неуклюже опустился на землю. Бедро горело, а старое тело, охваченное ознобом, вдруг затосковало о теплой постели. Полежать бы теперь. А где там! Кто же за него копать будет? И тут же устало подумал, что, если нога

теперь отойдет, две могилы он как-нибудь выроет, а третью ... Нет, третьей ему не одолеть...» [1,182-183].

Портреты героев произведений Д.Исабекова раскрывают сложность и многоплановость облика персонажей. Здесь живописание наружности нередко сочетается с проникновением писателя в душу героя и с психологическим анализом. Данный прием можно заметить в характеристике внешности Омаша (повесть «Полынь»), сообщающей о его телосложении и характере поведения: «...Огромный, как верблюд, детина стоял возле печурки лил себе на голову воду, оставшуюся в ведре. Ничто не изменилось в лице незнакомца, когда он заметил высунувшихся из шалаша хозяев, он попросту не обратил на них внимания, будто врываться в чужие владения – в порядке вещей... На широченных плечах верзила свободно могли бы усесться двое, роста он был такого, что, войди сейчас в шалаш, даже согнувшись в три погибели, разнес бы его по палочкам» [1,140].

Можно проследить особенности реализации принципов художественного психологизма в произведениях Дулата Исабекова. Писатель избрал тот способ изображения людей, в котором стало отчетливым противоречивое соединение разнонаправленных веяний времени, и при этом он сумел избежать однолинейности в решении поставленных проблем.

Помимо традиционных способов проникновения во внутренний мир героя — портрет, пейзаж, речь, писатель использует и совершенно новые приемы, тем самым оставляя героя наедине с самим собой, с его совестью и свободой действий. Но чтобы увидеть душу человеческую в развитии, необходимо глубоко проникнуть в этот сложный и непонятный мир.

Д.Исабеков использует следующие принципы изображения внутреннего мира своих героев: портрет, речь, поступки, взаимохарактеристики и прямые авторские характеристики, а также сны, монологи и диалоги. Его герои постоянно находятся в поиске смысла жизни. Это и Айторе, вернувшийся в свою старую квартиру за воспоминаниями (повесть «Был ноябрь, и шел дождь»), это и старик Токсанбай, делающий мучительный выбор между совестью и спасением жизни внука (повесть «Полынь»), это и Тунгыш, ставший жертвой жестоких обстоятельств (повесть «Молчун»), это и Тастан, так и не понявший своего счастья (повесть «Гаухартас»).

Нужно отметить еще одну особенность произведений Д.Исабекова. Это адекватность внутреннего состояния души героев его произведений окружающему миру. В повести «Полынь» автор умело использует описание жаркой летней погоды, подготавливая читателя ко встрече с удушающей атмосферой погони за наживой любой ценой. Повествование так и начинается: «Жара стояла – не продохнуть. Воздух будто спекался в легких; казалось, даже ворона, этого черного странника, привыкшего к любым передрыгам, вот-вот хватит солнечный удар. Гривастая холка далеких холмов, которые будто отгородили степь от всего остального мира, срезана точно саблей, растворена в зыбком мареве. Вершины Алатау и горбящиеся спины его хребтов, обычно белевшие вдаль, теперь исчезли, испепеленные неистовым солнцем. Куда ни глянь – синее море плещется перед глазами, медленны, текучи его волны, и нет им ни конца ни края. Мягкая бархатная дорожная пыль обжигает босые ноги. И кто поверит сейчас, что в эту знойную, вскипевшую маревом степь тоже приходит зима? Солнце, будто приклеенное, висит в одной точке, словно ему лень тронуться вперед и нет мочи повернуть назад. Даже степные жаворонки, обычно вспархивающие, чуть слышат шаги, и те не шелхнутся, пока не приблизишься к ним вплотную, - видно, и они не в силах расстаться со спасительной тенью. Которую нашли в густой полыни. Утонули в мареве аулы у подножья гор, а до них и вовсе рукой подать – не успеет казан вскипеть, уже дойдешь, и лишь огромные тополя, чуть приподнятые над землей, торчат вдалеке обгорелыми спичками» [1,130].

Писатель действительно мало описывает природу, но особенность его произведений проявляется в слиянии пейзажа мира и пейзажа души. Потому основной пейзаж Д.Исабекова — вся природа родной земли, ее красоты, ее величественные горы, отпечатанные в сердцах героев.

Портреты у Д.Исабекова одновременно схематичны и символичны, они молниеносно выхватывают главные детали. В портрете Айторе («Был ноябрь, и шел дождь») нет ничего особенного: мужчина лет шестидесяти, вежливый, умеет поддерживать разговор, обычный на первый взгляд человек. Но при всей его схематичности имеются яркие, выделяющиеся детали: мокрый до нитки, «с его шляпы струйками стекала вода», «еще раз тряхнул шляпой, обрызгав при этом часть стены и дверь соседей», «сердито нахлобучил шляпу, будто именно она была виновата в том, что дождевая вода летела во все стороны» (намек на то, что человек нуждается в теплоте не только физической, но и душевной).

Красив и Тастан («Гаухартас»), физически силен, но его лицо неподвижно, не выдает никаких эмоций: «никак не может побороть своей дремучести», «мелькнет в нем что-то доброе, человеческое, и он скорее глушит это в себе». Но «удивлял своей любовью к кокпарам», тогда только «в больших карих глазах загорались огоньки».

Внутренние характеристики персонажей противопоставлены, зеркально отражают друг друга: Тастан - Салтанат, Токсанбай - Омаш, Омекей — Укитай и т.д. Красота Тастана внешняя, но внутренне ограниченная предрассудками, потому - неживая. Салтанат — полная его противоположность. Чуткая, ласковая, любящая. Автор не акцентирует внимание читателя на ее внешней красоте, так как это очевидно. Это образ бесценной души, любящей все вокруг: степь, гор, цветы, людей. Она похожа на ребенка. Образы женщин можно сказать обласканы большой любовью писателя. Даже Сафура, не ценившая свое женское счастье и искренне любящего мужа, имеет полное право на свободу выбора и даже право на ошибку.

Речь героев Д. Исабекова более важна, чем портрет. Важна сама манера говорить, общаться между собой и произносить внутренние монологи. У Тастана речь отрывистая, краткая. В речи Салтанат часто слышится радость, игривость, задиристость. Речь Айторе отличается мудростью, зрелой рассудительностью, а в речи Зейнеп можно уловить горечь и досаду, открытость и наивность. Старик Токсанбай произносит много ласковых слов по отношению к внуку, в них сознательная опека и беспокойство за его будущее. С Омашем он говорит подчеркнуто вежливо, стараясь разбудить в нем человеческое. Большого самомнения и безудержной злобы полны речи Омаша и Укитая.

Также имеет место один из приемов характеристики персонажа, один из способов проникновения во внутренний мир героя: характеристика его другими персонажами. К примеру, о мягком характере Каиркена можно узнать из уст других героев: «ты ведь хрупкий, как девочка, еще свалишься в колодец», «будешь у своей бабы как листок на ладони; захочет — в кулак зажмет, захочет - сдует».

Герои Д.Исабекова изыскиваются друг с другом не только с помощью речи. Используя приемы, связанные с состоянием бессознательного, писатель обращается к снам. Сон старика Токсанбая («Полынь») о погибшем сыне, который спрашивает, не обижают ли его здесь, символичен, сон — состояние души старика. Старика больше волнует во сне то, что внук бежит за машиной отца, прося у него защиты. Сон наводит старика на глубокие размышления о превратностях судьбы и о смысле жизни. Несмотря на страдания и унижения, которые пришлось испытать ему последние три месяца, на самом деле, глубоко внутри жалко Омаша. Он даже не стал бороться за заработанные деньги, разрешив ненасытному Омашу присвоить все деньги и решив заплатить сверху за якобы отобранные чужими деньгами.

Своим благородством старик Токсанбай спас души двух людей: собственную - от унижения, мальчишескую — от неверного выбора жизненного пути. Не было произнесено самых важных слов, но они были поняты всеми и приняты душой каждого. Услышав от

Омаша о ложной “пропаже” денег, вырученных за продажу дермене, каждый из героев ведет себя по-разному: Токсанбай - «ему вдруг стало легко», «он все понял, но какое это имело значение», «Слушай меня, - просто сказал Токсанбай. – Я не стану допытываться, как пропали деньги. Тебе я не верил с самого начала сейчас остаюсь при своем...»

Когда перевозили сюда дермене, ты поистратился. Так вот на днях мы приведем сюда корову на базар и расплатимся с тобой. И не обманем тебя. Понял? Если не веришь, едем с нами. Побудешь два-три денька у нас, а там вместе вернемся в город»; мальчик - «во все глаза смотрел на деда», «кажется, он что-то начал понимать», «остановился у двери, внимательно глянул на Омаша, потом в спину деду и вздохнул»; у Омаша – «глаза вылезли из орбит от изумления: «неужели все так просто обошлось? Неужели? Как же я так легко отделался?», «будто в каком-то полусне, сунул ему свою огромную лапу», «он стоял, чувствуя, что у него накрепко сведены скулы, но ничего с собой не мог поделать, даже не шевелился», «он только сейчас осознал, что старикашка, которого он мог сложить вдвое и засунуть в карман, оказался в тысячу раз сильнее его», «он с удивлением и страхом видел, как старик легко и бесхитростно раздавил его и смял», «И надо же такое придумать – домой пригласить! Омаш чувствовал, что он раздавлен, заживо похоронен, вычеркнут не только из жизни, но из памяти. Он не мог, не привык с этим мириться. Ну что делать? Кинуться на старика, сломать ему хребет, вырвать ядовитый язык? Но даже с места сдвинуться не посмел» [1,178-179].

В центре каждого литературного произведения Д.Исабекова стоит человек с его сложным внутренним миром. Писатель выступает как психолог, задача которого раскрыть душу человека, понять мотивы поступков героя. Писатель исследует своего героя, оставляя при этом ему некоторую свободу действий. У его героев несхожие характеры и различные судьбы. Чтобы не ограничивать ни в чем своих героев, в каждом произведении автором используется ряд эффективных психологических приемов, позволяющих проникнуть во внутренний мир героя. Так представляется возможным рассмотреть эволюцию психологизма Д.Исабекова от предметного, внешнего изображения души к более глубокому аналитическому проникновению во внутренний мир человека.

Итак, проза Д.Исабекова устремлена к анализу социально-экономических, нравственных, философских проблем бытия и человека. Конфликт повестей чаще всего связан с основными конфликтами современности, и даже тогда жизненные противоречия показываются через частные, семейные, внутриличностные конфликты. Потому ирония - одна из важнейших черт Д.Исабекова. В рассказах чувствуется ироничный взгляд автора. Наличие иронического отношения к окружающему воспринимается как ключ к пониманию истинных отношений между автором и рассказчиком.

Повести Д.Исабекова определяют глубину понимания современного человека. По своей специфике жанр повести более мобилен и динамичен, чем крупные литературные формы, и вследствие этого быстрее откликается на актуальные проблемы жизни. Те же линии можно проследить и в рассказах писателя, хотя в них повествование чаще тяготеет к исповедальности («Старики», «Старухи», «Каблан», «Лики судьбы» («Тағдырдың кейбір кездері»), «Вечная заповедь» («Мәңгілік қағида») и др.). Можно утверждать, что рассказы Д.Исабекова направлены не столько на исследование внутреннего мира героя, сколько на отдельные нравственно-психологические качества личности. В них как бы интенсифицируются определенные грани человеческого характера.

Таким образом, в своих произведениях Дулат Исабеков утверждает идеал высоконравственного человека. Идеал этот реален и достижим. Это любовь к Родине, верность народу, труд, украшающий жизнь. Писателю, драматургу и его героям дороги простые и прекрасные чувства.

Д.Исабеков по-своему видит неповторимость каждого человеческого типа, воссоздает реальную атмосферу жизни простого человека. Искусство психологического портрета, речевое многообразие, мировосприятие, умудренное знание жизни, гуманизм, чувство ответственности отличают прозу Дулата Исабекова. Творчество Д.Исабекова гармонично сочетается с классическими традициями и продолжает ее в новых исторических условиях.

Литература

1. Исабеков Д. Транзитный пассажир. Повести. – М.: Русская книга, 2003. – 304 с.

УДК 81'1:811.111

Беликова О.В., Абрамович Е.А.
КарГУ им. Е. Букетова

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭВФЕМИЗМОВ ГРУППЫ "DOUBLESPEAK" КАК СРЕДСТВА МАНИПУЛЯТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В РАМКАХ ОБЩЕСТВЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ

Abstract

The article deals with the analysis of the use of euphemisms "doublespeak" in the text and their correlation with the broader context. Expressions "doublespeak" are those which do not represent reality as it really is. They are different from other euphemisms because of intentional use by government, military, and corporate institutions, and that, with what purpose a euphemism is used. Analysis of "doublespeak" euphemisms gives an indication of the prohibitions in society as part of its ideology. Many "doublespeak" euphemisms are regularly used in the newspaper texts and have become a cliché of this type of text. Analysis of the use of "doublespeak" euphemisms in the text and their correlation with the broader context allows us to conclude that one of the specific characteristics of this group of euphemisms is their ambivalence. In conclusion, the article says that in the newspaper text the purpose of use of "doublespeak" euphemisms is based on related factors of psychological and ideological influences that make the installation to hide the truth in favor of a "half-truth".

Түйін Мақалада мәтіндегі "doublespeak" эвфемизмдердің қолданысың талдауы және оның арақатынасыкең контекстпен келтірген. Шындықты тура мағынасында бейнелемейтін сөздер "doublespeak" деп аталады. Олардың басқа эвфемизмдерден айырмашылығы үкімет, әскери және ұжымдық мекемелер оларды мақсатты түрде қолданады, сонымен қатар, эвфемизмдердің қандай мақсатта пайдаланылатыны да маңызды. "Doublespeak" эвфемизмдерінің көп бөлігі ақпараттық мәтіндерде жиі кездесіп, аталған типтегі мәтіндердің клише сөздеріне айналды. Мәтінде "doublespeak" эвфемизмдерінің қолданылуын талдау және кең мәнмәтінмен байланыстыру, амбиваленттілік қарастырылып жатқан топ эвфемизмдерінің ерекше сипаттамасының бірі екенін айтуға болады. Қорытындыда ақпараттық типтегі мәтіндерде "doublespeak" тобының эвфемизмдерін қолданудың мақсаттары, «жартылай шындық» пайдасына шындықты жасыруға нұсқау беретін, психологиялық және идеологиялық ықпал жасау факторларына сүйенетіні атап айтылады.

Значительную часть лексических средств в информационном типе текста составляет так называемая политическая лексика (общественно - политическая терминология). Большое количество политических терминов - это слова и словосочетания, за которыми в определённом языковом коллективе закрепились - в основном, в соответствии с их лексическим значением - либо положительная, либо отрицательная оценочность, и которые

сигнализируют об идеологической направленности высказывания [1;241]. Часть этой лексики составляют эвфемизмы, которые воспринимаются как таковые в рамках определённой общественной идеологии и в исследованиях зарубежных авторов терминологически обозначаются как "doublespeak".

Данный термин появился в начале 50-х гг. XX в., когда Дж. Оруэлл в романе «1984» наглядно продемонстрировал как обусловленное пропагандой употребление языка влияет на сознание. К "doublespeak" относятся те выражения, которые изображают действительность не так, как это есть на самом деле. От других эвфемизмов их отличает намеренное использование правительственными, военными и корпоративными учреждениями [2;347], а также то, с какой целью используется эвфемизм. «Если эвфемизм используется из уважения к чувствам других или из соблюдения табу, принятого в культуре данного общества - это не "doublespeak" (...) Однако, если эвфемизм используется с целью ввести в заблуждение — это "doublespeak". Эти эвфемизмы имеют целью обман, сокрытие неприятного, изменения в нашем восприятии реальности» [2;351]. При квалификации определённой лексической единицы в качестве эвфемизма "doublespeak" особо подчёркивается роль идеологии общества как определяющего экстралингвистического фактора.

В работах лингвистов определения термина «идеология» колеблются от самых безобидных типа "система идей" - "*worldview*" до таких спорных, как "*false consciousness*" - "ошибочное/неверное осознание" [3]. Т.А. Ван Дейк предлагает следующее определение: «Идеологии — это фундаментальные представления какой-либо социальной группы и ее членов» [3].

Термин «идеология» описывает такие способы структурирования действительности, которые позволяют стоящей у власти группе (элитам) достигать максимального контроля над управляемой группой и минимальной конфликтности при обеспечении этого управления. Идеология как система социальных когнитивных структур, общая для членов некоторой группы, состоит из набора установок, которые организованы в соответствии с нормами, ценностями и интересами этой группы [4].

Различные идеологии конституируются и отражаются на языковом уровне - использование определённых лингвистических средств призвано обеспечить транслирование идеологических установок, их обоснованность, а также критику чуждых доминирующей идеологии идей.

В средствах массовой информации особо строгие требования при выборе идеологически выдержанной лексики предъявляются при создании информационного текста. Это связано с тем, что данный тип медиатекстов рассчитан на самую массовую аудиторию - многие пренебрегают чтением комментариев к событиям, но новости просматривает большинство и от удачно подобранной лексики может зависеть общественное мнение. Таким образом, несмотря на то, что информационные тексты заявляются как максимально объективные, нейтральные, они в то же время характеризуются определённой идеологической «интонацией» или «тональностью» [5;59].

Идеологическая тональность проявляется в том числе и в специфике эвфемистических переименований - в частности, анализ эвфемизмов "doublespeak" позволяет судить о характере запретов, существующих в обществе в рамках его идеологии. На современном этапе такие эвфемизмы регулярно используются в информационных текстах, освещающих события, связанные с противостоянием западной цивилизации проявлениям исламского экстремизма в виде многочисленных террористических актов, а также при освещении событий, связанных с попытками предотвратить эти проявления военным путём, главным образом, путём военного вторжения и смены правящего режима в Ираке и Афганистане. Необходимость принятия таких радикальных мер последовательно и планомерно обосновывалась до вторжения и продолжается в настоящее время посредством крупнейших СМИ стран-участников военной коалиции и особенно её глав - США и Великобритании.

Одним из средств материализации идеологии этих стран посредством языка является использование эвфемистических переименований.

Использование идеологически невыдержанных с этой точки зрения выражений в СМИ может привести к формированию образа страны-агрессора. Поэтому идеологически табуизированными для этого общества являются слова, семантика которых прямо указывает на угрозу жизни, жестокость, насильственный и незаконный характер предпринимаемых действий. В связи с тем, избежать освещения этих событий невозможно, используются скрывающие, вуалирующие суть явления слова - эвфемизмы "doublespeak". Список некоторых из них выглядит следующим образом:

ЭВФЕМИЗМ	ПРЯМАЯ НОМИНАЦИЯ (идеологически табуированные слова и выражения)
abuse	torture
casualty	person killed or maimed in warfare
conflict	war
ethnic cleansing	genocide
expired	died
intervention	invasion
executive action	assassination
forced disarmament	war
freedom fighter	terrorist we agree with
detainee	foreign prisoner held by the US military without formal charge
homicide bomber	suicide bomber
liberate	invade
shock and awe	massive bombing
servicing a target	killing
protective custody	imprisonment without due process of law, etc.

Эвфемизмы "doublespeak" используются при освещении событий, снижающих престиж страны, угрожающих её имиджу. Одним из таких примеров является описание пыток над иракскими пленными в контролируемой американскими войсками тюрьме Абу-Грайб: "The abuse found in Iraq's U.S.-run prisons was systematic. The international Red Cross said Friday that it had first raised concerns with the United States more than a year ago" [6].

В данном примере эвфемизм "abuse" заменяет прямую номинацию "torture" с целью снизить категоричность высказывания, сформировать менее негативное отношение к произошедшему. В этом же номере газеты в аналитических комментариях авторы приводят слова тех, кто непосредственно был свидетелем результатов подобного поведения, при этом используется совершенно иная лексика: "The elements we found were tantamount to torture", "...acts that can only be described as blatantly sadistic, cruel and inhuman" [6]. Выбор разных номинаций одного явления не случаен - в аналитике приводятся лексические единицы, отражающие реальное видение ситуации говорящими, в информационном тексте намеренно подыскивается такая номинация, с помощью которой возможно несколько изменить восприятие реальности реципиентом в необходимом для адресанта направлении - в данном случае это создание нечёткого, расплывчатого представления о денотате. В основе такого механизма воздействия при восприятии данных эвфемизмов лежит следующая закономерность: «Манипулируя вербальными символами, человек получает возможность манипулировать концептами системы и строить новые концептуальные структуры».

В следующем примере используется эвфемизм *friendly fire*, также относящийся к группе "doublespeak": "U.S. aircraft mistakenly bombed a convoy of allied Kurdish forces in northern Iraq on Sunday, a *friendly fire* accident that killed at least 18" [7]. Эвфемизмом «дружественный огонь» обозначается ошибочная стрельба по солдатам своих или союзных войск. Огласка гибели солдат в результате подобной стрельбы больно бьёт по престижу военных, но умалчивать об этом невозможно, поэтому предпринимаются попытки сгладить ситуацию при помощи соответствующей номинации. Данное словосочетание является примером того, как при помощи эвфемизма маскируется острота и конфликтность конкретной референтной ситуации.

Целый ряд эвфемизмов способствует смягчению или преуменьшению характера и размаха военных действий при помощи номинаций: *confrontation*, *operation*, *conflict*, *campaign*. В информационных текстах вместо ставшего довольно приемлемым в масс-медиа слова *war* употребляется эвфемизм *military conflict*: "Saddam Hussein and his sons must leave Iraq within 48 hours. Their refusal to do so will result in *military conflict*" [7]. По сравнению с прямым обозначением "war" номинация *military conflict* менее нагружена негативными коннотациями, её использование позволяет в некоторой степени преодолеть психологически обусловленное неприятие насилия, поэтому эффективно способствует созданию эвфемистического эффекта.

Многие эвфемизмы "doublespeak" регулярно воспроизводятся в информационных текстах и стали своего рода клише этого типа текста. Клише - это готовая речевая формула, регулярно появляющаяся в определённых повторяющихся речевых ситуациях, представляющая собой недостаточно эксплицированный сложный знак вследствие обладания признаками некомплектности.

Используя клише, адресант руководствуется следующими принципами: 1) оказание влияния на человека с устранением сознательного размышления (механическая реакция); 2) многократная повторяемость клише (стимула) с целью отключения мышления при реакции [8;475].

Ниже приведены выдержки из информационных текстов, в которых используются клише, представляющие собой эвфемистические переименования "doublespeak":

Например: One of the first combat *casualties*: U.S. Marines leave St. Margaret Mary Catholic Church with the coffin of fellow marine Lance Cpl. Jose Gutierrez on Monday in Lomita, Calif. [7]; The BBC programme will tonight show officers verbally abusing vulnerable *detainees* while others boast of *abuse* techniques they used on failed *asylum seekers* [7]. Эвфемизмы "casualty", "detainee", "abuse", "asylum seeker" и др., регулярно повторяясь в информационных текстах, являются клише англоязычного информационного новостного текста.

Механическая реакция при восприятии клише отвлекает от сути происходящего, его автоматизированность, «просмотровый» характер усиливает эффект смягчения и снижает остроту восприятия. В результате реципиент получает лишь общее представление о денотате. Таким образом, потенциально возможное осуждение определённых действий или возмущение ситуацией сглаживается, негативный прагматический эффект нейтрализуется.

Анализ употребления эвфемизмов "doublespeak" в тексте и их соотнесение с широким контекстом позволяет констатировать, что одной из специфичных характеристик эвфемизмов этой группы является их амбивалентность. В контексте одной идеологии такие номинации преподносятся как объективные названия явлений или предпринимаемых действий, в рамках другой - это эвфемизмы, вуалирующие суть явления.

Данное положение может быть проиллюстрировано следующим примером:

RUSSIA'S most-wanted terrorist, Chechen *rebel leader* Asian Maskhadov, was shot dead yesterday. Maskhadov - believed to be behind a series of bloody attacks including the Beslan school siege in

which 326 hostages died - was killed in a raid by special forces. Last night pictures of his corpse, shirtless and bearded, were broadcast on Russian TV to show *fellow rebels* he had been killed [9].

В начале информационного текста употребляется прямая номинация *terrorist*, далее используются эвфемизмы группы "doublespeak" *rebel leader* и *fellow rebels*. В первом предложении слова *terrorist* и *rebel leader* являются однородными подлежащими, причем в первом случае определение "Russia's most wanted" в препозиции указывает на то, что как террорист этот человек воспринимается в России. Далее следует лексическая единица *rebel leader*, принятая для квалификации Масхадова в британском обществе, в рамках идеологии которого он считается повстанцем, выступающим за независимость своей родины. Таким образом, экстралингвистическим контекстом обуславливается амбивалентность эвфемизма *rebel* - в Британии эта номинация воспринимается в качестве прямого обозначения, а в контексте российской идеологии это эвфемизм, используемый с целью ввести в заблуждение, замаскировать истину.

Амбивалентность как характерная черта рассматриваемой группы эвфемизмов ярко проявляется при анализе следующих высказываний: "It will determine whether America continues *the fight for democracy in Iraq*" [7], "*Liberating Iraq* will prompt a democratic trend throughout the region" [7]. Сознательное употребление этих слов для обозначения военных действий является идеологически востребованным и обусловлено манипулятивными целями - попыткой имплицитно сформировать соответствующее эмоционально-оценочное отношение, так как реципиент по-разному воспринимает одно событие - если оно ослвлено лексическими единицами *war* или *invasion* - отношение негативное, слова "*the fight for democracy*" и "*liberating*" имеют одобрительные коннотации. Противники военного вторжения в Ирак воспринимают вышеприведённые номинации как эвфемизмы, используемые с целью создания общего положительного образа кампании, оправдания непопулярной политики государства, считая адекватными выражениями следующие: "...he bears moral responsibility for the outrages in Iraq because he created the conditions - through *his unlawful invasion and occupation of the country* — that made them possible" [6]. В то же время в контексте официальной американской идеологии ярко выраженное при помощи этой номинации негативное эмоциональное отношение позволяет трактовать её как дисфемизм. Как видим, в результате смены контекстов один и тот же вокабуляр оказывается в состоянии выразить пейоративное (отрицательное, осуждающее) и мелиоративное (положительное, одобрительное) отношение к явлению.

Амбивалентность как характерная черта эвфемизмов группы "doublespeak" зачастую подмечается и комментируется самими журналистами: "Before Beslan Putin talks of "*pre-emptive war*", after — total war and hunting the terrorists anywhere in the world" [6], "Russia abandoned the axiom "one man's terrorist is another's *freedom fighter*" [7]. Подобный комментарий возможен, однако, в аналитических типах газетного текста, в информационном тексте выделенные нами эвфемизмы используются как стандартные средства выражения.

Всё вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что в информационном типе текста цели употребления эвфемизмов группы "doublespeak" опираются на сопряжение факторов психологического и идеологического воздействия, которые дают установку на сокрытие правды в пользу «полуправды». В данном типе текста эвфемизация выступает в качестве манипулятивного средства, посредством которого осуществляется скрытое воздействие с целью формирования определённого, заранее заданного эмоционально-оценочного отношения к репрезентируемому событию.

Список использованной литературы:

1. Гвенцадзе М.А. Коммуникативная лингвистика и типология текста / М.А. Гвенцадзе.- Тбилиси: Гантатлеба, 1986.-316 с.
2. Zöllner N. Der Euphemismus im alltäglichen und politischen Sprachgebrauch des Englischen. Europäischer Verlag der Wissenschaften. Frankfurt am Main: 1997, - 444 s.
3. Dijk T. A. van. Political discourse and ideology [Электронный ресурс].- URL: <http://www.Discourse-in-society.org/dis-pd-ideo.htm/> Barcelona, 2001, 27 p. - Загл. с экрана
4. Жуков И.В. Идеологический анализ дискурса СМИ [Электронный ресурс].- Электрон. дан.- URL ://http ;//university, tver.ru/conference jubilee/kaf angl fil/zhukov.doc.- Загл. с экрана
5. Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиа текстов: (опыт исследования современной английской медиа речи) / Т.Г. Добросклонская. - М.: Диалог - МГУ: МАКС - пресс, 2000. - 287 с.
6. The International Herald Tribune 31/05-1/06 2010
7. USA Today 8.04.2012
8. Желтухина М.Р. Т ропологическая суггестивность масс-медиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ / М.Р. Желтухина. - М., 2003.- 656 с.
9. The Mirror 3.02.2005

УДК 81'1=20

**Ehm T.V., Temirbulatova A. K., Zharkynbay T. B.
КарГУ им. Е. Букетова**

**THE PROBLEM OF “LANGUAGE PERSONALITY”
IN THE CONTEXT OF LINGUISTICS.**

Резюме

Данная статья рассматривает проблему определения концепта «языковая личность» в рамках лингвистики. В статье упоминается, что основу категориального аппарата лингвокультурологии составляют понятия языковой личности и концепта, гносеологическое становление которых еще, полностью не завершено. Понятие "языковая личность", образовано проекцией в область языкознания соответствующего междисциплинарного термина, в значении которого преломляются философские, социологические и психологические взгляды на общественно значимую совокупность физических и духовных свойств человека, составляющих его качественную определенность.

Түйін

Мақалада лингвистика шеңберіндегі “тілдік тұлға” концептінің анықтамасы қарастырылады. Мақалада лингвомәдениеттанудың категориялық аппараты тілдік тұлға және концептіден құралады және гносеологиялық қалыптасуы толық аяқталмаған. "Тілдік тұлға" ұғымы мағынасында философиялық, социологиялық ұйғарылатын тиісті пән аралық терминнің тіл білімінің төңірегіндегі проекциясымен жасалған, және психологиялық пікірлер қоғамдық мәнді жиынтық физикалық және оның сапалы айқындық құрайтын адамның өзіне тән рухани жиынтығы.

The problem of the adequate definition of the concept “language personality” within the framework of linguistics is considered in the article. The article focuses on the basis of the categorical device of the cultural linguistics that is made by concepts of the language personality and the concept, gnosiological formation of which isn't completed.

The concept "language personality", is formed by a projection in area of linguistics of the corresponding interdisciplinary term in which value of philosophical, sociological and psychological views of socially significant set of physical and spiritual properties of the person make its qualitative definiteness refract.

On a new spiral turn of knowledge focus of research attention is naturally displaced from the center studied already on the problem periphery and fixed on a joint of areas of scientific knowledge: there is ethnic psychology, psycholinguistics, cognitive psychology, sociolinguistics, cognitive linguistics, ethno-linguistics in which process of interdisciplinary synthesis and symbiosis proceeds, for example, in the last ethno psycholinguistics, ethnosemantics and even ethnophraseology.

Today cultural linguistics is the youngest branch of ethnolinguistics or if we use the "chemical" metaphor, it is the newest molecular connection different from others with its "atomic structure" and valence connections: it means ratio of "shares" of linguistics and cultural science and their hierarchy. Problems of this scientific discipline include studying and the description of relationship of language and culture, language and ethnos, language and national mentality, it is created, according to the forecast of Benvenist, "on the basis of triad - language, culture, the human person" and represents cultural linguistics as a lens through which the researcher can see material and spiritual identity of ethnos –for instance V. von Humboldt and G. Shteyntal's *Folksgeist*.

The maturity and the right to independent existence of any scientific discipline are defined by existence and degree of formation of its categorical device - systems of basic terms. As it is represented, the basis of the categorical device of a cultural linguistics is made by concepts of the language personality and concept, gnosiological formation of which isn't completed.

Perceptions of the personality in language consciousness - "naive" philosophy and the psychology of native Russian speakers reflected in explanatory dictionaries, considerably more widely or, not the corresponding scientific concepts are led to perceptions of the individual as "sets of the properties inherent in this person" and "the person as the carrier of any properties". In them there is no instruction, first of all, on socially significant nature of these properties that the personality is the person taken in his relation to society or it is the member of society [1].

Qualis homo, talis ejus est oratio (Faby Kvintilian) - language is directly connected with expression of personal qualities of the person, and in grammatical system of many natural languages (Slavic, Armenian, Spanish, Romanian, Old French) the attitude towards the personality is fixed in this or that its hypostasis. Nevertheless, the concept of "the language personality" arises only in the last decades in bosom of anthropological linguistics where it, naturally, takes the central place and even names new scientific discipline - "linguistic personology". And if language is "a mirror of human spirit" (G.V.Leybniz), it is reflected first of all the human person the concept of which is included into number of cultural constants.

The concept "language personality", is formed by a projection in area of linguistics of the corresponding interdisciplinary term in which value of philosophical, sociological and psychological views of socially significant set of physical and spiritual properties of the person make its qualitative definiteness refract. First of all "the language personality" is understood as the person as the native speaker taken from its ability to speech activity, i.e. the complex of psychophysical properties of the individual, allowing it to make and perceive speech works - in essence the personality speech. "The language personality" is understood also as set of features of verbal behavior of the person using language as a means of communication, - the communicative personality. And, at last, the basic national and cultural prototype of the carrier of a certain language fixed mainly in lexical system can be understood as "the language personality", some kind of "a semantic identikit", made on the basis of world outlook installations, valuable priorities and the behavioral reactions reflected in the dictionary – i.e. dictionary ethnosemantic personality.

The word "concept" in pro-terminological function became active to be used in the Russian linguistic literature since the beginning of the 90th years; culture linguistic filling of this lexeme was continued by the article academician D.S.Likhachev leaning in it on views S.A.Askoldov-Alekseev. Revision of the traditional logical maintenance of the concept and its psychologization are explained including by requirements of knowledge engineering, in particular, the cognitive linguistics focusing attention on correlation of linguistic data with psychological, for which operating by category of concept of classical appeared obviously insufficient in "ugly" representation [2].

Due to the plan of a linguistic sign content which recognizes this concept we can make a conclusion that besides its denotation the concept involves all communicatively significant information, namely, pointing out the place of this sign in the lexical system of the language: its paradigmatic, syntagmatic and word-formation connections. All of them are called by F. Saussure as "significance" and it finally reflects the linguistic value of extra linguistic object shown in accordance with the rules of synonymic attraction in the semantic consistency of either lexical group. All the pragmatic information of a linguistic sign associated with its expressional and illocutive functions is the component of the semantic structure of the concept. It quite conforms to the "emotional experience" and the "intensity" of spiritual values which it applies to. Another highly-probable component of the semantics of the language concept is the cognitive memory of a word that is its semantic characteristics of a linguistic sign related to its primordial mission and the native speaker's system of spiritual values. However the so-called cultural and ethnic component is the most conceptually significant. It defines the specificity of semantics of natural linguistic units and reflects its speaker's "linguistic (naive) world picture" [3].

"The naive picture of the world" as the fact of ordinary consciousness is reproduced fragment by fragment in lexical linguistic units, however language doesn't reflect this world directly, it reflects only a way of national language personality's conceptualization of this world and consequently the expression "a linguistic picture of the world" is adequately relative. The image of the world recreated according to only one language semantics, is rather grotesque and sketchy as its pattern mainly consists of distinctions taken as a principle of categorization and nomination of objects, phenomena and their characteristics. For the adequacy the world picture is corrected by the empirical knowledge about reality which is common for speakers of a certain natural language.

Pointing out the concept as the mental formation emphasized by the linguocultural specificity, is a natural step to forming an anthropocentric paradigm of humanitarian, in particular, linguistic knowledge. Fundamentally the impersonal and objectivistic concept is authorized relating to the ethnosemantic person as a basic national and cultural prototype of the speaker of this language in the semantic system of natural language [4].

Recreating the "image of the person according to language", carried out through ethnocultural authorization of concept is to a certain extent comparable to authorization of the statement and proposition relating to the subject of speech and thought in the theory of a modal framework of the statement and in non-classical (estimated) modal logics.

The predicate compatibility of a lexeme "concept" finally suggests thinking of existing two basic cognitive metaphors, two complementary models which describe the relation concept-form» of its linguistic representation: "archetype" and "invariant". In the archetype model the concept is considered to be something extremely generalized, but nevertheless sensual and figurative. It is hidden far back in the mind and embodied in the reduced form in concept, representation, word meaning. In the invariant model the concept is represented as a limit of generalizing (invariant) the plan of the linguistic units content covering a certain semantic field. The archetype model of forming the concepts assumes their innateness, prelanguage readiness to semantization, and invariant - their formation in the course of mastering the language and realizing the extralinguistic reality by the subject of thought and speech [5].

Language remained at all times the brightest identifying characteristic of ethnos, even Pythagoras advised first of all to study its language "for knowing customs of nation". It is so indisputable connection of language with culture, with the tool and hypostasis, which it is, or, in stronger, gnostic formulation reflected in the Christian volume from John, it carries in itself a source of all real ("At the beginning there was a word ..."), including the person. Nevertheless, a macro linguistic perspective (language vs society/culture / personality), interest to which reached the apogee in V. von Humboldt, G. Shteyntal, K. Fossler and A.A. Potebnya's works, in the first half of the XX century was overshadowed by achievements of the structuralism limited to research of the language "in itself and for itself". However already since the end of the last century within change of a scientific paradigm of humanitarian knowledge the pendulum starts moving in the opposite direction, and anthropocentric, functional, cognitive and dynamic paradigm comes into the place of dominating of scientist, system-structural and static paradigm, returned to the person the status of "a measure of all things" and returned the person to the universe center.

Connection of the concept with verbal means of expression is generally marked virtually in all linguocultural definitions (Compare: "a significant image reflecting a fragment of a national picture of the world, generalized in the word"; "something ideal, representing the unity "language-thought"; "any discrete unit of the collective consciousness which reflects a subject of the real or perfect world and is retained in the national memory of language in a verbally designated way"). However, the linguoconceptualists haven't agreed about the correlation of the specific significant units of language and concept yet.

Linguocultural concept, as well as its medieval predecessor, is a semantic formation of extreme abstraction. However if the first concept is received by abstraction and the subsequent hypostasis of properties and relations of objects of the reality whilst the second is a product of abstracting the semantic units belonging to a certain great number of significant linguistic units. Correlation of the concept with the units of the universal subject code can hardly belong to the sphere of national consciousness. Theoretically, it would be possible for the concept to correlate with the root morpheme which is the basis of family of words but then it remains without a name [6].

More often the representation of the concept in language is attached to a word, and the word achieves a status of concept – a linguistic unit expressing the content of the concept fully and adequately. However the word as an element of lexical and semantic system of language is always realized as a part of this or that lexical paradigm that allows to interpret it as 1) an invariant of the lexical paradigm; 2) a name of the semantic (synonymic) number formed by the synonyms. Anyway, as a rule the concept correlates with more than one lexical unit. The logical completion of such approach is its correlation with the plan of expression of all set dissimilar synonymic (actually lexical, phraseological and aphoristic) means describing it in language, i.e. finally concept correlates to the plan of expression of the lexical and semantic paradigm.

The hyponym and generic structures are the frame model reproducing connection of the concept and its realization in the lexical system. However in the sphere of such highly abstract semantic essences as cultural ("spiritual") concepts, similar relations aren't practically observed. Also theoretically relations "concept - language realization" could be simulated on the basis of the antonymous paradigm in lexicon fixing "distinctions in the same essence" (joy-grief, happiness-trouble, love-hatred and so forth). However the semantic invariant uniting this paradigm concept, as a rule, doesn't have the name in language and, thereby, is of little significance for linguistic consciousness [7].

If to proceed from this, that linguocultural concept semantically represents the certain abstraction generalizing values of a number of the language realization, the concrete form of this concept will be set by an interval of the abstraction, which is qualitatively defined in borders, i.e. the volume of the lexico-semantic paradigm forming by units, transferring this concept in language or in languages. In the first approach the concepts abstracted from values of the concrete language

realization, containing in the semantics both "substantial", and ethnocultural seme, abstracted from uncertain number of language realization and providing the standard of comparisons, necessary for interlingual comparison and transfer are allocated. In more or less "a pure look" "universal concepts" are presented in scientific consciousness in the form of ethical terms and logical operators: kindness-evil, good-bad-indifference and so forth.

One more criterion of differentiation of linguocultural concepts is, obviously, their belonging to the knowledge/consciousness sphere, which they serve. Certainly, "there is no any national science as there is no national multiplication table" (A.Chekhov), however there are quite concrete lexical units, "further value" which forms substantial basis of ethical, psychological, logical and religious terms - "spiritual value" which, certainly, can be ethnoculturally noted both in borders of one language, and in borders of an interlingual scientific paradigm - style of thinking [8].

So, three main approaches were outlined in linguistic understanding of a concept. First, in the broadest sense the number of concepts joins the lexemes, which values contain the content of national language consciousness and form "a naive picture of the world" of native speakers. Set of such concepts forms concept sphere of language in which the culture of the nation concentrates. In such approach the way of conceptualization in lexical semantics defines the main research means - conceptual model by means of which basic components of semantics of a concept and stable relations are allocated between them. To the number of such concepts.

Any lexical unit in which value the way (form) of semantic representation is looked through gets to number of similar concepts. Secondly, in narrower understanding to number of concepts refer the semantic educations noted by linguocultural specifics and in one way or another characterizing of carriers of a certain ethnoculture. Set of such concepts does not form concept sphere as nobody the complete and structured semantic space, but occupies in it a certain part - conceptual area. And, at last, to number of concepts refer only semantic educations, which list adequately limited and which are key for understanding of national mentality as specific relation to the world of its carriers. Metaphysical concepts (soul, truth, freedom, happiness, love and so forth) - mental essence of high or limit degree of abstractness, they send to "the invisible world" the spiritual values which sense can be shown only through a symbol - a sign assuming use of the figurative subject contents for expression of the contents abstract. Here, it is obvious, why concepts of the last type rather easily "synonymize", forming "the conceptualized area" where semantic associations between metaphysical meanings and the phenomena of the substantial world reflected in the word where spiritual and material cultures are interfaced [9].

As it is possible to see, the general in this definition and in definitions of concept, representation and value still have a patrimonial sign - belonging to area of ideal, specific differences (a knowledge/consciousness form - logical/rational, psychological/figurative, language) are neutralized. In essence, "concept" is the only *raison d'être* of a terminologization of a lexeme "concept" is necessary for ethnocultural authorization of semantic units - their correlation with the language personality.

The language personality and concept - the basic categories of the linguo-culture reflecting mentality and mindset of the generalized carrier of a natural language and providing by this scientific discipline the research tool for a reconstruction of a prototypical image "the speaking person".

References:

1. Tolstoy N. I. Ethnolinguistics in a circle of humanitarian disciplines//the Russian literature. From the literature theory to text structure. Anthology. M., 1997. Page 312/ Толстой Н.И. Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М., 1997. С. 312.
2. Teliya V. N. Russian phraseology. Semantic, pragmatical and lingvokulturologicheskyy aspects. M., 1996. Page 217/ Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996. С. 217.

3. Benvenist E. General linguistics. M, 1974. Page 45/ Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974. С.45.
4. Russian dictionary: In 4 volumes. Т. 2 . М, 1982. Page 192; Big explanatory dictionary of Russian. St. Petersburg, 1998. Page 501/ Словарь русского языка: В 4 томах. Т. 2. М., 1982. С. 192; Большой толковый словарь русского языка. Санкт-Петербург, 1998. С. 501.
5. Ozhegov S. I. Shvedova N. Yu. Explanatory dictionary of Russian. М, 1998. Page 330/ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1998. С. 330..
6. Vandriyes Zh. Language: linguistic introduction in history. М, 1937. Page 96; Stepanov Yu.S. Constants. Dictionary of the Russian culture. Experience of research. М, 1997. Page 562/ Вандриес Ж. Язык: лингвистическое введение в историю. М., 1937. С. 96; Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997. С. 562.
7. Neroznak V.P. Linguistic personalogiya: to definition of the status of discipline//Language. Poetics. Transfer. М, 1996/ Нерознак В.П. Лингвистическая персоналогия: к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика. Перевод. М., 1996.
8. Stepanov Yu.S. Decree. Page 551/ Степанов Ю.С. Указ. соч. С. 551.
9. Bogin G. I. Model of the language personality in her relation to versions of texts: ADD. L. 1984 . Page 1; Bogin G. I. Typology of understanding of the text. Kalinin, 1986. Page 3/ Богин Г.И. Модель языковой личности в её отношении к разновидностям текстов: АДД. Л., 1984. С. 1; Богин Г.И. Типология понимания текста. Калинин, 1986. С. 3.

УДК 81.1(100)

Серебрякова Н.П.
КарГУ им. Е. Букетова

ПРОБЛЕМЫ МИФОЛОГИИ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Abstract

In the given article there is an investigation of the certain concepts of mythological consciousness as an important component of the national world view in terms of development and operation of mythologems in the general cultural and specific national cut of the English language world view

Түйін

Берілген мақалада жалпымәдени және ағылшын ұлттық ерекше тіл көрінісі, мифологиялық сананың жеке концептісі ретінде маңызды құрастырушысы және спецификалық ұлттық тіл көрінісін зерттеуі қарастырылады.

Современная лингвистика немислима без комплексного подхода к изучению общих и частных проблем. Актуальные в настоящий период лингвистические теории рассматривают взаимодействие функциональных систем, адаптирующихся к условиям коммуникативной среды, где представлены два противоположно направленных процесса: интеграции и дифференциации, структурно-функциональной организованности и структурно-функциональной изменчивости, вариативности. Среда может тоже варьироваться, в частности представлять некоторую семиотическую систему (например, систему политической лексики той идеологии, которую она выражает) [1;119].

Интегрированный и дифференцированный подход к языку предполагает учитывать национальную специфику отдельного языка, то есть сложную совокупность целого ряда составляющих, определяющих своеобразие отдельного этноса.

Лингвистические исследования неразрывно связаны с изучением разнообразных

аспектов культуры. Изучение соотношения и взаимодействия языка, культуры и этноса невозможно без интеграции достижений многих научных дисциплин, включая философию, психологию, культурологию, социологию и других. По мнению В.А.Масловой, "язык теснейшим образом связан с культурой: он прорастает в нее, развивается в ней и выражает ее" [2;8]. Этнолингвистика, по мнению Н.И.Толстого, не является чем-то средним между языкознанием и этнографией, это направление в языкознании, ориентирующее исследователя на рассмотрение связи между языком и духовной культурой, языком и народным менталитетом, языком и народным творчеством, их взаимодействия и разные соответствия [3;41]. Направление это не новое, оно так или иначе отражено в трудах И.Г.Гердера, В.Гумбольдта, Э.Сепира и многих других ученых.

Этнолингвистика, или, как ее называют в зарубежных исследованиях лингвистическая антропология, изучает язык как ресурс культуры, а речь как реализацию культурной практики. Отличие культуры от природы представлено в трудах Ф.Боаса, Канта, Гегеля; культура изучается как знание, как коммуникация, лингвистическая антропология опирается также и на теорию прототипов, которая привела к разработке когнитивного взгляда на культуру, выработке схем культуры, в которых понимание мира, включая язык, осуществляется в терминах прототипов, упрощенно и обобщенно отражающих практический опыт, культура рассматривается к тому же как система партипации и практики. [4;36].

Современная этнолингвистика исследует общезыковые и частные вопросы в синхронии и диахронии с привлечением данных диалектологии, фольклористики, ранней письменной фиксации мифов. Этнолингвистика имеет целью соотнести язык и культуру в рамках одной или нескольких реализаций национальной картины мира. Поэтому прежде чем перейти к рассмотрению поставленных в работе задач необходимо определить основные составляющие этнолингвистики.

Р.Кизинг определяет культуру как идеационную систему, как систему идей, концептов, правил и значений, которая составляет основу жизнедеятельности культурного сообщества [5;127]. В отечественной лингвистике принято в этой связи говорить о лингвокультурологии, частном направлении этнолингвистики, иногда воспринимающемся в качестве ее синонима. Это направление языкознания комплексно подходит к вечным вопросам о происхождении языка, лингвистических универсалиях, картине мира и модели мира. Лингвокультурология рассматривает составляющие традиционной и современной культуры в их языковой реализации, выявляя специфику культурологических реалий, объясняя причины их возникновения и особенности их интерпретаций.

Лингвокультурология тесно связана с социолнгвистикой и этнолингвистикой, психолнгвистикой и лингвострановедением [2;9]. Лингвокультурология является продуктом антропоцентрической парадигмы в лингвистике и наряду с когнитивной лингвистикой представляет основные направления современной лингвистики, поскольку она "ориентирована на культурный фактор в языке и на языковой фактор в человеке" [2;8]. Единицы языка реализуют, хранят и транслируют культуру народа, поэтому на стыке лингвистики и культурологии и возникает наука, изучающая проявления культуры народа в языке. Лингвокультурология, таким образом, рассматривается как часть этнолингвистики и как самостоятельное направление современного языкознания, возникшее и оформившееся в 90-е годы XX века.

Современная этнолингвистика занимается реконструкцией этнической территории по языку и реконструкцией материальной и духовной культуры народа по данным языка, во многом превращаясь в лингвистическую археологию при соотношении языковых данных с определенной археологической культурой [6;19]. Центральным аспектом этнолингвистики оказывается проблематика соотношения языка и семиотически понимаемой культуры,

причем культуры традиционной и изучающейся в процессе диахронического рассмотрения.

В настоящем исследовании предпринимается попытка расширить рамки традиционной этнолингвистики, связав традиционную культуру и современную массовую культуру как логический результат развития первой. Культура понимается как «духовная суть исторического процесса, она связана с цивилизацией и обществом. Неповторимое стечение обстоятельств, возникающих в историческом процессе и сошедшихся в одной единственной пространственно-временной точке (хронотоп у М.М.Бахтина) на вертикальной и горизонтальной оси цивилизации, создает вечные и неповторимые образы культуры, утверждая преемственность исторического развития.

Существует очень много определений культуры, что, по мнению П.С.Гуревича свидетельствует не столько об интересе к явлению, сколько о методологических трудностях современной культурологии [2;13].

Язык есть одновременно и продукт культуры, и ее важная составная часть, и условие существования культуры, язык является специфическим способом существования культуры, фактором существования культурных кодов [7;83]. Язык отдельного народа членит мир по-разному, реализуя свой способ концептуализации мира. Отдельный человеческий коллектив реализует и специфическую для него культуру - " исторически сложившийся пучок семиотических систем (языков), который может складываться в единую иерархию (сверхязык), но может представлять собой и симбиоз самостоятельных систем. Но культура включает в себя не только определенное сочетание семиотических систем, но и всю совокупность исторически имевших место сообщений на этих языках (текстов)" [8;397]. Культура, согласно Ю.М.Лотману, понимается как совокупность ненаследственной информации, общая память человечества или каких-либо национальных и других коллективов. Знаковый характер культуры выделяет в ее изучении семиотику концептов как наиболее структурированную часть семиотики культуры, обладающей собственным аппаратом исследования.

Согласно И.Г.Гердеру, в мифологии каждого народа запечатлен особый способ видеть природу в зависимости от того, находит ли народ в природе больше добра или зла, как подсказывает ему климат и гений и от того, как объясняет народ одни явления другими. "В самых неприветливых краях земли мифология, как бы безобразно уродливы ни были ее черты - это философский опыт человеческой души, мечтающей о временах своего детства" [9;203]. Мифология у И.Г.Гердера сравнивается с малоизученной фантазией. Она переходит по наследству благодаря языку - печати разума, передающегося из поколения в поколение.

В.Гумбольдт находил в языке один из способов видения мира и воплощение своеобразия целого народа [10;349].

Реальный мир, в большей степени бессознательный, строится на языковых нормах общества. В рамках гипотезы когнитивного релятивизма следует признавать идею существования различных моделей рациональности, т.е. у различных групп людей есть свои стандарты для суждений. Разные культуры и традиции описывают свой опыт и свой мир, но окружающий людей мир не зависит от национальной принадлежности, он устроен по единым для всех законам. Именно в содержании сознания, отраженного в языке, фиксируются расхождения в культурном опыте народов. Если посмотреть на содержание мышления с когнитивных позиций, то совокупность квантов знаний о мире можно рассматривать как концептосферу языка. Национально-культурное своеобразие концептосферы незаметно изнутри, но оно выявляется в процессе сопоставительного анализа [11;192].

С.Г.Тер-Минасова образно сравнивает своеобразие отражаемой словами разных языков реальности с мозаикой: "За словом лежит кусочек реальности, его можно сравнить с кусочком мозаики, однако у разных народов эти кусочки складываются в разные картины" [12;5].

Совокупность знаний о мире, реализующаяся в языковых формах, представляет в различных трактовках "языковую репрезентацию мира", "языковую модель мира" или "языковую картину мира". В.А.Маслова рассматривает эти термины как синонимы, отличающиеся степенью распространения, а термин "языковая картина мира" представляется наиболее часто употребляющимся при изучении знаний человека о мире [2;64]. Представляется, однако, более оправданным разграничивать понятия "модель мира" и "картина мира", поскольку первый термин включает в себя второй. Если явления и предметы окружающей человека действительности представлены в сознании в виде образов, то картина мира складывается в систему образов, реализующую сложные отношения между реальностью и ее языковым отображением. Отношения эти могут быть представлены с помощью пространственных, временных, количественных, условных, этических и многих прочих параметров. Языковая картина мира специфически отражает общественно-исторический опыт как конкретной нации, создавая национальную картину мира, так и развитие человечества вообще. Языковая картина мира отражает концептуализацию мира, специфично реализующуюся в каждом естественном языке, обобщая национально-культурный опыт отдельной языковой общности, отраженный в ее концептосфере.

Модель мира выступает как структура картины мира, а термин "картина мира" пришел в лингвистику из гносеологии. Картина мира – целостный образ мира как результат всей духовной деятельности человека. По мнению А.А.Леонтьева, понятие "образ мира" не является тождественным понятиям "языковая картина мира" и "когнитивная картина мира", поскольку первое отражает "мир в зеркале языка", а второе противоположно "образу мира", поскольку он понимается как отображение в психике человека предметной окружающей действительности, опосредованное предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами и поддающееся сознательной рефлексии [13;22].

Национальный образ мира, или конкретная картина мира, может быть представлен моделью мира, которая в каждой культуре состоит из набора взаимосвязанных универсальных понятий, таких как время, пространство, изменение, причина, судьба, число, отношение частей к целому. А.Я.Гуревич определяет модель мира как "сетку координат, при посредстве которой люди воспринимают действительность и строят образ мира, существующий в их сознании" [14;15].

Действительное бытие человека многогранно, что позволяет говорить о множественности миров, в которых может существовать человек: физический мир, мир биосферы, мир снов и фантазии, воображения, мир коллективного сознания нации, мир смыслов, мир трансперсонального бытия и мир социального бытия. Пытаясь закрепить услышанное изнутри, создавались мифы, усиленные архетипами, а стремление приблизить запредельное к культуре привело к возникновению религии [15;230].

Пытаясь определить специфику национального образа мира, складывающегося из набора индивидуальных и коллективных представлений, В.В.Красных выделяет следующие понятия: "когнитивная база" - определенным образом структурированная совокупность необходимо обязательных знаний и национально-детерминированных и минимизированных представлений того или иного национально-лингвокультурного сообщества (этноса), которыми обладают все носители того или иного национально-культурного менталитета; "коллективное когнитивное пространство - определенным образом структурированная совокупность знаний и представлений, которыми необходимо обладают все личности, входящие в тот или иной социум" и "индивидуальное когнитивное пространство - структурированная совокупность знаний и представлений, которыми обладает любая (языковая) личность, каждый человек говорящий " [13;45].

Вероятно, картина мира как знание о мире представляется интегральным образом

реальности в обыденном сознании и "включает повторяющиеся представления, как повседневной эмпирической практики, так и символической вселенной"[2;71]. В связи с этим целесообразно рассматривать картину мира в каждом конкретном ее проявлении с точки зрения ее национальной специфики, отраженной в своеобразии символического языка, своеобразии культурной семантики, эталонов и стереотипов, присущих обыденному сознанию.

Обыденное сознание сохраняет в значительной степени стереотипы традиционной культуры. Необходимо отметить, что термины "сознание" и "мышление" часто выступают синонимами в научных исследованиях, однако мышление есть сознательное отражение действительности, а сознание, вслед за А.А.Леонтьевым, определяется как "рефлексия субъектом действительности, своей деятельности, самого себя", это отражение действительности, как бы преломленное через призму общественно выработанных языковых значений, а индивидуальное сознание человека возможно лишь в условиях существования общественного сознания [13;20].

Мифологическая форма мировосприятия характеризуется невыделением человеком себя из окружающей среды, нерасчлененности из-за еще не полного отделения эмоциональной и аффектно-моторной сферы, что вызывает персонификацию природы и метафорическое сопоставление естественных и культурных объектов, выражение сил, свойств и элементов космоса конкретно-чувственными и одушевленными образами, замена причинно-следственных связей прецедентом. Миф нечувствителен к противоречиям, не может провести грань между естественным и сверхъестественным [16;33].

Мифологические представления отличаются от более поздних форм мировоззрения не упрощенной организацией, а качественно иной семантической структурой. Мифологичность сознания присутствует на протяжении всей истории человечества, а понимание мифа, по словам М.Элиаде, будет отнесено к наиболее полезным открытиям XX столетия. Миф даже рассматривается им как единственно верная модель действительности, что несколько ограничивает представление о модели и картине мира.

Картина, мира сложна и одновременно традиционна, поэтому картина мира может реализовываться несколькими моделями, одной из которых является мифологическая модель мира.

Мифологическая модель мира представлена мифологической концептосферой, с особой структурной составляющей и единицей -мифологемой.

Мифологемы являются содержательной единицей языкового сознания. Являясь продуктом коллективного бессознательного, мифологемы хранятся в национальной памяти, а их эволюция в конкретной национальной культуре отражает специфику их преломления в определенной языковой среде [17;171].

Список использовано литературы:

1. Арнольд И.В. Основы, научных исследований в лингвистике: учеб. пособие. - М.: ВШ, 1991. - 140 с.
2. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: Учеб. пособие. - Мн.: ТетраСистемс, 2004. - 256 с.
3. Толстой Н.И. Неравномерность развития звеньев языковой и мифологической системы в этнолингвистическом аспекте // Избранные труды: т.3: Очерки по славянскому языкознанию. - М.:Яз. рус. культуры, 1999. - С.40-47.
4. Duranti A. Linguistic anthropology. - Cambridge: Cambridge University Press, 1997. - 380p.
5. Шеина И.М. Роль языка в формировании коллективной картины мира// Номинация и дискурс: Межвуз. сб. науч. тр. - Рязань, 1999. - С. 127-130.
6. Иванов В. В. О некоторых принципах современной науки и их приложении к семиотике малых (коротких) текстов//Этнолингвистика текста.Семиотика малых форм фольклора/Тезисы и предварительные материалы к симпозиуму. Часть 1. - М., 1988. - С.5-10.

7. Леви-Стросс К. Структурная антропология. - М.: Наука. 1983. – 536 с.
 8. Лотман, Ю.М. Семиосфера / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство-СПб., 2000. – 704 с.
 9. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. - М., Наука, 1977. – 236 с.
 10. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию / Пер. с нем. - М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. - 400 с.
 11. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика: Дис. д-ра филол. наук. - Воронеж, 1998. - 320с.
 12. Тер-Минасова С.Г. Язык и мир изучаемого языка// Язык и культура. 1 междун. конф. 25-27 апреля 1996 г./тезисы докладов. - Воронеж, 1996. - С.4-6.
 13. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. - М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. - 284 с.
 14. Гуревич А.Я. Философия культуры: Пособие для студентов гуманитар. вузов - М.: АО "Аспект пресс", 1994. - 317с.
 15. Налимов В.В. В поисках смыслов. - М.: Прогресс, 1993. - 260с.
 16. Ковтун Е.Н. Поэтика необычайного. Художественные мифы фантастики, волшебной сказки, утопий, притчи и мифа (на материале европейской литературы первой половины XX века). - М.: МГУ, 1996. - 308с.
 17. Исина Г.И. Стереотипы и национальная языковая картина мира: Монография. – Караганды: Изд-во КарГУ, 2007. – 368 с.
- УДК 81:372.881

**Аманбаева Ю.К., Туребекова Р.С.
КазНУ им. аль-Фараби**

ПРОБЛЕМНАЯ РЕЧЕВАЯ СИТУАЦИЯ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Abstract

In this article is written and proven theoretically creation of problem speech situation in student auditorium at studying of Russian language like foreign and national as the second language. In article is given definition like notion of problems are used at solving communicative problems particularly at the lessons. Solutions of problems enable development of creative productive thinking, therefore creation of problem speech situation is necessary for stimulation speech communication. For solving problem object at the lessons is demanded observance the whole range of conditions, which are considered in this article. The creation of problem situation is a serious and big aim of a modern method.

Keywords

Problem speech situation, the solving a problem aim, search of sufficient ways, problem approach to the text, the stimulation of speech communication.

Основным положением теории проблемного обучения является то, что процесс усвоения осуществляется здесь как решение проблемной ситуации, при этом в организации учебного процесса создаются такие условия, которые позволяют студентам «открывать» для себя усваиваемые знания.

Существенно, что проблемное обучение не абсолютизируется, этот метод не исключает другие. Его неоспоримые достоинства: концептуальная значимость, нацеленность на активизацию мышления, творческий поисковый характер.

Русский язык как «иностранный» или «неродной», в силу своей практической направленности, особым образом соотносится с проблемным обучением. Поиски эффективных

путей такого обучения нельзя не связать с близкими по целям усилиями психологов и методистов – сторонников преподавания, «ориентированного на смысл», и с более широким контекстом «смысла» – деятельности вообще. Естественно, «спрос на смысл» может расширить «предложение смысла» – показать новые сферы, в которых обучаемые найдут актуальный для них смысл: ведь каждый человек в принципе имеет возможность увидеть его в духовных, личных, когнитивных, эмоциональных, физических сферах способностей и склонностей, равно как и в отношении к вещам, людям, идее, времени, пространству и т.д.

В то же время ориентация на смысл – воспитательная задача преподавателя. Изучать иностранный, неродной язык – не значит зубрить слова, переводить тексты, но прежде всего думать – учиться думать обо всем самостоятельно. Удивляться самому явлению приобретения другого языка, возможности иначе выразить мысль; быть всегда активным, каждый раз видеть прибавку к знанию, полученную на уроке; учиться преодолевать трудности (ибо изучение любого языка – это огромный кропотливый труд); открывать в себе скрытые силы, познавать свои возможности.

Теория проблемного обучения – это особая система. Главной задачей проблемного обучения является максимальное использование психологических закономерностей мышления. Уже давно доказано, что объяснительно-иллюстративное обучение, ориентированное на механизмы восприятия и памяти, не дает особого эффекта.

Наряду с воспроизведением учебного материала по памяти должно быть и свободное воспроизведение его, т.е. самостоятельное формулирование мысли. Первые собственные формулировки, в которые отливается усваиваемый материал, запоминаются прочно и надолго. Хороший преподаватель учит находить истину. А для того, чтобы это осуществить, надо подключить весь психологический механизм мышления студента непосредственно к процессу обучения.

Проблемность в обучении практическому курсу иностранного, неродного (русского) языка тоже имеет целью развитие творческого, продуктивного мышления. Такой подход в преподавании связывается с постановкой проблемных ситуаций, которые и служат своеобразным источником творческого мышления, его пусковым механизмом. Понятие «проблема», «проблемный вопрос», «проблемная (познавательная) задача», «проблемная речевая ситуация» составляют содержательный аппарат проблемного обучения, на который опираются современные технологии преподавания.

В коммуникативно-ориентированном обучении русскому языку как иностранному и неродному понятие проблемы оказывается первым компонентом методически разрабатываемой коммуникативной задачи, а исходным материалом для обучения ее решения традиционно выступает учебный текст. Поэтому сами тексты при отборе должны быть проанализированы и проработаны преподавателем с точки зрения не только темы (тематически подходит, важен или не подходит, не важен), но и заключенных в нем проблем.

Приведем в качестве примера до банальности знакомые, присутствующие чуть ли не в каждом учебнике начального практического курса иностранного (русского) языка темы «Спорт» и «Разговор о дружбе».

В первом случае можно обсуждать такие проблемы: причины популярности спортсмена; массовость спорта; спорт любительский и профессиональный; звездная болезнь и как с нею бороться и т.д.

Во втором – роль друга в трудных жизненных ситуациях, место друзей в нашей жизни, дружба обогащает человека и т.д.

В учебно-профессиональной сфере общения, например, при работе над темой «Моя будущая специальность», могут быть рассмотрены проблемы: роль этой специальности в современном обществе, ее положительные и отрицательные стороны, техническая

оснащенность производственного процесса, перспективы ее развития в ближайшем будущем. Понятно, что в зависимости от поставленной проблемы для реализации одной и той же темы будут выбраны разные тексты.

Глубина раскрытия проблемы зависит от адресата. Можно сказать, что проблема «выбирает» адресата, исходя из ситуативных условий, а адресат, в свою очередь, «выбирает» проблемы в соответствии со своими потребностями. Между проблемой и адресатом существует тесная взаимосвязь.

С учетом этой взаимосвязи определяются коммуникативные задачи и задания, частные целевые установки, целостные (конечные) продукты речи. Так, например, проблема «Место дружбы в нашей жизни» применительно к нерусским студентам. Необходимо предложить конкретизировать следующие понятия: понятие дружбы, причины разрыва между друзьями, необходимость помощи другу в трудную минуту.

Преподаватель предлагает студентам возможные частные целевые установки:

- Объясни, как ты понимаешь слово «дружба».
- Какие требования ты предъявляешь к другу?
- Осуждаешь ли ты друга за неправильный поступок?
- Убеди, что главное в дружбе – это доверие и уважение.
- Можно ли другу все прощать?
- Докажи, что много друзей – это счастье.

Итоговое высказывание (конечный речевой продукт), к которому готовятся студенты, - выступить перед сокурсниками с сообщением «Все ли мы прощаем другу?».

При такой направленности в раскрытии методических категорий – тема, текст, проблема – последняя, естественно, сопрягается с коммуникативными задачами. Педагогически важно, чтобы преподаватель предварительно «выводил» проблему и связанные с ней коммуникативные задачи из учебного текста, а затем формулировал, уточнял ее с учетом интересов и коммуникативных потребностей студентов, свойственного им уровня владения языком, жизненного опыта и др.

Именно проблемный подход к тексту позволяет избежать так называемой текстовой последовательности в вопросах, господствующей во многих учебниках русского языка для иностранцев, вызвать желание не просто пересказать текст, а обсудить заложенное в нем содержание, выразить к нему свое отношение.

В ходе языковой тренировки и речевой практики, сопровождающих работу над текстом, педагогически и психологически важно, чтобы на этом этапе задания по возможности направлялись на решение содержательных, а не только формально-языковых задач, связывались с речемыслительной деятельностью студентов. Этому, по мнению психологов и методистов, удачно содействуют проблемные задачи.

По сравнению с другими видами учебных задач они носят поисковый, учебно-познавательный характер; обучаемые сами с интересом ищут пути получения недостающих им знаний, мобилизуя таким образом мыслительную активность, испытывая удовлетворение от процесса преодоления трудностей и самостоятельности найденного решения.

Выполнение проблемных задач способствует более творческому воспроизведению письменного высказывания, переработке и передаче извлеченной из текста информации. Они предполагают гораздо большую долю творчества, ибо их выполнение стимулирует возникновение самостоятельной мысли - предмета высказывания, ее развертывание, актуализирует использование адекватных языковых средств для выражения мысленного содержания. При этом в сознании обучаемых происходит синтез прежних знаний с новой информацией в результате использования ранее усвоенных приемов умственного поиска для анализа условий и требований вопроса.

Решение проблемных задач заставляет студента не только припоминать, о чем идет речь в сообщении (письменном или устном) и активизировать усвоенный языковой материал, но и побуждает их к высказываниям по поводу воспринятого, к анализу полученной информации, ее оценки с помощью нового иноязычного материала, к решению интеллектуально-логических задач средствами изучаемого иностранного языка.

Речевая задача становится проблемной, если студенты не знают языковых и речевых единиц. Проблемные задачи требуют мгновенного или оперативного решения. Обучающий или обучаемый будет стремиться по-своему решить возникшую проблему; отсюда следует, что одна из главных забот обучающего – предупредить возможное неверное речевое поведение обучаемого и подвести его к предусмотренным речевым действиям.

Схема реализации задач проблемного обучения для большинства изучаемых дисциплин примерно такова: акцентирование преподавателем (или самими студентами) спорности, противоречивости, нерешенности или неоднозначности какого-либо явления; создание проблемной речевой ситуации преподавателем или подведение студентов к постановке проблемы; затем творческое решение этой проблемы совместно с преподавателем или самостоятельно. Высший уровень проблемности – это формулирование и решение проблемной речевой ситуации самими студентами.

Студенты, сами нашедшие решение проблемы, которая была сформулирована преподавателем, усваивают выведенное ими правило-ориентир активно и осознанно, а потому и прочнее, чем в том случае, если бы оно было продиктовано преподавателем или объяснено им с последующей иллюстрацией. Такое изучение материала обеспечивает перенос усвоенного алгоритма выведения грамматического правила на изучение других языковых явлений.

Однако этим не должно ограничиваться применение проблемности в практике преподавания русского языка. Существует реальная возможность её использования и на такой стадии обучения, как вывод языкового материала в речь, активизация разговорной практики.

Модель организации проблемности, в общем, сводится к следующим этапам:

1. Актуализация имеющихся у студентов знаний по данному вопросу, «оживление» определенного пласта информации, создание готовности идти дальше на основе известного. Формы актуализации: невербализуемая – задания типа «посмотрите на рисунок, вспомните... (без рассказа)»; вербализуемая, предполагающая внешнее речевое выражение в устной или письменной форме – «прочитайте текст (посмотрите на рисунок) и расскажите (ответьте на вопросы, запишите)». Актуализация – это этап подготовки «почвы» для постановки проблемы.

2. Осознание и формирование студентами спорности, противоречивости явлений, столкновение известного с новым, т.е. создание собственно проблемности.

3. Решение или, точнее, разрешение проблемной ситуации в форме рассуждения. Этот последний этап в системе русского языка как иностранного или неродного специфичен: если решение проблемной ситуации в точных науках приводит к выводу какой-либо закономерности, а сама ситуация при этом является средством выработки этой закономерности, то в практическом изучении русского языка этап решения проблемной ситуации – это «проживание» её (ситуации) студентами. Проблемная речевая ситуация здесь – и средство, и цель учебного процесса. Всё это обеспечивает не только рациональное, но и эмоциональное усвоение материала.

Новым в предложенном способе организации проблемности является не столько сама трёхступенчатая схема, сколько возможность проецирования, «наложения» этой схемы на работу с учебным текстом, в котором акцентируется его содержательная сторона. При таком подходе учебный текст воспринимается не как контекст для той или иной

грамматической формы, правило функционирования которой мы должны вывести через решение проблемной ситуации, а как самодостаточная сюжетно-информационная основа для организации дискуссии.

Иностранному студенту даже в элементарных, например, бытовых ситуациях, вынужден решать много проблемных задач. Носитель иного языка и иной национальной культуры, оказавшись в русской речевой среде, должен вести себя во многих случаях не совсем так, как это принято в родной ему среде. Трудности, возникающие при этом, связаны с особыми речевыми моментами ситуации. Следовательно, в процессе обучения обучаемые многократно встречаются с необходимостью преодолеть разнообразные возникшие противоречия, т.е. решить проблемные задачи. Они справляются с ними, если в ходе учебного процесса подготовлены к этому, если владеют способами их разрешения. Вот почему проблемность в обучении невозможна без коммуникативной организации урока иностранного или неродного (русского) языка. Для такой организации недостаточно обмена репликами, проговаривания языковых структур, а необходимо диалогическое и монологическое общение. Оно предполагает решение проблемных задач разного уровня сложности: классифицировать (сгруппировать, отобрать) те или иные факты, определить причинно-следственные (временные и т.д.) отношения, сравнить факты (события, процессы и т.д.), дополнить (восстановить) полную картину события, зная его отдельные детали, аргументировать (объяснить) событие (явление, факт) и прочие проблемы.

Использование проблемных задач для стимулирования иноязычного общения требует соблюдения целого ряда условий, важнейшими из которых являются такие:

- а) содержание задачи не должно быть оторвано от мотива, возбуждающего познавательную эвристическую деятельность, в контексте которой развертываются речевые действия студентов;
- б) содержание задачи должно быть посильным.

Одним из важных вопросов, требующих обсуждения, является понятие проблемной ситуации. Давно бытующее в психологии, оно и трактуется преимущественно в психологическом плане. Так, затруднение, при котором субъект не может выполнить задачу известными ему способами, требует нового нужного способа. Структура такой ситуации содержит познавательную потребность: неизвестное достигаемое знание или способ действия опирается на интеллектуальные возможности человека находить решения. Такое определение учитывает прежде всего состояние студента и в то же время непременно предполагает его взаимодействие с преподавателем. Это последнее усиливает необходимость дидактической интерпретации проблемной ситуации. С точки зрения дидактики проблемную ситуацию можно определить как построенную преподавателем учебную ситуацию, когда предъявленная студентам задача призвана и способна вызвать у них затруднение, преодоление которого становится для них мотивом творческого поиска, потому что учебная ситуация спроектирована с определенной учебной целью. Такое прогнозирование обуславливает руководство преподавателя процессом творчества студентов и контроля за его ходом и результатами.

Сущность проблемной ситуации, ее роль в развитии мышления порождает вопросы о путях их построения и их классификации. Проекция различных типов речевых моделей на конкретный учебный предмет (в нашем случае – «иностранному – неродному -- русский – язык»), построение и создание проблемных ситуаций с учетом его специфики и составляют особый и непростой научно-методический поиск.

Нередко возникают рецидивы, например, это отсутствие индивидуального подхода к распределению проблемных задач среди студентов с разным уровнем подготовки: нередко подсказки со стороны самих преподавателей, «освобождающие» студентов от

необходимости творческого решения; формулирование проблемы преобладает над умением поставить проблемную задачу и обучением способам ее решения и многое другое. Создание системы проблемных задач и ситуаций с определенными психолого-педагогическими требованиями к ней и ее показателями – это серьезная и большая задача современной методики и дидактики.

УДК 81'373:811.512'161.1

Сансызбаева С.К.

ЯЗЫК И МИФОЛОГИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ

Abstract

The article describes the features of the language and religion of sign systems, and the relationship of language and religion. Mythological and religious consciousness on the material examined the names of animals of the Kazakh and Russian languages. The paper highlighted the role of animism, totemism in representations of the ancient people and the impact of these concepts to a lexical system of the Kazakh and Russian languages. The article discussed the mythological thinking as the oldest form of social consciousness, a special kind of attitude. Zoolatry also considered as a science, consists of a set of rituals and beliefs associated with religious worship animals.

Ключевые слова: языковое сознание, мифологическое сознание, религиозное сознание, названия животных, зоолатрия, культурное пространство.

Мақалада тіл мен діннің жеке таңба ретіндегі қызметі және тіл мен діннің арақатынасы мәселелеріне назар аударылған. Мифтік және діндік танымдардың тілге әсері қазақ және орыс тілдеріндегі жануарлар атауларының материалында қарастырылған. Мақалада «анимизм», «тотем» ұғымдарының көне адамдардың дүниетанымындағы атқаратын қызметі және оның қазақ және орыс тілдерінің лексикалық жүйесіне тигізетін әсері айқындалады. Қоғамдық танымның ежелгі түрі ретіндегі мифтік танымның ерекшеліктері, сонымен қатар зоолатрия жануарлардың діндегі құрметімен байланысты нанымдар мен дәстүрлердің жиынтығы бар ғылым ретінде қарастырылған.

В современных исследованиях часто встречаются общенаучные слова и выражения, указывающие на связь языкознания, культурологии, антропологии, философии, религиоведения и др. Широкое распространение среди представителей различных отраслей знаний получили такие словосочетания как «культурное сознание», «мифологическое сознание», «религиозное сознание» и др. Между тем, несмотря на сходность в семантике данных понятий, имеются существенные разграничения. Так, мифологическое сознание не всегда дифференцируется с религиозным. По мнению Н.Б.Мечковской, «в отличие от собственно мифологического сознания древности, понятие «религиозное сознание», во-первых, противопоставлено другим формам общественного сознания (таким, как обыденное сознание, мораль, искусства, науки и др.); во-вторых, религиозное сознание сложнее, чем мифологические представления древности: оно включает теологический или догматический компонент, церковную мораль, церковное право, церковную историю и другие компоненты; в-третьих, религиозное сознание индивидуализировано и присутствует в сознании отдельных членов социума (например, клириков и мирян, иерархов и простых священников и т.д.) в разном объеме, в то время как мифологические представления носили в основном коллективный (общенациональный) характер и входили в сознание практически каждого члена первобытного коллектива» [1, 35].

Следовательно, мифология рассматривается как «предрелигия» и мифологическое сознание считается ступенью к освоению религиозного сознания, включающее в себя «духовно-психическую жизнь древнего социума, в которой еще слито, не отделено друг от друга то, что впоследствии станет разными формами общественного сознания, - обыденное сознание, религия, мораль, наука, искусство» [1, 35].

Язык, являясь универсальным средством человеческого общения, сохраняет исторические, культурные и религиозные сведения о народе-носителе языка. Мифолого-религиозное сознание выступает как репрезентатор жизненно-важных смыслов общественного сознания.

Так, с распространением мифологического сознания связано зарождение зоолатрии (от греч. ζῷον — животное и λατρεία — служение, культ) - совокупности обрядов и верований, связанных с религиозным почитанием животных. В современных гуманитарных науках зоолатрия часто рассматривается как одна из первобытных форм религии. Известны многочисленные исторические и этнографические примеры зоолатрии: почитание медведя в Северной Америке и Северной Азии, ягуара в Южной Америке, тигра и змеи в Южной и Юго-Восточной Азии, акулы в Океании, леопарда в Африке, волка в Европе и т. д.

Стремление древнего человека понять, объяснить мир, в котором жил, хотя и не отделял себя от природы, перенесение человеком своих собственных свойств и ощущений на окружающий мир привело к возникновению древних форм религиозного сознания - тотемизму и анимизму. Тотемизм возник из веры той или иной группы людей в их родство с определенным видом животных или растений. Постепенно он превратился в основную форму религиозных представлений возникающего рода, в которой члены родовой группы (кровные родственники) верили в происхождение от предков, сочетавших в себе признаки людей и их тотема. Культ священных животных (коров, обезьян, слонов, волков и др.), часто имеющий тотемические корни, вошёл в индуизм, в верования древних тюрков, славян и др. народов.

Анимизм, в отличие от тотемизма - это вера в существование духов, одухотворение сил природы, животных, растений и неодушевленных предметов, приписывание им разума, дееспособности и сверхъестественного могущества.

Таким образом, анимистические и тотемистические верования и обряды сливались в практике древних племен в единый комплекс, в рамках которого суровые реалии повседневного быта и нелегкой борьбы коллектива за существование находили свое отражение.

Тотемизм, анимизм и др. способы миропонимания как формы культурного, мифологического сознания нашли несомненное отражение в языке. Язык, являясь зеркалом культуры, в гибкой и лаконичной форме хранит одну из главных форм общения человека с внешним миром – с животными. Испокон веков существует связь между человеком и другими живыми существами, имеющими характерные внешние особенности, поведение, повадки и др. Многие стороны животного мира человек пытался объяснить при помощи фоновых знаний – религии, мифов, обрядов, суеверий.

Наиболее известным видом одомашненных животных является кошка. Данному виду домашних животных отведено особое место в истории, религии и мифологии. По некоторым данным, в 1983 году на Кипре рядом с деревней Шиллоурокамбос было обнаружено захоронение останков человека и кошки, диким видом которой никогда не жили на этом острове. Судя по расположению останков, восьмимесячное животное было умерщвлено, чтобы быть захороненным вместе с хозяином. Так, широкое распространение кошек в Древнем Египте связано с охраной зернохранилищ от грызунов, кроме того они считались воплощением богини плодородия Баст и почитались как священные животные; наказанием за убийство кошки служила смертная казнь. Часто кошки мумифицировались тем же

способом, что и люди - в XIX веке около храма богини Баст в Бубастисе было обнаружено самое большое захоронение - около 19 тонн кошачьих мумий.

В исламе существует множество преданий, которые связаны с кошками. Часть из них вошла в сборники хадисов. Согласно одному из них, кошки высоко почитаются в исламе, так как главного исламского пророка Мухаммеда кошка его сподвижника Абу Хурайры (его имя дословно переводится как «отец кошек») спасла от укуса змеи. Мухаммед отметил ее своей рукой — ласково погладил по голове, и на кошачьем лбу остались полосы — следы пальцев Пророка. Мухаммед сделал кошке Абу Хурайры (и всем кошкам на свете) еще один замечательный подарок. Погладив ее по спинке, он научил кошку правильно падать — на все четыре лапы из любого положения. В одном из преданий у пророка Мухаммеда была разноглазая белая кошка, другое повествует о том, что однажды пророк Мухаммед после окончания молитвы обнаружил, что его любимая кошка Муизза уснула на рукаве сложенного рядом халата. Мухаммед предпочёл отрезать кусок от рукава, чтобы не тревожить сон Муиззы. В иных случаях, если кошка спала на одежде, Мухаммед выбирал что-либо другое из своего гардероба.

В традиционном исламе кошки — животные, которым дозволено сосуществование рядом с людьми: единственные животные, которым разрешено входить в мечеть, обитатели в домах людей разного достатка и социального статуса. В исламе достойным похвалы считается поить кошек молоком. За основу берутся положительные качества животного: грация, чистоплотность, способность истреблять грызунов, змей и скорпионов.

В мире ислама в связи с кошками существует множество поучительных историй, записанных суфиями, и хадисов; об этих животных писались научные трактаты (книга о животных «Kitab Al-Hayawan»), слагались предания. Во многих из них кошка трактовалась как существо, служащее достойным примером для мусульманина. Так, в рассказе о каирском грамматисте Ибн Бабшаде повествуется о милосердной кошке. Однажды, пируя с друзьями, он подкормил случайно пробежавшую мимо кошку. Животное схватило еду и убежало, а потом вернулось снова. Несколько раз кошка возвращалась за едой, пока любопытные гости не проследили, куда она уносит пищу. Оказалось, что на крышу соседнего дома, где обитала другая кошка, старая, слепая и неспособная добывать себе пропитание самостоятельно. Такая забота, согласно легенде, так поразила грамматиста, что он бросил свою прежнюю комфортную жизнь, чтобы посвятить себя крайнему аскетизму и помощи ближним. Суфий Шибли увидел назидательный сон о том, как за спасение жизни котенка ему простились все грехи. В одном достоверном хадисе рассказывается поучительная история о женщине, которая попала в ад за то, что уморила голодом своего кота, ведь жестокое обращение с творениями Аллаха, будь они животными или людьми, считается тягчайшим грехом.

В средневековой Европе имело место противоречивое отношение к кошкам. В католических странах Европы кошка считалась спутницей ведьм и олицетворением нечистой силы, в Англии — спутницами королевы фей Маб. Из-за этого кошек (особенно чёрных) заживо сжигали на кострах или сбрасывали с колоколен. Уничтожение кошек в Средние века, по мнению некоторых историков, — косвенная причина эпидемий чумы, так как истребление крыс и других грызунов-переносчиков чумы стало невыполнимой задачей.

Неоднозначное и противоречивое отношение к кошкам существует и в христианской традиции. В текстах Писания кошки — это лишь обычные домашние животные, вечно крутящиеся возле людей. Из раннехристианских времен, впитавших в себя языческое почитание природы, вышли и святые покровительницы кошек. Например, Св. Гертруда из Нивеля, которой молились садоводы, вдовы и путешественники, изображалась с кошечкой. В 12 веке появился целый класс книг, называемых сводами естественных творений. В них изобиловали суеверия, связанные с кошками, которые окончательно перевели их в разряд

демонических тварей – ядовитость данных животных, способность возбуждать в человеке похоти, способность кошек видеть демонов и др. Считалось, что все эти свойства кошек якобы активно использовались ведьмами для приготовления разнообразных вредоносных снадобий и ядов, кроме того ведьмы и сами могли принимать обличье кошек (особенно, черных), либо получали этих животных в презент от дьявола в качестве помощниц для совершения ритуалов черной магии.

У ортодоксальных христиан ситуация с кошками была диаметрально противоположна. В православной традиции было принято, наоборот, привечать, любить, баловать, уважать и не обижать данных домашних животных. Например, в русских монастырях «ради утешения братии» разрешалось держать котов и кошек. Кошек пускали в храмы и разрешали быть там везде, кроме алтаря. В русских церквях (особенно в тех, которые были построены в древних городах) в храмовых воротах имелись специальные отверстия – проходы для кошек. В восточнославянской традиции считалось, что кошки не способны, в силу своей чистоплотности, осквернить ни одного дома – «ни человеческого, ни Божьего». Здесь наблюдается параллельная с исламскими представлениями традиция.

Существовало интересное объяснение, почему кошке разрешали входить в храм. По одной версии, во время путешествия в Ноевом ковчеге кошка переловила всех мышей, чтобы они не подъедали и без того скудные запасы продовольствия для плывущих в нем людей и божьих тварей. По другой версии, сатана, страстно желая в прямом смысле утопить дело Ноя, обернувшись мышью, прогрыз в днище ковчег дыру. Кошка заткнула ее своим пушистым хвостом, и ковчег со всеми его обитателями был спасен.

На Руси домашняя кошка стоила дорого и могла служить ценным подарком, поскольку гарантировала защиту урожая от грызунов. Она была также символом мира и благополучия в доме, защищающим дом от нечистой силы. Согласно некоторым источникам, до XX века среди русских купцов имел место обычай соревноваться, чей кот толще и откормленней. В.И. Даль в 1853 году опубликовал двухтомник «Пословицы русского народа», где в разных разделах встречается около 75 пословиц о кошках. Русские монархи также ценили кошек: в княжьих теремах и царских дворцах также всегда жили кошки. У отца Петра I — Алексея Михайловича — был любимый кот, портрет которого изображён на гравюре. Пётр I Великий издал указ, согласно которому в каждом хозяйстве следовало «иметь при амбарах котов, для охраны таковых и мышей и крыс устрашения». В славянском мифологическом представлении считалось также, что кошки могли проникать в потусторонний мир и общаться с духами. Согласно сохранившимся суевериям, кошки считаются хранительницами домашнего очага и уюта. В русской традиции, на новоселье принято первой впускать в дом кошку. Из-за способности кошек приземляться на лапы при падении считается, что они обладают особым «шестым чувством», и что у них девять жизней (ср.: *живучая, как кошка*). В России существует суеверие о том, что чёрные кошки являются предвестниками неудачи. Чехи, к примеру, напротив, считают, что кошка перебежавшая дорогу справа налево, является предвестницей удачи.

В славянской мифологии кот и кошка – типичные образы, в русском фольклоре — любимый персонаж народных сказок, пословиц и суеверий. Так, кот Баюн являлся частым персонажем народных сказок. Кот – символ семейного счастья и уюта. Особенности мифологического сознания и культурных традиций народов-носителей языков естественным образом находят отражение в языке. Черты, присущие данному животному – вальяжность, ленивость, обладание независимым характером, активность темперамента, особенно весной, выступают в русском языке в качестве стереотипного образа мужчины. Также качества данного животного используются для характеристики: а) мужчины, следящего за своей внешностью, старательно демонстрирующего свое мужское начало,

уверенного в себе (*гладкий, как кот; мартовский кот; довольный кот* и др.); б) поведения человека, его действий, напоминающих поведение этого животного: способность к мгновенной атаке, неожиданному нападению, быстрой реакции (*поймать как кот мышшь; как кот на воробья* и др.). Кошка стереотипно выступает в образе домашнего, «уютного» существа, может быть ласковой (ср.: *ластится как кошка*), в то же время – гордое, самостоятельное и независимое от хозяина животное. Символически данному животному присваиваются такие качества: ловкость, пластичность, живучесть (ср.: *заживает как на кошке*). В качестве характеристики женщины используются такие качества как способность выживать, мягкость движений, хищность, гордость (ср.: *кошачья поступь, живуча как кошка, кошачьи манеры, влюбленная как кошка, ревнивая как кошка* и др.).

Метафорическое переосмысление названий животных *кошка* и *мысық* может служить ярким примером выражения этнокультурной специфики. Русскому зоообразу *кошка* свойственны противоречивые коннотативные признаки; так по-русски называют ласковую женщину (девушку, девочку), влюбчивую женщину (девушку, девочку), ловкого, гибкого человека, способного легко и проворно прыгать, взбираться; легкую и неслышную походку называют *кошачьей поступью* и др. Наряду с этим *кошка* является «живучим» зоосимволом, так называют человека, способного выжить в любых условиях. Сравнения *как дохлая кошка, драная кошка, как кошка с собакой, играет как кошка с мышью* репрезентированы в русском языке отрицательными коннотативными значениями. Несмотря на это, метафора русского языка *кошка* не выявляет остро аффективных признаков в отличие от казахского зооморфизма *мысық*. Вопреки исламской трактовке зоообраза, данное животное считалось казахами недоброжелательным. В отличие от русского народа, для которого кошка является любимым животным (в русской культуре в новый дом сначала пускают кошку «на счастье», чтобы хорошо жилось), казахи не держали ее в качестве домашнего животного, не допускали к беременной женщине и маленьким детям. В связи с этим известны образные пейоративы *мысық тілеу, мысық даме*, негативное значение которых мотивировано вышеуказанными поверьями. Сходное с русскими компаративными конструкциями *мучить как кошка мышку, играть как кошка с мышкой* и др. приобретает казахская пословица *мысыққа ойын керек, тышқанға өлім керек*.

Выявление ряда отрицательных метафорических значений названия животного в казахском языке связано, по-видимому, с ранними доисламскими представлениями казахов, а также культурными особенностями, в частности кочевым укладом жизни, где наибольшее значение имели так называемые «төрт түлік» - четыре вида домашнего скота, имеющего хозяйственное значение для быта кочевников.

Хозяйственное значение кошек для России подтверждает пример блокадного Ленинграда. Согласно сведениям, весной 1943 года, когда Красной Армии удалось прорвать блокадное кольцо, выяснилось, что в городе господствуют крысы, нападающие на людей. Тогда постановлением Ленсовета из Ярославской области были выписаны четыре вагона дымчатых кошек, считающихся лучшими крысоловами, которым впоследствии город был обязан освобождением от крыс.

Подытоживая сказанное, хочется отметить, что язык и религия, являясь самостоятельными знаковыми системами, находятся в тесной взаимосвязи. Особенности мифолого-религиозного сознания оказывают заметное влияние на культуру, литературу и фольклор казахского и русского народов.

Литература

1. Мечковская Н.Б. Язык и религия: Пособие для студентов гуманитарных вузов. – М.: Агентство «ФАИР», 1998. – 352 с.
2. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – М.: Эллис Лак. – 1995 г. - 416 с.

3. Ғабитханұлы Қ. Қазақ мифологиясының тілдегі көрінісі. – Алматы: Арыс, 2006 г.- 168 с.

УДК: 811.411.21'04:811.222

Сегизбаева К. К.
ст. преподаватель Академии КНБ
E-mail: segizbayeva_k@mail.ru

АРАБСКИЕ И ПЕРСИДСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ЛЕТОПИСИ «ЖАМИ АТ-ТАУАРИХ» КАДЫРГАЛИ ЖАЛАИРИ

Abstract

The purpose of this article is description of some Arabic and Persian phraseological borrowed words and phrases used in Jamie at-Tauarih Cronicles of Kadyrgali Zhalairi, written at the end of the XVI century in the Central Asian Turkic literary written language.

The Arabic and Persian languages and literature paid the tremendous role in the Turkic culture of the Middle Ages, respectively, in the Turkik language abounded with Arabism and Iranism.

This tradition can be also seen at Jamie at-Tauarih Cronicles. The Chronicles are mainly translated from the famous Jamie at-Tauarih of Rashid ad-Din. The book has many Arabic and Persian elements and phraseological units.

Summarizing, a fact that the Chronicles of Kadyrgali Bek contains a lot of Arabism and Iranism means that our author also followed the traditions of the Central Asian Turkic written language, but not all of Arabism and Iranism given in the work are borrowed words and phrases. Following the tradition of those periods, most of them remained in the Chronicles and in their original language and nowadays they are not used in the modern language anymore.

borrowed idioms, Alkoran, arabism, farsism, chronicles, religious formulas.

Язык – уникальное явление, которое не может жить изолированно. На протяжении многих веков языки мира развиваются и изменяются в тесной связи между собой. В результате многовекового соседства или распространения образцов письменной литературы, а также религии, народы заимствуют друг у друга не только новые лексические единицы, но и новый взгляд на окружающий мир. Так, например, арабский язык и священная книга мусульман – Коран, не только обогатили тюркские языки, но и оказали сильное воздействие на культуру этих народов. Коран, его идейные установки, сюжеты, мотивы, образы и вообще стиль послужили источником, образцом для средневековых авторов. Его тафсиры, изречения Пророка вначале в рукописях, затем в печатной форме широко распространялись среди тюрков. Имеются их переводы, комментарии. В тюркских языках очень много заимствований из арабского языка, в том числе и из Корана. Многие памятники тюркского словесного искусства в той или иной степени связаны со Священной книгой мусульман. В средние века, опираясь на духовные достижения народов, входивших в состав исламского мира, а также используя опыт и достижения других этносов и стран, была создана так называемая «мусульманская цивилизация», характеризующаяся интеллектуально-культурным богатством, высоким уровнем творческой мысли, многогранностью и глубоким гуманистическим содержанием. Она оказала большое влияние на последующее развитие науки и культуры других народов, в том числе и тюрков. Общность религии, графики определяли относительное единство, сходство письменной, да и вообще духовной культуры народов мусульманского мира. В тюркской культуре средних веков арабский и персидский язык, а также персидская литература занимали особое место. Арабский язык был языком науки и религии, а персидский – языком литературы. На персидском языке также велась деловая переписка. Примерно до XV века образованные тюрки наряду со своим родным

языком хорошо владели арабским и персидским языками. Заимствованная арабская и персидская лексика охватывает не только сферы религиозной и духовной культуры, но и бытовой сферы жизни. Традиционно средневековый тюркский литературный язык отличался изобилием арабизмов и иранизмов. Авторы предпочитали употреблять арабскую и персидскую лексику, несмотря на существование тюркских эквивалентов. Часто использовались не только отдельные слова и выражения, но и целые аяты из Корана.

Эта традиция сохранилась и в сборнике летописей «Жами ат-тауарих» Кадыргали Жалаири, который был написан в конце XVI века на среднеазиатском тюркском литературном письменном языке. Большая часть сборника летописей представляет перевод знаменитого «Жами ат-тауарих» Рашид ад-дина. Как и многие сочинения тюркских писателей «Летопись» начинается с восхваления Всевышнего и его Посланника. В работе много арабских, персидских элементов и персидско-тюркских параллелей. Но не все арабизмы и иранизмы в «Летописи» можно считать заимствованиями. Заимствованной лексикой являются слова, которые применяются автором регулярно наряду с тюркскими параллелями и меняются грамматически как собственные единицы родного языка. Например, متخير *mutahaiir* “растерянный”, موافق *muafiq* “согласный”, معتبر *mu'tabar* “считающийся”, دوست *dust* “друг”, وقت *uaqt* “время”, ولاية *uilayat* “область, провинция”, مغرب *mayrib* “запад”, مشرق *mašriq* “восток”, تصرف *tasarruf* “поведение”, تفصيل *tafsil* “подробный”, ترتيب *tartib* “порядок”, اقليم *iqlim* “регион”, اجداد *agdad* “деды, предки”, مدة *muddat* “срок, время”, ميمينه *maimana* “правый”, ميسرة *maisara* “левый”, جنوب *janub* “юг”, جهة *jihat* “сторона”, قرار *qara* “решение”, خدمة *hidma* “служба, услуга”, كافر *kafir* “неверующий, неверный”

В «Летописи» использованы не только отдельные единицы, но и словосочетания, а иногда и целые предложения. Это – устойчивые выражения, пословицы, выдержки из Корана. Фразеологизмы и готовые клише на арабском языке не являются заимствованиями. Автор употребил их в готовом виде без перевода по традиции того времени, потому что перевод многих религиозных понятий был очень затруднительным. Академик Р.Сыздыкова, которая выполнила транскрипцию, издала «Летопись» во второй раз после И.Н.Березина и исследовала его язык, сказала о фразеологизмах в труде: ««Летопись» как историографическое сочинение является образцом научной литературы тех времен и в стилистическом отношении не выходит за рамки общей нормы словоупотребления. Однако отрицать употребление фразеологизмов вообще в языке нехудожественных жанров нельзя» [1.91]. Ученый подробно описал и рассмотрел грамматическую структуру фразеологизмов «Летописи».

Задача данной статьи – описание некоторых арабских и персидских фразеологических заимствований в «Жами ат-тауарих». В нашей «Летописи» встречаются арабские и персидские фразеологизмы, при этом арабские устойчивые выражения заимствованы через персидский язык. А также почти все фразеологизмы «Летописи» являются неидиоматическими, у которых все компоненты сохраняют буквальные значения. Ученые, которые относят такие словосочетания к фразеологии – В.Л.Архангельский [2], Н.М.Шанский [3] и другие – считают, что фразеологичность не обязательно связана с семантической перестройкой компонентов, и включают в состав фразеологии устойчивые словесные группы разных типов.

В.Д.Ушаков, который исследовал фразеологизмы в Коране, делит их на именные и глагольные [4.76]. В данной работе мы рассмотрим только некоторые именные словосочетания. Среди именных фразеологизмов в «Летописи» встречаются словосочетания с числительным. Например: يتي اقليم *ieti iqlim* [1.125], تورت طرف *tort taraf* Словосочетание *tort taraf* означает “четыре конца света”, в котором *taraf* - арабское слово - “конец”, “край”, “сторона”. А в словосочетании *ieti iqlim* слово *iqlim* по-арабски “пояс”, “район” а *ieti* по-тюркски “семь”. В современном казахском языке этого выражения нет, но есть *jeti yalam*, которое означает “семь миров” Н.Уалиулы писал о словосочетаниях с числительным *jeti*

“семь”: «*“jeti yalam”* в современном языке означает “весь мир”, “весь свет”. Слово *jeti* здесь не имеет числительного значения. В древности этот термин изображал старые мифологические представления народа о вселенной. Понятие о “семи мирах” является общим для многих народов» [5.13].

Есть парные, параллельные элементы, которые В.Д.Ушаков назвал: «копулятивные (бинарные сочетания слов, принадлежащие к одному грамматическому ряду)» [4.76]. Например, *انس و جن* *ins ua jinn* “люди и джинны” встречаются в нескольких сурах Корана (VII.38; VII.179; XVI.88; XXVII.17), *المشرق بيلام المغرب* *mašrig bilan mayrib* “восток и запад». Это выражение есть в трех сурах Корана (II.115, 142, 177, 258; XXVI.28) [8; 9]. Словосочетание *عش و عيشة* *aiš ua aišrat* переводится как “спокойное, мирное время”. В «Летописи» есть и другие варианты этого словосочетания:

اسايش و عيش و فراغت و اسايش ليق *asaiš ua aiš ua farayāt ua asaiš* и *جرغاميش و عيش و اسايش* *asaiš ua aiš ua jirγamiš*, где *farayāt* с арабского переводится как “пустой”, “свободный”. А *asaiš*-на персидском означает “тишина”, “покой”. О суффиксе -мыш в слове *jirγamiš* Р.Сыздыкова пишет: «Историографическим сочинениям на персидском языке было свойственно употребление аналитических глаголов, состоящих из тюркского глагола на -мыш плюс персидский вспомогатель. Переводчик персидский аналитический глагол с тюркским компонентом копирует как модель, заменив персидский вспомогатель тюркским словом *qil-*». [1.104]. Что касается *jirγa*, то это – древнетюркское слово, означает “веселиться”, “наслаждаться”. (ЭСТЯ 1989:42).

Следующие изафетные сочетания образованы с помощью слова *صاحب* *sahib*: *صاحب جمال* *sahib jamal* “красивый”, *صاحب شوكت* *sahib šaukat* “сильный”, *صاحب قران* *sahib qiran* “выдающийся”. По словам Ю.А.Рубинчика: «Слово *sahib* “владелец”, “хозяин” вступает в сочетание со многими существительными, получая значение “обладатель”. Однако в таких сочетаниях часто наблюдается ослабление синтаксической связи между компонентами – утрата изафета, что ведет к образованию сложных слов» [6.104]. Слово *qiran* в персидском языке означает “соединение двух светил в одном знаке Зодиака”. А в сочетании со словом *sahib* употреблялось как эпитет с именами выдающихся правителей, свершивших великие дела [7. 4-т.182]. Словосочетание *صادق القول* *sadiq al-qaul* “правдивый словом” образовано от арабского причастия *صادق* *sadiq* “правдивый” и масдара *القول* *al-qaul*. “слова”, “речь”, “высказывания”. В словосочетании *خوب صورتليغ* *hub suratliy* первый компонент – персидское слово “хороший”, “приятный”, а слово *صورة* *surat* с арабского языка переводится как “образ”, “картина”. Словосочетание переводится как “красивый”. В средневековом среднеазиатском персидском языке это словосочетание употреблялось в виде *خوب صورت* *surat hub*, в современном персидском языке употребляется словосочетание *خوب رو* *hub ru* (*ru* – лицо), в котором оба компонента являются персидскими [7.1-т.1451].

Выражение *آخر زمان* *ahir zaman* “конец света” состоит из двух слов. В современном казахском языке это словосочетание лексикализовано и употребляется как одно слово. Несмотря на то, что оба компонента являются арабскими, словосочетание в этом виде в арабском языке не встречается, а в персидском языке употребляется. В арабском языке это понятие передается иначе – *اليوم الاخير* *al-iaumu-l-ahir* или *الآخرة* *al-ahira*. То же самое со словосочетанием *فاني دونيا* *fani dunia* – “переходящий мир”, которое в этом виде употребляется в персидском языке и в современном казахском языке. А в арабском языке понятие “переходящий мир” передается одним словом *الفانية* *al-fania*. Поскольку «Летопись» является сокращенным переводом «Сборника летописей» Рашид ад-Дина, автор передает почти все арабизмы в персидском варианте. О том, что арабизмы заимствованы в тюркские языки через персидский язык известно из трудов А.К.Курышжанова, Л.З.Рустемова, Б.Н.Жубатовой.

Также в «Летописи» встречаются словосочетания *والي العهد uali al-ahd* и *شاهنشاه šahinšah*, которые означают титул. Первое словосочетание с арабского переводится как “наследник престола” и является титулом принцев. А второе в переводе с персидского означает “царь царей”, в котором слово *šah*, является первым компонентом в составе сложного слова в значении “главный, основной, предпочтительный, самый лучший”.

Что касается глагольных фразеологизмов в «Летописи», то можно отметить только одну пословицу, Которая встречается в ней. Об отношении пословиц и поговорок к фразеологизмам в казахском языкознании и других тюркских языков еще нет общего мнения. Тем не менее, мы рассматриваем данный пример как устойчивое выражение в рамках фразеологии:

من حسنات سياسته دامت رئاسته Ман хасанат сийасатух, дамат риасатух [1.191], что в переводе означает “Кто правит хорошо, тот правит долго”. В арабском языке пословицы и поговорки называют такими терминами как масаль, хикма, ‘ибра.

В «Летописи» в главе посвященной предкам Чингиз хана Добун Баяну и Алан Куа есть отрывок воспевающий величие Аллаха [1.142]. Этот текст, состоящий из нескольких предложений, является свободным пересказом содержания Коранических аятов на тюркском языке арабскими словами [II.111; III. 42,52; VI.72; XVI.142]. Структура предложений сложная, в которых арабские и тюркские слова перемешаны. Одно из устойчивых выражений, выражающее смысл текста: *كن فيكون kun faiakun*. Здесь *kun* – форма повелительного наклонения от глагола *كان kana*. В переводе с арабского – быть, *fa* – союз, *iakun* – настоящее-будущее время глагола *kana*. Оригинальный вариант Коранического аята пересказанного на тюркском языке выглядит так: (إنما امره إذا اراد شيئاً ان يقول له، كن فيكون)

Перевод: «Когда Он желает чего-либо, то стоит Ему сказать: «Будь!». — как это сбывается». (сура «Йа-син», 82-аят)

Еще одно устойчивое словосочетание в «Летописи» - *يفعل الله ما يشاء Iaf'al Alla ma iaša* Что в переводе означает: “Аллах делает что пожелает”. Это словосочетание встречается в двух сурах Корана [XIV. 27; XXII. 18]. Глагол *شاء šaa* в этом словосочетании, который переводится как “желать” есть в составе известных всем мусульманам выражениях как *إن شاء الله in šaa Allah* “Если Аллаху будет угодно” и *ما شاء الله ma šaa Allah* “То, что было угодно Аллаху”. Эти выражения, состоящие в арабском языке из трех слов, в казахском языке подверглись лексикализации и поэтому произносятся и пишутся в виде *иншалла, машалла*. Об этом фразеологизме В.Д.Ушаков сказал: «Впоследствии выражение *إن شاء الله* превратилось в распространенную обиходную разговорную формулу выражения «надежды», иногда «неуверенности» [3.129].

В летописи можно встретить формулу, употребляемую при упоминании имен правителей: *خلد الله ملكه hallada Allah mulkuhu* Перевод: “Да сделает Аллах его царствование вечным”. Также в летописи есть варианты этой формулы как *خلد الله سلطانه hallada Allah sultanu-hu* и *خلد الله ملكه و سلطانه hallada Allah mulkuhu ua sultanuhu* (Царствование и власть).

В главе, где повествуется о кончине Чингиз хана, приводится аят из Корана: (و لا تدع مع الله الهاء اخر لا اله الا هو كل شيء هالك إلا وجهه له الحكم و إليه ترجعون)

«Не взывай наряду с Аллахом к другим богам. Нет божества, кроме Него! Всякая вещь погибнет, кроме Его Лица. Только Он принимает решения, и к Нему вы будете возвращены».(сура «аль-Касас», 88-аят).

Устойчивые глагольные словосочетания, приведенные в пример скорее относятся к религиозным формулам. Потому, что в них нет образности присущей фразеологизмам. Общий смысл выражений исходит из значений слов в их составе. Но в них есть устойчивость в применении и законченность.

Все эти фразеологизмы за исключением *ahir zaman, fani dunia, in šaa Allah, ma šaa Allah* в современном казахском языке не применяются. Однако, судя по тому, что Кадыргали би в своей «Летописи» без изменений применил Коранические аяты и религиозные формулы связанные с Исламом из произведения Рашид ад-Дина это не противоречило традициям письменного литературного языка и считалось понятным для всех.

Итак, большое количество арабизмов и иранизмов в «Летописи» Кадыргали бека говорит о том, что наш автор тоже придерживался традиций среднеазиатского тюркского письменного языка, но не все арабизмы и иранизмы в труде являются заимствованиями это – дань традиции, большинство из них осталось на страницах «Летописи» и не нашло применение в современном языке.

Литература

1. Сыздыкова Р.Г. Язык «Жами' ат-тауарих» Жалаири. – Алма-Ата: Наука, 1989.
 2. Архангельский В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Ростов на Дону, 1964.
 3. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. М., 1972.
 4. Ушаков В.Д. Фразеология арабского классического языка: дисс.док.филол.наук. – М., 1989.
 5. Уәлиұлы Н. Фразеология және тілдік норма. – Алматы, 1998.
 6. Рубинчик Ю.А. Основы фразеологии персидского языка. М., 1981.
 7. Dr.Mohamad Mo'in. An intermediate Persian dictionary. Tehran, 1996.
 8. Құран Кәрім, қазақша мағына және түсінігі. Аударған: Халифа Алтай, СаудАрабиясы.
- Коран на русском. Перевод смыслов Э.Кулиева.<http://musulmanin.com>

УДК 811.411.21'04

Г. Тоқшылықова
Абылай хан атындағы ҚазХҚ және ӨТУ,
қазақ филологиясы кафедрасының аға оқытушысы

МАНАСТАНУДЫҢ ЖАРҚЫН БЕЛЕСІ – МАРҒҰЛАН ЗЕРТТЕУЛЕРІ

Summary

In this article is observed the question about epos Manas and in article we wrote scholars that learned these epos and their opinions.

This article is about Romantic polish poet Adam Mickiewicz's works in XIX century. A.Mickiewicz was not only lyric poet, and master of ballade genre. A lot of Mickeviche's ballades was translated into Kazakh language. Head of this work was Abay Kunanbaev. K.Jarmagambetov, K.Toguzakov and K.Kokishov were helped to translate poet's ballades. Researching artistic particularities, sujet, idea of Mickevich ballade, kazakh-polish literary connection problems was discussed.

Keywords

Epos, «Manas», «Shon Gazat», heroic epos, «great campaign».

В этой статье раскрывается история исследования великого эпоса «Манас», принадлежащего историческим и литературным ценностям киргизского народа.

Әлем әдебиетінде көлемі жөнінен, көркемдік құндылығы жағынан, мазмұны, ғылыми маңыздылығы тұрғысынан талассыз бірінші орын алатын ұланғайыр ұлы туынды бар, ол – «Манас» трилогиясы. «Манас» – әлемге танымал эпостардың ішіндегі ең көлемдісі

болғандықтан бүгінгі таңда әлемдік біріншілікті иеленіп отыр (көлемі 500 000 жол, әр нұсқасында 9-10 млн. сөз қолданылған). «Манас» – қырғыз халқының ұлттық болмыс-бітімі, әдет-ғұрпы, халықтық философиясы, ұлттық идеологиясы. Эпостың қырғыз халқының тарихындағы және мәдени дамуындағы маңызы зор. Талай ғасырлар бойы қырғыз жастарын елжандылық, отан сүйгіштік, жалынды ұлтжандылық рухында тәрбиелеп келе жатқан асыл мұра. Бұл туындыда қырғыз халқының күллі рухани, мәдени сөз байлығы, тарихы, салт-дәстүрі, ұлт бойындағы абзал қасиеттері жинақталған десек қателеспейміз.

«Манас» түркі халықтарының ауызша-әдеби шығармашылығы ескерткіштері арасынан көркемдік жағынан да, ғылыми маңыздылығы тұрғысынан да талассыз бірінші орын алады. Ал көлемі жөнінен «Илиаданы» ондаған есе орайтын бұл жойқын эпос ең ұзақ (сонымен қатар біртұтас мазмұн кеңістігін құрайтын) дастан ретінде өзге ұлттардың бізге белгілі барлық жырлары арасынан әлемдік біріншілікті иеленуі тиіс» деп Е.Поливанов орынды айтқан [1,6].

Өзінің көп ғасырлық даму тарихында қырғыз халқының әдеби мәдениеті дамудың ең биігінде көрінді. Көршілес жатқан қуатты державалардан өз еркіндігі мен тәуелсіздігі үшін үнемі күресіп отыруы, көшпелі жағдайда жазу-сызуының болмауы және «жоғарғы поэтикалық дарындылығы» қырғыздардың ауызекі эпикалық жанрларының пайда болып, өркендеуіне ерекше ықпал жасады. Бұл жөнінде қырғыз ғалымы Ш.Айтматов: «қырғыздар өзге халықтың тарихты баяндауда көркем әдебиетте, театрда, сурет галереясында және мүсіндемеде бейнелеген нәрсесін өз эпосында көрсете алды. Мұнда лирикалық махаббат та, әлеуметтік тұрмыс та, мінез-құлық эпикалық тақырыптар қоса өрілген. Мұнда ежелгі қырғыздардың жағрапия, медицина, сәулет, астрономия, әскери өнер туралы мәліметтері кездеседі. Мұнда көркемдік үлгі мен әдістің, жай сатира мен әзілден бастап, адам жанына рухани азабы мол трагедия шыңына символизм мен ресмилік терең мінез-құлықтықпен егіз өрімді» деп терең баға берген [2,4].

Ғасырлар бойы ұмытылмай келе жатқан орасан зор эпикалық туындыны қазақ халқының ұлы перзенті Ш.Уәлиханов алғаш рет 21 жасында бүкіл әлемге танытты. Ол 1856 жылы қырғыз жерінде болған сапарында манасшылардан «Көкетай ханның асын» жазып алып, оны орыс тіліне аударды. Орыс тіліндегі Шоқан түсіндірмесі арқылы «Манас» жыры әуелі Ресей жұртшылығына, кейін Еуропа халқына белгілі болды. Ол «Қырғыздар туралы жазбаларында», «Жоңғар очерктерінде» эпосқа жоғары баға берді. Сөйтіп, «Манастың» басқа тілдерге аударылуына, орыс және еуропа ғалымдарының жырды зерттеуіне жол ашты. Эпосқа: «Алатау қырғыздарының поэзиялық ең басты және жалғыз десе де болғандай данышпандық халық шығармасы – «Манас туралы» дастан екені күмәнсіз. «Манас» – бір кезеңге және бір адамның – Манас батырдың төңірегіне топтастырылған барша халық ертегілерінің, хикаялары мен аңыздарының, география, дін және салт-сана, әдет-ғұрып жөніндегі түсініктерінің энциклопедиялық жиынтығы. «Манас» – бүтін бір халықтың шығармасы, соның көп жылдық творчествосының жемісі – дала Илиадасы десе де болғандай» деп алғаш классикалық анықтама береді [3,10].

Жас ғалымның осы ойын әрі қарай өрбіткен ғалым В.В.Радлов болды. Ол Шоқаннан 5-6 жылдан кейін «Манас» жырын жазып алып, 15 жылға жуық ой елегінен өткізіп, зерттеу еңбегін «Түркі тайпаларының әдебиет үлгілері» деген атпен 1869 жылы басып шығарып, «Манас» эпосы – халықтың бүкіл өмірі мен барлық ой-армандарының поэтикалық көрінісі. Бұл эпос дәл гректердің эпосы тәрізді тұтас бір халықтың рухани өмірі мен мінез-құлқының айқын бейнесін бере алады» деп дамытады.

Шоқанның мезгілсіз қазасынан кейін оның артында қалған мол әдеби, мәдени, тарихи мұраларының бір бөлігі орыс достарының кітапханаларында қалса, көпшілігі жоғалып кеткен болатын. Сол жоғалған дүниелердің ішінде «Манас» жырының Шоқан жазып алған «Көкетай ханның асы» атты нұсқасы да болатын. Осының салдарынан болар «Манас» жыры

көп уақытқа дейін ғылыми айналымға енбей, белгісіз болып жатты. Жырдың зерттелу тарихына барлау жасай отырып, аталған жырдың тек Ұлы Отан соғысынан кейінгі жылдарда ғана ғылыми тұрғыда зерттеле басталғандығын аңғару қиын емес. Бірақ қай кезде болмасын жырдың тағдыры өте ауыр болды. Себебі «Манасқа» қарсы қалыптасқан шовинистік көзқарастан жырды арашалап алу оңай болған жоқ. Атап айтқанда, «Манас» эпосының негізгі тарауларының бірі – «Ұлы жорық» («Чоң Ғазат») 1938 жылы орыс тіліне аударылып, 1946 жылы «Манас». Киргизский эпос. «Великий поход» деген атпен Мәскеуде орыс тілінде жеке кітап болып жарық көрді. Кітапта қырғыздың «Чоң Ғазаты» – «Великая война Манаса за веру» деп аударылып, Манастың жорықтары да, жеткен жетістіктері де Исламмен байланыстырылып айтылады. Тіпті кітаптың 361-бетінде: «Утвердился дух мусульман, утвердилась киргизская власть» деп келетін жолдар да кездеседі. Сонымен қатар, жырда Алмамбет бейнесіне де көп тоқталады: «Алмамбет был зачат непорочно мусульманкой Алтынай и, не успев выпасть на землю из чрева матери, закричал «Ислам!». Мүмкін буржуазия өкілдері манасшыларды мәжбүрлеп халық арасына кең тараған осындай аяулы, халық қадірлейтін жырды өз саясатына пайдаланғысы келген шығар. Қалай болғанда да жырда халыққа жат, панисламистік, пантүркілік идеялар молынан жырланып отырғандықтан, жырды кітап етіп шығару большевиктік партияға қарсы шығу деген көзқарас тудырды.

Негізінде жырдың қырғыз тілінде нұсқасы 1949 жылы жариялануға дайындалып жатқан. Редакторлары ретінде қырғыз ғалымдары У.Джакишев, К.Маликов, К.Соронбаевтар белгіленген болатын. Бірақ партияның түсінігі бойынша «эпос «антинародный» қабатынан тазаланбағандықтан» жырды жариялауға тыйым салды. Осыдан кейін-ақ, Мәскеу газеттері жырды реакцияшыл, пантүркістік, буржуазиялық-ұлтшылдық тұнып тұрған туынды деген сарындағы мақалаларды қаптатып, жыр мәтіні оқулықтан алынып тасталды. «Манастың» елдік пен бірлікті уағыздайтын маңыздылығы мүлде айтылмай, керісінше, Манас деспот, ұрысты тұтандырушы, ислам дінінің жақтаушысы деген сыңаржак пікір таратты. Боровков: «Қырғыз эпосында идеялық қарама-қайшылық бар. Феодалдық-клерикалдық редакциясында басқыншы-хандық, мұсылман қолбасшысының образы айқын. Айтар болсақ, буржуазиялық-ұлтшылдық фальсификация Сағымбай мен Тоғолоқ Молданың варианттарында пантүркілік, Алашордалық версиялар шиырланған. Анда-санда жылт еткені болмаса, елдікті уағыздап жазған тұстарды табу қиын» деген жаңылыс пікір айтады [4,8]. Тіпті, «Манастан» екінші «Илиаданы», манасшылардан «XIX, XX ғасырдағы Гомерлерді көрудің өзі артық» деп алғашқы манастанушы ғалымдар Шоқан, Радловтардың пікірін жоққа шығарады.

Эпостың 1952 жылғы жиында үлкен сынға ұшырап, одан ұлтшылдықтың сарқынын іздеу де осы әрекеттен туындаған құбылыс еді. «Манас» жырын тек қана ислам дінімен байланыста алып қарастырғандықтан, әрине жырдың тамырына балта шабылады. Мұндай қиындықты қазақ ауыз әдебиетінің мұралары да басынан кешіргені белгілі.

Бірақ, қырғыз халқының бақытына орай қазақ халқының заңғар жазушысы, ұлы ғалымы, академик М.Әуезов осы жиында ештеңеден жасқанбай, жалтақтамай, асқан білімдарлықпен маңызды деректер келтіре отырып, «Манастың» елдік мазмұнына ерекше тоқталып, теңдесі жоқ бай мұраны жат көзқарастардан аршып, тазартып береді. Осы 1952 жылы «Манас» жыры халықтық шығарма деп танылғанымен оны сан рет дәлелдеуге тура келді. Солардың қатарында С.Даронянның «К вопросу о народности эпоса» (1958) атты кандидаттық диссертациясын атауға болады. Даронян жыр бірнеше әлеуметтік-экономикалық ғасырлардың жемісі болғанымен, одан шынайы тарихты іздеудің қажеті жоқ, жырда тарихи деректер сақталғанымен, оны халық өзінше жырлап жеткізген дейді. Мұнан соң В.Ромодиннің шығыстану институтының Ленинград бөлімінде тәжік тіліндегі «Жылнамалар жинағы» табылғандығын, онда «Манас» эпосымен байланысты бірнеше эпизодтар, қырғыз тайпалары жөнінде қызықты тарихи-этнографиялық мәліметтер бар

екендігі жөнінде жазған «Новое о «Манасе» (1960) атты мақаласы жарияланады. Аталған мақаласында В.Ромодин «Манас» жырында қырғыздың және басқа да түркі тайпаларының тарихи этнографиясын зерттеуге қажетті тайпалар мен жер аттары жөнінде, сондай-ақ, Тянь-Шань топонимикасын зерттеуге қажетті материалдардың молынан қамтыған деген ой айтады. Л.Борисов «Манас» известен с ХУІ века» (1967) атты мақаласында Манасты географ, ағартушы Ш.Уәлиханов жазбаларынан 1856 жылдан бастап таныс деу қалыптасқандығымен Ленинград қолжазбалар жинағынан ХУІ ғасырда Ферғанада молда Сайф аддин Ахсаканди бастап жазып, оның ұлы жазып аяқтаған «Маджму ат-Таварих» атты 2 жазба табылғандығын жариялайды. Л.Борисов айтып отырған жазбада Манас, әкесі Жақып, қалмақ ханы Жолай туралы эпизодтар берілген. С.Бегалиевтің 1965 жылы жарияланған «Поэтика эпоса «Манас» атты мақаласында жырдың көркемдігі, поэтикалық ерекшеліктері, халықтық юмор, сатира сөз болады. Мұнан кейін З.Мамытбековтың, У.Джакишевтің, А.Мусиновтың, М.Әуезовтің, Р.Қыдырбаевалардың жырға қатысты ғылыми мақалалары, еңбектері жарық көрді. Десек те, Ә.Марғұланнның 1971 жылы жарық көрген «Шоқан және Манас» атты еңбегі эпосты терең пайымдаулар жасай отырып талдаған «Манастану» ғылымындағы тұңғыш тыңғылықты ғылыми еңбек десек артық айтқандық емес.

Манастанудағы зерттеушілердің көбі дендеп бара бермеген мәселелерді шешуге ұмтылуының өзі Марғұлан зерттеуінің құндылығын көрсетеді. Марғұлан зерттеуінде жырдың жазылу тарихы, жырдың зерттелу деңгейі манастанушылардың қосқан үлесі, жыр мазмұны, сюжет құрылысы, жырдың шыққан дәуірі, ондағы ерлік бейнелер, тарихи тұлға, жер, ел аттары, олардың тарихи негізі секілді мәселелер жан-жақты талданады. Ғалым осы мәселелерді талдау арқылы номадтар мәдениеті қалдырған «Манас» жыры бойынша өзін толғандырған ғылыми маңызды сұрақтарға жауап іздейді. Және энциклопедист ғалымның ұшан-теңіз білімі, ойының тереңдігі, қажырлылығы жырдағы маңызды мәселелерді анықтауда, ғылыми жаңалықтар ашуда, манастануға өзіндік үлесін қосуға зор мүмкіндік берді. Бұл салада ғалым Манастанудағы ірі ғалымдар мойындаған, мойындап қана қоймай, негізгі тірек ететін ғылыми пайымдауларын жасады. Оның Шоқан жазып алған «Көкетай ханның асын» тауып, оның факсимилесін жариялауының өзін – ғылымдағы үлкен табыс деп білуге болады. Кезінде жас ғалым Шоқанның «Манас» жырын жазып алып, бүкіл әлемге танытуы қандай үлкен қуаныш, жаңалық болса, Шоқанның жоғалып кеткен сол асыл мұрасын ғасырға жуық уақыттан кейін Ә.Марғұланнның тауып, ғылыми айналымға енгізуінің өзі – үлкен қуаныш, ұлы жаңалық.

«Манас» жырының Шоқан нұсқасын табуды Ә.Марғұлан әуелден-ақ, нақтылай айтқанда 1931 жылдан бастап алдына мақсат етіп қойған. Академик А.Н.Самойловичтің жырға қатысты айтылған ойлы, өкінішке толы сөзінен кейін Ә.Марғұлан «кейде үміттеніп, кейде түңіліп» ой толқынына батып жүргенде, көп заман ғылымға белгісіз боп жатқан, көптеген шығыстанушы ғалымдардың ынта қойып, табуға ерекше құлшыныс білдіріп, көп уақыттарын сарп еткен «Манас» жырын табу бақытына 1964 жылы архив материалдарын сарыла ақтарудың нәтижесінде қол жеткізген еді.

«Манас» жырының бұл нұсқасын табуға себепкер болған Шоқанның замандас досы, тарих, пәлсапа, заң ғылымдарын терең білген татар ғалымы Хұсаин Фаизхановтың Шоқанға жазған хаттары. Марғұлан Х.Фаизхановтың Шоқанға жазған екі хатын 1959 жылы Г.Н.Потаниннің архивінен тауып, хаттың жоғалған беттерін ұзақ уақыт таба алмағандықтан, қолында бар дүниесін газет бетіне жариялайды. Бұл хаттар 1895 жылға дейін Шоқанның әкесі Шыңғыстың сандығында сақталып келген. Осы хатта жазылған: «Сіздің дәптерлер арасында «Көкетай хан ертегісі» қазақ ертегілерінен біраз басқарақ көрінеді... Соның хикаясын жасаңыз деп өтінемін. Жақсы нәрседен көрінеді» [5,4] деген жолдардан Марғұлан «Манас» жырының Шоқан жазып алған «Көкетай ханның асы» деп аталатын нұсқасының

мүлде жоғалып кетпегендігін, қалың қағаздың арасынан бір күні табылатынын ғылыми түйсігімен сезінеді.

Марғұлан ізденісінің жемісті болуы ғылым үшін аса маңызды құбылыс болды. Марғұлан Шоқан нұсқасының фотокошірмесін жариялағаннан кейін, оны А.Қарасартов орыс графикасына аударады. 1977 жылы Шоқан нұсқасының фотокопиясы негізінде ағылшын оқымыстысы А.Т.Хатто араб графикасынан латын графикасына, сонсоң ағылшын тіліне прозалық аударма жасады. Яғни, Шоқаннан кейін «Манас» жырының әлем әдебиетіне белгілі болуына себепші болған, жырдың бағын жандырған – Марғұлан ізденісі деуімізге толық негіз бар.

Марғұлан дүниесінің маңыздылығының тағы бір дәлелі – қырғыз ғылымында манастанушы ғалымдардың өз зерттеулеріне негізгі тірек, өзек, бағыт етіп алуында. Сөзіміз дәлелді болу үшін қырғыздың ірі манастанушы ғалымдарының бірі И.Б.Молдобаевтың жырдың қазақ, өзбек, башқұрт, тува, алтай т.б. түркі тілдес халықтармен этникалық байланысын қарастырған еңбегінде Марғұлан зерттеулеріне: «эти отрывки стали достоянием широкого круга читателей только в советское время благодаря усилиям казахского ученого академика А.Х.Маргулана, который обнаружил утерянные записи Ч.Валиханова и представил свое исследование об этом варианте эпоса «Манас» на казахском языке, с приложением самого текста данного отрывка» деп берген бағасын келтіруге болады [6,8]. Сонымен бірге, Р.Қыдырбаева да: «особо среди исследований по эпосу «Манас» стоит книга известного казахского историка академика Казахской академии наук А.Х.Маргулана «Шоқан және «Манас». Как бы подхватив и продолжив добрую традицию своих великих предшественников – Чокана Валиханова и Мухтара Ауезова, он впервые опубликовал считавшийся утерянным киргизский текст эпоса «Манас» записанный Ч.Валихановым. Свою публикацию Маргулан сопроводил обширным предисловием, богато оснащенным материалами исторического, этнографического характера. Здесь следует подчеркнуть, что обнаружение и публикация неизвестного текста уже сами по себе является определенным вкладом в изучение проблем гносеологической и исторической специфики киргизского эпоса, не говоря уже об аналитическом исследовании этого текста» [7,14] деп Марғұлан зерттеуінің тарихилығын, маңыздылығын ерекше атайды. Ұлттық ғылымымыздың шеңберінен шығандап асып, қырғыздың ұлы эпосы жөнінде бүгінгі белді фольклортанушы ғалымдардың өзі мойындап, зерттеу жұмыстарында басшылыққа алып отырғандығының өзі Марғұланның «Шоқан және «Манас» атты монографиясының бергенінен берері, айтқанынан айтары көп ғылыми зерттеу екендігін танытады. Атап айтқанда, Марғұлан Шоқанның жырды қай жыршыдан жазып алғандығын, жырдың шыққан дәуірін, ондағы кейіпкерлердің тарихи тұлға екендігін анықтауға және жыр ислам дәуірінің туындысы емес, көне эпос екендігін дәлелдеуге көп еңбек сіңірді.

Жырға қатысты айтылған біржақты көзқарасқа ғалым барынша қарсы шықты. Әсіресе жырды ислам дәуірінің туындысы деп танудың мүлде қисынсыз екендігін дәлелдеуге тырысты. Мысалы, жырдың Тоғолоқ Молдоның нұсқасында Манастың достары ағылшындармен айкасса («англичанменен атышып, аңгемеге батышып»), Сағымбай Орозбақовтың нұсқасында олар тіпті Парижге кіріп, Наполеон әскерімен шайқасады. Сағымбай Орозбақов нұсқасында сонымен бірге В.И.Ленин өлгенде оны жоқтау жыры да бар. Бірақ мұнан жыр Наполеон немес Ленин өмір сүрген дәуірде туған деп қорытынды жасай алмаймыз. Мұның бәрі жырға кейіннен қосылған қаттаулар. Сондықтан, жырда айтылатын ислам элементтеріне қарап, жыр ислам дәуірінде туды деген жаңсақ қорытынды жасауға тағы болмайды. Осы тұрғыдан келгенде Марғұланның жырдың түпнұсқасын кейінгі қаттаулар мен қоспалардан ажыратып алмақ болған азаматтық әрекетін, ғылыми бағытын дұрыс бағыт деп танимыз.

Ғалым жырдың ислам дәуірінен анағұрлым бұрын туған дүние екендігін дұрыс аңғара білген. Манастану ғылымындағы көптеген жетекші ғалымдар да осындай ортақ пікірге келіп отыр.

Қырғыз ғалымдары «Манасқа» діни элементтердің ене бастауының 2 кезеңін көрсетеді. Біріншісі, мұсылман миссионерлерінің қырғыз халқының арасына ислам идеясын тарата бастаған уақыты, яғни, XIX ғасырдың басы мен ортасы деп көрсетеді.

Қырғыз тарихшысы проф. Б.Джамгерчинов: «религиозные верования киргизов к середине XIX в. далеко не ограничились официальной религией того периода – исламом. Ислам у киргизов был сравнительно поздним явлением» деп, ислам дінінің қырғыздың арасына тарала бастаған уақыты – қалмақтардың қудалауымен оңтүстікке қарай ығысқан қырғыздар Ферғана даласы, Бұхар, Қашғардың мұсылман халықтарымен экономикалық және саяси байланыстар жасай бастаған уақыты, яғни, ХУІІғ. екінші жартысы мен ХУІІІғ. арасы дейді. Ислам дінінің ену процесі әсіресе қырғыздардың Қоқан хандығының құрамына енген кезінде күшейгендігін, Қоқандықтардың өз билігін күшейту мақсатында дінді пайдаланғандығын көрсетеді.

Екіншісі – Кеңес үкіметінің құрылған кезеңінде, марксизм-ленинизм идеясының орнығуына қарсы топтардың күшеюі кезіндегі әрекет. «Манастың» мұсылмандануы осы дәуірде ерекше дамыды. Ол XIXғ. мен XXғ. басындағы «Заман» поэзиясымен байланысты болды. «Заман поэзиясының» мағынасын қай кезде де қырғыздың халық мұрасына біржақты баға беретін А.К.Боровков «жалоб на современность» деп атаған [4,15]. Бұл біздің қазақ әдебиетіндегі «зар заман» ағымымен идеялас, ұқсас, сарындас дүние. Шортанбай Қанайұлы өзінің «Зар заман» өлеңінде, елді бейшаралар басқарып отыр, ұл әкеге, қыз шешеге қарап қарсы сөйлейтін заман болды. Байлардың үнін өшірді, жаңа үкіметті орыстар өз қолына алды» деп жырласа, қырғыз «заманшылары» да орыс үкіметіне қарсы шығып, өздерінің патриархалдық-феодалдық құрылысын сақтап қалуға тырысты. Осыған байланысты осы кезеңде қырғыз әдебиетінде екі ағым қалыптасты: бірінші ағымды халықты прогреске шақырған, Ресеймен қосылуға үндеген демократ ақындар шығармашылығы құраса, екіншісі – қырғыз бен орыс халықтарын бір-біріне қарсы қойып, патриархалдық тұрмысты көксеген реакционер ақындар шығармашылығы құрайды. Бұл жөнінде «киргизские националисты в качестве идеологического орудия воспользовались реакционным наследием Арстанбека, Калыгула, Кылыча, прилагали все меры к тому, чтобы шире внедрить в сознание масс антирусскую направленность их творчества. И эпос «Манас» оны подвергли усиленному искажению с целью приспособить его в качестве опоры своего пошатнувшегося положения» деген сөздері растайды.

Жоғарыда айтылған Мәскеуде 1946 жылы жарық көрген кіткпта қырғыздың бұрмаланған «Ұлы жорығын» Марғұлан туған жердің, елдің тәуелсіздігімен байланыста алып қарайды. Ғалымның пайымдауынша, «ұлы жорық» дін үшін, дінді насихаттау үшін болған күрес емес, керісінше, көптеген тайпалардың отаршылдарға, соның ішінде қытайға қарсы күш біріктірген ерлік жорығы. Марғұлан ұлы жорықтың дінмен еш байланысы жоқ, бергі заманның шындығы екенін дәлелдейтін екі түрлі жорықты келтіреді:

1. 1756 жылы Манжур әскерінің Шығыс Түркістанға басып кіруіне байланысты бірінші ғазат көтерілген. Бүкіл Орта Азия халықтарынан қытайға қарсы көмек сұрап бұл ғазатты көтерген ағайынды Бұрхан-ед-Дин мен Қожа-Жахан. Бүкіл Орта Азия халықтары, соның ішінде, қазақ хандарын біріктірген бұл жорық – Ұлы Ғазат түрінде жүрген.

2. 1822-1825 жылдардағы ұйғыр мен қырғыз халқының қытайға қарсы көтерілісі [8,48].

«Чоң ғазаттың» исламмен ешқандай байланысы жоқ, халықтың сыртқы жауынан қорғану, өзінің тәуелсіздігін сақтау жолындағы соғысы екендігін қырғыз ғалымы М.Убукеев те дәлелдеуге тырысқан. Оның: «влияние Ислама на эпос настолько ничтожно и поверхностно, что не оставило сколь-нибудь заметного следа на нем. Вся семантика и содержание эпоса несет в себе печать

центрально-азиатской кочевой культуры, с ее мрачным пантеоном языческих богов и идолов, с ее древними руническими письменами, с ее седыми мифами и преданиями» [9,86] деген тұжырымдары Марғұлан пайымдауларын толықтыра түседі.

М.Убукеев «Ұлы жорықтың» шығу іздерін Л.Гумилев еңбегіне сүйене отырып, IX ғасырдағы Месопатамия мен Иран елдерінен шығып, Шығыс Азияға бет түзеген, көшпелі халықтар жерін жаулап алуды мақсат еткен, манихей религиясын қабылдаған тоғыз-оғыздар немесе ежелгі ұйғырлар мен оларға қарсы шыққан ежелгі қырғыздардың 840 және 847 жылдардағы қанды шайқасына апарып тірейді. Ғалым ежелгі қырғыздар мен манихейліктердің арасында 20 жыл бойына өткен соғыстың салдары өте ауыр да азапты болғандығын, ол халықтың санасында көп уақытқа шейін өшпей, сақталып қалғандығын, соның нәтижесінде халықтың ауызбіршілігі артып, өздерін құтқарушы көсемінің, қырғыздардың саяси күшін арттырып, елді Орталық Азия аренасына алып шыққан батырының, құтқарушы көсемінің төңірегіне топтасады дейді. Марғұлан мен Убукеевтің келтіріп отырған деректері әртүрлі болғанымен, идеясы бір, екеуі де жырдың исламмен байланыстылығын жоққа шығарып, жыр оқиғасын ежелгі ерлік дәуірге апарып тірейді. Тіпті осы «ғазатты» Марғұлан жырдың шығуына негіз болған шежіре болуы да мүмкін деген жорамал жасайды. Немістің фольклортанушы ғалымы Андреас Хойслердің: «оплодотворяющим семенем будущего эпоса может стать очень значительный и драматический эпизод из истории народа, а само эпическое сказание по обыкновению, вырастает из отдельной эпической песни, которая разрастаясь, превращается в последующем – в эпос» [10,307-308] деген пікірін алға тарта отырып, жырдың о баста шығуына негіз болған, түп аялғысы – «Ұлы жорық» атты драмалық эпизод болуы да мүмкін деген болжамды М.Убукеев те жасайды. Яғни эпикалық қаһарман – Манас пен «Ұлы жорық» абстрактылы ой, фантазия емес, халық қиялынан туған дүние. Олардың шындығы мыңжылдық тарих қатпарынан аршылып алынуға тиіс деген ой айтады. Бұл шын мәнінде толық шешімін таппаған, әлі де зерттей түсуді қажет ететін дүние.

Әдебиет

1. Адамзаттың Манасы. Қазақтың зерттеуші ғалымдары «Манас» туралы. Алматы, 1995.
2. Айтматов Ш. Байырқы кыргыз рухунун туу чокусу китепте.: Манас. –Фрунзе, 1984.
3. Уәлиханов Ш. Қырғыздар туралы жазбалар. Қазақ елі. 1995, 24 тамыз.
4. Судьба эпоса «Манас» после октября (Сборник докладов). Составители: Т.А.Абдыкаров, С.Р.Джумалиев. Бишкек, Кыргызстан, 1995, -144 с.
5. Марғұлан Ә. Шоқан және «Манас». Алматы, 1971.
6. Молдобаев И.Б. Отражение этнических связей киргизов в эпосе «Манас». Фрунзе, Илим, 1985, -108 б.
7. Кыдырбаева Р.З. Генезис эпоса «Манас». Фрунзе, Илим, 1980, -277с.
8. Марғұлан Ә. Шоқан және «Манас». –Алматы, Жазушы, 1971.
9. Убукеев М. Манас. Эпическая культура кыргызов. Бишкек, Мурас, 1998, -130с.
10. Германский героический эпос в трудах Андреаса Хойслера. – Кітапта: В.М.Жирмунский. Сравнительное литературоведение. –Ленинград: Наука, -1979.

УДК 81:39

**Федорова Л.И., преподаватель
Ташкентский автомобильно-дорожный институт,
Ташкент, Республика Узбекистан**

ПРОБЛЕМА МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК НЕРОДНОГО

Abstract

This article The problem of cross-cultural communication in teaching russian as a second language (Fedorova L.I., teacher Tashkent Automobile and Road Technical University Tashkent, Uzbekistan)raises the question of the problem of cross-cultural communication in teaching Russian as a second language. The problem of cross-cultural communication in language teaching existed for a long time, but to close study linguists have come recently. The main answer to the question of solving the actual problem of language learning as communication between people of different nations and cultures is that languages should be studied in an indissoluble unity with the world and culture of the people who speak these languages. The author considers the problem from the perspective of linguistic and area studies, which allows, in his opinion, to complement and reinforce the theoretical knowledge of the language of their practical application.

Түйін. Аталған мақалада орыс тілін шетел тілі ретінде оқытудағы мәдениетаралық қатысым мәселелері талқыланады.

В данной статье поднимается вопрос о проблеме межкультурной коммуникации при обучении русскому языку как неродному. Проблема межкультурной коммуникации в обучении языкам существовала давно, однако к ее тесному изучению лингвисты подошли совсем недавно. Главный ответ на вопрос о решении актуальной задачи обучения языкам как средству коммуникации между представителями разных народов и культур заключается в том, что языки должны изучаться в неразрывном единстве с миром и культурой народов, говорящих на этих языках. Автор рассматривает эту проблему с позиции лингвострановедения, что позволяет, по его мнению, дополнить и усилить теоретические знания языка их практическим применением.

Ключевые слова: *проблема межкультурной коммуникации, обучение русскому языку как неродному. решение актуальной задачи обучения языкам, средство коммуникации, представители разных народов и культур, единство языка с миром и культурой народов, с позиции лингвострановедения, внеязыковые факторы, основные компоненты культуры, теоретическое знание языка, практическое применение языка, освоение неродного языка.*

О том, что между преподаванием неродного/иностранного языка и межкультурной коммуникацией есть единая, взаимодополняющая связь, не стоит говорить долго и пространно. Это и так очевидно. Каждый урок, где бы он ни проходил, в школе или же в стенах вуза – это практическое столкновение с иной культурой, прежде всего через ее основной носитель – язык. Каждое неродное слово отражает неродную культуру, за каждым словом стоит субъективное, обусловленное только данной языковой культурой, своеобразное впечатление об окружающем мире. Увеличивающийся спрос на преподавание иностранных языков в Узбекистане, в том числе и русского, диктует в свою очередь и свои условия, требует от изучения неродного языка, прежде всего функциональности. Теперь язык хотят **не знать, а использовать** как средство реального общения с носителями других культур. В связи с этим надо кардинально менять взгляд на преподавание языка с учетом большего внимания и уклона на лингвистику и межкультурную коммуникацию.

Задачей высшего образования является формирование широко образованного человека, который имеет в своем арсенале фундаментальную подготовку не только по узким специализациям, но и в широком плане, например, как изучение языков без ориентиров на выбранную профессию. То есть технические специалисты должны владеть не только и не столько техническим русским или английским, или другим иностранным языком, но и уметь его применять, прежде всего, с подобными же специалистами, только говорящими на другом языке. Максимальное развитие коммуникативных способностей — вот основная, перспективная, но очень нелегкая задача, стоящая перед преподавателями языков. Для ее решения необходимо освоить и новые методы преподавания, направленные на развитие всех четырех видов владения языком, и принципиально новые учебные материалы, с помощью которых можно научить людей эффекту общения. При этом, разумеется, было бы неправильно бросаться из одной крайности в другую и отказаться от всех старых методик — надо бережно отобрать все лучшее, полезное, прошедшее проверку практикой преподавания.

Главный ответ на вопрос о решении актуальной задачи обучения языкам как средству коммуникации между представителями разных народов и культур заключается в том, что языки должны изучаться в неразрывном единстве с миром и культурой народов, говорящих на этих языках. К основным компонентам культуры можно отнести следующие элементы, несущие в себе национально-специфическую окраску:

- традиции и обряды;
- традиционно-бытовую культуру;
- повседневное поведение;
- национальные картины мира, которые отражают специфику восприятия окружающего мира;
- художественную культуру, которую можно также отнести к элементам этнографии и этнологии.

Знания значений слов и грамматических правил недостаточно для того, чтобы считать, что ты владеешь языком. Необходимо как можно глубже понимать саму культуру изучаемого языка. Другими словами, можно сказать, что теоретические знания языка должны дополняться практическими умениями того, **что** сказать, **когда** сказать, **кому** и **при ком**, **как** можно использовать значение данного слова в конкретном контексте. Именно поэтому все большее внимание уделяется изучению самого мира языка, то есть изучению той страны, в которой говорят на изучаемом языке.

Данное направление получило наименование «лингвострановедение», ориентирующееся на изучение внеязыковых факторов, то есть на изучение социальных структур и единиц, которые лежат в основе любой национальной культуры. В столкновении с межкультурной коммуникацией трудности возникают в основном при обучении активным методам усвоения языка — при обучении письму и говорению:

1) *лексико-фразеологическая сочетаемость слов*. Каждое слово каждого языка имеет свой, присущий только данному языку, резерв сочетаемости. Иными словами, оно «дружит» и сочетается с одними словами и «не дружит» и, соответственно, не сочетается с другими. Почему *победу* можно только *одержжать*, а *поражение* — *потерпеть*? Почему роль по-русски можно *играть*, значение — *иметь*, а *выводы*, *комплименты* — *делать*? Почему узбекский глагол *bormoq*, означающий «идти, двигаться» можно сочетать с такими несочетаемыми, с точки зрения русского языка, словами, как «на самолете, на метро, на лошади» (*samolyotda, metroda, otda bormoq*)? Почему русские сочетания *зеленый чай*, *пронизывающий ветер* по-узбекски звучат как «синий чай» (*ko' k choy*), «горький ветер» (*achchiq shamol*)?

2) *несколько значений слова*. Двухязычные словари подтверждают это явление. Например, случаи, когда перевод отдельного слова не совпадает с переводами этого слова в

словосочетаниях, могут быть проиллюстрированы примерами со словом «свежий»: *свежая газета* - *yangi gazeta*, *свежий огурец* - *barra bodring*, *свежий носовой платок* - *toza dast-ro' mol*, *свежий воздух* - *sof havo*, *свежий родник* - *musaffo buloq*, *свежий румянец* - *sog' lom yuz qizilligi*, *свежий старик* - *tetik chol*, *свежие краски* - *tinig ranglar*, *свежие новости* - *eng so' nngi yangiliklar*.

Таким образом, проблема межкультурной коммуникации в обучении языкам существовала давно, однако к ее тесному изучению лингвисты подошли совсем недавно, и эта проблема стала рассматриваться с новой позиции лингвострановедения, что позволяет усилить воздействие межкультурной коммуникации на обучающихся для более практического освоения неродного языка.

УДК 801.8:81'276.1:392.1(574+410)

Бегеналиева Д.А.

РИТУАЛЫ, СВЯЗАННЫЕ С РОЖДЕНИЕМ РЕБЕНКА В КАЗАХСТАНЕ И АНГЛИИ

Abstract

This article is about the ritual, it's definition, function; rituals for newborn child in Kazakhstan and England: what rituals lead for child in these countries, their meanings, what kind of role they play in people's life. Here we can read about the difference between the rituals of these two countries. Functions of rituals are the ability to fix group solidarity. There are differences between rituals and etiquette, especially in thinking ability and beliefs of two different nations.

Rituals are repeating actions which have the meanings for participants. Leading the rituals people believe that they can prevent the difficulties in their lives, and they can have bright future.

Keywords: *Rituals, frame, new born child, bringing-up.*

Ритуал представляет собой исторически сложившуюся или специально учрежденную стереотипную форму массового поведения, которая выражается в повторении стандартизированных действий.

Функциями ритуала являются: способность укреплять групповую солидарность; способность любых ритуалов к общественному сплачиванию; независимо от цели, на которую они направлены, и от характера чувств, которые определяют лицо ритуала [1].

А.К. Байбурин отмечает, что «между ритуалом и этикетом существует множество переходных форм», и здесь имеются в виду различные строго регламентированные действия. И эти промежуточные формы А.К. Байбурин называет «ритуализованными формами поведения» [2].

Ритуал обуславливает стабилизацию функционирования всего сообщества людей. Именно поэтому в его проведении заинтересовано сообщество в целом, а несоблюдение правил этикета вызывает немедленную негативную реакцию окружающих, нарушение ритуального поведения грозит будущему благополучию всего коллектива.

Ритуал является своеобразной формой игры, которую можно, заимствуя театроведческий термин, назвать перформанс, т.е. «способ исполнения, преподнесения реципиентом какого-либо смысла» [3].

Ритуалы особо торжественного характера носят фреймовый характер.

По определению А.И.Новикова, «фрейм – это некоторая структура, содержащая сведения об определенном объекте и выступающая как целостная и относительно автономная единица знания, обеспечивающая адекватную обработку стандартных

ситуаций». Фрейм как микротекст имеет основные характеристики текста: развернутость, последовательность, связность, законченность.

По определению, данному В. Дэйком, «фреймы организуют наше поведение и позволяют правильно интерпретировать поведение других людей».

Таким образом, фрейм – это знание общих условий совершения действия в различных типах речевого общения. Общение в рамках фрейма предстает в виде цепочки условий: *кто – кому – когда – где – что – почему – зачем – как*, а по своей сути является процессом коммуникативного акта [4].

Рождение здорового ребенка в семье издавна считалось важным и радостным событием. Поэтому люди независимо от их этнической принадлежности соблюдали определенные обряды, с помощью которых путем символических действий, норм поведения, поверий стремились способствовать этой цели [5].

Шильдехана

Например, у казахов на шильдехане устраивается той при появлении на свет младенца. Днем знакомые и близкие приходят с пожеланиями, говорят "куттыболсын". Вечером собравшиеся веселятся, поют песни, играют на домбре, угощаются. "Шилдехана" - праздник в честь новорожденного. К сожалению, после родов у женщин часто возникают проблемы с зубами, это у казахов называется "шилдекаккан" (значит, не было надлежащего ухода за молодой матерью во время беременности и после родов).

После рождения ребенка первой роженицу посещает родная мать. Это установившийся обычай и вместе с тем обязательный долг каждой матери. Об этом должны знать и помнить все женщины казашки, у кого есть дочь. Мать искренне радуется за свою дочь, помогает советами по уходу за младенцем. Разделяет радость сватов, привозит, подарки для малыша, являясь желанной и уважаемой гостьей. Приезд матери к дочери, которая стала матерью, древний обычай. Однако даже старцы не смогли вспомнить название такого прекрасного обычая. И мы назвали этот обычай "суйиндир".

Бесиккесалар

"Бесик" (колыбель) - священное в представлении народа и очень удобное для ребенка гнездышко. По обычаю в колыбель впервые укладывает малыша всеми почитаемая бабушка, обычно родоначальница семьи. Обряд сопровождается традиционной песней "Бесикжыры". Когда ребенок будет уложен в постельку, бабушке полагается "бесиксалар"- подарок.

Кыркыданшыгару

После сорока дней со дня рождения ребенка собравшиеся женщины купают малыша, стригут ему волосы и ногти. После купания женщинам, исполнившим обряд, полагаются подарки в знак благодарности. А всех, присутствовавших при знаменательном событии, приглашают к дастархану. Кстати сказать, у казахов числа 3, 7, и 41 считаются особенными, благодатными.

Тусаукесер

Разрезание пут. Эта церемония проводится, когда малыш делает первые шаги. Его ножки обвязывают тонким пестрым шнурком, разрезать который доверяют энергичному многодетному человеку. Обряд сопровождается песнями и пожеланиями, чтобы ребенок твердо стоял на ногах, уверенно шел по жизни. Церемония продолжается пиром. В старину после "тусаукесер" ребенку дарили коня и седло. Пестрый шнурок обозначает, что в жизни бывают не только белые, но и черные полосы - будущий джигит должен уметь преодолевать трудности.

Сундеттойы

Когда мальчику исполняется 3,5, 7 лет (нечетные годы), он должен пройти через обряд обрезания. Обычай считается религиозным, хотя ему следуют не только мусульмане.

Родители-казахи относятся к нему как к долгу, семейному празднику. Приглашаются гости, готовится угощение, виновнику торжества дарят коня и множество других подарков.

Аттергеу

В традициях и обычаях нашего народа есть множество путей и способов воспитания молодежи в оказании почета, в уважении к старшим.

По национальному обычаю женщины (снохи) не называли поименно своего свекра (ата), деверя (каины), золовок (кайынсинили), а подбирали им подходящие имена: "мырзакайнага", "байатам", "биатам", "еркем" и т.д. "Аттергеу"- высокий показатель уважения к старшим, учтивости, обходительности [6].

В Великобритании пристрастие к древнейшим традициям сохранилось, скорее всего, намного сильнее, чем в других странах Европы [7].

Обычаев и суеверий, связанных с обрядом крещения, было великое множество. Повсеместно считалось, что ребенка нужно крестить в чепчике, и этот чепчик после крещения нужно носить, не снимая, в течение двенадцати недель. Крестильную воду нельзя вытирать с лица - нужно дать ей высохнуть. В Шотландии особенно настаивали на том, что младенца нужно крестить как можно скорее после рождения, пока феи не украли его или не навредили ему. Однако существовал способ обезопасить ребенка от фей: его накрывали чем-нибудь из отцовской одежды.

Дети, которые умерли некрещеными, в одиночестве бродят по лесам, жалуясь на свою жестокую судьбу, и их часто можно там увидеть. (Старинное шотландское поверье).

Если мальчика и девочку крестят одновременно и сперва окрестят девочку, мальчик всю жизнь будет иметь нежное и безбородое лицо, в то время как девочке достанется вся недостающая у него растительность. (Северная и Западная Англия).

Если одновременно крестят мальчика и девочку, то мальчика нужно окрестить первым, иначе девочка вырастет бородатой. (Норфолк).

Если ребенок не кричит во время крещения, он слишком хорош для этой жизни. (Нортамберленд, восточная часть Йоркшира).

Первый ребенок, окрещенный в новой церкви, принадлежит дьяволу, и он непременно умрет. (Йоркшир, а также другие районы страны).[8]

Таким образом, ритуал– это повторяющиеся действия, имеющие значение для всех участников. Ритуал для участников является способом коммуникации и межкультурной коммуникации. Они вступают в контакт друг с другом через повторяющиеся действия, сложившиеся в их культуре долгое время. Например, политики разных стран пожимают руки, приветствуя друг друга.

Списокиспользованной литературы.

1. Гофман А.Б. Традиции // Культурология. XX век. Энциклопедия. Т. 2. СПб.: Универ. кн., 1998.
2. Шаханова Н. Мир традиционной культуры казахов (этнографические очерки). – Алматы, 1998.
3. В.А. Маслов «Лингвокультурология», Москва 2001
4. Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров «Язык и культура»
5. Беляева Н.Ф. «Влияние традиционно-бытовой культуры на социализацию детей у мордвы».
6. Масанов А. Кочевая цивилизация казахов. – Москва, 1995.
7. <http://www.scottishtemplarknights.info/content/nacionalnye-tradicii>
8. <http://www.token.ru/239.shtml>

УДК 811.161.1'373

Мауленова Е.М., оқытушы, п.ғ.магистрі
Оңталапқызы Г., 2-ші курс магистранты,
Абылай хан атындағы ҚазХҚжәнеӘТУ, Алматы қ.

HEIMAT ТІЛІНДЕГІ «HEIMAT» ЖӘНЕ «VATERLANDS» КОМПОНЕНТТЕРІМЕН БЕРІЛЕТІН КОМПОЗИТТЕР

Abstract: The different definitions of the united words of scientist-linguists are investigated in the recommended article. The list of composites that formed by the components of modern German word stocks of "Heimat" and "Vaterlands" is given. The composites that folding for different groups and various semantic types are identified. Along with this, the place and features of word-formation of analysing united words are made.

Keywords: compound words, composites, integrated words, lexicon, word-formation, Heimat (native land), Vaterland (fatherland).

Резюме: В рекомендуемой статье рассматриваются разные определения объединенных слов ученых-лингвистов. Составлен список композитов, образованных из компонентов «Heimat» и «Vaterlands» в современном немецком словарном запасе. Распределив на разные группы эти композиты выяснились разные семантические типы. Наряду с этим сделан анализ на объединенные слова, их место и особенности словообразования.

Ключевые слова: сложные слова, композиты, объединенные слова, словарный запас, словообразование, Heimat (родина), Vaterland (отечество).

Сөзжасам саласындағы атақты ғалымдардың бірі М.Д.Степанова «Тіл білімінің басқа аспектілерімен салыстырғанда сөзжасам егжей-тегжейлі зерттеуді қажет етеді» деп атап өтеді [1, 263]. Неміс тілі сөзжасам жүйесінде дара сөздердің негізінде немесе оларды бір-бірімен байланыстыра отырып біріккен сөздер жасау кең орын алған және басқа герман тілдерімен салыстырғанда өте дамыған. Қайсыбір тілде болмасын, біріккен сөз сөзқосым үрдісінің нәтижесінде қалыптасатыны мәлім. Яғни біріктіру (Composition) дегеніміз екі немесе одан да көп түбірлерді қосу арқылы бір сөз жасайтын сөзжасамның бір тәсілі. Біріккен сөздің құрылымдық бірігуі тегінде келесі мәселелерге байланысты болады: екпіннің бір болуы, бірге немесе дефис арқылы жазылуы, семантикалық тұтастығы, морфологиялық және синтаксистік функциялардың бір болуы. Бұл белгілер барлық тілдердегі біріккен сөздерге тән қасиет.

А.И.Смирницкий сөздерді жалаң сөздер, туынды сөздер және біріккен сөздер деп бөледі де, біріккен сөздердің негізінде екі немесе бірнеше түбір морфеманың болу керектігін көрсетеді [2, 57-58]. Ал И.В.Арнольд біріккен сөзге «бір бүтін ретінде қызмет ететін және өзінің біртұтастығына орай сөйлем құрамында ерекше лексикалық бірлік болып жұмсалатын екі немесе көбінесе үш түбірдің бірігуі» деп анықтама береді [3]. Осы және басқа да анықтамаларда біріккен сөздердің біртұтас болып құралып, жеке бір тілдік бірлік ретінде қызмет ете алатынына үлкен мән беріледі. Анықтамада лексикалық бірлік болып жұмсалу қажеттілігі туралы талап астарында лексикалық мағынаның да ескерілгенін көрсетіледі, яғни «... сыртқы формасы жағынан екі немесе бірнеше сөздерден жасалатын, біртұтас мағынаны білдіретін, соған орай жеке сөздер сияқты синтаксистік қызмет атқаратын ...» лексемалар [4].

Біріккен сөздердің мағыналық біртұтастығы мен семантикалық бірлігін олардың негізгі бір ерекшелігі деп қарауға болады. Біріккен сөздердің семантикалық бірлігі деп олардың бойындағы біртұтас мағынаны айтамыз. Мысалы, *баспасөз* сөзінің газет, журнал деген мағынасы оның біртұтас мағынасы болып саналады.

А.Ысқақов күрделі сөздің табиғатын былай тұжырымдайды: «Күрделі сөз деп кемінде екі я одан да көп дара сөзден құралып, ритм ырғақ жағынан бірұдай, лексика семантикалық жағынан біртұтас тұлға болып бірлесіп, тұрақталған күрделі сөзді я сөз тіркесін айтамыз» [5, 97-113]. Күрделі сөзге тән осы белгілер қазір бірнеше тілдерде де жиі айтылып жүр. Аталған белгілер неміс тіліне де, ағылшын тіліне де және қазақ тіліне де ортақ. Жоғарыдағыдай күрделі сөздерге А.Ысқақов анықтама бере отырып, олардың басқа сөздерден айырмашылығын көрсетіп берген болатын. Ол біріккен сөздердің идиомалану, лексикалану және делексикалану құбылыстары нәтижесінде пайда болатынын айта келе, біріккен сөздерге мынадай анықтама береді: «Біріккен сөз дегеніміз – компоненттері мағына жағынан да, форма жағынан да елеулі өзгерістерге ұшырамай-ақ, өзара бірігіп, жинақталған біртұтас лексика-семантикалық мағына беретін күрделі сөздер» [5, 139].

А.Ысқақов біріккен сөзге анықтама беруде оның лексико-семантикалық мағынасы бойынша біртұтас болып келетіндігін негізгі ұстаным етіп алады. Осы анықтамалардағы «семантикалық бір ұғымды білдіру», «біртұтас мағынаны білдіру», «тұтасымен белгілі бір ұғымның атауы ретінде жұмсалуды», «біртұтас лексико-семантикалық мағына беру» деген өлшемдер мағынаға байланысты ұсынылып отыр. Анықтамаларда келтірілген бұл белгілердің бәрі бір мәселе туралы айтылған бір ұғымның әр түрлі аталуы ма, әлде олардың арасында айырмашылықтар бар ма? Бірақ жоғарыдағы мағыналық белгілер әр түрлі мәселені қозғап тұрған сияқты. «Семантикалық бір ұғым» дегенді компоненттердің құрамындағы ең кіші мағыналық белгілердің бүтіндігі деп түсінеміз.

Неміс тілінде біріккен сөздер немесе композиттер деп аталатын тілдік бірлікке мәдени концепт реконструкциясы тұрғысынан үлкен қызығушылық танытылады. Немістің өз тілінде күрделі сөздің екінші компонентіне екпін түседі және ол арқылы тұтас концептінің қыр-сырын анықтауға болады. Қолда бар бірнеше лексикографиялық деректерді салыстыра келе, Heimat- және Vaterlands- компоненттерімен берілетін композиттер тізімі аз емес екенін көреміз, оның ішінде танымал Я. және В.Гриммдердің неміс тілінің сөздігі [6] келесі композиттер тізімін береді: 1) Heimat- компонентімен: *Heimatflur f* (қабаттың негізгісі), *Heimatforst m* (туған жердің орманы), *Heimatgegend f* (Омандық аймақ), *Heimathaus n* (туған үй), *Heimathütte f* (туған лауық), *Heimatklang m* (туған үн), *Heimatkreis m* (Омандық өріс), *Heimatland n* (Оман, атамекен), *Heimatliedchen n* (Омандық жыр), *Heimatluft m* (Омандық ауа), *Heimatpforte f* (Омандық қақпа), *Heimatschein m* (азаматтық туралы куәлік), *Heimatsherd m* (Омандық тақта), *Heimatstrand m* (Омандық жағажай), *Heimatwald m* (Омандық орман);

2) Vaterlands- компонентімен *Vaterlandsart f* (омандық тәсіл), *Vaterlandsboden m* (туған топырақ), *Vaterlandseichel f* (туған мүйізі), *Vaterlandseifer m* (Омандық ықыластылық), *Vaterlandserde f* (туған жер), *Vaterlandserreter m* (Омандық қорғаушы), *Vaterlandsfreude f* (Омандық қуаныш), *Vaterlandsgedanke m* (Омандық пікір), *Vaterlandsgedicht n* (Омандық өлең), *Vaterlandsgeist m* (Омандық рух), *Vaterlandsgeist m* (Омандық жебеуші), *Vaterlandsgeschichte f* (Атамекен тарихы), *Vaterlandshimmel m* (Атамекен аспаны), *Vaterlandskrieger m* (Омандық сарбаз), *Vaterlandsleidenschaft f* (Омандық құштарлық), *Vaterlandsliebe f* (Омандық махаббат), *Vaterlandslied n* (Омандық өлең), *Vaterlandspflicht f* (Омандық парыз), *Vaterlandspoesie f* (Омандық поэзия), *Vaterlandsrächer m* (Омандық кек алушы), *Vaterlandsretter m* (Омандық құтқарушы), *Vaterlandssache f* (Омандық бұйым, іс), *Vaterlandssonne f* (Туған күн), *Vaterlandsstolz m* (Омандық абырой), *Vaterlandstod m* (Омандық өлім), *Vaterlandsvergessenheit f* (Омандық ұмыту) және т.б.

Heimat- компонентімен байланысқан композиттерді топтау төмендегідей семантикалық типтерді қамтиды:

- кеңістік немесе үй шаруашылығына қатысты, көбінесе тура мағынадағы ментонимия (Haus, Hütte, Herd);

- микротопонимиялық жоспардағы кеңістік объектілері (Flur, Forst, Gegend, Strand, Gewässer);

- аңсау ұғымына қатысты объектілер (Liedchen, Luft, Klang).

- әлеуметтік-саяси ұғым, мысалы *Heimatschein* - белгілі бір орынға тоқтаған азаматқа арналған куәлік немесе соған лайық құжаттың атауы. Сонымен, *Heimat*- компонентімен берілген композиттерді талдау «үй және оның айналасындағы микротопонимиялық кеңістік» атты семантикалық өріс анықталады.

Ал келесі *Vaterlands*- компонентімен берілген композиттерге келсек, мұнда сөз саны көбірек және екінші компоненттің семантикалық тұрпаты үлкен әртүрлілі диапазонда көрінеді. *Vaterlands* – компонентімен байланысқан композиттерді талдау төмендегідей қорытынды көрсетті:

- сезімді білдіретін зат есімдер (Freude, Gefühl, Liebe, Poesie, Geschichte, сонымен қатар «Liebe» мағынасындағы Wärme); Сөздіктегі аталған сезімді білдіретін ұғымдарға контексті талдау, олардың «патриоттық сезім» түсініктерімен бірігетінін көрсетеді. Сонымен осы өрістері *Vaterlands*- компоненті Geist, Gedanke, Genius сияқты негізгі морфемалармен бірігіп патриоттық сезімді, ішкі дүниені білдіреді.

Моральдық және этикалық ұғымдарды білдіретін зат есімдер (Pflicht, Stolz, Tod, Erreter, Retter, Krieger) т.б. Белгілі бір тақырыпқа байланысты (Lied, Poesie, Geschichte); Oden, Erde, Himmel, Sonne, Tal ұғымдары Отан концептін кейбір жағдайларда бүтіндей немесе жартылай толықтырады, мысалы O, Deutschland – Wintermaerchen, mein Vaterland. Немесе: Wien ist mein Heimatland. Ich fühle mich dort wie zu Hause. Яғни ‘Deutschland’, ‘Wintermaerchen’, ‘Vaterland’, ‘Heimatland’, ‘zu Hause’ бір семантикалық өрістің ішінде. Егер *Heimat* «үй және оның айналасындағы микротопонимиялық кеңістікпен» құрамдастырылған болса, ал *Vaterland* әртүрлі сезіммен, мораль және этиканы білдіретін ұғымдармен үйлеседі.

Сөзжасам лингвистиканың лексикология және морфология салаларының арасынан орын алатын ғылым саласы екендігін ғалымдар жазып жүр. Тілдегі жаңа сөздер белгілі бір грамматикалық формалардың қатысымен белгілі бір грамматикалық тәсілдер арқылы жасалуында болса, екінші жағынан, сол жаңа сөз арқылы тілдің сөздік құрамы байып отыратыны даусыз. Дара сөздерден біріккен сөздерге айналуы, басқаша айтқанда, бірігу процесін осы сөзжасамдық тұстан түсіндірген абзал деп санаймыз.

Біріккен сөздердің құрылымдық бірлігі мен тұтастығы екпін бірлігіне, бірге немесе дефис арқылы жазылуына, семантикалық бірлігіне, морфологиялық және синтаксистік қызметтерінің бірлігіне және көп жағдайларда, осы немесе осыған ұқсас фонетикалық, графикалық, семантикалық, морфологиялық немесе синтаксистік факторлардың бірнешеуінің бірлескен әсерлеріне байланысты болады [3].

Қайсыбір тілде болмасын, біріккен сөз сөзқосым үрдісінің нәтижесінде қалыптасады. Біріккен сөздер мәселесіне арналған ғылыми әдебиеттерді талдау нәтижесі әлі күнге дейін біріккен сөздердің толық табиғатын, мәнін ашуда, оған сипаттама, анықтама беруде тіл білімі мамандары арасында бірінғай ортақ пікір қалыптаспағанын көрсетеді. Осыған орай, біріккен сөздерді бір тілден екінші тілге аударудағы қиыншылықтар келіп туындайды. Мәселені тілдің мазмұн жағы мен мазмұнды жеткізу жағы арқылы түсіндіруге болады. Басқаша айтқанда, тіл мазмұн мен оны білдіруден құралады деп тұжырымдаудан тұрады деген тұжырымнан келіп, адам санасындағы белгілі бір мазмұнды жеткізуде тілдегі біріккен сөздердің үлесі қандай деген мәселемен ұштасады.

Біріккен сөздердің құрамындағы компоненттердің мағынасы, олардың көріну деңгейі, оларға артылып тұрған мағыналық жүк туралы, ең алдымен сөздердің лексикалық мағынасымен

байланысты. Өйткені кез-келген сөздің, соның ішінде біріккен сөздердің семантикалық мәндері лексикалық мағынаны бөлшектеу арқылы жүзеге асатыны дау туғызбайды.

Сонымен сөзжасам - қарым-қатынас құралы ретінде тілдің сөздік құрамын байытудың негізгі жолдарының бірі.

Қолданылған әдебиеттер

1. Степанова М.Д., Фляйшер В. Теоретические основы словообразования в немецком языке. Москва: «Высшая школа», 1984. – 263б.
2. Смирницкий А.И. Лексикология английского языка.//Изд. литературы на иностранных языках. 2-е издание. – Москва: 1956. - 260б.
3. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка. – Москва: Высшая школа, 1973. – 303б.
4. Collins Gobuild. Harper Collins Publishers. Westerhil Road. Bishopbriggs. – Glasgow: Great Britain, 2005б.
5. Ысқақов А. Қазіргі қазақ тілі. Морфология. – Алматы: Ана тілі, 1991. – 407б.
6. Deutsches WÖRTERBUCH von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm. Band 10. Leipzig Verlag von S.Hirzel: 1877. - 27-34, 863-866б.

УДК 821.512.122.091-32

УДК 821.111(73).091-32

Сарсенова Ж.Б.

ОБРАЗ ВОЛКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ «КОКСЕРЕК» М. АУЭЗОВА И «БЕЛЫЙ КЛЫК» Д. ЛОНДОНА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРНОЙ ЦЕННОСТИ

Abstract

National literature became a universal value because of arousing the interest from the international community. That reflects the spiritual world and the social life of a particular people , draw a parallel with the literature of other nations identifying common patterns and national differences.

In this article we'll compare the works of such famous authors as MukhtarAuezov "Kokserek" and Jack London "White fang". Through the literary text we'll try to identify the national identity and national character of the Americans and Kazakh people.

The comparison is made in contrastive - typological aspect, which is very actual nowadays.

Keywords: *National literature, literary text, national differences and similarities, national identification, child of the nature.*

В глобализации культуры и общемировых ценностей особо важно уделять внимание национальной литературе, так как именно она отражает все духовное мировоззрение и социальный быт конкретного народа, позволяет нам глубже изучать ее особенности и выводить общие данные, проводить параллель с литературой других народов, тем самым выявлять общие закономерности и национальные различия.

Национальная литература, вызывая интерес у мирового сообщества, превратилась в мировую ценность, достояние всех культурных народов планеты. По определению И. Конрада, национальная литература представляет собой «...как обозначение определенного общественного качества литературы, национальная литература в этом смысле есть та литература

данного народа, которая возникает у него, когда сам, этот народ, достигает в своем историческом развитии уровня нации – этой общественной категории» [1, с.306].

Многие работы доказывают, что национальную литературу следует изучать непосредственно в сравнении с мировой литературой. А задачей сравнительного изучения является овладение культурой народа через художественный текст, на языке которого созданы произведения. Именно через него мы расширяем свой кругозор, формируем мировоззрение и культуру.

Республика Казахстан, приобщившись к мировому сообществу, сталкивается с проблемой вхождения культуры, в том числе и литературы в мировое пространство, при этом, максимально стремясь не потерять национальной идентификации в литературе и своей самобытности.

По справедливому замечанию Исмаиловой Ф.Е.: «Литература – мировая наука. Чтобы вывести казахстанское литературоведение на мировой уровень, необходимо сделать всю литературу Казахстана объектом изучения единого казахстанского литературоведения» [2, с.12].

Национальная литература через художественный текст отражает национальное своеобразие и национальный характер, внося вклад во всемирную литературу. Одна национальная литература не может развиваться в изоляции от общего художественного процесса. Все проявления национальной литературы наряду с неповторимыми чертами имеют типологическую общность между собой. В качестве доказательства мы проведем анализ таких произведений как «Коксерек» Мухтара Ауэзова и «Белый клык» Джека Лондона.

Знание различных видов и специальное изучение волков было издавна характерно для центрально-азиатских народов. При этом весьма любопытно, что многие из них называли своим родоначальником того или иного зверя. Тюрки, к примеру называли своими предками –хуннского царевича и волчицу.

Волк по-казахски – каскыр, бори. Кок Курт называли Волка древние тюрки. «Кок» означает голубой, синий, небесный. Тюркское слово «курт» является корнем казахского слова «куртулу» (спасение, избавление). То есть голубой волк – священное животное для тюрков, посланник самого Бога неба Кок Тенгри, спасший их племена от гибели.

В 1968 году в Монголии был найден эпиграфический памятник начального периода существования Тюркского каганата – стела с согдоязычной надписью из Бугута. На вершине памятника изображен волк, у ног – человек с обрубленными руками и ногами. О чем же рассказывает этот сюжет, выбитый на стеле? По преданиям китайских летописцев Бей-ши и Суй-ши, предки тюрков, жившие на берегу западного моря, составляли высокородный клан племени хуннов, называемый Ашина. Этот клан был поголовно истреблен соседним родом, уцелел лишь девятилетний мальчик, которого без рук и без ног бросили у озера, поросшего густой травой. Мальчика нашла и выходила волчица, ставшая впоследствии матерью его детей. Спасаясь от врагов, она скрылась в пещере в глубине Алтайских гор, где и родила десятых сыновей. По другой версии, волчица пряталась в горах Восточного Тянь-Шаня, севернее Турфана. Все ее сыновья избрали себе в жены женщин Турфана. А внук Ашина становится вождем племени. Ашина означает «благородный волк». В знак уважения к своей пра-родительнице Ашина изображает голову волчицы на знамени своего рода [3].

Видение волка у Д. Лондона тоже связано с отношением к нему как дитя природы, но которого можно приручить и обуздать, тем самым найти связь животного с человеком.

М. Ауэзов видит в волке хищника, животного, лютого, природного санитара, уличного пса, ненасытного существа и дитя природы, у которого существуют лишь природные инстинкты и нет человеческой «здравой» мысли. Образ соответствует такому выражению, как «Сколько волка не корми, все равно тянет в лес». Либо это ответный удар человеку, который так безжалостно разрушает все, что ценно для животного. К примеру, то, как люди убили всю семью Коксерек, «...съехавшись у самого логова волчицы, набрасывая на головы, на шеи волчатам крепкие ременные путы, двуногие вытаскивали волчат одного за другим из

темной норы. Пятерых сразу же прикончили. Одному перебили задние лапы и бросили около огрызенной головы ягненка. Волчонок будет ползать и скулить, и волки унесут его надолго из этих мест...».

Адибаев М.Х. классифицировавший малую прозу М.Ауэзова по жанрово-тематическим признакам, таким как социально-психологический рассказ, морально-бытовой рассказ, эссе, новелла, выделил рассказ «Коксерек» в отдельную группу, представленную только этим произведением: «рассказ, который носит символический характер» [4].

После выхода произведения М.Ауэзова стала привычной аналогия «Серый лютый» – «Белый клык» Д.Лондона. М.Ауэзов переводил на казахский язык «Белый клык» Д.Лондона, но лишь по великой страсти охотника, всегда жившей в нем. Но когда он писал «Коксерек» («Серый лютый»), он не старался подражать произведению Д.Лондона, как человек и художник он был неизмеримо выше этой страсти.

В повести «Белый клык» Д.Лондона налицо постановка нравственно-этических проблем. Так как центральной в творчестве Д.Лондона становится проблема «человек – природа – цивилизация», конечным результатом его видения приходит вывод, что человек и цивилизация неразрывно связаны, их нельзя рассматривать отдельно друг от друга, человек – это связующее звено между миром природы, частью которого он является, и миром цивилизации. Базисом его художественного мира становится «философия жизни». В своем произведении «Белый клык» писатель показывает благородные качества волка – чувство благодарности, верности, преданности. Идея повести заключается в том, чтобы изобразить волка как непосредственную часть природного мира, существа вполне разумного, способного к здравому поведению. Писатель пытается акцентировать внимание человечества на том, что всем людям необходимы «верные» союзники в природе.

В рассказе «Коксерек» («Серый лютый») чувствуется глубокое философское содержание, поднимающее его до уровня философской саги. В образе волка присутствует символическое восприятие, свойственное мышлению казахских прозаиков, чего нет в волке Д.Лондона.

В рассказе М.Ауэзова главенствует желание человека познать себя через существо низшей ступени. Человек, в данном случае главный герой по имени Курмаш, мальчик, верит в единение человека с природой.

Викарий С. выделяет как основополагающую, «попытку постигнуть сущность человеческого «Я», находящегося в постоянном конфликте с самим собой. Ибо с одной стороны, человеческое «Я» имеет постоянное стремление раствориться в природе и, с другой стороны, – утвердить свой человеческий дух над ее силами» [5].

Поэтику данного рассказа определяет глубокое философское содержание. Произведение «Коксерек» повествуется в форме рассказа, который перемежается с легендой. Волк изображается как реалия природного мира. Он живет в тексте реально-чувственной жизнью. В нем прослеживается природная животная лютость, «...брюхо его всегда ненасытно: сколько бы ему ни давали еды, он всегда готов стащить то, что плохо лежит».

В еще самом начале рассказа у только родившегося волчонка убивают белую волчицу-мать, всю его семью. Он слишком велик в сравнении с аульными собаками, которые постоянно стараются навредить ему. А аульные мальчики всячески пытаются устроить собачьи бои, дабы испытать и волчонка и своих борзых. К примеру в рассказе присутствует легендарный предок бело-звездной собаки Аккаска, «...иные считают, что он происходит от легендарной, воспетой в песнях собаки Богембая из рода Канжыгали». Благодаря данному сообщению, можно сказать, что М.Ауэзов создает в произведении эпический размах. Для людей волк представляет опасность, из-за чего все беды и неудачи люди связывают с волком. Он постоянно голодный, рыщет по степи, чтобы утолить свою природную жадность. Но несмотр-

ря на все беды, он очень горд, и как бы сильно его не избивали, он не подает голоса. Автор видит в Коксереке те благородные начала, которые позволяют его делать героем легенды.

Для М.Ауэзова волк является величественным произведением природы. Несмотря на доброту и любовь своего хозяина – Курмаша, волк отказывается от сытой и теплой жизни с человеком в ауле, убивает мальчика, возложившего на волчонка все свои надежды и подарившего всю свою душу. Мальчик, вырастивший и воспитавший его, пошел вопреки всем мольбам бабушки отказаться от волчонка, его волк убегает обратно на волю, тем самым, выставляя напоказ свое право на неприкосновенность и свободу. Это довод автора, что животное должно обособлено обитать только в природе, в своем животном мире.

Исмакова А.С. выделяет в этом рассказе три зоны видения: зону видения повествователя, зону видения волка и зону видения мальчика Курмаша [4].

Повествователь показывает следующие идейно-художественные особенности анималистической прозы: постановку глобальных, нравственно-этических проблем на конкретном материале из жизни животного; познание себя – человека, через существо низшей ступени – волка, изображая его как реалию природного быта, мифологизируя образ животного, используя такое изобразительное искусство как пейзаж, который помогает читателю еще больше понять внутренний мир героя. К примеру, характер Коксерека выковала степь, но она же способствовала формированию характера охотника, внушив ему определенные представления о добре и зле.

В произведении Д.Лондона человек – это объект и субъект цивилизационного процесса, а животное – это частица мира, в котором живет человек. Животное может вполне здраво воспринимать то явление, что человек-это хозяин, которому, в данном случае, волк должен повиноваться и не приносить вреда. Он постоянно осмысливает соотношение понятий «инстинкт» – «чувство», их связи, замены первого вторым, при сохранении «здоровых инстинктов» как свидетельства связи человека с миром природы, понимая важность их сосуществования в цивилизованном человеке, включения в данную систему категории «интеллект».

Волк же у Д.Лондона выражает покорность и преданность человеку, защищает своего хозяина, несмотря на то, что его тянет природа и воля, он осознает, что жить в обществе человека лучше. У Мухтара Ауэзова же, как описывалось в начале, волк – все же в конечном итоге понимает, что воля важнее. У обоих писателей условия проживания волков почти одинаковые, только разный конечный результат, достигнутый человеком в связи с отношением к нему.

В заключении я пришла к выводу, что несмотря на разные концовки, оба писателя пытались донести до нас свой идеал – человека, чувствующего свою связь с природой и ее законами, оба считают, что законы природы более справедливы, чем законы цивилизации.

Список использованной литературы

1. Н.И. Конрад. Запад и Восток. М., «Наука», 1972, с.429
2. Исмаилова Ф.Е. Феминистская имагология. Монография. – Алматы: 2003.- 347с.
3. <http://ru.nomad-kazakhstan.kz/1787.html>
4. Жаксылыков А.Ж., проза М.Ауэзова 20-30 годов. Дис. канд. фил. наук-Алма-Ата, 1984.
5. Викарий С., Ауэзов М.-У.Фолкнер// Простор.-1993.- №10.- с.181-200

УДК 811.512.122:811.131.1'371

Алиева Қ. Т.
КазУМОиМЯ им. Абылай хана

ҚАЗАҚ ЖӘНЕ ИТАЛЬЯН МАҚАЛ-МӘТЕЛДЕРІНДЕГІ ӘЙЕЛ КОНЦЕПТІ

Abstract

This article is called «The concept of women in Kazakh and Italian idioms». This article is a comparison of the role of women in Kazakh and Italian proverbs. Who is she? A woman? Any way we can see it, who is she for us. See the two positions of different peoples and cultures and in this article you can see some examples of the concept woman. The difference of the concept woman, and how it is expressed in language which they have a picture of the world.

Keywords A **woman** (/ˈwʊmən/), pl: **women** (/ˈwʊmɪn/) is a female human.

Language is the human capacity for acquiring and using complex systems of communication, and a **language** is any specific example of such a system.

An **idiom** (Latin: idioma, "special property", f. Greek: ἰδίωμα – idiōma, "special feature, special phrasing", f. Greek: ἴδιος – idios, "one's own") is a rendition of a combination of words that have a figurative meaning.

Қазіргі таңда тілді антропоцентрилік, яғни, «тілдегі адам факторы» негізінде зерделеу тіл білімі саласында әлі қарастырыла, зерттеле қоймаған аса маңызды мәселелерді анықтауға жол ашуда. Антропоцентрилік бағыт аясында гендерлік ерекшеліктер қоғамдағы гендерлік рөлдермен астасып, тамыры тереңде жатқан ұлттық-мәдени ерекшеліктермен, халықтың наным-сенімдері, әдет-ғұрпы, тілі мен дінімен тығыз байланыста қарастырылуды қажет етеді. Тілдегі қалыптасқан паремиологиялық қор, нақыл сөздер, шешендік сөздер, фразеологиялық тіркестер бізге халықтық менталитет пен ұлттың өзіндік ерекшеліктерін танытатын этнолингвистикалық арналар болып табылады.

Осы тұрғыдан алғанда, қазақ және итальян тілдерінің паремиологиялық қоры екі тілдегі «әйел адам» концептілерін талдауда олардың екі халық дүниетанымындағы, қоғамда және отбасындағы орындарын айқындауға өз үлесін қосары анық. Мақал-мәтелдердің гендерлік қырын қарастыру барысында олардың ұлттық-мәдени астарын, рухани мәдениетінің қайнар көздерін де ашу маңызды, себебі әр мақал-мәтелдің астарынан халықтық дүниетаным, ұлттық философия, белгілі бір мәдени ақпаратты жинастыруға болады және «ұлт пен тіл біртұтас» ұғымының құндылығын байқаймыз [4].

Әйел заты - адам баласының ұрғашыға ортақ атауы, ер адамның өмірлік серігі, зайыбы. Отбасындағы және жалпы қоғамдағы орнының өзіндік ерекшеліктерімен байланысты Әйел затының әлеуметтік жағдайы мен жасына, қандастық, некелік туыстыққа қатысты этикалық мәнді әлеуметтік қарым-қатынасты білдіретін ғұрыптық атаулар халық тілінде аса мол кездеседі: әже, ана, шеше, ене, қыз, абысын, шешей, жеңге, апа, қарындас, сіңілі, қайын сіңілі, балдыз, боле, келін, келіншек, нағашы әже, нағашы апа, нағашы жеңге, нағашы қарындас, жиен апа, жиен қарындас, құдағи, өкіл шеше, өгей шеше, кіндік шеше, бойжеткен, қалыңдық, бәйбіше, тоқал, жар, жұбай, зайып, жесір, қатын, тамыр т.б.

Мақал - мәтелдер - әр халықтың өз даму тарихында басынан кешкен алуан түрлі оқиғалары, өзі аңғарған табиғат құбылыстары, қоғам мүшелерінің өзара қарым-қатысы, мінез-құлқы, психологиясы жөніндегі жасаған қорытынды, тұжырымдарының түйіні, өмір тәжірибесінен жинақталған философиялық ойлардың ұтқыр да ұтымды, жатық та көркем көрінісі, фразеологиялық оралымдардың еңделіп, сырланып, әбден қалыпқа түскен тұрақты түрлері [3].

Алдымен, мақал-мәтелдердегі **әйел** бейнесінің гендерлік ерекшелігіне тоқталсам, әйел барлық адамзат түсінігінде тіршілік жаңартушы, өмірге адам әкелуші, жылулық пен мейірімділіктің, берекенің бастауы. Әйел атауына түсіндірме сөздік те, бірінші – адам баласының ұрғашы жыныстылары, екінші – жұбай, қосақ деген анықтама берілген. Сонымен қатар әйел атауымен байланысты тіл бірліктерін сәби, қыз бала, бойжеткен, келіншек, келін, жұбай, зайып, жар, қосақ, шеше, ана, әже, кемпір деп өз ішінен жасына қарай бөлуге болады.

Енді осы бөліністердегі **екі мәдениеттегі** қыз бейнесінен бастасaq.

Қыз – нәзік те қайратты, алғыр, салмақты да ширақ, төзімді жан. «Қыз тәрбиелей отырып, ұлтты тәрбиелейміз», - деген қанатты сөздің өзі қыз бала тәрбиесі тұтас ұлтқа әсерін тигізетінін айтады. «Қызға қырық үйден тию» деген мақалдың астарында қыз абыройы, өскен ортасының абыройы деген мән жатыр. Ал «баланың ұяты - әкеге, қыздың ұяты - шешеге» деген мақалдың мәні ұл қыздың жаман атағы сол бала тәрбиелеп отырған ата-ана ұяты. Қыз бала саналы болса, өсек, өтіріктен қашық жүрсе, ол да ана – мейірімі, бақыты. «Өсектен сау сонау қыз, шайқалмаған сары уыз» [2].

Халқымыз еңбектің небір қиыншылығы мен бейнетін көріп, артынан соның рахатына бөленген. Осыны ертерек ойлаған ана қыз баланы еңбекке тәрбиелеуді отбасы, ошақ қасынан бастаған. Тіпті төсек жинау, үй тазалау, тамақ істеуінің өзі үлкен сын. «Шешесін көріп қызын ал, аяғын көріп асын іш», «Жақсы қыз біреу келсе есік ашар, жаман қыз біреу келсе төрге қашар» деген мақалдар осыны меңзеген [5].

Қыз есейіп, бойжетісімен оның айналасы сырт көзге толады. Біреу «үкі тағуға», біреу «алып кашуға» ұмтылады. «Қызды ауыл өсекшіл» деп ауыл-аймақтағы адамдардың аңдығаны, екі ауыз сөзі бойжеткен қыз болады. Ал аналар бой жетіп қалған қызының төсегін бөлек салып, жас шағындай оған көршіге желпілдеп жүгіріп баруды, не бір ауылға өзін қыдырып жіберуді шектейді. Жіберсе апа, жеңгелерін ерткен, көбіне жеңгесіне сенеді. «Қыздың сырын жеңгесі біледі» не «қызы бар үйдің жеңгесі сүйкімді» деп мақалдаған.

«Қыз мұраты – кету» дегендей қыз бала табиғатынан басқа үйдің босағасын аттап, сол үйдің түтінін түтетуге жаралған ғой.[6] Ал италиян тілінде осы мақалға ұқсас «Una figlia deve stare la madre», - сай келеді. Яғни жасы келісімен қыз баланы ата анасы, бүкіл бауырлары сыңсу айтып шығарып салады. Құда келіп, құйрық-бауыр жесіп, баталасады. Ұясынан ұшқан құсы ұясына абыройлы қонуын артындағы ата-анасы тілеген. Жұрт оларды «ұлыңды ұяға, қызыңды қияға қондырдың» деп құттықтаған. Одан әрі реті келсе қызды жасауымен берген. «Бастапқы қызыңды жасаулы ұзат,соңғы қызыңның өтеуіне жақсы», «**қалыңсыз қыз болмас**» не болмаса «**құмға төккен білінбес, қызға берген білінбес**» деген мақалдар осыны білдіреді.

Қыз әке үйіндегі өмірімен қоштасып, уақыты жеткенде өзге табалдырықты «келін» боп аттайды. Келін баланың не інінің әйелі. Қазақ дәстүрінде жаңа түскен келінге сын көзбен көріп қараушылар көп. «Жақсы келін-келін, жаман келін - келсап», «Келіні жақсының керегесі алтын» дейді. «Келін қайын ененің топырағынан», «Басында сыншыл болса, кейін сыршыл болады» деп келін мен ене арасын жақындастыру, енені құрметтеуге үйреткен. «Seconda tua madre e madre del morito» италиян мәдениетінде де осынған сай келеді. Шындыққа келсек: ене біреудің шешесі, сенің шешенде біреуге ене.

«Келіннің де келін болып түскен күннен бастап өзіне артылар міндеттері бар. Әрине қалыптасқан орныққан әдет-дағдысы бар. Бұрын өзіне таныс емес ортаға бірден «тастай батып, судай сіңу» оңайлықпен орындала бермейді. Бұл ретте қазақ әйелінің даналығы, сабырлылығы, төзімділігі жеткілікті. «Әйел әдептің әліппесі», «әйел бір қолымен бесікті тербетсе, бір қолымен әлемді тербейді», «аты былғанған әйелдің асыл сөзі өтімсіз» деп жатамыз, яғни әйел адам құт босағаның ұйтқысы, әрі берекесі емес пе?»

Жанұядағы қадірлі жанның бірі – ана. Ана - өмірге ұрпақ әкелуші, отбасының маздаған оты, баланың тәрбиешісі, ақылшысы, қамқоршысы. Сондықтан да мақал-мәтелдерде «әкесіз

жетім жарым жетім, анасыз жетім нағыз жетім», «анасыз өмір сөнген көмір», «сақаудың тілін анасы түсінеді». **«Una madre e cento le maestre»,- дегенде ана бейнесі анық көрінеді.**

Сонымен қазақ халқы «қызын қызыл гүлім» деп еркелеткен, баласы: анам – ардағым, анам – аяулым деп мадақтап, сый-құрмет көрсеткен ерлері: әйелім – жаным, сүйіктім, асыл аруым, жан серігім деп аялаған. Өз отбасында сыйласа білген адамдар өзге адамды сыйлай алады, өзгелер мен сыйласа алады. Сонда ғана, енеңнің ана екенін, анаңның да ене екенін қатты ұғынасың. Анаңның ақ сүтіне қарыз болсаң, енеңнің ақ пейіліне, өзегін қақ жарып шыққан баласын, қиғаны үшін қарыздар.

Әйел еріне жұбай, қосақ не соның қостыны. Еркектің жақсысын асырып, жаманын жасыратын, жырттығын жамайтын тек әйел ғана. Ер азаматтар «Артымда тұяқ қалды» деп жатады. Олар алдымен өзін дүниеге әкелгені үшін анасына борышты болса, екінші ретте өзіне бала сыйлағаны үшін қосағына қарыздар. «Әйелдің жақсысы - ақылшын», - деп әйелдің абзал қасиеттері еріне кеңес беріп, ақыл айтып отыруын айтқан. Осыған Италия еліндегі «Il marito e la moglie insieme sono il diavolo», яғни екі ерлі зайыптың ортасына тұрмаған жөн, себебі олар бір.

Әйел затының тағы бір ерекшелігі – кемпіріне әже болу. Әже ақылдың кені, өткеннің шежіресі. Әжені үлкен ана ретінде сыйлау, немеренің оған, оның немересіне бауырмалдылығы дәстүрге деген ықыласқа бастау болады. «Немере етін жеп, сүйегін берер», «Бала балым баланың баласы жаным»,- деп немересін баласынанда жақсы көріп, жанына жақын тұтқан. Италия мәдениетінде де әже ерекше орын алады, оны біз «La nonna, questa e grande madre», - яғни осыдан байқайтынымыз әже - италия жанұясында да екінші ана.

Сонымен, мақал-мәтелдегі әйелдің гендерлік көрінісі осылайша дамып отырады. «Әйел бір қолымен бесікті, бір қолымен әлемді тербетеді» деген сүйенсек әйелдің қоғамдық, әлеуметтік рөлін толық ашып бере аламыз. Бұрынғы кезеңде әйел тек шеңберінде қалса, қазір әйел мемлекетте саясатқа араласып, ерлермен өз пікірін білдіретін дәрежеде. Тіпті әрбір қоғамның әрбір жеткен биігі, мәдениетінің деңгейі оның әйелге деген көзқарасымен өлшенеді.

Мақал-мәтелдер адамды адамгершілікке, тәрбиелілікке, даналыққа шақырып, әлеуметтік нормалар мен құндылықтарды сақтай отырып, өмірлік маңызы бар істерді атқаруда бағыттап отыратын ата-бабамыздан қалған баға жетпес мәдени мұрамыздың туындысы.

Құрылысы жағынан әрі ықшам, әрі көркем мақал-мәтелдер – мағынасы жағынан терең ой, кең мазмұнды қамтитындығымен ерекшеленеді. Айтылмақ ойды астарлап жеткізу мақал-мәтелдерге тән.

Паремиологиялық оралымдар адам баласының дүниедегі болмысты танып-білуі нәтижесінде дүниетанымында тұрақталған білімі мен тәжірибесінің ой-қорытындысы сипатындағы этнолингвистикалық мазмұнды тілдік бірліктер. Демек, дүние туралы білім жүйесінің тілдік формасы бола отырып, этномәдени қауымдастықтың өмірінің барлық қырларын қамтитын мазмұнды ақпарат жүйесі.

Гендерлік ерекшеліктердің мақал-мәтелдерде сипатталуы қоғамда қалыптасқан фемининдік стереотипті танытады. «Әйел» концептілерінің мақал-мәтелдерде бейнеленуі оларға жүктелген дәстүрлі гендерлік рөлдермен айқындала отырып, аталған концептілердің жан-жақтылығын көрсетеді.

Дүниенің паремиологиялық бейнесі ұлт танымындағы фундаменталды құндылықтар мен прототиптерді танытатын тілдік оралымдардан тұратын болғандықтан, гендерлік сипаттағы қазақ-итальян паремияларына талдау жасау мәдениеті екі түрлі халықтың базалық мәдени концептілерін қабылдаудағы өзіндік ерекшеліктерін көруге мүмкіндік береді.

Қолданылған әдебиеттер тізімі

1. Қазақ мақал-мәтелдері. Құрастырған: Ж.Малайсаран. Алматы, «Ана тілі», 2004 жыл.
2. Ж.Кейкін «Қазақтың 7777 мақал-мәтелі» Алматы, «Өлке», 2002 жыл.

3. С.Амантаева «Әйел» концептісінің мақал-мәтелдер мен нақыл сөздерде бейнеленуі//Лингвистика мен лингводидактиканың өзекті мәселелері. Қарағанды: «ҚарМУ», 2005 жыл.

4. Alan Cameron *Greek Mythography in the Roman World* (2005) OUP, Oxford (reviewed by T P Wiseman in *Times Literary Supplement* 13 May 2005 page 29) *Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae* (LIMC) (1981—1999) Artemis-Verlag, 9 volumes.

5. Г. Кляшторный. История центральной Азии. Спб, Изд-во: СПбГУ 2003

6.Л. П. Потапов. Алтайский шаманизм. Л., 1991

7.Л. П. Потапов. К вопросу о древнетюркской основе и датировке алтайского шаманства. // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. — Новосибирск, 1978

8.Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х томах. Под.ред. С. А. Токарева М.:1980

9. Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі. Алматы 1974, I-том

УДК 81:39

Фот Л.В.,
докторант КазНПУ им. Абая, Казахстан

ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО СВОЕОБРАЗИЯ ГЛАГОЛОВ.

The study of verbal semantics is very important area in odern Science. Linguistic semantics has a long history. Aristotle spoke of the differentiation of predicates' types.The scientistswho laidthe foundations for the study of modern semantics are: L.V. Shcherba, V.V. Vinogradov, L.M. Vasiliev, A.A. Potebnya, S.D. Katznelson, Y.D.Apresyan,T.V. Bulygina, O.N. Seliverstova et al.The article analyses the history or verb semantics formulation, verb's fundamental semantic classification and criterion of delimitation.Particular attention is paid to one of the modern classifications of verbal semantics, through publishings on the web site "Russian National Corpus" (www.ruscorpora.ru/en). Webelieve that this classification most fully reflects the differentiation of verbs in the mind of modern people.

Характерной чертой современной лингвистики является повышенное внимание к исследованию семантики языковых единиц. В последние десятилетия активизировалось изучение лексические, словообразовательные и грамматические значения, различные средства выражения смысла, взаимоотношения слова и контекста. «Современная наука рассматривает значение как важнейшую составную часть языка, один из его неперенных ингредиентов. Выражение и восприятие смысла представляют, по существу, главную и конечную цель любого языка, обеспечивают его важнейшую функцию - коммуникативную. <...> Решительный поворот в сторону семантики в различных направлениях и школах современного языкознания — одно из ярких свидетельств актуальности изучения смысловой структуры языка» [1, с.5].

Семантика находится в центре внимания современного отечественного и зарубежного языкознания. Подтверждением тому служат многочисленные труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные этому вопросу. В центре исследования семантики глагола разные традиции, сложившиеся направления и теории. Сложность и многоплановость глагольной семантики проявляются в многообразии исследовательских подходов к изучению глагольного значения, а также в разнообразии семантических классификаций глагольных слов. Это обусловлено тем, что «...без разработки семантического аспекта языка невозможно глубокое понимание его природы, закономерностей его функционирования и развития, его связи с мышлением и поведением

человека. Без знания семантической системы языка невозможно ни научно обоснованное его преподавание, ни сознательная, планомерная борьба за культуру речи, культуру мышления. Одним словом, изучение семантической системы языка имеет исключительно важное теоретическое и практическое значение» [2, с. 4].

В качестве самостоятельного раздела науки о языке лингвистическая семантика (семасиология) возникла в XIX в. Ее основоположниками считаются немецкий ученый Хр. Рейзиг и французский ученый М. Бреаль. Основы русской семасиологии были заложены в трудах А.А. Потебни и М.М. Покровского. Но семантический аспект языка изучался и до XIX в. Проблема значения, в частности проблема соотношения языка, мышления и действительности, интересовала ученых и в античные времена, и в период средневековья, и в эпоху Возрождения. Однако почти до конца XIX в. вопросы семантики были предметом философии, логики, грамматики, риторики и практической лексикографии.

Первоначально своей главной задачей семасиология считала изучение этимологии и истории отдельных слов. Эта задача решалась в соответствии с принципами и требованиями сравнительно-исторического языкознания, но способы и аспекты ее решения были разными. Указанные задачи и направления семасиологии оставались актуальными и в советское время. На новом научном уровне, с учетом новых методологических требований науки, их решала историческая лексикология и этимология, типологическая лингвистика и социолингвистика.

Первые попытки создания диахронической структурной семантики были предприняты немецким ученым Йостом Триром. Они закончились неудачей. Однако общие идеи Трира о системности словаря и о системном характере развития значений были подхвачены многими учеными, совместными усилиями которых к середине XX в. была заложена серьезная научная база для создания синхронной и диахронической структурной (системной) семантики. Несмотря на то, что в ранних течениях структурализма (особенно в американской дескриптивной лингвистике) семантика или полностью игнорировалась или даже исключалась из языкознания, или изучалась в незначительной степени, вскоре стало ясно, что структурная лингвистика не может успешно развиваться без решения семантических проблем [2, с. 6-7].

Над проблемой классификаций предикатов работали такие ученые, как Л.В. Щерба, У. Чейф, Т.В. Булыгина, Л.М. Васильев, О.Н. Селиверстова, Т.Д. Шабанова. Данной проблеме уделяли значительное внимание в своих работах Л.А. Львов, Г.Г. Сильницкий, Т.Б. Алисова.

Классификация предикатов имеет давнюю традицию. Еще Аристотель говорил о различных типах предикатов, выделяя свойства состояния, движения. Особое место в типологии предикатов занимает классификация Л.В. Щербы, чье имя связывается с формальным подходом в этой области. Выделяемые им три типа предикатов: 1) действия, процесса; 2) состояния; 3) качества соответствуют по морфологическим признакам определенным частям речи. Точка зрения академика Л.В. Щербы, детально разработанная академиком В.В. Виноградовым. Второй подход к проблеме классификации предикатов связан с именем выдающегося лингвиста О.Н. Селиверстовой, которая с помощью дополнительных исследований подвела семантическую базу под формально-морфологическую классификацию, тем самым доказав, что между языковой формой и смысловым содержанием существует тесная связь даже на классификационном уровне. Третий подход в определении семантических типов предикатов ассоциируется с разработкой системы тестов, имеющих своей целью установление в семантике предиката таких семантических признаков, как: статичность / динамичность; длительность / мгновенность; контролируемость / неконтролируемость; агентивность / неагентивность [3, с. 356].

Вообще в последние десятилетия лингвисты все больше внимания уделяют изучению глаголов как семантических предикатов. Количество группировок глагольных предикатов,

основанных главным образом на их лексической семантике, так же многочисленно, как и лексико-семантические группы, постоянно изменяющиеся от языка к языку.

В связи с этим, советскими учеными-языковедами было сделано довольно много в рамках изучения семантической системы русского языка: разработаны общие принципы описания семантических микро- и макросистем – синонимов, антонимов, лексико-семантических и тематических групп, лексико-грамматических разрядов слов и т. п. (исследования Ф. П. Филина, А. П. Евгеньевой, О. Н. Трубачева, Н. И. Толстого, Д. Н. Шмелева, А. А. Уфимцевой, В. Г. Гака, С. Г. Бережана и др.); созданы относительно полные лексико-графические описания синонимов, антонимов и целого ряда лексико-семантических и тематических групп; большое число работ в области изучения семантики грамматических категорий и семантики предложения (исследования В.В. Виноградова, И.И. Мещанинова, С.Д. Кацнельсона, Ю.С. Маслова, А.В. Бондарко, В.З. Панфилова, Н.Д. Арутюновой, В.А. Белошапковой, Н.Ю. Шведовой и др.).

Среди основных понятий современной лингвистической семантики особое место занимает основная единица семантики, которой единодушно признается языковое значение. Среди многообразия определений Л.М. Васильев выделяет два основных: 1) определение значения как отражательной категории (как психической сущности); 2) как реляционной категории (как отношения) [4, с. 119-122]. При этом сам ученый придерживается первой позиции.

Что касается семантического своеобразия глагольной лексики, русский глагол отличается «исключительной сложностью своего содержания, разнообразием грамматических категорий и форм, богатством парадигматических и синтагматических связей» [2, с. 34].

Академик В.В. Виноградов подчеркивает синтагматическую ориентированность глагола в его определении: «Глагол – самая сложная и самая емкая грамматическая категория русского языка. Глагол наиболее конструктивен по сравнению со всеми другими категориями частей речи. Глагольные конструкции имеют решающее влияние на именные словосочетания и предложения» [5, с. 422]. В связи с приведенными определениями целесообразно сделать вывод, что лексические компоненты в глагольных значениях тесно переплетены и постоянно взаимодействуют с грамматическими и лексико-грамматическими компонентами. Важнейшей особенностью глагола является то, что он занимает, как правило, центральное положение в семантической структуре предложения. Поэтому он привлекает к себе внимание не только лексикологов, но и синтаксистов. На центральное положение глагола в структуре предложения указывали А.А. Потебня, А.М. Пешковский, Л. Теньер, С.Д. Кацнельсон и др. «В содержательном плане, – пишет С.Д. Кацнельсон, – глагольный предикат – это нечто большее, чем просто лексическое значение. Выражая определенное значение, он в то же время содержит в себе макет будущего предложения» [6, с. 83]. В ряде исследований по семантике современные лингвисты рассматривают глагол как один из видов предикатов – как основной предикат, выступающий в качестве ядра предикатных выражений и предложений.

При классификации глагольной лексики во второй половине XX в. в семантическом аспекте использовались главным образом три принципа: 1) денотативный (тематический), 2) парадигматический и 3) синтагматический [7, с. 52-64].

Следствием многоаспектного подхода к семантической классификации глаголов является большое число предлагаемых разными учеными вариантов семантической классификации глагольной лексики. Приведем подробно лишь несколько из них.

Л.М.Васильев изучает семантические поля глаголов чувства, интеллектуальной деятельности и речи. В связи с тем, что ученый Л.М. Васильев придерживается точки зрения, что значение есть отражательная категория, т.е. психическая сущность, в сфере психической

деятельности им были выделены 10 классов глаголов: 1) глаголы восприятия, 2) глаголы желаний, 3) глаголы восприятия, 4) глаголы внимания, 5) глаголы психического (эмоционального) состояния, 6) глаголы эмоционального переживания, 7) глаголы эмоционального отношения, 8) глаголы мышления, 9) глаголы знания, 10) глаголы памяти. Причем первые семь классов ученый связывает с областью чувств, а три последних - с областью мысли, мышления [2, с. 43].

Для описания ситуаций, выражаемых глаголами, лингвист Ю.Д. Апресян использует семантические валентности. Семантические валентности по Апресяну основаны на «ролях» [8, с. 119]. Ученый выделяет следующие «роли»: 1) **агент** (одушевленный предмет, который активно действует), 2) **инструмент** (неодушевленный предмет, который активно действует), 3) **воспринимающий** (одушевленный предмет, который не действует активно), 4) **объект** (неодушевленный предмет, который не действует активно), 5) **источник** (например, начальная точка или состояние передвижения, изменения и т.д.; место происхождения), 6) **цель** (например, конечная точка, состояние, направление, маршрут передвижения, изменения и т.д.), 7) **место** (например, там, где находится предмет или производится действие), 8) **положение** (например, вид; суждение; наименование) [8].

С помощью указанных «ролей» Ю.Д. Апресян условно выделяет следующие семантические группы глаголов: 1) **независящие глаголы** (агент): *кричать* (*шакал кричал*); 2) **взаимные глаголы** (агенты): *встречаться, встретиться* (*когда мы встретимся*); 3) **содействующие глаголы** (агент, воспринимающий): *аплодировать* (*зрители аплодировали артистам*) и др. [8].

Этот метод с использованием «ролей» полезен для группировки квазисинонимов, что в свою очередь подходит для описания лексического значения русского глагола.

В своей книге “Вид, залог и семантика глагольного слова” (1976) Н.С. Авилова предлагает следующую классификацию предикатов – предикаты со значением: 1) действия; 2) процесса; 3) состояния; 4) качества; 5) нахождения в пространстве; 6) потенциальности; 7) класса и “связи”; 8) результата и факта [9, с.151].

Эти группы связаны между собой определённой системой признаков. Предикаты действия и процесса различаются между собой по признаку агентивности /неагентивности субъекта. Предикаты состояния отличаются от предикатов действия и процесса, прежде всего, по признаку статичности /нестатичности (отсутствие изменения во времени /изменение или возможность изменения). “Признак неизменения во времени”, - пишет Н.С. Авилова, - “является признаком статичности” [9, с.103].

При классификации предикатов большое внимание часто уделяется признаку “активности /неактивности.

Н.С. Авилова выделяет два основных вида “неактивности”:

- 1) неактивность, которую можно связать с понятием страдательности (пациенса);
- 2) неактивность, которая определяется тем, что субъект вообще в собственном смысле слова не действует, но энергия, необходимая для осуществления действия, исходит от него” [9, с.112].

При классификации предикатов Т.В. Булыгина руководствуется признаком “временности/локализованности”. Она разделяет все предикаты на две большие группы, причём значение временности получают и именные предикаты и некоторые глагольные предикаты типа *обладать, летать* (*птицы летают*), *любить* и т.п.

Проведённый Т.В. Булыгиной анализ свидетельствует о системной значимости и грамматической существенности следующих признаков:

- 1) отсутствие /наличие временной связанности (“временность”, постоянность /эпизодичность);

2) статичность / динамичность;

3) длительность / недлительность;

4) временная перспектива, т.е. 4а) перспективность / бесперспективность – для процессов и 4б) постепенность / непостепенность предшествующим процессом – для событий;

5) контролируемость / неконтролируемость [10, с. 7-85].

Особое место в исследовании роли глагола в структуре предложения занимает работа Г.А. Золотовой «Коммуникативные аспекты русского синтаксиса» (1982 г.), где она предлагает следующую классификацию семантического своеобразия глаголов:

1. Полнозначительные и неполнозначительные глаголы.

Глаголы с модальным значением (*хотеть, желать* и др.) и глаголы с фазисным значением (*начинать, продолжать* и др.). Компенсаторы (участвуют в транспозиции средств прямой номинации в средство косвенной номинации, компенсируя недостающий категориально-синтаксический элемент значения): *космонавты летят над землей – космонавты совершают полет над землей*.

2. Глаголы со значением акциональности/неакциональности.

Разновидности глаголов неакционального значения (глаголы локализирующего значения, глаголы экзистенциального значения, глаголы партитивного значения и др.);

Разновидности глаголов акционального значения. Глаголы акциональные обозначают физические или ментальные действия лица и в свою очередь подразделяют на группы по характеру действия: глаголы рече-мыслительного действия, глаголы эмоционального действия и др.

3. Каузативные глаголы обозначают действие на лицо или предмет, в результате которого лицо совершает действия, испытывает состояния, предмет изменяет свое состояние, качество, местоположение (*напиться воды – напоить коня водой, быть в ярости – привести брата в ярость* и др.).

4. Глаголы, выражающие логические отношения причинно-следственные и обусловленности между двумя действиями, явлениями, признаками, а так же организуют предложения усложненной структуры (*воспитание определяет поведение человека, здоровый режим обеспечивает работоспособность* и др.).

5. Глаголы авторизирующего значения организуют полупредикативные предложения, в которых взаимодействуют элементы модели сообщаемого содержания с элементами модели рече-мыслительного действия личного субъекта (*он талантлив – преподаватель считает его талантливым – он считается талантливым – друзья находят его талантливым* и т.д.).

6. Глаголы-компликаторы, которые выступают как усложнители элементарных моделей предложения [11].

Одна из классификаций глагольной семантики последних лет представлена на сайте «Национального корпуса русского языка». В основу семантической разметки положена система классификации русской лексики, принятая в базе данных "Лексикограф", которая разрабатывалась с 1992 г. в Отделе лингвистических исследований ВИНТИ РАН под рук. Е. В. Падучевой и Е. В. Рахилиной. Словник семантического словаря базируется на морфологическом словаре системы DIALING (общим объемом порядка 120 тыс. слов), представляющим собой расширение Грамматического словаря русского языка А. А. Зализняка: **движение** (в том числе изменение положения тела, части тела – *согнуть, нагнуться*); **помещение объекта** (*положить, вложить*); **физическое воздействие** (в том числе создание физического объекта – *смастерить*, уничтожение – *взорвать*); **изменение состояния или признака** (*взрослеть, богатеть*); **бытийная сфера** (существование, начало

существования – *возникнуть*, прекращение существования – *искоренить*); **местонахождение** (в том числе положение тела в пространстве – *сидеть*); **контакт и опора** (*касаться, обнимать*); **посессивная сфера** (*дать, подарить*); **ментальная сфера** (*знать, верить, догадаться*); **восприятие** (*смотреть, слышать*); **психическая сфера** (*гипнотизировать, сочувствовать*); **эмоция** (*радоваться, обидеть*); **воля** (*решишь*); **речь** (*говорить, советовать*); **поведение человека** (*куролесить, привередничать*); **физиологическая сфера** (*кашлять, икать*); **природное явление** (*бушевать, вьюжить*); **звук** (*гудеть, шелестеть*), **свет** (*гаснуть, лучиться*), **запах** (*пахнуть, благоухать*) [12].

Приведенная семантическая классификация, на наш взгляд, наиболее полно отражает глагольную семантику и способствует моделированию человеком разностороннего мировосприятия. На современном этапе развития лингвистики исследования глагольной семантики остаются актуальными, так как проблематика данной области не однородна.

Список использованной литературы

1. Новиков Л.А. Семантика русского языка. М., 1982.
2. Васильев Л.М. Семантика русского глагола – М. – Высшая школа, 1981.
3. Аспекты семантических исследований / Уфимцева А.А., Кубрякова Е.С. и др. – М.: Наука, 1980.
4. Васильев Л.М. Теории значения в лингвистической науке// Научные доклады высшей школы: Филологические науки. М; 1971. - № 4.
5. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.- Л; 1947.
6. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л; 1972.
7. Методы изучения лексики. Минск, 1975.
8. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. М.: 1974.
9. Авилова Н.С. Вид залога и семантика глагольного слова. М.: 1976.
10. Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке// Семантические типы предикатов. М.: 1982.
11. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: 1982.
12. www.ruscorpora.ru

УДК. 811.161.1'373

Ешенгазина С.А.
Казахстанско-Британский технический университет,
s_eshengazina@yahoo.com, Алматы, Казахстан

СОДЕРЖАНИЕ И ФОРМЫ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ

Abstract

The article draws the readers' attention to the psychological, methodological and organizational aspects in the development and formation of the student-independent study skills (SIS) through the medium of the English for professional purposes, a course conducted in Kazakh-British Technical University (KBTU). SIS is viewed as a method of forming three core competencies (basic, intellectual, and special), and three forms of independent learning styles are differentiated (reproductive, productive and creative). Understanding and implementing the principles of a student's

self-motivation and self-discovery make SIS a powerful teaching and learning tool in preparation of pre-service specialists equipped with life-long learning, independent and creative thinking skills.

Түйін

Аталған мақала Қазақстан-Британ техникалық университетінде жүргізілетін “Кәсіби мақсаттағы ағылшын тілі” пәні бойынша студенттердің өздік жұмысының (СӨЖ) маңызды дидактикалық және ұйымдастыру аспектілерін қарастырады. СӨЖ-ді ұйымдастыруда деңгейлік тәсіл мен СӨЖ формаларын (репродуктивтік, продуктивтік және шығармашылық) шебер ұштастыру, оқу процесінің мотивациялық компоненттерін терең түйсіну мен қазіргі заманғы әдістерді тиімді қолдану оқытудың аталған формасын дербес және шығармашыл мамандар даярлаудың тиімді тәсіліне айналдырады.

Данная статья рассматривает важные организационные и дидактические аспекты организации самостоятельной работы студентов (СРС) по дисциплине «Английский для профессиональных целей» в Казахстанском Британском Техническом Университете. Умелое сочетание уровня подхода и форм СРС (репродуктивной, продуктивной и творческой), глубокое понимание мотивационного компонента в учебном процессе и эффективное применение современных подходов к организации СРС превращают данную форму обучения в эффективный метод подготовки самостоятельно и творчески мыслящих специалистов.

Ключевые слова: *самостоятельная работа студента, организация и формы, мотивация.*

В профессиональной подготовке молодых специалистов в стенах вуза большое внимание уделяется привитию и воспитанию умения самостоятельно и активно решать практические задачи в контексте дисциплины и находить оригинальные пути решения проблем прикладного характера. Однако согласно статистике каждый третий студент не удовлетворен обстоятельствами организации СРС, её результатом, обратной связью с преподавателем и контролем [2, 4]. Многие студенты испытывают затруднения при выполнении СРС, некоторые не в состоянии самостоятельно выполнить задания, что ведет к плагиату. Чтобы предотвратить такое негативное явление необходимо рассмотреть определение и компоненты самостоятельной работы студента как термина, и учитывать некоторые психолого-дидактические аспекты СРС при её планировании и разработке. Существует много определений СРС, среди них известна традиционная трактовка данного вида обучения, сформулированная русским исследователем Петровым А., который считает, что «самостоятельная работа – это вид такого обучения, который определяет способность студента сознательно ставить перед собой те или иные задачи, цели, планировать свою деятельность, осуществлять её и рефлексировать» [1, 5]. Данное определение отражает роль студента в данном виде обучения как самостоятельного деятеля и мыслителя, но оно не отражает связи СРС с практической целенаправленностью. В условиях же современного образования «СРС как способ овладения знаниями предполагает не только умение понять и запомнить, но и умение применить их для решения практических задач, уметь перенести знание и способ деятельности в новую ситуацию» [1, 4]. Цель СРС - научить будущих специалистов осмысленно и самостоятельно работать сначала с учебным материалом, затем с научной информацией, заложить основы самоорганизации и самовоспитания с тем, чтобы привить умение в дальнейшей профессиональной карьере непрерывно повышать и совершенствовать свою квалификацию.

Решающая роль в организации СРС принадлежит преподавателю, который должен работать не со студентом “вообще”, а с конкретной личностью, с ее сильными и слабыми сторонами, индивидуальными способностями и наклонностями. Задача преподавателя - распознать и развить лучшие качества студента как будущего специалиста высокой

квалификации. Исходя из определения, задачей преподавателя является создание условий высокой активности, самостоятельности и ответственности студентов в аудитории и вне ее в ходе всех видов учебной деятельности. При этом необходимо учитывать важность создания психолого-дидактических условий развития интеллектуальной инициативы и мышления на занятиях любой формы, т.е. при организации СРС необходимо учитывать следующие развивающие компоненты: мотивационный, содержательно-операционный и волевой, которые закладывают научно-дидактическую основу организации СРС [1, 3]. Активная самостоятельная работа студентов возможна только при наличии серьезной и устойчивой мотивации. Самый сильный мотивирующий фактор - подготовка к дальнейшей эффективной профессиональной деятельности, т.е. студенты уже в стенах вуза выполняют самостоятельные познавательные задания, ведущие к непосредственному контакту с активной средой профессиональной деятельности и чувство сопричастности к этому является мощным стимулирующим фактором интенсификации деятельности студентов.

Рассмотрим внутренние факторы, способствующие активизации самостоятельной работы. Среди них исследователи выделяют следующие факторы [1, 6-7]:

1. Полезность выполняемой работы. Если студент знает, что результаты его работы будут использованы в лекционном курсе, в методическом пособии, при подготовке публикации или иным образом, то отношение к выполнению задания существенно меняется в лучшую сторону и качество выполняемой работы возрастает. При этом важно психологически настроить студента, показать ему, как необходима выполняемая работа.

2. Важным мотивационным фактором является интенсивная педагогика. Первым шагом в таком подходе являются деловые или ситуационные формы занятий, в том числе с использованием информационных технологий.

3. Мотивация самостоятельной учебной деятельности может быть усилена при использовании такой формы организации учебного процесса, как цикловое обучение, известное как метод погружения. Этот метод позволяет интенсифицировать изучение материала, так как сокращение интервала между занятиями по той или иной дисциплине требует постоянного внимания к содержанию курса и уменьшает степень забываемости.

4. Использование мотивирующих факторов контроля знаний (накопительные оценки, рейтинг, тесты, нестандартные экзаменационные процедуры). Эти факторы при определенных условиях могут вызвать стремление к состоятельности, что само по себе является сильным мотивационным фактором самосовершенствования студента.

5. Мотивационным фактором в интенсивной учебной работе и, в первую очередь, самостоятельной является личность преподавателя. Преподаватель может быть примером для студента как профессионал, как творческая личность. Преподаватель может и должен помочь студенту раскрыть свой творческий потенциал, определить перспективы своего внутреннего роста и наметить пути реализации замыслов. Рассмотрим не менее важный содержательно – операционный компонент СРС [3, 8], который предполагает владение студентом системой ведущих знаний и способов учения, т.е. умение добывать знания самостоятельно. Составной частью содержательно-операционного компонента являются и способы учения: интеллектуальные, общие и специальные. К интеллектуальным относятся владение такими мыслительными операциями как сравнение, сопоставление, анализ и синтез. Под общими навыками подразумеваются навыки учебного труда (Study skills): умение планировать самостоятельную работу, рационально её организовать, осуществить самоконтроль и умение работать в определенном темпе. Академические успехи многих студентов обоснованы третьим психологическим компонентом, так называемым волевым компонентом, который понимается, как стремление преодолеть умственные затруднения. Другими словами, волевой компонент – это умение студента преодолеть трудности. Таким

образом, СРС также закаляет характер и деловые качества студента, воспитывает его самоорганизованным и рациональным специалистом. Это возможно при условии, если преподаватель на каждом этапе СРС четко разъясняет цели работы, контролирует понимание этих целей и выполнение заданной работы студентами в заранее прописанные в силлабусе сроки. Такое отношение постепенно формирует у студента умение самостоятельной постановки задачи и выбора цели. Исходя из этого логично полагать, что организация СРС эффективна если при планировании курса четко обозначены следующие условия реализации компонентов СРС:

- 1) сформировать положительную мотивацию и целевые установки значимости усвоения курса;
- 2) определить требуемый уровень знаний, умений и навыков при изучении курса;
- 3) сформировать комплексное научно-методическое обеспечение СРС студентов;
- 4) разработать и внедрить в процесс обучения активные методы обучения, позволяющие интенсифицировать СРС и обеспечить диалоговое взаимодействие участников учебно-познавательной деятельности.

Существуют разные формы самостоятельных работ, которые рассматриваются Петровым А. [1, 4] как 3-х уровневое понятие, состоящее из репродуктивной, продуктивной и творческой форм СРС. Примерами репродуктивной формы СРС служат реферирование, изложение или пересказ информации без изменения её сути. Примером продуктивной формы СРС служит написание эссе как завершающий этап изучения той или иной темы. Творческие формы СРС включают проектные формы [5-7] работ студентов, такие как исследовательские проекты, или проведение интервью и выпуск очерков или стенгазет, написание кратких историй и т.д. Для совершенствования интеллектуальных компетенций студентов, среди которых формирование собственного мнения или идеи является желаемым результатом, рекомендуется использование творческих форм СРС. В обучении будущих специалистов английскому языку учитываются основополагающие задачи и компоненты СРС, и выделяются специфические задачи соответственно дисциплины. В данном случае, такой задачей является формирование тех коммуникативных компетенций на иностранном языке в совокупности с интеллектуальными, которые востребованы в профессиональной среде будущих специалистов.

Для подготовки квалифицированных кадров, владеющих английским как языком активной профессиональной деятельности, кафедра английского языка КБТУ использует интенсивную методику обучения в форме ролевых игр, симулятивных деловых ситуаций, кейс-стади (case study), и творческие типы проектной работы максимально приближенных по содержанию к реальной профессиональной среде.

Одним из примеров продуктивной СРС является групповая работа по написанию, оформлению и публикации «Информационного бюллетеня» (Newsletter). Целью данного проекта является развитие у студентов 1 курса самостоятельного критического мышления, навыков аналитического письма, навыков самостоятельной работы и работы в команде. При этом используется ролевая игра как форма организации СРС. Согласно содержанию методических рекомендаций группе студентов дается задание выпустить информационный бюллетень из статей в форме эссе, очерка, или интервью по темам, отражающим различные аспекты жизни студентов КБТУ. Группе дается свобода в выборе тем, источников информации, типа эссе, форме очерка и организации самостоятельной работы, но цели, сроки, этапы, и критерии оценки определяются преподавателем в силлабусе и отслеживаются на каждом этапе выполненной работы. Студенты также самостоятельно выбирают творческие роли в процессе подготовки задания: избирают менеджера проекта, координатора, репортеров, журналистов, главного редактора, художника и график дизайнера

бюллетеня. Студентов мотивирует и тот факт, что лучшие работы по условиям курса планируется поместить на страницах web-портала или студенческого журнала КБТУ, что делает их работу практически востребованной. Данный проект применяется на программе по подготовке студентов к экзамену IELTS, и помогает сделать учебный процесс увлекательным и познавательным, тем самым скрашивая тестовую направленность курса.

Одним из самых интересных и эффективных проектов самостоятельного творческого типа является написание студентами «Истории Успеха» (Success story) местных предпринимателей и специалистов экономического или технического профиля [4, 12-13]. Данный проект требует в качестве пререквизита владение студентами базовым уровнем английского языка (Intermediate) и выше. Нужно учесть и тот факт, что данный вид обучения является длительным познавательным процессом, а не однократным заданием и требует постоянного мониторинга процесса со стороны преподавателя. Целью данного долгосрочного проекта является совершенствование устных и письменных коммуникативных навыков через усиление самостоятельного и осмысленного стиля изучения предмета, интеграция навыков с информацией или содержанием темы, а также воспитание предпринимательского духа и творческих способностей студентов. Согласно методическим рекомендациям преподавателя, студентам в командах из 2-3 человек предлагается исследовать, собрать материал, составить и написать историю профессионального или предпринимательского успеха на примерах реальных известных в своей сфере или на местном рынке профессионалов и предпринимателей, чью историю и опыт студенты желали бы использовать как модель построения своей профессиональной карьеры. Проект состоит из 4-х этапов: 1) поиск объекта и выход на контакт с ним; 2) планирование и подготовка деталей интервью, где основной фокус направлен на составление адекватных вопросов интервью и подготовку технического сопровождения; 3) встреча с объектом исследования и проведение интервью с ним; 4) написание и презентация истории успеха, один из самых важных и трудных для студентов этапов, где они анализируют и синтезируют информацию, используя свои языковые компетенции и где необходима помощь преподавателя в планировании и организации текстовой информации и формировании письменного стиля изложения информации в лаконичной форме.

Данный проект помогает студентам не только сформировать представление о будущей профессии или предпринимательской деятельности, но и активизировать коммуникативные компетенции. Особенно эффективно, хотя не всегда успешно, формируются навыки делового общения по телефону, через электронную почту, в сочетании с первым опытом знакомства и живого общения с представителями профессионального и делового мира, а также студенты приобретают опыт использования технических средств записи и документирования информации. Однако важно заложить языковую основу для такого проекта и предвосхитить трудности написания самой истории. Для этого, в условиях аудиторных занятий, параллельно с проектной работой, студенты изучают и активизируют терминологическую базу, анализируют истории успеха на примерах текстов о мировых лидерах в бизнесе (Cotton D. et al., 2011. *Market Leader*) и трансформируют полученные знания и компетенции в проектные ситуации.

На более продвинутом этапе изучения АПЦ студенты 2 курса всех специальностей вовлечены в предпринимательский проект «Свой бизнес/компания» (Mock Company), который позволяет интегрировать содержательный элемент специализации с языковыми компетенциями [4, 15-17], таким образом, обеспечивая междисциплинарные связи и представление целостности образования. Студентам рекомендуется смоделировать свою компанию или бизнес, используя знания о существующих видах деловой активности и потребностей современного рынка. Проект рассчитан на 1 семестр и состоит из нескольких этапов: 1) предварительный поиск, сбор информации; 2) анализ информации и определение

вида деятельности; 2) планирование модели компании (определение структуры и миссии компании, дизайна продукта, целевые клиенты и т. д.); 3) подготовка брошюры компании; 4) презентация компании.

Данный проект предоставляет студентам неограниченные творческие возможности спроектировать свой предпринимательский замысел и апробировать его в условиях реального конкурса на самый реалистичный, оригинальный, прибыльный и низкозатратный проект. Многие студенты воспринимают данный проект как первый шаг к реальной профессиональной или предпринимательской деятельности и учатся бизнес планированию в реальной ситуации. Однако нам, языковедам, важен тот факт, что в процессе моделирования своей компании студенты активизируют и расширяют понятийную и концептуальную базу английского для профессиональных целей, а также совершенствуют деловой, лаконичный стиль письменной и устной презентации информации. Тем самым, будущие студенты моделируют сферу своей деятельности и проецируют компетенции и знания в реально опосредованную среду, подтверждая необходимость практического подхода в применении полученных и приобретенных знаний и умений.

В заключение темы необходимо отметить важность оценочного этапа СРС, являющегося компасом для студентов и мерой вознаграждения за их кропотливую работу. Основные критерии оценки СРС можно обобщить как следующие:

1. содержание (ценность информации и объективность)
2. оригинальность решения поставленной задачи
3. соответствие формату/структуре
4. умение работать самостоятельно
5. использование концепций курса
6. умение работать с источниками
7. выполнение задания в сроки
8. умение работать в команде.

Таким образом, очевидно, что студенты осознанно и активно подходят к выполнению СРС при условии четкого понимания ими цели, практической целесообразности и конечного результата выполненной самостоятельной работы, а также, если их труд оценивается адекватно в соответствии с прописанными в syllabusе требованиями.

Литература:

1. ИГХТУ Рекомендации по организации самостоятельной работы студентов. — 2008. доступна на <http://www.isuct.ru/umo/Orgproc10.html>. Дата обращения 12.02. 2012.
2. Научно-дидактические основы организации СРС. Магистерская диссертация. — 2001. Доступна на http://bankrabort.com/work/work_32287.html?similar=1. Дата обращения 24.02.2013.
3. Системный подход к организации СРС технических вузов в процессе обучения экономической теории. — 2004. Доступна на http://bankrabort.com/work/work_51838.html?similar=1. Дата обращения 25.02.2013.
4. Yeshengazina S., Kerimkulova S. Project-based learning in English classrooms. A Self-study guide for students and English teachers. Kazakh-British Technical University, Almaty. — 2011 — 44 pp.
5. Кочетурова Н. Метод проектов в обучении языку: теория и практика. — 2007. Доступна на <http://www.itlt.edu.nstu.ru/article4php>. Дата обращения 11.12.2012.
6. Полат Е.С. Метод проектов на уроках иностранного языка. Иностранные языки в школе. — 2000 — №№2,3.
7. Cerovsky, Dorothea. Project work – some theoretical aspects. — 2000. Доступна на <http://uni-posdam.de/u/spz/projekt.htm>. Дата обращения 12.12.2013.

УДК 811.161.1' 373

L. A. Smirnova

кандидат филологических наук

Ассоциированный профессор Международной

школы экономики Казахстанско-Британского технического университета

A TEXT-BASED DISCOVERY APPROACH TO TEACHING GRAMMAR

Abstract

The article is aimed at identifying the benefits of a text-based discovery approach to teaching grammar. According to this approach learners are provided with an illustration of the targeted form or structure and are asked to generate the rule. Since most of the rules are functionally motivated, grammatical items are studied in context. They are analyzed from the point of view of their form, meaning and function, as well as their role in the organization of the whole text. The story 'Charlie' by Sh. Jackson is given as an illustration of how this approach works in a grammar class.

Key words: grammar instruction, grammatical forms and structures, text-based analysis, discovery approach

Резюме

В статье рассматриваются преимущества индуктивного метода обучения грамматике студентов продвинутого уровня. В качестве материала обучения используется рассказ Ш. Джексон «Чарли». Грамматические формы анализируются с точки зрения их структуры, значения и роли в семантической организации текста, а также участия в развитии повествовательной линии.

Ключевые слова: обучение грамматике, грамматические формы и структуры, индуктивный метод, текстовой подход

Түйін

Мақала грамматиканы мәтін негізінде индуктивті түрде оқытудың артықшылықтарын қарастыруды мақсаттайды. Осы оқыту тәсілдемесі бойынша үйренушілерге жаңа грамматикалық материалдың құрылысы көрсетіледі, берілген құрылымға қарап үйренуші грамматикалық ережені өз бетімен тұжырымдайды. Ережелердің басым көпшілігінің функционалды негіздемесі бар болғандықтан грамматикалық материал контекстінде үйреніледі. Грамматикалық құрылымдар өз формасы, мағынасы, қызметі және мәтін құрылымындағы рөлі тұрғыларынан қарастырылады. Ш.Джэксон жазған 'Charlie' әңгімесі арқылы ұсынылған тәсілдеменің қолдану мүмкіндіктері көрсетіледі.

Түйінді сөздер: грамматиканы үйрету, грамматикалық формалар және құрылымдар, мәтін талдау, индуктивті тәсілдеме.

Grammar has always been a very important aspect of language instruction. Traditionally grammar instruction is directed at developing rule-based competence, goes through Present, Practice, Produce stages and is restricted to a sentence-level analysis of particular grammatical points. However, research shows that this type of grammar instruction results in greater accuracy in test-like performance, but does not necessarily improve accuracy in spontaneous language use [1, 45]. Encouraging learners to become active explorers of language might help avoid the undesired effects of the traditional approach to teaching grammar.

R. Ellis, the author of the theory of instructed language learning, identifies the following instructional options: explicit instruction, implicit instruction, structured input, production practice and negative feedback. According to him, explicit instruction requires students to pay deliberate attention to the targeted form which they are expected to understand. Explicit instruction may be didactic, when students are provided with an explanation of the form, and discovery, when students

get an illustration of the form and are asked to find out how it works. Implicit instruction requires learners to infer how a form works without awareness. The targeted form might be highlighted in some way (through bold or italicized font) so that learners should notice it or might be printed in a standard font. Structured input helps students to process some material that has been specifically designed to induce ‘noticing’ of the targeted form. Production practice, controlled or functional, takes place when students produce sentences containing the targeted form. Negative feedback is a corrective feedback, which may be explicit or implicit [1, 51-52].

Interestingly, the efficiency of different types of instruction is relative. According to some empirical data, explicit instruction is more effective than implicit instruction when learning is measured in test-like performance. Discovery-based explicit instruction is as effective as didactic explicit instruction. Structured input is a useful option for the development of self-instructional materials. Functional grammar teaching results in learning which is measured in test-like and communicative performance. Negative feedback contributes to learning if it is pitched at a level appropriate to the learner’s developmental stage [1, 56].

As a rule, at a grammar lesson different types of instruction are used. For example, if the topic of the lesson is “Linking Words”, the teacher might begin by asking the students to read a text in which linking words are highlighted (implicit instruction). The next step is for the students to identify the role and the meaning of the linkers used in the text (explicit discovery instruction). After that, the students might be offered an additional list of linkers with a view to grouping them according to their meaning (structured input). This might be followed by a number of the fill-in-the-blank type exercises (controlled production practice). Finally, the students might practice the use of a particular group of linking words in a situational context – the teacher provides the students with some information and ask them to generalize on it, think of a possible reason for it, add some facts or ideas to it, etc. (functional productive practice). At the production stage of the lesson error correction might take place (negative feedback).

Admitting that all types of grammar instruction are equally important, we assume that at the intermediate and upper-intermediate levels a discovery approach to teaching grammar is more effective. There are several reasons for that. Firstly, learners become aware of how language functions. Secondly, after analyzing the grammatical item and formulating a rule they are more likely to remember what they learn, on the one hand, and acquire the skills to investigate language autonomously, on the other. “The idea here is that information will be more deeply processed and stored if learners are given an opportunity to work things out for themselves, rather than simply being given the principle or rule” [2, p. 107]. Finally, if students use L2 while doing discovery tasks, they develop their competence and fluency in L2. In addition, discovery types of activities reinforce student critical thinking skills.

According to some grammarians, there are very few ‘rules’ of English grammar that can be applied and used without reference to context; most of them are functionally motivated. As a result, they claim that a discourse-based, content-embedded approach to teaching grammar is pedagogically superior to a decontextualized sentence-level approach [3, 100]. Students of the intermediate through advanced levels have a sufficient language competence to function in real-life situations. Consequently, grammar should be rather meaning-based than rule-based and instruction should be aimed at further development of grammar skills and their transfer to speech. Using text-based approach in a grammar class is extremely beneficial because a text has unlimited opportunities for consolidating and further developing grammatical skills, it is a unique teaching material, containing not only vocabulary but also a number of different grammatical features used in authentic environment, and through it students are exposed to real language. Apart from that, a text is a source of information and in case its contents meet learners’ interests, reading it might be really motivating.

The first-year Kazakh-British Technical University International School of Economics students have a compulsory 30-hour long course “Teaching Grammar through Reading”, in which a text-based approach to teaching grammar is employed. The course is focused on further development of reading and speaking skills and provides opportunities for building up vocabulary and enhancing grammar, improving their analytical reading and self-study skills. It covers the following grammatical items: English tenses; Conditionals, Regrets and Wishes; Connectives; Subject-Predicate Agreement; Non-Finite Form Predicative Constructions; Gerund and Infinitive and Attributive Clauses. These topics are selected because they present particular difficulties for language learners and some of them are not studied in secondary schools. Short stories by British and American writers, some economic articles and newspaper texts are used as teaching materials. The in-class work goes through three stages. The first stage includes understanding the text, its plot, the theme, the structure and the message it conveys. The second is the analysis of the grammar point in focus and its role in the structural and semantic organization of the text. Students discover rules and make generalizations using examples from the text. These examples serve as a basis for further grammar instruction. During the third stage additional features of the item/s revised are identified and used in summarizing, interpreting and evaluating the text.

To illustrate how this approach works, let's analyze the story “Charlie” by Shirley Jackson [4]. It is a short story about a little boy's first experiences in the kindergarten. Every evening Laurie comes home with new stories about bad behavior of another kid called Charles, who yelled loudly, pounded his feet on the floor, threw chalk, bounced a seesaw on a little girl's head, hit a teacher, used bad language, etc. The story ends with a parent-teachers meeting, at which Laurie's mother finds out that there is no boy called Charlie in the kindergarten. The grammar point in focus is the predicative infinitive construction functioning as object.

Students are expected to read the story at home. In class they are first offered a number of questions aimed at checking comprehension.

- Who tells the story?
- How many characters are in the story?
- How did Laurie change after he went to the kindergarten?
- How did Charlie behave?
- Why were Laurie's parents so excited about the coming parent-teachers meeting?
- Why were they eager to invite Charlie's mother for a cup of tea after the meeting?
- Why did it take them so long to realize that their son was making up stories?
- Does Charlie seem to be a happy child? Why did he create all those stories?

At the second stage students are asked to write out from the text all the word-combinations with the verb “to make”. They come up with the following list: make him stand in a corner, made him color with red crayons, made her bleed, made him stay inside all during recess, make Charles keep quiet, made us do exercises, made him cry. Then in groups they are encouraged to discuss these combinations from the point of view of their form, meaning and function, work out the rule of their formation, group them according to the agent of the action and share their discoveries with the class. It turns out that out of seven collocations mentioned above four describe the teacher's action and two those of the boy. This gives a clear picture of the methods the teacher uses in class and enables a reader to look at Charlie's behavior from a different perspective. Thus, the tasks provide evidence of how grammar contributes to the thematic and informational structure of the story. The teacher's responsibility at this point is to summarize the grammatical features identified by the students and emphasize the fact that the studied structures are called constructions or complexes because they consist of several components. Learners are then provided with additional examples of this construction taken from the story and supplemented with those created by the teacher (see be-

low). This is done to make it clear to them that that infinitive complexes are used in particular syntagmatic conditions, namely after certain group of verbs.

I watched him go off the first morning with the older girl next door ...

We don't want our son to think that Charles' behavior was appropriate.

Our teacher had a friend come see her today.

The teacher considered Charlie to be fresh,

Charlie seemed to be out of control, etc.

Students compare these sentences with those already discussed, find similarities and differences and fill in the table given below.

The verbs after which the construction is used	How the object is expressed	The form of the infinitive (with or without the particle 'to')	Example

One of the home assignments might be to find in grammar books more verbs after which the infinitive construction is used and add them to column 1.

At the final stage the class is engaged in a discussion of the problems the story raises, such as the difficulties of a child's identity formation, the role of parents and teachers in this process, the reasons for childhood aggression, the methods teachers practice at school, etc. applying the construction studied.

To sum up, a text-based discovery approach to teaching grammar is really beneficial. In addition to enhancing learners' knowledge of the target language through exposure to new grammatical structures, it further develops their reading and speaking proficiency, helps incorporate critical thinking into the classroom and boosts interest in the reading process. The latter is extremely important, since "the more exposure a student has to language through reading, the greater the possibilities that overall language proficiency will increase" [5].

References

1. Ellis R. Direct Intervention in Language Learning // New Zealand Studies in Applied Linguistics. - 2002. - N8, pp. 45-61
2. Nunan D. Teaching Grammar in Context // ELT Journal. - April 1998. -Volume 52/2, pp. 101-109
3. Celce-Murcia M. Why it makes sense to teach grammar in context and through discourse // New Perspectives on Grammar Teaching in Second Language Classroom. - 2002, pp. 119-133
4. Shirley Jackson. Charles // Being People. An Anthology for Non-Native Speakers of English. – English Language Programs Division US Information Agency. – Washington, D. C., pp 92-96
5. Anderson N. Improving Reading Speed. Activities for the classroom. // Forum. - April-June 1999. - Vol. 37. - N 2, pp. 2 -5

ӘОЖ 811.512.122373

Қарабаева Х.Ә.

Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ доценті, ф.ғ.к.
khanshaim63@mail.ru Қазақстан, Алматы

А. БАЙТҰРСЫНҰЛЫНЫҢ ҰЛЫ МИССИЯСЫ

Summary

The article considers the reform activities A. Baytursunova in the creation of the Kazakh alphabet based on the Arabic script. Describes the critical importance of "Baytursunov alphabet" in the development of the Kazakh Scientific and Cultural Organization. The brief linguistic analysis charts A. Baitursynov. The mechanism, the algorithm for creating alphabetic characters Kazakh alphabet on the basis of principles and conditions put forward by A. Baitursynov. Summarized A. Baitursynov contribution to the establishment of national terminology. Recovered some author linguistic terms A. Baitursynuly, analyzed their identity.

Резюме В статье рассматривается реформаторская деятельность А. Байтурсунова в области создания казахского алфавита на основе арабской графики. Описывается исключительная важность «Байтурсуновского алфавита» в развитии казахской науки и культуры. Дается краткий лингвистический анализ графики А. Байтурсунова. Проанализирован механизм, алгоритм создания буквенных знаков казахского алфавита на основе принципов и условия выдвинутых А. Байтурсуновым. Кратко излагается вклад А. Байтурсунова в становление национальной терминологии. Извлечены некоторые авторские лингвистические термины А. Байтурсуноулы, проанализированы их своеобразие.

Кілт сөздер: *қазіргі қазақ тілі, лингвистикалық терминология, авторлық термин, эпоним, қазақ жазуы, алфавит, төте жазу, дыбыстық таңба.*

Қазақтың А. Байтұрсынұлы – ұлттық идеологияның майталманы, көреген саясаткер. Оқу-ағарту ісінің үздігі, дарынды педагог. Тыңнан түрен тартып, қазақ әдебиеті мен тіл білімі ғылымдарының негізін қалаған зерделі зерттеуші, ғалым. Қазақтың жоғын жоқтап, санасын оятқан жалынды публицист. Кәсіби қазақ журналистикасының іргесін қалаған көсемсөз шебері. «Тіл – адамның адамдық белгісінің зоры, жұмсайтын қаруының бірі» [1;173], - деп айтудан жалықпаған бұл ұлы адам, бар күшін ана тілінің қадір-қасиетін паш етуге жұмсады. Бұл жолда өзге тілдердің өзін де басты қару, маңызды құрал ретінде пайдаланды, аудармашылықпен айналысты. Қазақтың мұң-мұқтажына қатысты ойын орыс тілінде еркін жеткізді. Араб сөзін қазақтың төл сөзіндей түрлендіріп, пән сөздерін жасады. Әліппесін қазақтың пайдасына балап, әдіптеп әжетіне жаратты. Осылайша, Ахмет Байтұрсынұлы тағдыр тақтасына жазылған өзінің ұлы миссиясын абыроймен атқарып, есімі ұлтының жадында мәңгіге жатталды.

А. Байтұрсынұлының ұлттық мүддеге бағытталған ерен еңбегі кеңес идеологтары тарапынан қоғам өміріне қайшы дұшпандық әрекет деп танылғанымен, озық ойлы замандастары А. Байтұрсынұлының халық үшін жасалған игі істерін үлгі тұтып, жоғары бағалай білді. Соның бір дәлелі – кеңестік тіл білімінде «Байтурсуновский алфавит» [2; 59] эпонимінің қалыптасып, лингвистикалық терминге айналуы.

Байтұрсынұлы жазуы халық арасында «төте жазу» деп аталып, 1929 жылға дейін ресми түрде қолданыста болғаны тарихтан белгілі. Алайда XX ғасырдың басында қазақтың саяси-әлеуметтік өмірінде орын алған өзгерістер салдарынан қазақ әліпбиі бастапқыда латын, кейін кириллица негізінде жасалған әліпбимен алмастырылды. Осы себепті А. Байтұрсынұлы есімімен тікелей байланыста қалыптасқан қазақ тіл біліміндегі бірден-бір эпонимнің

лингвистикалық терминдер қатарынан ығыстырылып, пәрменсіз терминдер қабатына өтті. Соған қарамастан, А. Байтұрсынұлы негіздеген қазақ жазуы бүгінгі таңға дейін Қытай Халық Республикасын мекендейтін қандастарымыздың әліпбиі болып келе жатқандығы «Байтұрсынұлы жазуының» өміршеңдігін, демек сапалы жасалғандығын айғақтайды.

Бодан халқының жадау күйін, жүдеу тіршілігін көріп күйінген А. Байтұрсынұлы: «қазақтың шаруасына бір жақтан надандығынан кемшілік келгенде, екінші жақтан білімсіздігін көріп тұрғандар басынып, елдіктен, теңдіктен қалдырып, тиісті сыбағасына қиянат етіп тұрғаны санасы бар қазаққа ескерерлік іс еді. Бұл заманда қолы жетпегендерді теңдікке жеткізіп, әлсіздерге күш беретін өнер-білім, сол өнер-білімге мезгілі өтпей тұрғанда үйренсек, тұрмысымызды түзетіп, басқалардың аяқ астында жаншылмас едік, біз де өз алдымызға бір жұрт екендігімізді білдірер едік» [1; 428], - деп, қазақ балаларын оқытуды басты мақсат тұтты. Сондықтан «Оқу құралының ең ұлығы – бала оқытатұғын кітап; оның жақсы болып, балалардың жанын қинамасына жазудың тәртібі болуы шарт. Тәртіпті жазу деп айтамыз: тілдегі бар дыбыстың бас-басына арналған белгісі (харфі) бар болса» деп, Ахмет Байтұрсынұлы «дәйекші қойып қарып белгісін азайту арқылы» араб әліпбиінің негізінде жасалған қазақ әліпбиімен 1912 жылы Орынбор қаласында «Каримов. Хусаинов и К°» баспаханасынан «Оқу құралы» деп аталатын балаларға арналған әліппесін басып шығарғанына биыл аттай 100 жыл, демек, Байтұрсынұлы әліпбиіне де 100 жыл толып отыр.

Аталған әліппеде тұңғыш қазақ жазуы үшін Ахмет Байтұрсынұлы *қазақша алифба*, кейінгі еңбектерінде араб сөзін қазақ тілінің ерекшелігіне икемдеп, *қазақша әліпби* терминін қолданған. Сонымен қатар қазақ тіл білімінде тұңғыш рет әліпби ұғымының терминдік мәнін айқындап, «Әліп-би деген – тілдің негізгі дыбыстарына арналған таңбалардың жұмағы» деген анықтама берді. Осылайша қазақ тілінің дыбыстарынан бастап, оны таңбалайтын әріптер, оларды жазу, оқу емлесі, үйрету әдістері, сөз бен сөйлем жүйесі, оларға тән атаулар қарапайым күйімен, тұнық тілімен үлкен ғылыми арнаға бет бұрды.

Ахмет Байтұрсынұлы: «Кей жұрттар жазу үшін әріп алмаған, таңба алған деп, жазудың түрлерін *таңба негізді* және *әріп негізді* деп 2 топқа жіктеді. Сонымен қатар әріп негізді жазулардың емле жүйелерін *таңбаша емле*, *дағдыша емле*, *туысша емле*, *дыбысша емле* деп топтап, әрқайсысына анықтама беріп, мысалдармен дәйектеді. «Кей жұрттар жазу үшін әріп алғанмен, әріптері тілі өзгергендіктен ... тіліндегі дыбыстарына сәйкес келмейтін болған. Кей жұрттардың әуелде дыбыстарына әріп арнауында шатақтық бар болғандықтан, сөздерінің жазылуы мен айтылуы екі басқа, кей жұрттардың тілінің шартына қарай дыбысына сәйкестеп, әріп белгілеуге болмайды». Немесе «... ережелері бойынша бір әріп түрлі орында түрлі айтылмақшы. Кей әріптер ... жазылғанымен, тіпті оқылмай да қалмақшы. Кей әріптер басқа дыбыстармен қатар келген жерде тіпті дыбысынан айрылып қалмақшы», - деп өзге тілдердің мысалы негізінде ойын сабақтап, «дыбысқа сәйкестеп әріп алынбаса, сөздің жазылуы мен айтылуы бөлектенбей қала алмайды деп, дыбыстар мен әріптер арасында сәйкестік күшті болғандықтан, сөздің жазылуы мен айтылуының арасындағы сәйкестіктің күшті болатындығына дейін назар аударып, қазақша әліпби түзу барысында бұл қағидаларды басты назарда ұстаған. Ең әуелі қазақ тіліндегі дыбыстар санын анықтап, оларды таңбалайтын әріптерді белгілеген. Бұл ретте жуан және жіңішке айтылатын дыбыстардың бас-басына әріп белгілеп, олардың санын тым көбейтіп алмау мақсатында, дәйекші белгісін қою арқылы, қазақ тілінің 43 дыбысы үшін 28 әріп таңба түзіп алды. Бұл амал Байтұрсынұлы әліпбиін үздік әліпбилер санатына қосты. Себебі, мамандардың айтуына қарағанда, жазу теориясының қағидалары бойынша тілдегі фонемаларды таңбалайтын әріптер саны неғұрлым аз болса, әліпби жүйесі соғұрлым жақсы жасалған деп танылады.

Ахмет Байтұрсынұлы әліпби үшін өзіндік өлшем белгілейді. Атап айтқанда әліпби құрамына енген әріп таңбалар:

- тіл дыбыстарын таңбалауға жеткілікті;
 - оқу үшін оңай;
 - жазуға және жазылғанды тануға жеңіл;
 - баспа жұмыстары үшін қолайлы;
 - үйретуге (сауат ашуға) оңтайлы;
 - көз тартарлық көркем;
- болуы керек.

Осы тұрғыдан алғанда, «сөз ішінде сап түзеген солдат сияқты сымға тартқан солдаттай, екі сызық арасында қысылып тұрған әліп те болмайтын; жолы бір сызық бойымен тартылып, жалғыз сызықтан жоғары да, төмен де ылғи асып шығып отыратын; оның үстіне қойылатын қосымша асты, үстінде белгілері, нүктелері болатын; бірдейлік, бір өңкейлік, бір беткейлігі жоқ; әріптерінің бірі биік, бірі аласа, бірі ұзын, бірі қысқа келіп, сөз әлпіне айрың-үйрің ашық сүгірет беретін; екінші жағынан қойылатын қосымша белгілері сеп болып, сөз сүгіретін көзге елеулі етіп, тез танытатын, тез оқытатын» [1; 403] «жақсыдан жақсыны іздеп» «түріктің тұнық тілі, түзу емлесі» бар қазаққа арабтан «дыбыс басына әріп белгілеп», «жазуын бір жөнге салсын», «заманымыз – жазу заманы: жазумен сөйлесу ауызбен сөйлесуден артық дәрежеге жеткен заман ..., сөйлей білу қандай керек болса, жаза білудің керектігі онан да артық, ... сөздің жүйесін, қисынын келтіріп сөйлеу қандай керек боса, жазғанда да сөздің кестесін келтіріп жазу сондай керек» [1; 141] деп ұлтын ұлықтап, әліпби тарту етті.

А. Байтұрсынұлы неміс ғалымы Гедике, француз әдіскері Жакото тәжірибелерін талдап, артық-кем тұстарын өзара салыстырып, жалқылау және жалпылау әдістері негізінде сауаттылыққа қол жеткізудің оңтайлы жолдарын ұсынды. *Жакотоша үйрету* деп аталатын эпонимнің қолданысына жол ашты.

Сауаттылық негізі жазу екендігіне ерекше мән берді. Сондықтан сауаттылыққа қол жеткізу мақсатында қолданылатын әдістердің *дыбысты әдіс*, *тұтас сөзді әдіс* деп өзі атау белгілеген түрлері мен олардың қызметіне мысалдар арқылы талдау жасап, маңызын түсіндірді. *Сауаттау әдісі*, *жазу*, *оқу* ұғымдарының терминдік мән-мағынасын ашу мақсатында олардың әрқайсысына анықтама береді.

1930 жылы Байтұрсынұлы әліпбиін латын әліпбиіне негізделген жазу алмастырды. Бұл туралы профессор Қ. Жұбанов «Проект казахского языка» деп аталатын мақаласында Байтұрсынұлы жазуына қатысты: «... особенность казахских звуков дает возможность обозначать обе разновидности одного и того же звука одной буквой, а для различения мягкости или твердости звуков, вошедших в состав слова, достаточно поставить смягчающий знак перед словом. С 1912 года, когда впервые выработана эта система и произошла реформа арабского алфавита, по 1930 г., когда арабский алфавит правительственным декретом был изъят, т.е. в течение 18 лет казахские слова писались по этой системе, причем никаких недостатков ... не ощущалось. Надо заметить, что отказ от этой системы при принятии латинского алфавита произошел, собственно говоря, по нажиму Ученого Совета ВЦКНА, а не по инициативе Казахстана» [3], - деп жазған пікірі, Байтұрсынұлы жазуының қазақ тіл білімі үшін аса құнды болғандығын айғақтайды.

Ахмет Байтұрсынұлы жасаған қазақ әліпбиі қазақ тілінің тазалығын сақтауға, өзге тілдердің ықпалымен танымастай өзгеріп кетуінен қорғады. Міне, осы айтылғандардың бәрі А. Байтұрсынұлының: «Араб әрпінен жасап алған әліпбиімізге жер жүзінде әліп-би баласы жетпейді» деп ағынан жарыла аңқылдап мақтануына лайық еді. Байтұрсынұлы әліпбиі сауатсыздық жайлаған ұлтты тозақы өмірден құтқарып, жұмақ жолына, яғни ғылым, білім жолына бастаған еді.

Пайдаланған әдебиет

1. Байтұрсынов А. Тіл тағылымы. – Алматы, 1992
2. Қазақ тілі. Энциклопедия. – Алматы, 1998
3. Жұбанов Қ. Қазақ тілі жөніндегі зерттеулер. – Алматы, 2010

**Требования
к статьям, представляемых
в «Хабаршы-Известия КазУМОиМЯ им. Абылай хана»**

Представленные для опубликования материалы должны соответствовать следующим требованиям:

1. Содержать результаты научных исследований по актуальным проблемам в области лингвистических, филологических и педагогических наук, переводческому делу, межкультурной коммуникации, востоковедения, международных отношений, международного права и экономических отношений, регионоведения, менеджмента и международных коммуникаций, маркетинга, туризма.

2. Доминантная идея публикаций: следование принципам научности, инновационности, целостности и системности.

3. Статья предоставляется в бумажной и электронной форме.

Шрифт Times New Roman, кегль - 12, интервал - 1, поля: верхнее и нижнее - 2 см, левое - 3 см, правое - 1,5 см. Абзац (отступ) – 1 см.

4. Принимаются статьи от 5 до 16 страниц (1 п. л.), включая таблицы, рисунки.

Структура статьи:

1) в левом верхнем углу – шифр УДК;

2) автор (в правом верхнем углу, фамилия полностью, имя, отчество – инициалы, с указанием должности, ученой степени, места работы);

3) название – по центру прописными буквами.

4. Текст статьи:

4.1. Резюме (Түйін, 70-80 слов, 10-12 строк, на каз. или рус. яз. в зависимости от языка статьи, в обязательном порядке - на англ.яз. / abstract),

4.2. Ключевые слова (Өзекті сөздер, Keywords – 8-10 слов).

4.3. Текст статьи.

4.4. Ссылки на использованную литературу (Қолданылған әдебиет тізімі, список использованной литературы, references) Ссылки на использованную литературу даются цифрами в прямых скобках по мере упоминания [1, с.15]. Постраничные сноски не допускаются.

5. Список использованной литературы (не менее 5 наименований), в котором указывается литература за последние 5-7 лет.

1. Кунанбаева С.С. Реализация культурного проекта «Триединство языков в Республике Казахстан // Известия КазУМОиМЯ им. Абылай хана. Сер. «Филология». - 2012. - № 1.- С. 3-9.

2. Усубалиева С.Ж. Экологический менеджмент: уч.пособие. – Алматы: Экономика, 2011. – 128 с.

7. Urbain C., Bissot H. Cuisines en partage. Le plov dans tous ses états. Constitution d'une diaspora autour d'un plat d'Asie centrale // Diasporas. – 2005. – N° 7. [электронный ресурс] – Режим доступа – URL: http://w3.framespa.univ-tlse2.fr/revue/articles_fiche.php?id=335 (дата обращения 31.07.2012).

Таблицы, схемы, графики и т.д.

Создаются средствами Microsoft Word, нумеруются, снабжаются заголовками и вставляются в текст сразу после ссылки на них. Графики и диаграммы создаются средствами

Microsoft Excel, снабжаются заголовками, соответствующими подрисуночными подписями и вставляются в текст сразу после ссылки на них.

Фотографии (изображения), иллюстрации представляются в формате JPEG (jpg), разрешение не менее 300 пикселей, и предоставляются отдельными файлами. К каждому изображению обязателен заголовок (сопроводительный текст, аннотация).

РНН 600700016904

СОДЕРЖАНИЕ

Кунанбаева С. С.	Предисловие.....	3
Кунанбаева С. С.	Теория межкультурной коммуникации как реализационная концептуально-практическая платформа современной парадигмы иноязычного образования.....	4
Кульгильдинова Т.А.	«Обучение аргументативному дискурсу студентов на уроках языка».....	9
Әлметова Ә. С.	Этникалық діл және ұлттық тіл.....	15
Ахметжанова З.К.	Язык и культура: национальная концептология.....	22
Абдрахманова Ж.	Автордың прагматикалық мақсаты негізінде туындаған тосын тіркестер.....	27
Ахатова Б.А.	Имидж страны: межличностная коммуникация.....	31
Ахметова Н.А.	Межкультурная коммуникация: встреча Средней и Восточной Азии.....	36
Бердичевский А.Л.	Современные альтернативные технологии в обучении иностранному языку.....	41
Oleksandr Bilous,		
Richard J. Brunner	Macht durch sprache – macht und ohnmacht des wortes....	44
Джамбаева Ж.А.	Языковое сознание билингва: пути исследования.....	56
Егізбаева Н.	Кейбір тіл арты дыбыстарының морфонологиялық алмасуы.....	61
Есенова Қ.Ө.	Тілдік білім беру саласындағы озық тәжірибелер.....	65
Какжанова Ф.А.,	Қазақ және ағылшын тілдеріндегі тұйық	
Темирханова Ж.Е.	етістіктің мәні, формалары мен функциялары.....	70
Жакупова А.Д.,	К вопросу описания языковых особенностей	
Газдиева Б.А.,	казахской диаспоры в Польше.....	74
Сағындыкова Ж.О.,		
Фаткиева Г.Т.		
Жакупова А.Д.,	Социо-культурные аспекты формирования и развития	
Газдиева Б.А.,	казахской диаспоры в Польше.....	80
Сағындыкова Ж.О.,		
Фаткиева Г.Т.		
Салқынбай А.Б.	Атаудың жүйелілігі мен негізділігі.....	85
Катыкбаева М.Б.	Динамика функционирования устойчивых сравнений в английском языке.....	90
Людина О.Е.	Современность классика – Виктор Гюго.....	93
Нестерик Э.В.,	Роль грамматического времени в создании субъектив- ного восприятия времени персонажами.....	104
Махметова А.Т.		
Аширова А.Т.	Студенттердің сөздік қорын байытуда мәтінмен жұмыстың алатын орны	111
Мекебаева Л.А.,	Қазақ повесіндегі заман шындығы мен суреткерлік	
Нұрғазина А.Ө.	ізденіс.....	114
Рамазанова Ш.Ә.,		
Иманқұлова С.М.	Табиғат пен акынның үйлесімділігі.....	119

Б.Рысбай	Грамматиканың теориялық мәселелері.....	124
Сағындыкова Ж.О.	Механизмы идентификации английских, русских и казахских неологизмов	127
Сейденова С.Д.	Эволюция психологизма в прозе Дулата Исабекова.....	131
Беликова О.В., Абрамович Е.А.	Использование эвфемизмов группы "doublespeak" как средства манипулятивного воздействия в рамках общественной идеологии.....	135
Ehm T.V., Temirbulatova A. K., Zharkynbay T. B.	The problem of "language personality" in the context of linguistics.....	140
Серебрякова Н.П.	Проблемы мифологии в языковой картине мира.....	145
Аманбаева Ю.К., Туребекова Р.С.	Проблемная речевая ситуация на занятиях по русскому языку	150
Сансызбаева С.К.	Язык и мифологическое сознание.....	154
Сегизбаева К.К.	Арабские и персидские элементы в летописи «Жами ат-тауарих» Кадыргали Жалаири.....	159
Токшылықова Г.	Манастанудың жарқын белесі – марғұлан зерттеулері.....	163
Федорова Л.И.	Проблема межкультурной коммуникации в изучении русского языка как неродного.....	169
Бегеналиева Д.А.	Ритуалы, связанные с рождением ребенка в Казахстане и Англии.....	172
Мауленова Е.М. Оңталапқызы Г., Сарсенова Ж.Б.	Неміс тіліндегі «HEIMAT» ЖӘНЕ «VATERLANDS» компоненттерімен берілетін композиттер.....	174
	Образ волка в произведениях «Коксерек» М.Ауэзова и «Белый клык» Д.Лондона с точки зрения национальной культурной ценности.....	178
Алиева Қ. Т.	Қазақ және итальян мақал-мәтелдеріндегі әйел концепті.....	181
Фот Л.В.	Вопросу изучения семантического своеобразия глаголов.....	184
Ешенгазина С.А.	Содержание и формы самостоятельной работы студентов в техническом вузе.....	189
L. A. Smirnova	A text-based discovery approach to teaching grammar.....	195
Қарабаева Х.Ә.	А. Байтұрсынұлының ұлы миссиясы.....	198